

РУССКИЙ ≡
≡ **КОРПУС**

1941—1945

Командующий Русским Корпусом
и Председатель Союза чинов Русского Корпуса
Полковник (оберст) Анатолий Иванович Рогожин

Русский Корпус

НА БАЛКАНАХ ВО ВРЕМЯ II ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

1941-1945 г. г.

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК И СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ
СОРАТНИКОВ**

под редакцией Д. П. Вертепова

**Издательство
«НАШИ ВЕСТИ»
Нью Йорк, 1963**

Нагрудный знак Русского Корпуса

Printed by: All-Slavic Publishing House, Inc.
46 Grt Jones St., New York 12, N. Y.

Русский Корпус — явление единственное и беспримерное! Нигде и никогда не было случая, чтобы после 20 лет эмиграции, люди, на чужой территории, доблестно сражались, хотя и в чужих мундирах, за свои возвышенные патриотические цели.

Эта книга — не история Корпуса, т. к. для нее историческая перспектива еще не наступила.

Цель книги скромна — хронологическим перечнем событий, документальными данными и бесхитростными, не претендующими на литературные достоинства, но правдивыми, очерками участников славной эпопеи Корпуса, — дать наиболее верное понятие — что собой представлял Русский Корпус и как он прожил четыре года своего существования.

В то же время, пусть эта книга явится венком на безвестные могилы русских героев, павших на поле брани в рядах Русского Корпуса за мечту увидеть Родину освобожденной от ига коммунистов.

ЧАСТЬ 1-я

- 12 сентября 1941 г. — Отдельный Русский Корпус
- 2 октября 1941 г. — Русский Охранный Корпус
- 18 ноября 1941 г. — Русская Охранная Группа
- 30 ноября 1942 г. — Русский Охранный Корпус
(Вермахт)
- 10 октября 1944 г. — Русский Корпус в Сербии
- 31 декабря 1944 г. — Русский Корпус
- 1 ноября 1945 г. — Союз б. чинов Рус. Корпуса

Во имя Родины...

После того, как во время I-ой Великой войны 1914-18 г.г. в России произошла революция, а затем в октябре 1917 г. власть была захвачена большевиками, национальные круги России, русское офицерство и казачество начали борьбу с ними.

Эта борьба, под именем «Белого Движения», сначала во главе с ген. Корниловым, затем ген. Деникиным и, наконец, с ген. Врангелем, на юге России продолжалась три года. Не выдержав натиска превосходных сил красных, Русская Армия, не поддержанная союзниками, 1 ноября 1920 года оставила пределы России и ушла в изгнание, т.к. ей грозила немедленная жестокая расправа большевиков.

Армада в 166 судов с 135.000 воинских чинов и гражданских лиц отплыла в Константинополь.

В своем последнем приказе ген. Врангель говорил, что с оставлением армией родной земли, борьба не окончилась, она лишь приняла новые формы. Эта борьба продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока не падет ненавистная русскому народу власть.

Принятая под покровительство Франции, армия, через две недели была выгружена в Галлиполи, на Лемносе и в Чаталдже, после чего флот ушел в Бизерту.

После длительных хлопот ген. Врангеля, армия в 1921 г. была принята на жительство в славянские страны. В Югославию были направлены кавалерийская и кубанская дивизии, а в Болгарию — пехота и донские казаки. Одни части посту-

пили на службу в пограничную стражу, другие стали на работы; кадетские корпуса и военные училища возобновили прерванные занятия. Многие молодые люди были командированы для получения высшего образования в Бельгию, Австрию, Германию и Чехословакию, о чем особенно заботился сам Главнокомандующий. Вокруг армии началась консолидация русских национальных сил и развивалась большая национальная работа.

В 1924 году, в соответствии с требованиями жизни, ген. Врангель преобразовал Русскую армию в Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), с ним во главе, и отдал приказ о своем подчинении Вел. Князю Николаю Николаевичу.

К этому времени армия уже окончательно реорганизовалась. Стали на ноги военные организации, открыты и работали различные курсы для поднятия общего и специального военного образования: Высшие военно-научные курсы ген. Головина в Париже и в Белграде, военно-училищные, унтер-офицерские, артиллерийские, технические по различным отраслям и т.п. Но работой в эмиграции не ограничивалась деятельность генералов Врангеля и Кутепова — большая работа велась и в России. В этой работе проявили мужество и жертвенность русские офицеры и молодежь, своей смертью запечатлевая содеянные ими подвиги.

Годы шли, иностранные государства, в поисках выгод, одно за другим, спешили признать советскую власть. Коронованные особы пожимали руки убийцам своих родственников, а президенты-либералы, демократы, социалисты и дельцы миллионеры распластывались перед диктаторами-террористами, наперебой предлагая им свою помощь и неограниченные кредиты.

Советская власть крепла и, при их помощи, ковала цепи для русского народа и оружие для будущей расправы со своими благодетелями.

Единственным активным врагом советской власти оставалось русское зарубежье и против него обращается СССР всеми своими силами.

Так, не говоря уже о других жертвах — в Болгарии из-за

угла был убит ген. Покровский, 25 апреля 1928 г., в полном расцвете сил, умирает ген. Врангель и до сих пор не опровергнуты подозрения, что он был отравлен.

Руководство армией переходит в руки ген. Кутепова, — борьба продолжается. Но вот, 26 января 1930 г., в Париже, среди бела дня, похищен ген. Кутепов. Во главе РОВС-а стал ген. Миллер.

9 октября 1934 г., на этот раз уже на международном небосклоне, разразился первый удар грома — в Марселе от руки убийцы пал югословенский Король Александр I. За спиной убийцы стояли переплеставшиеся интересы международных темных сил, среди которых не последнее место занимали большевики.

22 сентября 1937 г., в Париже был похищен генерал Миллер. В должность председателя РОВС-а вступил ген. Архангельский.

После смерти Короля Александра на Балканах и особенно в Югославии, коммунистическое влияние стало заметно усиливаться и достигло своего апогея, когда в Белграде появилось советское посольство.

В 1939 г. началась 2-я Мировая война и дальше, вплоть до 1941 года, русская военная эмиграция оставалась безучастной и равнодушной. В своем большинстве, монархически настроенная, она никогда не видела в национал-социализме образца, могущего быть перенесенным в строительство национальной России, как не видела в начавшейся войне никаких признаков того, что она может способствовать освобождению России.

Когда в апреле 1941 г. Германия напала на Югославию, русская эмиграция полностью выполнила свой долг в отношении приютившей ее страны.

Русские эмигранты, принявшие югославянское подданство и некоторые, не принявшие, были призваны, а многие и добровольно поступили в войска. Некоторые из них погибли, другие были ранены или попали в плен и были увезены в Германию, чем отчасти и объясняется тот факт, что, когда позже, в Сербии был сформирован Русский Корпус, то в нем

чувствовался недостаток людей, именно, призывного возраста.

Начальник IV отдела Русского Обще-Воинского Союза, генерал Барбович, начальник Кубанской казачьей дивизии, генерал Зборовский, командир Гвардейского казачьего дивизиона, полковник Рогожин предоставили себя и возглавляемые ими части в распоряжение югославянского военного командования. Однако, ввиду молниеносного окончания войны, до практического использования этих предложений не дошло.

Вскоре после того, как Германия начала войну против СССР, в разных частях бывшей Югославии и особенно в Сербии, вспыхивают коммунистические восстания, направленные не столько против германского оккупатора, сколько против сербского правительства и местных властей, против всех своих потенциальных неприятелей, для захвата и удержания власти.

Положение русской эмиграции в Сербии стало буквально трагическим: расселенные мелкими группами и в одиночку, никем не защищаемые, эмигранты стали первыми объектами нападений и физического истребления для коммунистов. Только до 1 сентября 1941 г. Представительством Русской Эмиграции в Белграде было зарегистрировано больше 250 убийств коммунистами, как отдельных эмигрантов, так и поголовного уничтожения целых семей с женщинами и малолетними детьми.

В связи с увеличивавшимся экономическим кризисом и безработицей, жизнь русских в сербской провинции стала для них не только опасной, но и просто невозможной; поэтому многие из них, бросая насиженные места и всё свое имущество, стали стремиться в большие города и, главным образом, в Белград, где их жизнь была всё же в относительной безопасности.

Стоявший, в то время, во главе русской эмиграции в Сербии, генерал Скородумов, делал всё возможное для разрешения этой проблемы. Он неоднократно обращался к сербским властям, но сербский административный аппарат был раз-

рушен германской оккупацией и сербы могли только рекомендовать генералу Скородумову обратиться к германскому командованию.

Генерал Скородумов обратился в штаб германского главнокомандующего на Юго-Востоке, но немцы порекомендовали ему отдать приказ о вступлении русских эмигрантов, по месту жительства, сначала в германские воинские части, а потом — в сербскую жандармерию.

И то и другое было совершенно неприемлемо для русских, но всё же эти переговоры дали толчек для дальнейших действий в направлении осуществления давнишней мечты о получении оружия и о начале формирования русской национальной части и о продолжении прерванной борьбы за освобождение Родины.

Все мы были глубоко убеждены, что:

1. всякий лишний день и час властвования советской тирании над русским народом стоит ему мучений и жертв, убивает его душу и ведет к укреплению коммунизма во всем мире;

2. без внешнего толчка русскому народу никогда не удастся сбросить ненавистную ему власть, создавшую еще невиданную систему шпионажа, провокации, сыска и насилия;

3. таким толчком должна послужить война, начатая немцами против СССР. Первые антикоммунистические речи Хитлера и отношение русского народа и красной армии к этой войне, с первых же дней убедили нас в необходимости и своевременности попытки использовать этот шанс для освобождения Родины.

Не одни мы были склонны поверить тому, что война объявлена именно коммунизму, а не России. Так напр., Испания, независевшая от Хитлера, послала на восточный фронт «Голубую дивизию». Балтийские же государства приветствовали эту войну, предпочитая временную оккупацию немцев вечному игу коммунизма.

4. Ввязавшись в войну на два фронта, Хитлер сделал роковую ошибку, чем дальше будут немцы продвигаться в Россию, тем глубже они завязнут и никогда, ни при каких об-

стоятельствах, не смогут выйти из созданного ими самими положения без помощи русского народа. Рано или поздно, но неизбежно, им придется обратиться к нему за этой помощью и принять все поставленные им условия, иначе им грозит безусловная гибель. Таким образом, от правильности решения ими «русского вопроса» зависит не только судьба России, но и судьба Германии. Если немцы не сознают этого теперь, то должны будут осознать это в процессе борьбы;

5. мы должны подсказать немцам правильное решение и помочь его осуществлению. Это наш долг. Наш долг быть в эту минуту с русским народом и положить основание созданию российской национальной вооруженной силы.

Продолжая переговоры с германским военным командованием о возможности формирования самостоятельной русской части, генерал Скородумов представил немцам следующие условия, на которых такая часть могла бы быть сформирована:

1. Только один командир Корпуса подчиняется германскому командованию. Все части и отдельные чины Корпуса подчиняются лишь командиру Корпуса, назначенному германским командованием, и начальникам, назначенным русским командиром Корпуса;

2. части Русского Корпуса не могут входить в состав германских частей, они являются совершенно самостоятельными;

3. Русский Корпус одет в старую русскую форму, матерьял для которой будет дан из старых сербских запасов;

4. чины Корпуса не приносят никакой присяги;

5. когда Корпус закончит формирование и коммунизм в Сербии будет подавлен, германское командование перебросит Корпус на восточный фронт;

6. Русский Корпус не может быть использован ни против какого либо государства, ни против сербских национальных частей генерала Дражи Михайловича.

Через несколько дней генерал Скородумов получил от начальника штаба главнокомандующего на Юго-Востоке, полковника Квиш письменный приказ о формировании. Это

было 12 сентября, в день Св. Бл. Вел. Кн. Александра Невского.

В тот же день ген. Скородумов отдал свой приказ о формировании Отдельного Русского Корпуса.

Кадром для этого формирования послужили русские офицеры, солдаты и казаки — ветераны Российской Императорской и Белых Армий, состоявшие в разных военных организациях, объединенные одним чувством долга и одним патриотическим порывом.

Уйдя в изгнание и прекратив вооруженную борьбу с большевиками 20 лет тому назад, эти люди, исключительно благодаря своим знаниям, способностям, добросовестности и трудоспособности, быстро завоевали доверие и уважение местных властей и населения, создали себе спокойную и обеспеченную жизнь, а многие и солидное общественное положение, но непримиримость их к коммунистическому мировоззрению и режиму была неизменна.

Несмотря на свой возраст (среди поступивших в Корпус было несколько человек старше 70 лет) и увечья, эти люди, повинаясь только велению своего долга перед родиной, совершенно сознательно и добровольно, вступали в ряды Корпуса, бросая свои семьи, службу и работу и всё свое имущество. Бывшие офицеры и генералы вступали рядовыми, ничего не требуя для себя, зная на что они идут, понимая, как мало у них шансов на успех, но считая своим моральным долгом не упустить одного, представившегося им для спасения родины. Многие из них читали «Майн Кампф» и отлично знали истинные цели и намерения «Фюрера» в отношении России. Они верили в Россию и ее светлое будущее, не допускали мысли о возможности завоевания России Германией и мирились даже с временной победой Германии, считая большевизм-коммунизм Сталина более опасным. Поэтому, — «хоть с чертом, но против врага № 1!»

Особую жертвенность проявили старые офицеры, принужденные в течение всей службы в Корпусе, из-за недостатка командных должностей, служить, в лучшем случае, унтер-офицерами. Безропотно тянули они тяжелую лямку рядового

бойца, показывая пример исполнения своего патриотического долга. Честь им и слава!

Вместе со своими отцами, а иногда и дедами, в Корпус шла и молодежь — б. студенты, кадеты и гимназисты, сплошь и рядом родившиеся за границей и не видавшие своей родины, но воспитанные в патриотическом духе и горевшие желанием исполнить свой долг. Многие из этой героической молодежи своей жизнью запечатали свою преданность Родине.

Вскоре в Корпус стали прибывать добровольцы из Венгрии, Болгарии, Греции и одиночки из других стран.

Сразу же по окончании формирования, а иногда еще не закончив такого и не успев пройти военного обучения, части Корпуса отправлялись в угрожаемые коммунистами районы, где, в большинстве случаев, при отсутствии средств связи, часто в состоянии полной отрезанности, были разбросаны мелкими гарнизонами и караулами, которые доблестно и самоотверженно несли службу охраны объектов, необходимых не столько для германской армии, сколько для нормальной и мирной жизни населения.

К тому же, с первых же дней формирования, стала ясной вся сложность и трудность обстановки и началась глухая борьба с немецкой партийной идеологией и отдельными германскими начальниками из партийцев, которые стремились подчинить себе Русский Корпус и использовать его в своих целях.

В первые же дни эта борьба привела к смещению и аресту генерала Скородумова, замене его ген. Штейфоном и подчинению Корпуса германскому хозяйственному управлению в Сербии, во главе которого стоял группенфюрер Нейхаузен, а Русский Корпус был переименован в «Русскую Охранную Группу».

В дальнейшем эта борьба продолжалась в течение всего существования Корпуса, временами обостряясь до степени, когда возникала прямая угроза его существованию.

Много силы воли, настойчивости и такта потребовала эта борьба от командира Корпуса, чинов его штаба и командиров строевых частей. Но все части и подразделения Корпуса,

невзирая ни на что, продолжали нести свою службу, заслуживая всё более лестную оценку германского военного командования, в результате чего, 30 ноября 1942 г., Русская Охранная Группа была снова переименована в «Русский Охранный Корпус», подчинена германскому военному командованию и зачислена в состав Вермахта.

Вскоре в штабе Корпуса были получены сведения, что в ближайшее время Корпус получит пополнение в 12 тысяч человек и будет развернут, но в действительности было получено всего 200 человек военнопленных с русского фронта и было приказано выделить вербовочные комиссии для вербовки добровольцев в Бессарабии и в районе Одессы. Комиссии были посланы и блестяще справились со своей задачей: Корпус получил пополнение около 5000 человек, из которых, на основе кадров, выделенных из трех первых полков, были сформированы 4-й и 5-й полки, а также были укомплектованы до полного состава, уже понесшие большие потери первые три полка. Дальше немцы стали опять чинить препятствия работе вербовочных комиссий и приток пополнений прекратился, хотя на местах еще оставался большой контингент людей, записавшихся в Корпус добровольцами.

К этому времени, в нескольких меморандумах, последовательно поданных штабом Корпуса германскому командованию, разъяснялось и доказывалось, что:

1. ни в каком случае нельзя отождествлять коммунизм и советскую власть с русским народом, который ее не принял и не приемлет, а поэтому и не может нести ответственности за ее преступления;

2. необходимо немедленно же изменить политику в отношении России и русского народа, поставить в человеческие и даже привилегированные условия русских военнопленных, особенно добровольно перешедших чинов Красной Армии, распустить концентрационные лагеря, отменить название «осты» и т. п.

3. немедленно приступить к формированию русской национальной армии, совершенно автономной и имеющей свой самостоятельный участок фронта на Востоке;

4. возможно скорее создать русский представительный и организационный центр, с задачей скорейшего создания русского антикоммунистического правительства на освобожденной территории России.

Нужно заметить, что все эти доклады встречали полное понимание и сочувствие тех германских начальников, которым они были вручены, особенно из числа побывавших на восточном фронте, до главнокомандующего на Юго-Востоке включительно. Все эти доклады, с соответственно мотивированными заключениями, были представлены по команде и дальше терялись в политической кухне штаба «Фюрера».

Само собою разумеется, что никто не предполагал, что немцы сделают всё это из любви к России, но мы были уверены, что другого выхода у них нет и в этом мы не ошиблись, ошиблись мы лишь в том, что германское политическое руководство оказалось еще более упрямым и фанатичным, чем этого можно было ожидать и что решение о предоставлении генералу Власову широких полномочий окажется запоздавшим, но вся история Русского Корпуса, как и история Власовского «Освободительного Движения» показывает, какие колебания и борьба влияний была у немцев в русском вопросе и как близки мы были от осуществления наших идей.

Занятие осенью 1944 г. Болгарии Красной Армией и начало ее наступления в Сербию показало, что Балканы уступлены западными союзниками Сталину и, что продолжение борьбы на этом театре бесцельно, поэтому командиром Корпуса было принято решение о выводе Корпуса на север, о чем было поставлено в известность германское командование, давшее свое согласие на это движение, при условии, что Русский Корпус прикроет всё же отход германских войск из Греции и только после этого покинет порученный ему район, что и было исполнено.

В это же время генерал Штейфон посетил генерала Власова и заявил ему о своей готовности безоговорочно ему подчиниться.

К этому времени, командир Корпуса, соответственно тре-

бованиям самой жизни, помимо своих прямых обязанностей, стал еще единственным представителем и защитником всей русской эмиграции в Югославии, т.к. постепенно значение всех остальных ее органов было сведено к нулю.

30 апреля 1945 г. скоропостижно скончался командир Корпуса генерал Штейфон и в командование Корпусом вступил командир 5-го полка, полковник Рогожин.

При существовавшей во время Второй Мировой Войны обстановке в Югославии, взаимном антагонизме и кровавой вражде между народностями ее населявшими: сербами, хорватами, босанцами, арнаурами, македонцами и др., разжигаемой коммунистической пропагандой, части Русского Корпуса всюду вносили порядок, законность, умиротворение и успокоение, оказывая широкую помощь населению и защищая его жизнь и имущество от покушений со стороны кого бы то ни было. Поэтому население покидаемых частями Корпуса районов всегда высказывало им свою искреннюю благодарность и сожаление, так как, вместе с ними, уходило право, порядок и безопасность.

Особое человеколюбие и активность проявили части 1-го полка, расположенные по р. Дрине, по спасению сербского населения от преследования и уничтожения его хорватскими «уштами» *

В течение лета 1942 г. переброшено через р. Дрину и спасено от верной смерти около 10-12 тысяч сербских православных беженцев, гонимых уштами в реку и расстреливаемых. В районе Зворника в 1943 г. спасено свыше 1.500 чел., а 400 раненым оказана медицинская помощь. В июле-августе 1944 г. перевезено через Дрину свыше 1000 сербских детей и размещено в Бане Ковиляче.

Взаимоотношения Русского Корпуса с сербским национальным правительством генерала Недича всегда оставались лояльными и корректными, а командир Корпуса постоянно поддерживал с генералом Недичем лучшие личные отношения

* В корпусном архиве хранится подробное описание многих случаев.

Русский Корпус в Сербии боролся против Тито и его коммунистических партизан. Только против них, а не против Югославии и сербского народа. Наоборот, — за Югославию, за власть Короля и за югославянский народ он боролся.

Давно уже чины Корпуса поняли, что коммунизм стал уже не только русским, но мировым, международным злом и что всё равно где против него бороться: в России ли, в Болгарии, в Испании или в Югославии.

Нашим естественным союзником была новая сербская национальная добровольческая армия, в составе пяти полков, под командой ген. Мушицкого — «льотичевцы», с которыми до самого конца войны Русский Корпус поддерживал самые добрые отношения. Хорошо одетые, дисциплинированные, прекрасно выправленные, идейные бойцы этих сербских формирований — цвет сербской интеллигенции, производили прекрасное впечатление.

Всем шкурникам из числа русских эмигрантов в Югославии, не поступившим в Корпус, якобы, из чувства «лояльности к приютившему нас народу», эти добровольческие полки, боровшиеся против Тито, могут служить живым укором. Что же? Они тоже шли против своего народа?

Части Русского Корпуса никогда не вели никаких неприятельских действий против четников генерала Дражи Михайловича а, наоборот, всегда были готовы оказать им любую помощь и содействие, хотя сам генерал, в первое время, не понимал наших побуждений и избегал сношений с командиром и частями Русского Корпуса. Но, вскоре, и он понял, что нашим общим главным смертельным врагом являются коммунисты во главе с Тито.

Эти четнические отряды воевали то против немцев, то вместе с немцами, частями Русского Корпуса, «льотичевцами», против красных партизан Тито, то, вдруг, нападали на «льотичевцев» или на слабые части Русского Корпуса, к которым они постоянно обращались за помощью, главным образом, огнеприпасами и никогда не получали отказа.

Части Русского Корпуса никогда на четников не нападали, но, действуя совместно, всегда должны были быть начеку и держать ухо востро.

Значительно позже формирования Русского Корпуса в Сербии, на Востоке развивались события такой же Белой борьбы, известные под именем «Освободительного Движения генерала Власова», протекавшие в таких же условиях и не увенчавшиеся успехом по той же причине.

Об этом уже было и еще будет много написано и всем критикам и хулителям Русского Корпуса не мешает подумать о том -- какое позорное пятно легло бы на всю русскую эмиграцию, в течение 20 лет твердившую о своей непримиримости к коммунизму и советской власти, а тогда, когда действительно представилась возможность борьбы с ней и появилась конкретная надежда на освобождение родины, -- осталась пассивной, ожидая, что кто-то другой откроет ей путь на родину.

А всем, не рисковавшим своею собственной особой, но печалующихся о «напрасных» потерях Русского Корпуса, надлежит подумать о том, не грозил ли приход советской армии в Югославию поголовной гибелью русской военной эмиграции или репатриацией, и убедиться в том, что Русский Корпус спас не только честь русской эмиграции, но и жизни тысяч людей, как ушедших в рядах Корпуса и с Корпусом, так и всех, заблаговременно эвакуировавшихся только под прикрытием Корпуса и его командира, добившегося для них этой возможности.

Формирование Корпуса не было политической ошибкой. Корпус был создан и вел борьбу с коммунизмом, хотя и не на полях России. Ошибка была допущена не нами, а немцами. Корпус, с его огромными и ценными кадрами командного состава, следовало отправить на восточный фронт. Несомненно, что он, как снежный ком, привлек бы к себе массы русского народа, что дало бы возможность развернуть Корпус в армии.

Этого не случилось, но это несомненно произошло бы в 1944 году, правда, уже с меньшими шансами на успех, если бы удалось покушение на Хитлера.

Жертвы Корпуса, так же как и прежние жертвы на фронтах в России и Испании, были принесены только за **Россию**.

Д. Ковалевский

ОРГАНИЗАЦИЯ

К середине 1944 года, во время своего наибольшего расцвета. Корпус имел следующий состав:

Штаб Корпуса в составе отделений: I-а (оперативное), I-б (снабжение), I-ц (разведывательное), II-а (адъютантура) и следующих служб: интендантство (IV-а), санитарная (IV-б), ветеринарная (IV-ц), связи, автомобильная, Ц В. О. (противовоздушная оборона) и комендант штаба.

При штабе Корпуса находился батальон «Белград» в составе рот: запасной, караульной, транспортной и снабжения, а также отдельные роты: связи и ветеринарная.

Для обслуживания духовных нужд чинов Корпуса, при Штабе Корпуса был корпусной, а в полках — полковые священники и церкви.

Санитарная часть находилась в руках корпусного врача. Для лечения больных и раненых чинов Корпуса, было два лазарета: в Белграде и Шабце с врачами и сестрами милосердия. В строевых частях были полковые и батальонные врачи и ротные фельдшера с соответственными околотками и персоналом.

Ветеринарную службу возглавлял корпусной ветеринар, а в полках были полковые и батальонные ветеринары.

Пять полков трех-батальонного состава с отдельными взводами: артиллерийский, ПАК (противотанковые орудия), саперный, конный и связи (в 1-м и 4-м полках еще — музыкантский).

Батальоны состояли из трех стрелковых рот и взвода тяжелого оружия (впоследствии в 4 и 5 полку была сформирована артиллерийская рота, а в 5-м, кроме того, — рота ПАК и в каждом батальоне — роты тяжелого оружия).

Роты имели по три взвода, взвод — три отделения, Всего в полку 2183 чина (в 1-м и 4-м — 2211).

Германский персонал. При Штабе Корпуса существовал «Германский Штаб Связи, а в строевых частях — полковые и батальонные офицеры связи и ротные инструктора. При штабе связи был «Отдел Семейных Пособий», регулярно часть жалования чина Корпуса выдававший его семье. Кроме того, в руках германского персонала военных чиновников и унтер-офицеров, находились все хозяйственные учреждения подразделений Корпуса.

ВООРУЖЕНИЕ

Части Русского Корпуса были снабжены следующими видами оружия: **Стрелковые роты:** 1) Югославские (Маузер) и итальянские винтовки.

2) Легкие пулеметы «Зброевка», «Шоша» и итальянские.

3) Легкие бомбометы.

4) Ручные гранаты разных систем: немецкие, сербские и итальянские.

Взводы тяжелого оружия. 1) По 4 тяжелых пулемета «Максим», «Шварцлезе», «Виккерс» и итальянские.

2) По 4 тяжелых гранатомета (миномета, бомбомета) 8 см. «Шкода» и итальянские.

Артиллерийские взводы 1-го, 2-го и 3-го полков — по 2 сербских полевых пушки 75 мм. системы Шнейдера.

4-го и 5-го полков — по 2 итальянских горных пушки.

Взводы «ПАК». По 2 или 3 пушки 37 мм. «Шкода».

Револьверы. Первоначально доставались самостоятельно личной инициативой, были самых различных систем и имели преимущественно лишь у офицеров. В 44 году появились казенные «Штейер» для унт.-офицеров и более легкие итальянские для офицеров.

Автоматы. Казенные впервые были выданы осенью 1944 г. (немецкие М. Р.) в очень небольшом количестве. Число их постепенно росло за счет трофеев.

Как нас вооружали немцы

При формировании 1-го полка мы получили винтовки Маузера и ручные пулеметы «Зброевка», очень высокого качества.

С переходом 1-го б-на во 2-ой полк, пулеметы «Зброевка» нам заменили пулеметом «Шоша». Более неудачного пулемета встречать не приходилось — тяжел, неудобен, имел сильную отдачу, плохую точность стрельбы и были очень капризны — «хочу — стреляю, хочу — нет». После наших хлопот, этот пулемет заменили итальянским, хорошего качества.

Когда начал формироваться 4-й полк, то на вооружение этого полка были получены итальянские карабины весьма плохого качества. Они были коротки, с привинченным штыком, легки и простой конструкции, но бой их был всего лишь на 500 шагов. Кроме того, точность боя была такова, что для того, чтобы попасть в мишень, надо было целиться на два-три метра ниже ее. В половине 1944 года получили более длинные итальянские винтовки, но также плохого качества, а потому скоро заменили их Маузером.

Пистолетов для пуска ракет было получено всего лишь один на роеу, а автоматов не было ни одного. Уже в конце 1944 г. удалось отобрать у партизан советский автомат «Дегтяревку» и один немецкий. Очень хороши были легкие бомбометы — удобны для переноски и с точным боем.

А, Невзоров...

Артиллерия

Не желая сделать Русский Корпус боеспособным, германское командование, несмотря на наличие в его рядах большого кадра опытных артиллеристов, формирование дивизионной артиллерии не предвидело, а снабжение материальной частью производилось «хозяйственным способом, без расходов от казны».

Полученные пушки Шнейдера, неплохие в полевой войне, не годились в условиях горной, а всё имущество было в плачевном состоянии и требовало капитального ремонта своими силами, пользуясь подручным материалом. Ни необходимых приборов, ни даже таблиц стрельбы дано не было и всё вырабатывалось на практике. Складов боеприпасов при Корпусе не было и убыль снарядов почти исключительно пополнялась взятым и противника.

Пушки взводов ПАК были хороши против пулеметных гнезд и броневых автомобилей, но для борьбы с танками они, конечно, не годились.

С. Гулевич

КРАТКИЙ ОЧЕРК ДЕЙСТВИЙ КОРПУСА

По характеру боевых действий историю Корпуса можно разделить на три периода:

1) с осени 41 до весны 44 г. — период охранной службы, когда полки Корпуса, занимая определенные районы, обеспечивали от посягательств партизан порученные им объекты и общий порядок в этих районах;

2) с весны 44 до сентября 44 г. — период активной борьбы с партизанами Тито, когда в связи с усилением партизанщины на Балканах, в Сербию проникли крупные титовские банды из Хорватии и Болгарии, и части Корпуса, не ограничиваясь непосредственной защитой своих районов, приняли активное участие в борьбе с ними; и

3) с сентября 44 г. до окончания войны — период фронтовой боевой службы, когда, после внезапной капитуляции Румынии и Болгарии, частям Корпуса пришлось принять на себя удар вторгнувшихся в Сербию советских и болгарских дивизий и в дальнейшем, не выходя более из фронтовой полосы, вести борьбу уже не только с партизанами, но и с частями Красной Армии, с болгарскими и с регулярными войсками Тито.

Не имея возможности задержаться на первом и втором периоде, приведу лишь две выдержки из приказов Главкомандующего Юго-Востока, интересные, как оценки, данные Корпусу чужим иностранным генералом:

1. «Объявляю мою особую благодарность за проявленные при защите долины Ибра с 3 по 5 августа храбрость и стойкость участвовавшим в деле частям 5-го полка, равно как и командам бункеров 3 полка Р. О. К-са. С примерной верностью своему долгу эти отряды исполнили свое назначение и устояли против сильнейшего, превосходящего числом противника, отстояв сооружения и нанеся коммунистам большой кровавый урон. Команды некоторых бункеров, расстреляв все патроны до последнего, взорвались на воздух. Слава этим героям! Фельбер. — ген от инфантерии».

2. «Русский Охр. Корпус празднует сегодня трехлетие своего существования. Когда три года тому назад, его бойцы взялись за оружие, — это означало для них осуществление их идеала, борьбы против большевизма, — идеала, ставшего руководящим содержанием их жизни, после оставления ими России. В рядах Корпуса сейчас сражаются и люди знающие Сов. Россию, молодые солдаты, которые так же храбро борются против коммунистической системы каторжного государства.

Достижения Русского Корпуса с его основания достойны традиций тех славных полков, в которых многие его чины в свое время служили. Бон у Лозницы, на Дрине, у Бел. Камня, Вальева и в долине Ибра являются славными делами, которые будут вспоминаться всегда, когда будет речь о Русском Корпусе... Фельбер — ген. от инфантерии».

Внезапная капитуляция Румынии и Болгарии коренным образом изменила обстановку в Сербии. В течении нескольких дней фронт, бывший у Прута и Серета, оказался у Железных Ворот. В это время главные силы германского Балканского фронта были далеко на юге в Греции, и частям Корпуса, совместно с отдельными немецкими частями, пришлось принять на себя натиск наступающих советских и болгарских дивизий. Неравенство вооружения, многократное численное превосходство врага, наводнившие всю страну партизаны, измены и предательства начавших переходить на сторону врага союзных сербских правительственных частей и отрядов Дражи Михайловича — всё это создавало чрезвычайно тяжелую обстановку для разбросанных далеко друг от друга батальонов Корпуса. Несмотря на это они не только отбивались, не только брали пленных, но и наносили чувствительные удары противнику, как напр. под Д. Милановцем, где советский 169-й полк бежал с поля боя, или под Чачком, где была взята советская батарея.

Особенно тяжело пришлось батальонам, находившимся у границы; 3 из них попали в окружение, при прорыве из ко-

торого легли четыре пятых их общего состава. 1-й полк и бат. 2-го полка отходили на сев. берег р. Савы, и затем получили задание удерживать предместное укрепление у Брчко — важный пункт на пути дальнейшего отхода «греческой» армии, в то время как остальные части К-са отходили к линии Кос. Митровица — Кральево, Чачак, которую надо было удержать во что бы то ни стало, т.к. она прикрывала последнюю оставшуюся этой армии возможность отхода из Греции через ю. Сербию и Боснию. В двухмесячных тяжелых боях эта задача была выполнена, но К-с заплатил за это огромными потерями.

В признании заслуг К-са, приказом Главной Квартиры из его названия было вычеркнуто слово «Охранный», оставшееся как пережиток тенденций партийных кругов, все несоответствие которого Корпус доказал своей боевой работой.

Следующим этапом был зимний переход через дикие босанские горы, своей суровой обстановкой воскресивший в воспоминаниях пожилых чинов К-са первый Ледяной Поход и обошедшийся участвовавшим в нем полкам в более чем 500 обмороженных или надорвавшихся чинов, помимо боевых потерь.

Вся Южная Группа Корпуса была сведена в 2 полка — 4-й и 5-й и вместо отдыха двинута для овладения г. Травником — крупным партизанским центром, угрожавшим единственной жел. дор. линии, соединявшей Сараево с долиной р. Савы.

Первое декабрьское наступление захлебнулось из-за недостатка артиллерийских средств, по получении которых, вторым январским наступлением Травник был взят.

Пользуясь наступившим затишьем, к-р К-са уехал в Германию и, явившись ген. Власову, предоставил Корпус в его распоряжение, и, по словам последнего, был единственным генералом, который подчинился ему, не ставя никаких предварительных условий. Но все попытки ген. Власова добиться переброски К-са в Германию, не имели успеха, т.к. немецкое командование из-за полного отсутствия резервов отказыва-

лось снять К-с с фронта. И в это время, когда формирующаяся РОА испытывала острый недостаток командного состава, переполненные им части К-са продолжали таять в кровавых боях под Травником и Брчко.

Желая вернуть Травник, Тито направил туда 20-тысячный Далматинский Корпус, только что сформированный на Приморье, прекрасно экипированный англичанами и обученный советскими инструкторами. Наша разведка обнаружила готовящееся наступление, но парировать его было нечем, т.к. наши силы в этом районе вместе с немецкими и хорватскими частями не превышали 7-8 тысяч. В течение недели 4-ый и 5-ый полки удерживали свои позиции по несколько раз переходившие из рук в руки, но, после прорыва противника на участке хорватов и немцев, вынуждены были начать отход, и с тяжелыми боями вырваться из окружения. Памятные всем чинам К-са Гучья Гора и Бусовача были наиболее тяжелыми и наиболее славными моментами этого отхода и являются самыми яркими страницами в истории 4-го и 5-го полков Корпуса.

В середине апреля, когда уже пала Вена, а в Хорватии фронт перешел на ю. берег реки Дравы, грозя перерезать оставшийся узкий коридор, 4 и 5 полки начали перекатами отходить на север, чередуясь с ариергардными немецкими частями и, перейдя р. Саву, соединились с 1 и 2 полками, подошедшими от Брчко. Впервые за всё время Корпус оказался собранным в один кулак.

При проходе через Загреб, умер к-р К-са ген. Штейфон, и в командование вступил полк. Рогожин.

Приказ о капитуляции Германии застал К-с в Словении на позициях около г. Любляны. Полк. Рогожин решительно заявил, что Русский Корпус ни при каких условиях не сдаст оружия коммунистам, а будет пробиваться в Австрию к англичанам.

Начался последний этап — движение через Караванки. В это время Корпус был единственной частью, вполне сохранившей свою боеспособность. Когда стало известно, что ведущий через Караванки туннель занят противником, то не-

мецкий начальник вызвал вперед 4-ый и 5-ый полки Русского Корпуса.

12 мая 45 г. через четыре дня после общей капитуляции, Корпус, под Клагенфуртом сдал оружие англичанам. Вот выписка из приказа немецкого начальника группы: «Солдаты всех частей вооруженных сил, союзные товарищи Русского Корпуса, особ. полка Варяг, сербских и словенских национальных соединений! Большое походное движение из района Любляны к Клагенфурту окончено. Для всех участников это представляет подвиг и почетный конец войны и, что самое главное, спасение от большевизма...

...Я особенно благодарю к-ра Рус. К-са полк. Рогожина, который с лучшей дисциплиной провел свой Корпус через перевал».

И из приказа по Корпусу: «Я со своей стороны обращаюсь к вам, мои соратники! Мы со спокойной совестью и гордо можем сказать, что полностью исполнили свой долг честного русского солдата. Английские командиры с уважением отнеслись к чинам нашего К-са, т.к. мы не сдали нашего оружия тем, против кого мы его подняли — нашему врагу большевикам. С верой в лучшее будущее, будем ждать того момента, когда Господь поможет нам довести борьбу за освобождение нашей Родины до победы. Полковник Рогожин».

Так был закончен боевой путь К-са. В течение 4 лет своей службы он с честью выполнил все поставленные ему задачи в борьбе с противником, начиная с 44 г. превосходившим его числом и вооружением, и, несмотря на бессменную работу и огромные потери, до конца сохранил боевую дисциплину и волю к борьбе с красным врагом. В июне 44 г. в нем оставалось около 12.000 чел., а в мае 45 г. — 3.500. 70 проц. потерь были той жертвой, которую Корпус принес во имя исполнения долга перед Россией.

В. Гранитов

ОБУЧЕНИЕ

Весь внутренний уклад жизни и обучение велись по старым уставам русской императорской армии. Однако, в связи с изменением тактики ве-

дня боя, вскоре перешли на уставы красной армии, а в 1943 году вошли в силу немецкие уставы.

С целью дать молодежи, вступившей в Корпус, военное образование и воспитание, она была сведена в юнкерский батальон, а впоследствии создавались отдельные юнкерские взводы и роты. (См. очерк «Военно-учебная часть»).

В дальнейшем в Корпусе были проведены курсы командного состава: к-ров батальонов, к-ров рот, а также военно-училищные курсы, давшие пять выпусков лейтенантов.

Кроме того, в разное время в Корпусе функционировали различные специальные курсы, как-то: школа верховой и упряжной езды, противовоздушной и противохимической обороны, оружейных мастеров и капитанармусов, радио-телеграфные, санитарные, поварские и т. п., а в полках — учебные команды для подготовки унтер-офицеров.

Военно-учебная часть

Командир Корпуса, ген. Штейфон обладал недюжинными организаторскими способностями. Проявил он их еще за 20 лет перед тем, на должности начальника штаба ген. Кутепова, в Галлиполи.

Каких только начинаний не было тогда им развернуто — для поддержания духа и тела и для расширения умственного кругозора белых воинов, только что потерявших родину.

Теперь, возглавив Корпус, он вернулся к старому, хорошо знакомому, делу.

Главное внимание было обращено на молодежь, не выдавшую родины, выросшую за рубежом.

С целью взяться за молодежь «как следует», она сразу, по прибытии на Баницу, была выделена в отдельный, юнкерский батальон.

Лично мне не довелось принять участие ни в деле формирования батальона, ни в разработке программ военно-учебной части. Осень 1941 года застала меня тяжело больным, в госпитале в Панчево. Прибыл я на Баницу лишь зимой, когда батальон уже находился на фронте.

Кроме того (хотя за мной и был стаж начальника «ударного» Корниловского военного училища в Галлиполи и в Болгарии), времена уже были не те.

Командиром Корпуса оказался, как раз, мой близкий личный друг. Слишком хорошо знал он мою горячность и мой острый, несдержанный язык, чтобы пойти на риск моего непосредственного общения с немцами на командных должностях.

Посильным моим вкладом оставалась лишь работа в тени, чисто домашняя — дело обучения и воспитания молодежи.

Первым этапом было назначение весной 1942 года преподавателем в Лозницу, в распоряжение полк. Ивановского — инспектора военно-учебной части юнкерского батальона. Вскоре однако, мне пришлось занять

его место, за получением им другой должности.

К этому времени чтение лекций юнкерам временно приостановилось из-за разбросанности батальона по-ротно. Ждали «обещанного» воссоединения батальона целиком. Но этой «надежде» осуществиться так и не привелось.

Разброска всех частей Корпуса, охранявшего от партизан (и не вполне надежных некоторых отрядов четников) важные военные и промышленные объекты, разброска эта, наоборот, росла... стала практиковаться и по-взводно...

Что было делать? «Если гора не идет к Магомету, тогда Магомет идет к горе!»

Учебный персонал превратился в «Летучего Голландца» — стал выезжать на места «рассеяния». Попутно были сокращены до минимума и программы курсов — стали «обозначенными».

В дальнейшем, даже и такое необычное «приспособление» оказалось недостаточным.

Корпус рос. Росла и разброска частей — ширилась по всей стране. В новых формированиях оказывались и новые партии молодежи. Их тоже желательно было охватить обучением.

В конечном итоге пришлось перейти почти целиком на «местные средства», т.е. на подбор преподавателей из состава самих частей.

«Разъезды» прекратились, за исключением одного лишь «н-ка военно-учебной части» и его самого ценного помощника — капитана Румянцева.

Последовавший затем переход Корпуса в «Вермахт» еще более осложнил положение.

В новых штатах Корпуса, для учебной части места не предусматривалось. Пришлось «закамуфлировать» несколько самых необходимых должностей, заняв их из строя. Незамедлили с нареканиями — жалобами «пострадавшие», обездоленные командиры...

Еще труднее было с самими занятиями — выкраиванием непредусмотренных часов, под недреманным оком связанных немцев.

Греха гань не приходится! Благоприобретенный за рубежом «реализм» сказался. Много трепки нервов и проявления беззаветной жертвенности понадобилось от преподавателей на местах, чтобы довести дело, хотя бы, до формальных — внешних результатов — выпуска новых подпоручиков.

В какой мере достигнуты были намеченные командиром Корпуса подлинные цели обучения и воспитания? Пусть судят и дают ответ те из молодежи, которым доведется прочесть этот краткий отчет.

М. Георгиевич

ФОРМА ОДЕЖДЫ

Первоначально форма одежды Корпуса имела подобие нашей формы времен I-ой Великой войны. В однобортном походном югославском мундире защитного цвета, стоячий воротник был переделан на отложной и на нем нашиты шинельные петлицы. На плечах, из того же защитного сукна были нашиты старые русские погоны, обозначавшие последний чин в русской армии, который никакого служебного значения не имел. Чины и звания, занимаемых в Корпусе должностей отмечались на петлицах, на подобие красной армии. Лейтенант имел на петлице узкую серебряную полоску, обер-лейтенант — с одной, а хауптман — с двумя квадратными звездочками. Майор — две серебряные полоски, оберст-лейтенант — с одной, а оберст — с двумя звездочками. У генерала была золотая полоска, красный генеральский лампас и шинель на красной подкладке

Звания остальных чинов обозначались соответствующим количеством углов из той же серебряной тесьмы, нашитых на рукаве, выше локтя.

Головные уборы: пилотка, фуражка русского образца и шлем с белым ополченским крестом.

За недостатком этого обмундирования, вновь формируемые части одевались в темно-коричневую форму, построенную собственным попечением. С переходом в Вермахт, Корпус был одет в новое германское обмундирование и все русские отличия были упразднены. Цвет рода оружия: светло-зеленый (санит. персонал — васильково-голубой, а ветеринарн. — малиновый).

Е. Янковский

КОМАНДИРЫ РУССКОГО КОРПУСА

Трудно описать энтузиазм, охвативший русскую эмиграцию после опубликования приказа о формировании Русского Корпуса, и с первого же дня широкая река добровольцев потекла на сборные пункты.

В Русском Корпусе русские люди видели тот маленький комочек снега, который, раз придя в движение, превратится постепенно в грозную лавину, назначение которой, с помощью немцев, осуществить то, что не удалось в 1918-20 годах с помощью союзников.

И вдруг из чистого неба ударил гром! Творец Русского Корпуса, ген. Скородумов сменен с поста и заменен ген. Штейфоном.

Чины Корпуса находились в полном недоумении... что собственно, произошло?... Чем вызвана эта смена?.. В то время, еще не искушенные горьким опытом, русские люди не видели преступной работы германской партийной линии, своей сумасшедшей расовой теорией погубившей впоследствии свою собственную страну. Эта партийная линия, учуя возможность превращения Русского Корпуса в грозную национальную силу, нажала на свое военное командование, и человек, сказавший: «Я поведу вас в Россию», был сменен.

Повторяю, что в те времена русские люди, никогда в Германии не жившие, поверившие словам Гитлера о борьбе против большевизма, представления не имели о размерах работы нац.-социалистических вожаков типа Розенберга и Ко.

Если толчок для создания Русского Корпуса был дан ген. Скородумовым, то вся тяжесть формирования и дальнейшего его развертывания легла на плечи ген. Штейфона.

Ген Штейфон оставался во главе Корпуса до дня своей кончины 30. 4. 1945, когда на этот пост вступил полковник Рогожин.

Ген. Штейфон упорно настаивал перед германским командованием на необходимость скорейшего развертывания Корпуса, всячески отстаивая его национальное лицо. Исключительно заслугой генерала является тот факт, что, несмотря на неоднократные покушения всё той же партийной линии, Русский Корпус был воинской частью, в которой ни один германский офицер дисциплинарной властью не пользовался и командной должности не занимал; непосредственно подчинен германскому командованию был лишь Командир Корпуса лично.

Трудно хотя бы вкратце описать ту самоотверженную и упорную работу, которую вел ген. Штейфон; его всегдашним желанием было сосредоточение всего Корпуса в один кулак, что ему удалось осуществить, увы, лишь за несколько дней до своей внезапной кончины.

Своей спокойной, но твердой линией поведения ему удалось наладить приезд добровольцев из других балканских стран, а также из Венгрии, Чехословакии и, наконец, из Рос-

Основатель и первый командир
Русского Корпуса
Ген.-майор Михаил Федорович
Скородумов

Командир Русского Корпуса
Ген.Штаба Генерал-лейтенант
Борис Александрович Штейфон

Первые добровольцы — юнкерская и пехотная роты

Нозосадский батальон

сии, что довело численный состав Корпуса летом 1944 г. до 12.000 человек.

Ген. Штейфон войдет в историю, как честный русский патриот, всего себя отдавший идее возрождения русской национальной военной силы и много сделавший в этой области, несмотря на постоянное глухое сопротивление германских партийных кругов.

Полковник Рогожин вступил в командование Корпусом после кончины ген. Штейфона и сразу был поставлен перед решением чрезвычайно тяжелых задач. В конце апреля 1945 года Корпус сосредоточился в районе Загреба, где имел короткую передышку после тяжелых арьергардных боев в Боснии и Среме. К этому времени германское отступление было в полном разгаре, и боеспособность многих немецких частей значительно упала, так что взоры высшего командования всё чаще и чаще обращались в сторону Русского Корпуса, на части которого можно было вполне положиться, несмотря на понесенные им огромные потери.

Корпус всё еще находился на территории бывшей Югославии, откуда его необходимо было увести во что бы то ни стало, т.к. о капитуляции перед красными партизанами не могло быть и речи.

Полковник Рогожин блестяще справился с этой задачей. Принимая важные решения на свою личную ответственность и твердо проводя их в жизнь, он проявил качества, столь необходимые крупному военному начальнику, каковым он в то время фактически и был, благодаря сложившейся обстановке. В результате его деятельности Корпус вышел из грозившего ему окружения и сдал оружие англичанам.

Этим далеко не закончилась деятельность полк. Рогожина.

Наступили самые трудные времена. Русские патриоты, вторично поднявшие меч для спасения мира от грозящей ему смертельной опасности в лице большевизма, на сей раз в союзе с немцами, т.к. их бывшие союзники оказались в противоположном лагере, превратились с легкой руки победите-

лей в «изменников» и «военных преступников», которым грозила выдача на расправу большевикам.

Полк. Рогожин, уже раз спасший Корпус, выведя его из окружения, проявил в этой тяжелой обстановке редкий дипломатический талант и спас его вторично от гибели.

Подводя итог пережитому, можно смело утверждать, что Русский Корпус оправдал 20-тилетнее существование русской политической эмиграции. Не будь его, старая эмиграция была бы просто толпой беженцев, которой удалось, в свое время, спастись от красного потопа бегством за границу, а не отбором идейных людей, готовых в любой момент жертвовать собой во имя спасения своей многострадальной Родины.

С. Заботкин

КОРПУСНАЯ ЮСТИЦИЯ

В феврале 1942 г. в Корпусе были учреждены должности обер-аудитора и полковых аудиторов. Обер-аудитор находился при штабе Корпуса и был «оком законности», а полковые аудиторы были полковыми следователями по делам исключительно чинов полка. В сущности, обер-аудитор являлся прокурором, он контролировал следователей, которые были непосредственно ему подчинены.

Полковые следователи были подчинены командирам полков только в строевом отношении и могли самостоятельно приступать к производству следствий, только донося об этом командирам. Командиры полков не могли вмешиваться в следственную деятельность, но на практике была полная согласованность с аудиторами.

Права командиров полков в дисциплинарных наказаниях были небольшие: рядового командир мог посадить под арест на 30 суток, а рядового, состоящего в русском офицерском звании — на 7 суток.

С переходом Корпуса в Вермахт, должности аудиторов были упразднены, но в полках прежние аудиторы продолжали нести прежние обязанности, производя не следствие, а дознание для командиров полков.

Д. Персияков

ЧАСТЬ 2-я

1941

12 сентября 1941 года, на стенах Русского Дома в Белграде, появился приказ следующего содержания:

ПРИКАЗ ОТДЕЛЬНОМУ РУССКОМУ КОРПУСУ

Белград

№ 1

12 сентября 1941

Сегодня, в день Св. Благоверного Князя Александра Невского Покровителя многострадальной Земли Российской, исполнились заветные желания русских людей начать службу своей Родине в Русской Армии

12 сего сентября мною получено распоряжение германского командования за № 1 с согласия сербских властей о призыве русской эмиграции в Сербии для формирования Отдельного Русского Корпуса

Командиром Русского Корпуса назначен я.

§ 1

На основании вышеизложенного, объявляю набор всех военно-обязанных в возрасте от 18 до 55 лет.

В первую очередь подлежат набору лица, проживающие в Белграде и его окрестностях. О дальнейших наборах будет указано дополнительно

§ 2

Военно-обязанные, подлежащие призыву, обязаны явиться к 9 час. утра в Толчидерские гвардейские казармы:

18 сентября — пехота и кавалерия

19 сентября — артиллерия и лица, не служившие в войсках (молодежь от 18 лет).

20 сентября — казаки всех войск.

21 сентября — технические войска и авиация.

§ 3.

Охраняя личные интересы каждого эмигранта, я разрешаю явиться, в первую очередь, всем желающим и свободным.

§ 4

Все, кто по какой либо причине не может прибыть на сборный пункт

для зачисления в ряды Корпуса, обязаны зарегистрироваться в дни и в порядке, указанном в § 2 в Русском Доме (Сокольня), указав причины

§ 5

Начальнику военно-санитарной части образовать пять врачебных комиссий для освидетельствования призываемых.

§ 6

Всем, прибывшим в гвардейские казармы, взять с собою, на первое время, две смены белья, постельные и умывальные принадлежности, нож, ложку и кружку.

§ 7

Все, поступившие в Корпус, будут удовлетворяться всеми видами довольствия по нормам германской армии.

§ 8

Ставки для обеспечения семей будут объявлены дополнительно.

Призываю г.г. офицеров, унтер-офицеров, урядников, солдат и казаков к выполнению своего долга, ибо ныне открывается новая страница Русской истории. От нас зависит, что будет записано на этой странице. Если возродится Русская Армия, то возродится и Россия.

С Божией помощью, при общем единодушии, и выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию.

Командир Отдельного Русского Корпуса

Генерал-майор Скородумов

Начальник Штаба

Ген.-штаба Генерал-майор Штейфон

Одновременно начальником штаба Корпуса назначен ген.-шт. ген.-майор Штейфон, а начальником общего отделения службы ген. штаба — полк Фадеев.

14 сентября ген. Скородумов за отдачу приказа о формировании именно Русского корпуса, что не соответствовало германской политике, был арестован Гестапо, но с согласия военного командования, ген. Штейфон все же продолжал формирование Корпуса.

В период времени от 13 до 17 сентября в штабе Корпуса произведены подготовительные работы для приема военно-обязанных, подлежащих призыву.

Для формирования Корпуса были отведены казармы сербской гвардии в Топчидере. Эти казармы приняла группа русской молодежи под командой подпор. Гранитова.

В назначенные приказом дни в казармы стали прибывать добровольцы. Они поступали на формирование Стрелкового полка, командиром которого, приказом от 26 сентября, назначен ген.-майор Кириенко; к-рами 6-нов: 1-го — полк. Шатилов Д. В.; 2-го — ген.-майор Зборовский, адъютантом — ген.-шт. полк. Жуков; к-рами рот: 1-ой — полк. Гордеев-Зарецкий, 2-ой — полк. Гранитов, 3-ей — полк. Тихонравов, 4-ой — полк. Скларов и 5-ой — ген.-майор Игнатъев.

Назначаемым на командные должности присваивались чины: к-ру полка — оберст, к-рам б-нов — майор и к-рам рот — хауптман.

Одновременно были назначены: прот. о. Иоанн Гандурин — корпусным священником, перомонах о. Антоний Медведев — полковым священником и д-р Мокин — полковым врачом.

К 1 октября в строю уже было 893 чина.

С первого же дня прибытия добровольцев, в казармах был установлен воинский порядок — утренние и вечерние поверки, гимнастика, строевые и тактические занятия, учебная стрельба и частые смотры, которые давали возможность разным германским начальникам убеждаться в быстроте формирования Корпуса.

Распоряжением германского управления от 2 октября Корпус переименован в «Русский Охранный Корпус», командиром которого назначен ген. шт. ген.-майор Штейфон, начальником службы ген. штаба: ген. шт. ген.-майор Гонтарев, казначеем стрелкового полка — полк. Гескет.

Согласно штатов, полученных от германского управления 8 октября, стрелковый полк переименован в Сводный. После произведенных переформирований, состав полка был следующий:

I-й юнкерский батальон — ген.-майор Егоров

1-я юнкерская рота — полк. Гордеев-Зарецкий

2-я юнкерская рота — полк. Гранитов

II-ой батальон — полк. Шатилов

3-я (стрелк.) рота — полк. Ендржеевский

4-я (техн.) рота — полк. Дудышкин

5-я (артил.) рота — ген.-майор Игнатьев

III-й батальон — ген.-майор Зборовский

6-я (впоследствии конный эскадрон) рота — полк. Тихонравов

7-я (казач.) рота — полк. Скляров

8-я (казач.) рота — полк. Головки

IV-го б-на 9-я рота — полк. Нестеренко.

В штаб Корпуса назначены: начальником военно-хозяйственного отделения — ген.-майор Глаголев, корпусным врачом — д-р Финне, корпусным ветеринаром — врач Истомирин.

16 октября сформирован IV-й б-н Сводного полка. Назначены командирами: IV-го б-на — полк. Тихонравов, 6-ой роты — ген.-майор Петровский, 10-ой роты — подполк. Пашенко. 17 октября сформирована 11-я рота ген.-майора Скворцова.

К формированию 2-го Сводного полка приступлено 18 октября. Переименованы: Сводный полк — в I-й Сводный полк; IV-й б-н 1-го Сводного полка — в I-й б-н 2-го Сводного полка; 9-я, 10-я и 11-я роты — в 1-ю, 2-ю и 3-ю роты 2-го Сводного полка.

Глава Зарубежной Русской Церкви, митрополит Анастасий, посетил с чудотворной иконой Коренной Божией Матери казармы Корпуса для

освящения походной полковой церкви. Для встречи части выстраивались во дворе казарм, с оркестром музыки.

23 октября отдано распоряжение о формировании штаба бригады. Назначены: ген. майор Киршенко — командиром бригады (генерал-майором); ген.-майор Зборовский — к-ром 1-го Св. полка; ген.шт. ген.-майор Егоров — к-ром 2-го Св. полка; ген. шт. полк. Жуков — к-ром б-на 1-го Св. полка; полк. Рогожин — к-ром III-го б-на 1-го Св. полка; ген. шт. полк. Ставрович — адъютантом бригады (хауптманом); ген.-майор Глаголев — бригадным интендантом (майором); д-р Попов Семен — полковым врачом 2-го Св. полка. Приступлено к формированию 4-й роты 2-го полка. К-р роты — полк. Попов-Кокоулин.

25 октября назначены: полк. барон Мейендорф — полковым казначеем 2 полка (хауптманом); ген. шт. полк. Краснов — адъютантом 1-го, а ген. шт. полк. Мержанов — адъютантом 2 полка — оба хауптманами. 29 октября священник о. Владимир Ульянцев — полковым священником 2 полка. 27 октября ген. шт. полк. Ивановский — инспектором классов I-го юнкерского б-на (хауптманом).

29 октября из Осека (Хорватия) прибыл Дивизион Собственного Его Величества Конвоя с хором трубачей, (См. очерк «Первый бой Русского Корпуса»).

31 октября назначены: ген.шт. ген.-майор Гонтарев — начальником штаба Корпуса (oberstom); ген. шт. полковники: Яковлев — 1-м адъют. (майором) и Фадеев — 2-м адъютантом (хауптманом); ген. шт. подполк. Голубев — нач-ком связи штаба Корпуса (майором); капитан Лобан — офицером для связи с Германским Управлением (майором).

В тот же день полки реформированы по новым штатам. Сформирована 3-я юнкерская рота; 5 арт. рота 1 полка переведена 5-ой же ротой во 2- полк; 3 стрелк. и 4 техн. роты 1 полка переименованы в 4 и 5 роты; 7 и 8 казачьи роты — в 8 и 9-ю; 7-я рота сформирована из казаков Гвардейского Дивизиона. Назначены: полк. Попов-Кокоулин — к-ром II б-на 2 полка; полк. Севрин — к-ром 4 роты 2 полка; ген.-майор Иванов — к-ром 6 роты 2 полка, полк. Дудышкин — к-ром III б-на 2 полка; полк. Лукин — к-ром 5 роты 1 полка; полк. Поляков — к-ром 8 роты 2 полка; полк. Кжижановский — к-ром 7 роты 2 полка; полк. Сомов — к-ром 9 роты 2 полка; полк. Семенов — к-ром 3 роты 1 полка.

Хор музыки переведен в состав 2 полка, а хор трубачей Гвардейского Дивизиона стал хором музыки 1 полка.

С 1 ноября численный состав бригады — 2.383 чел.

5 ноября назначены: полк. Галушкин — к-ром 7 Гвард. сотни 1 полка, а ротм. Смердов — казначеем военно-хоз. отдела. Оба хауптманами.

11 ноября состоялся парад 1 полку. Парад принимал герм. полк. Кевизи, которому Р. О.К. непосредственно подчинен. В тот же день сформирована Сборная рота для включения в нее всех излишков личного состава в полках. К-ром роты назначен полк. Голеевский

18 ноября Русский Охранный Корпус переименован в Русскую Охранную Группу; полки — в отряды, батальоны — в дружины, роты — в сотни.

(Ввиду того, что впоследствии эти названия были отменены, в настоящем очерке продолжено употребление старых привычных названий — полк, б-н, рота и только казацки сотни именуются сотнями)

Управление бригады расформировано. Ген.-м. Кириенко назначен помощником нач.-ка Охр. Группы; Чины Управления бригады переведены в штаб Группы.

Перед отправлением из Белграда закончившего свое формирование 1 полка в район г. Лозницы, 19 ноября вновь состоялся парад в присутствии старших германских начальников: Главнокомандующего ген. Бадера, Группенфюрера Нойхгаузена и полк. Кевеши, отметивших прекрасный результат обучения 1 полка в течении короткого времени. Командиру полка ген. Зборовскому и всем чинам полка объявлена благодарность в приказе Охранной Группы. Парад состоялся без 7 и 8 сотен, прибывших из Панчево, где они находились для приема лошадей, только вечером.

20 ноября штаб 1 полка и 1 б-н перевезены на ст. Кленак, откуда по обычному порядку перешли в Шабац.

В тот же день II б-н, 8 и 9 сотни 1 полка перевезены в Шабац, а остальные части Корпуса из Топчидерских казарм перешли в казармы на Баннице.

22 ноября перевезены в Шабац штаб III б-на и 7-я Гвард. сотня 1 полка

Из Шабца 1 полк был направлен в Лозницу, куда III б-н прибыл 24-го, а I и II б-ны и штаб полка — 25 ноября.

25 ноября III б-н 1 полка, после боя с коммунистическими партизанами, занял Заячу (Очерк «Первый бой Русского Корпуса»), после чего I и II б-ны участвовали в операции по занятию Крупня, которая закончилась 29 ноября (Очерки: «2-я юнкерская рота 1 Отряда» и «Наш первый поход»). В бою 28 ноября совершил подвиг д-р Голубев — будучи раненым, под огнем перевязывал других, пока не был тяжело ранен вторично, за что был награжден Георгиевским крестом 3 степени.

В операциях наши части пользовались полной поддержкой отряда четников Райко Марковича.

После этих операций, в районе Крупня остались 4-я и 5-я и два взвода 2 роты; 1-я и 2 взвода 2-й роты перешли в Столицу, а 3-я и 6-я — в Лозницу

8 декабря красные произвели нападение на Столицу (Очерк «Первое боевое крещение»).

После двукратного переформирования, состав 2-го полка, 28 декабря, был следующий: 1-я рота — полк. Нестеренко, 2-я (конный эскадрон) — ген. Иванов; 3-я (самокатная) — полк. Кжижановский; 4-я (батарея)

— ген. Игнатьев; 5-я (каз.) — подполк. Пашенка; 6-я (каз.) — ген. Скворцов; 7-я (каз.) — полк. Сомов; 8-я (каз.) полк. Поляков; 9-я — полк. Севрин; 10-я полк. Бренеке и 11-я — полк. Кононов.

Благодаря исключительной энергии ген. шт. подполк. Меснера, 23 декабря вышел первый номер газеты «Ведомости Охранной Группы».

21 декабря была произведена операция по занятию с Мойковичи, где стала 3-я юнк. рота 1 полка.

27 декабря к-ром 2 юнк. роты назначен полк. Эйхгольц.

До конца года части 1 полка были заняты постройкой блокгаузов, производили разведки и имели столкновения с партизанами у сел Стара Судница, Рожань, монастыря Тронеша и др.

НАШ ПЕРВЫЙ ПОХОД

Повинуясь призыву о вступлении на путь возобновления вооруженной борьбы с нашим врагом — большевиками, я, 19-го сентября 1941 г. записался добровольцем в Русский Корпус и получил указание явиться на медицинский осмотр 1-го октября. Ликвидировав за этот промежуток времени свои дела, ясным солнечным утром этого дня, с близким приятелем, подполк. 9 ул. Бугского полка, С. Д. Дриневичем, я подходил к воротам Топчидерских казарм.

Понятно наше волнение перед рубежом, который через несколько мгновений предстояло перешагнуть. После двадцатилетнего перерыва, предстояло снова надеть военный мундир и, как верилось, в недалеком будущем, отправление в Россию для борьбы с красным врагом. Оба мы оставили своих верных спутниц на жизненном пути, наших жен, благословивших нас на службу.

Стоявший у ворот, в форме русского юнкера, вооруженный дневальный указал нам путь к зданию, где производился медицинский осмотр. Пройдя благополучно очень поверхностный осмотр, мы были направлены в комиссию, распределяющую прибывающих добровольцев по ротам. Я, как штабс-капитан железнодорожных войск, был назначен на рядовую должность в 4-ю техническую роту II-го батальона (впоследствии 7-я), а Дриневич — в 6-ю (эскадрон) того же батальона.

Офицерский командный состав 4-ой роты был: командир — инженерных войск полковник Лукин, командовавший в Галлиполи Техническим полком; к-р 1-го взвода — инж. войск подполк. Попов, 2-го взвода — железн. войск полк. Крапивников, 3-го — инж. войск полк. Добровольский и 4-го — полк. авиации Антонов. Унтер-офицерские должности занимались офицерами специальных войск. Рядовой состав состоял, как из офицеров, так и из людей, еще не служивших на военной службе — технических специалистов всех отраслей. Некоторые имели дипломы инженеров. 4-й взвод состоял почти исключительно из бывших русских офицеров-летчиков и в обиходе назывался «авиационным». Интеллигентный состав роты определил и соответствующие отношения, как со стороны командного состава к подчиненным, так и рядового состава между собой. Грубость совершенно отсутствовала и «солдатчина» заметна не была.

То же можно сказать и про 6-ю роту (эскадрон), имевшую в рядовом составе преобладающее количество кавалерийских офицеров. Командир эскадрона был полк. Тихонравов которого впоследствии заменил ген.-м. Петровский, впоследствии к-р б-на 3-го полка и без вести пропавший в октябре 1944 г., попав в окружение советских войск под высотой Авала, близ Белграда.

3-ей «стрелковой» ротой командовал полк. Ендржеевский (впоследствии полк. Мышлаевский).

Итак, после двадцатилетнего перерыва, я снова стал военным, и, хотя на плечах и носил офицерские погоны, но службу нес рядового солдата. Нужно было привыкать к расчитанной по часам казарменной жизни и вновь проникнуться воинской дисциплиной с ее беспрекословным исполнением приказаний начальства и чинопочитанием. Выданы нам были винтовки, принятые в югославской армии и легкие пулеметы «Зброевка». Начались усиленные строевые занятия и боевая подготовка по старым русским уставам. Немцы в занятиях участия не принимали и обучением руководил исключительно русский командный состав. Мало вмешивались немцы и во внутренинюю казарменную жизнь.

Несмотря на солидный возраст многих добровольцев и интенсивность занятий, мы не переутомлялись и лишь вечером чувствовалась здоровая усталость. День заканчивался в 8 часов построением для поверки и молитвы. Уже через месяц занятий роты были сбиты и приобрели достаточно стройный вид. В конце октября наша рота была переименована в 5-ю, а 3-я — в 4-ю.

С началом ноября началась подготовка полка к смотру. Весь полк выстраивался на казарменном плацу и в колонне по роту, с винтовками с примкнутыми штыками на плече, с хором трубачей, маршировал улицами пригорода на Баницкое поле. Длинная лента стройных колонн, с сверкающими на солнце штыками, в звуках, блестящего медью, оркестра, перемежавшихся с лихой русской песней, — представляла внушительное зрелище, вызывая радость у друзей и злобное чувство у врагов. После нескольких репетиций, 19 ноября был произведен окончательный смотр полку. Полк, под командой своего командира генерала Зборовского, прошел церемониальным маршем перед принимавшим парад генералом Штейфоном, в присутствии местного германского начальства. Никакой присяги полком принято не было, а лишь был отслужен молебен.

Праздничное и приподнятое удачным смотром и парадом настроение людей омрачалось несбывшимися надеждами. — Окончательно выяснилось, что ни о каком походе в Россию в данное время не может быть и речи, что полк предназначен для несения охранной службы и борьбы с партизанами пока лишь на территории Сербии и только в отдаленном будущем возможна переброска в Россию. Выступление нашего II-го батальона в поход было назначено на утро 21 ноября. Началась лихорадка окончательного приготовления к выступлению, пригонка ранцев, выдача боевых припасов, маршевого довольствия и пр. К-р б-на полк. Шатилов сделал осмотр людей в походном снаряжении и проверку его пригонки. 20-го все люди уходящего батальона были отпущены на весь день для прощания с семьями.

В 4 часа утра 21 ноября мы были подняты звуками «Ста-

рого Егерского марша», столь знакомого всем служившим в Русской армии. — Полковые трубачи играли под окнами нашей казармы. В 7 час. ясного осеннего утра этого дня батальон в походной колонне, имея впереди хор трубачей, выступил из Топчидерских казарм на товарную станцию Белград для погрузки. Шли через «Топчидерско Брдо», Сараевской и Караджорджевой улицами. Мы уже знали, что идем для очищения от коммунистов Подринского края. После погрузки, состав был переведен на пассажирскую станцию, где собралась большая толпа родственников и близких провожать нас. Последние поцелуи, пожатия рук, пожелания, слезы, сигнал отправления и поезд тронулся. Было около 10 часов утра.

В Подринском крае Сербии, носящем свое название от р. Дрина, находятся рудники очень важного для военной индустрии металла антимония. Важнейшие из них — Заяче и Столице, расположены вблизи городов Лозница и Крупань. В последнем — фабрика, перерабатывающая руду в металл. В мирное время концессию на эксплуатацию имело французское общество «Монтана». С началом военных действий оба города и прилегающий к ним рудничный район были заняты германскими войсками. Летом 1941 года коммунистические партизаны, в союзе с королевскими четниками, уничтожив военные гарнизоны, выбили немцев из края и сделались полновластными хозяевами всего района. (Разрыв между партизанами и четниками произошел в начале осени, после чего, до конца войны, они оставались непримиримыми врагами). Был осажден даже довольно большой город Шабац, имевший значительную колонию русских белых эмигрантов.

Партизаны не скрывали своей ненависти к белым русским и угрожали, в случае захвата Шабца, их уничтожить. Перед лицом этой грозной опасности, кубанский есаул Иконников, имевший в городе мануфактурную торговлю, обратился к немцам с просьбой выдать оружие бело-эмигрантам и разрешить организовать из них отряд для принятия участия в обороне города. Оружие было получено и русский отряд, числом около ста человек, немало способствовал успеху обо-

роны. Позже отряд прибыл в Белград и влился в Корпус.

Немецкая карательная экспедиция, пройдя краем, сожгла ряд сел, но положение не изменилось и вся область продолжала оставаться в руках коммунистических партизан. Задача очищения края, окончательного его закрепления и создания условий, при которых была бы возможность более или менее спокойной эксплуатации рудников и была возложена на вновь сформированный 1-й полк Русского Корпуса.

Весь день 21 ноября эшелон нашего батальона был в пути и часам к 6 вечера прибыл к месту назначения, на ст. Кленак, находящуюся на противоположном от г. Шабца берегу р. Савы. Железнодорожный мост через реку был взорван и по нему было возможно лишь пешеходное движение и с трудом переходили конные подводы.

Ненастная ноябрьская ночь уже окончательно спустилась на землю. Со стороны Шабца слышались редкие разрывы минометных снарядов и пулеметные очереди. — Это немцы изредка постреливали в темноту ночи, по , возможно, где-то притаившемуся противнику, извещая о своем бодрствовании. Иногда мрак прорезывали лучи германских прожекторов. Все это сразу ввело нас в тревожную обстановку войны и опасности.

Разгрузившись, батальон перешел мост и, увязая в грязи, двинулся к Шабцу. Перед городом батальон был встречен командиром полка, ген. Зборовским и хором трубачей. Батальон подтянулся и под звуки марша вступил в город. Вдоль тротуаров группы любопытных обывателей молча встречали «руску войску». Темнота не позволяла видеть -- выражали их лица симпатию или ненависть.

В центре города батальон разделился — шестой эскадрон был направлен на отведенные ему квартиры в гимназии, а наша 5-я техническая и 4-я стрелковая — в сельскохозяйственное училище, находившееся за городом, за линией немецкого сторожевого охранения. Пришлось немедленно же выставить собственное охранение для обеспечения от возможного налета красных.

22 ноября все три батальона 1-го полка, штаб полка и

штабные команды были сосредоточены в Шабце. На утро 24-го было назначено дальнейшее движение на г. Лозницу и день 23-го прошел в приготовлениях к походу. I-му и нашему, II-му батальонам было приказано двигаться походным порядком, а III-й казачий, к нашей зависти, перебрасывался узкоколейкой.

Еще до рассвета 24-го мы выступили. Расстояние между Шабцем и Лозницей, около 70 км., было рассчитано пройти в два перехода. Подвод для солдатских ранцев дано не было и люди были принуждены шагать с полной выкладкой, т.е. нести на себе 120 штук патронов, винтовку, ранец с личными вещами и одеяло. Я, назначенный к этому времени пулеметчиком, вместо винтовки нес пулемет «Зброевку», имевший довольно внушительный вес. Этот поход был первым серьезным испытанием нашей выносливости и подвижности. Прошедшие перед этим дожди испортили путь. Облегчало марш отсутствие подъемов до самой Лозницы. Принимая во внимание, что люди не были втянуты в марш, а для многих это был первый серьезный переход в жизни, люди вполне хорошо перенесли поход и мало, кто воспользовался следовавшей за нами подводой для заболевших и подбившихся. Генерал Зборовский шел пешком весь переход во главе I-го юнкерского б-на, подавая пример.

В первый день прошли половину пути, достигнув с. Ново-Село, где, разместившись по крестьянским дворам и выставив сторожевое охранение, заночевали. На следующий день благополучно сделали вторую половину пути и еще за светом вошли в Лозницу, незадолго до нашего прихода оставленную красными партизанами. Размещен на ночлег весь наш II-ой б-н был в здании гимназии. Наши люди сейчас же вступали в общение с жителями городка, которые не уклонялись от контакта с нами, но были предупредительны и приветливы, — с ужасом вспоминали владычество красных в городе и их зверства. Чувствовалось, что наше прибытие не вызвало озлобления, а наоборот, до некоторой степени даже давало удовлетворение, подавая надежду на смягчение нами жестокой германской оккупации. Мы были люди их веры,

говорящие на их языке, знающие их обычаи и не желавшие им зла. С нами можно было и поговорить по душам и во многих случаях найти защиту и заступничество перед оккупантом. И надо признать, что мирные жители очень редко были беспричинно обижаемы нами и виновные в этом чины строго наказывались.

26-го ноября наш II-й б-н перешел в «Баню Ковилячу» — лечебный курорт в 5 км. от Лозницы, и разместился в зданиях курортных гостиниц. К этому времени отношения между красными партизанами и королевскими четниками сделались окончательно враждебными и между ними начались военные действия с явным перевесом в сторону красных, вытеснявших четников из населенных мест в леса. Этот раскол в значительной степени облегчил выполнение поставленных полку задач и способствовал успеху. Возглавлявший четников этого района «воевода» Райко Маркович немедленно по прибытии полка в Лозницу, вступил в переговоры с нашим командованием о совместных действиях против красных. Переговоры привели к соглашению и мы приобрели очень ценного союзника, хорошо знающего противника, местные условия и население края.

27-го ноября началась операция дальнейшего оттеснения красных. Конечная цель операции — занятие городка Крупань, вблизи которого находилась фабрика для переработки руды и являвшегося тактическим ключом района. В операции участвовали два батальона: I-й юнкерский, под командой ген.-шт. полковника Жукова и наш II-ой полк. Шатилова. Батальоны наступали на Крупань с двух противоположных сторон с целью зажать сосредоточенную там группу красных тов. Мартиновича, числом около 2000 человек, и ее уничтожить.

Первое наше сотрудничество с четниками выразилось в присылке нам последними в качестве проводников двух человек, один из которых имел офицерский чин. Двинулись с рассветом налегке, без всякого обоза, оставив даже ранцы в Бане Ковиляче и имея на себе лишь предельное количество патронов. Маршрут был: Б. Ковиляча — Мачков Камень (ис-

торическая высота по боям 1-ой мировой войны сербов с австрийцами) — с. Планина — с. Кржава — Крупань. Погода нам благоприятствовала. Стояли дивные солнечные дни поздней осени с небольшими утренними заморозками. Снег еще не выпал. Зато путь был необычайно тяжел. Проводники часто сворачивали с дороги и вели нас горными тропами, обходя опасные, по их мнению, места. Шли медленно со всеми мерами охранения. Командир б-на, полк. Шатилов, с батальонным адъютантом, капитаном югославской службы, Нагоровым, всё время находились в голове колонны. В первый день прошли не более 12-15 км. и заночевали в разбросанных домах какого-то села. Здесь местные крестьяне сообщили, что в 3-х км. находится оставленное партизанами полевое орудие, за которым красные предполагают этой ночью прийти. Командированный туда взвод полк. Антонова нашел орудие, но без замка и, приведя его окончательно в негодность, оставил на месте.

Следующий день пути был еще тяжелее, т.к. шли исключительно лесными горными тропами, преодолевая необычайно тяжелые подъемы. Проходя через высоту «Мачков-Камень», видели часовню-памятник, поставленный на месте братской могилы сербским воинам, павшим при обороне высоты в 1914 г. Стены часовни были исписаны богохульными надписями, иконы обезображены, пол часовни носил следы человеческих нечистот, а кости, погребенные в склепе под часовней, разбросаны.

Не дойдя нескольких километров до г. Крупань, батальон заночевал в с. Планина. Расположились в сельской школе и прилегающих к ней домах. Здесь были захвачены выданные местными крестьянами, оставленные красными два агента и женщина-курьер с поличным: при обыске у нее была найдена записка-донесение агента о нас.

29 ноября, до восхода солнца, батальон двинулся через горное село Кржава на Крупань. В ½ км. от Кржавы головная рота пулеметным и ружейным огнем отогнала появившуюся разведку красных и батальон, ускорив движение, подошел к селу. Село Кржава расположено на перевале и от не-

го начинается спуск к цели операции — г. Крупань. Находившаяся в крайних домах села застава красных, по которой нами был открыт огонь, бежала, не пытаясь задержать нас и бросив две парных подводы. В одной из подвод были котлы с пищей, а другая была наполнена коммунистическими газетами и пропагандной литературой.

Честь захвата первых трофеев принадлежала нашей 5-й роте, находившейся в голове б-на. Лошади оказались отличными и одна пара была передана штабу б-на, а другая оставлена в роте для усиления нашего слабого ротного обоза. Этот первый незначительный успех благоприятно повлиял на мораль уставших людей и послужил долгое время темой для обсуждения и разговоров.

По плану операции, в это же время, с другой стороны, к Крупню должен был полойти и I-й б-н, заняв предварительно по пути рудник «Столице». И, действительно, через короткое время мы увидели сигнальные ракеты юнкеров, извещавших нас о своем подходе к Крупню. Наш батальон двинулся и началась последняя стадия операции. 4-ая стрелковая рота и 6-ой эскадрон были направлены непосредственно для удара на Крупань, а наша 5-я рота, через с. Томань, на с. Баньевац, с целью перерезать путь отступления красных, т.к. через это село проходила дорога на с. Шлиново и дальше в горы. Пройдя с. Томань, рота развернулась и повела наступление на с. Баньевац. Со стороны Крупня доносились лишь редкие пулеметные очереди и одиночные ружейные выстрелы. Было ясно, что ни юнкера, ни две роты нашего б-на сопротивления красных не встретили.

Преодолев крутой подъем, наша рота без единого выстрела, вышла на дорогу и подошла к крайним домам села. По словам крестьян, колонна красных за полчаса до нашего прихода прошла селом по дороге из Крупня на с. Шлиново. Сам командующий красными, тов. Мартинович, долгое время наблюдал за нашими передвижениями в бинокль с высоты с. Баньевац, откуда мы ему были видны, как на ладони, и ушел буквально за 15 минут до нашего выхода на дорогу.

Юнкера и две роты нашего б-на вошли в Крупань около

3-х часов дня 30 ноября. Основная цель операции была достигнута, хотя уничтожить живую силу противника и не удалось. Главными причинами, приведшими к такому благополучному для красных исходу, были медленность нашего движения и отсутствие элемента внезапности. Мартинович, разумеется, был своевременно предупрежден своими агентами о наших передвижениях. Вероятно, сыграли роль и быстро распространившиеся слухи, невероятно преувеличившие наши силы.

Следующей нашей задачей была охрана рудников, сопряженная с уничтожением ушедших в лес и горы красных отрядов, или, по крайней мере, оттеснение их из района на расстояние, не позволяющее внезапному их нападению.

А. Полянский

«БЕЛЫМ ВИТЯЗЯМ»

Вы одели военные латы,
Сменили вы всё — на ружье,
И изменчивой доли солдата
Вы вручили свое бытие.

Юный еще и в годах уже зрелых,
И испытанный воин седой, —
Вы все под родные напевы
Собрались военной семьей.

Путь тернистый лежит за плечами,
Неизвестность вас ждет впереди,
Вашей Родины милые дали
Утопают в слезах и крови.

Долг сыновний вас к ней призывает,
Вас пределы родные влекут,
Но верен ли, кто это знает,
Ваш сложный, единственный путь?

Не вдаваясь в догадки, проблемы.
За Отчизну — вы взяли ружье,
Вы одели холодные шлемы
И несете к ней — сердце свое!

Наталья Короваева

1941 г. Белград

МОЛОДЕЖЬ В РУССКОМ КОРПУСЕ

В течении многих лет, предшествовавших последней мировой войне, нередко приходилось слышать и читать о том, как денационализируется наша эмигрантская молодежь, в особенности та ее часть, у которой, по молодости лет, не сохранилось личных воспоминаний о России.

Такое мнение о подрастающем поколении складывалось, отчасти, вследствие отсутствия у подавляющего числа ее представителей всякого интереса к проявлениям общественной жизни нашей эмиграции. На большинстве различного рода собраний, «чашек чая» и «закусок» молодежи не было, что вызывало нарекания со стороны «дедов и отцов» и обвинение ее в отсутствии любви к России. Были причины и иного характера, как-то более легкое, чем у старшего поколения, сближение с местным населением и т.д. и т.д., но не входит в нашу задачу заниматься сейчас анализом этих причин, а вспомним, как реагировала молодежь, лишь только представилась возможность вступить в борьбу за Родину не на словах, а на деле.

Белград, сентябрь 1941 года. Еще до опубликования приказа о формировании Корпуса, на основании устного призыва ген. Скородумова, первым, кто прибыл в казармы, была русская молодежь — юнкера Учебной команды, сформированной на добровольных началах, еще задолго до войны, полк. Гордеевым-Зарецким, сплошь состоявшая из молодых людей, выросших уже за пределами России. Первый Русский воин, вставший с оружием в руках, в паре с немецким часовым у входа в Гвардейские казармы под Белградом, носил юнкерские погоны.

Прошло несколько месяцев. 1-ый полк покинул Белград и несет охранную службу в глубине Сербии. Только что умолкли последние выстрелы III-го казачьего батальона, очистившего от красных партизан рудник Заяча, как 1-ая

рота 1-го юнкерского батальона получила свое боевое крещение.

Первый взятый у противника пулемет --- немецкий - - потерянный немцами, за несколько дней до этого, в бою с красными. Первый тяжело раненый; первый георгиевский крест..

Автор этих строк случайно присутствовал при том, как, возвращенный немцам пулемет, передавался их офицером своим солдатам.. Не зная о присутствии русского свидетеля, сидевшего внутри затянутого брезентом грузовика, он сказал: «Не стыдно вам, немецким солдатам получать обратно потерянное вами оружие из чужих рук?!» Думаю, что в истории минувшей войны это был единственный случай возвращения иностранцами немцам потерянного ими в бою оружия, и это сделала Русская молодежь в лице юнкера 1-ой роты.

**

Холодное февральское утро; резко обрисовывается профиль холмов на голубом утреннем небе. Низкие хаты как-бы вросли в землю; подымаясь из красных труб, уперлись в небо столбы дыма. Скрипит над колодцем журавль, вытягивая из него свою ношу. Мерными, неторопливыми шагами прошел по единственной улице патруль.

Вот уже третьи сутки, как 2-ая юнкерская рота «прочесывает» местность, в погоне за появившимся отрядом красных партизан. С местными четниками тесная связь; они регулярно доносят о передвижениях противника. Вот опять две столь знакомые фигуры в «шубарах» на длинных до плеч волосах, почти что бегом направляются к дому, занятому ротным командиром.

Тревога!.. Отряд коммунистов, не зная о присутствии роты в деревне, движется сюда открыто по дороге и находится сейчас, примерно, в 3-х километрах — $\frac{1}{2}$ часа ходу.

Словно испуганные воробьи, полетели во все стороны связные и, спустя несколько минут, рота двинулась навстречу партизанам.

У выхода из деревни дорога, забирая влево, скрывается за холмом. Взвод юнкеров, для обеспечения с фланга даль-

нейшего движения роты, бегом взбирается на него, Впереди широкая долина, за ней поросший кустарником гребень; вправо по белому полю, быстро движутся «змейки» юнкеров.

Резко хлестнул первый выстрел и пуля пропела по верхушкам деревьев, сорвался и умолк пулемет. Первые «змейки», рассыпавшись в цепь, приближаются к гребню.

Противник, обнаружив роту, повернул на 90° и начал уходить в сторону, рота бросилась за ним.

И вдруг на всю местность, разом опустился густой туман, рота ослепла. Справа впереди, куда ушел один взвод, часто, как бы торопясь, захлопали ружейные выстрелы, и частыми, короткими очередями застучали наши легкие пулеметы... рота пошла на выстрелы.

Защелкали партизанские винтовки и швейной машиной заработал их тяжелый пулемет. Местность подымается в гору, снег доходит местами до колен. Люди начинают тяжело дышать, движение замедляется. Давит на грудь ремень вещевого сумки, путаются в ногах полы шинелей, как бы стараясь задержать юнкеров, не дать им двигаться дальше...

Так же внезапно, как пал туман, блеснул вдруг луч солнца и белая пелена рассеялась. Шагах в 400-х впереди роты густой перелесок, справа от него голая вершинка, на нее уже взбираются серые фигурки в шлемах — наш правофланговый взвод. Из леса сильный огонь, видно, как по опушке перебегают партизаны.

Тяжело раненый в руку командир, полковник Эйхгольц, сдал командование ротой полковнику Котляру. Тянут за бугор раненого в живот юнкера Завадского. Рота продолжает движение вперед.

В кустах на опушке, уткнувшись лицом в землю, лежит раненый двумя пулями в грудь партизан; хлещут со всех сторон выстрелы... дальше, все дальше, вперед!.. По-одному перебегают юнкера полянку; под ударами пуль, грязными фонтанами взлетает земля, перемешанная с мокрым снегом. Забор, канава, на скате полу-сидит, полу-лежит раненый пулей в рот юнкер... дальше, дальше...

Кусты вдоль канавы, деревья, куча кровавых тряпок на

снегу, оставленная партизанами, на руках несут смертельно раненого в голову юнкера, на земле пробитый шлем с белым крестом... дальше... дальше, все дальше...

К вечеру юнкера заняли деревню, в которой партизаны имели свою главную базу. Захвачена богатая военная добыча.

**

Командир Корпуса ген. Штейфон, предвидя с первых же дней формирования возможность дальнейшего разворачивания Корпуса, и понимая, что на низших командных должностях должны находиться молодые люди, хотя бы только по физическим условиям, не говоря уже о ряде других причин, с самого начала делал все от него зависящее, дабы молодым людям, на военной службе не служившим, дать необходимое военное образование и подготовить в их лице молодой командный состав, вооруженный современными военными знаниями.

С этой целью, в 1-ом полку был сформирован отдельный юнкерский батальон, в котором регулярно производились занятия и читались лекции по всем предметам, входящим в курс нормальных юнкерских училищ.

С переходом Корпуса в состав Вермахта, в Белграде были образованы специальные офицерские курсы по немецкому образцу, по окончании которых курсанты производились в чин лейтенанта и назначались преимущественно взводными командирами.

Таким образом, подготовка молодого командного состава производилась последовательно и систематически и принесла огромную пользу в период дальнейшего разворачивания Корпуса, при формировании, так называемых, молодых полков, состоящих в подавляющем большинстве из добровольцев, прибывших на пополнение из СССР.

Прошел год, и эти полки с младшим командным составом из эмигрантской молодежи, покрыли себя неувядаемой славой в горах Боснии, потоками крови запечатлев любовь к своей Родине и доказав свою готовность жертвовать собой во имя ее, не на словах, а на деле.

Невозможно в коротких словах описать все те случаи,

когда выросшая за границей русская молодежь, своим непосредственным участием в грозных событиях 1941-45 годов, доказала свою жертвенность и готовность бороться за освобождение России, чем рассеяла необоснованные обвинения ее в денационализации.

С. Заботкин

ПЕРВЫЙ БОИ РУССКОГО КОРПУСА

1

20 сентября 1941 года, в день явки казаков для зачисления в Русский Корпус, в Топчидерские казармы одним из первых явился и Командир Дивизиона Собственного Его Величества Конвоя, или, как принято сокращенно называть, — Гвардейского Дивизиона, Полковник Рогожин, с готовностью стать в строй рядовым бойцом, не претендуя на какие-либо командные должности.

Одновременно с ним явились и несколько офицеров Дивизиона, оказавшихся по обстоятельствам войны, в это время в Белграде.

Поступив в Корпус, полковник Рогожин немедленно начал вести хлопоты о переброске в Белград и всего Дивизиона, стоявшего на работах в м. Белище, близ г. Осека. Ввиду того, что м. Белище находилось в Хорватии, бывшей в недружелюбных отношениях с Сербией, переброска Дивизиона была сопряжена с большими трудностями, на преодоление которых понадобилось свыше месяца и только 29 октября Дивизион под командой полковника Галушкина прибыл в Белград.

Сказочную картину из дорогого прошлого представил собой Дивизион, выстроившийся на дворе Топчидерских казарм. Новенькое гвардейское казачье обмундирование — синие брюки с гвардейским басоном, защитные гимнастерки с алыми погонами, папахи, за плечами малиновые башлыки, шашки. На правом фланге — три штандарта и хор трубачей. К строю подходит Командир Корпуса генерал Штейфон.

«Шашки вон! Слушай на-кра-ул!» — раздалась команда.

Свержили клинки, грянул встречный марш.

Как зачарованные, стояли добровольцы в полувоенном обмундировании, только что поступившие в Корпус, заполнившие собой весь двор и выглядывавшие из окон казарм. Перед их глазами стояла живая картина из былого величия России.

Генерал Штейфон поздравил Дивизион с прибытием в Корпус и сказал несколько приветственных слов.

Вновь раздалась команда: «Под штандарты, слушай на-кра-ул!» и, под бодрящие звуки «Гвардейского похода» штандартные урядники степенным шагом понесли штандарты в казарму. Гордо реяли гвардейские орлы седых штандартов — верных спутников своей части в течение ее вековой службы России и Императорам и свидетели боевой славы ее на полях Кубани, Терека, Дона и Сев. Таврии, где Кубанский и Терский Гвардейские Дивизионы, в бесчисленных боях с красными, прославили имя гвардейского казака и кровью своей доказали свою преданность Родине..

Но вот штандарты один за другим скрылись в подъезде казармы, перевернув новую страницу в истории своей части.

Проникновенно звучали слова приказа Кубанского Походного Атамана генерала Ткачева:

«Прибывший Гвардейский Дивизион свершил небывалый в истории народов подвиг, сохранив себя в течение 20 лет эмигрантского безвременья.

Обостренное чувство долга, преданность и верность своим штандартам, как символу утерянной Родины, вписали в историю Русской Армии и Казачества бессмертную страницу».

А теперь, дождавшись желанного часа, по первому зову сигнальной трубы, Дивизион, как один человек, явился туда, где вновь зарождался очаг борьбы за Родину, полностью оправдывая слова своего девиза: «Вера и Верность» и памятуя о том, что «героев тень, ковавших вековую славу, следит за нами по пятам!»

Прибытие Дивизиона оказало большую моральную поддержку в деле формирования Корпуса, а на многих колебав-

шихся в правоте этого дела пример Дивизиона положил конец их сомнениям.

Германское Командование, отдавая дань признания и уважения, разрешило Дивизиону сохранить свою форму, в силу чего 1-й взвод Гвардейской сотни вплоть до перехода Корпуса в Вермахт, нес караульную службу при Штабе 1-го полка в Лознице в своей казачьей форме.

Дивизион был зачислен в 1-й полк 7-ой Гвардейской сотней под командой хауптмана Галушкина, входя в состав III-го батальона, командиром которого был назначен майор Рогожин. Хор трубачей стал полковым оркестром 1-го полка.

2

На следующий день началась интенсивная и кропотливая работа — разбивка людей по взводам по новым штатам, получка обмундирования, снаряжения и вооружения. Эту работу часто прерывали выстраивания сотни по различным поводам: один раз сотня, еще в своей казачьей форме, приняла участие в параде на Банице и произвела блестящее впечатление на всех присутствовавших.

4 ноября, совершенно неожиданно, сотне было приказано немедленно, на грузовиках отправиться в Панчево. Таким образом, не прошло и одной недели после прибытия, как сотня уже была отправлена в командировку. Конечно, такую успешность можно было применить только к Гвардейской сотне, не нуждавшейся в обучении. Правда, благодаря этому, сотня только через несколько месяцев, уже весной 1942 года, смогла приступить к занятиям по новым уставам, принятым в Корпусе.

Двухнедельное пребывание сотни в Панчево ознаменовалось приемом и уходом за большой партией лошадей, предназначенных для Корпуса. 18 ноября эти лошади были отправлены в Белград, а на следующий день вернулась в Белград и сотня, расположившись в «Топовских шупах».

На рассвете 22 ноября сотня выступила на вокзал для погрузки. Цель и маршрут предстоящего похода держались в тайне. Делались догадки, всплывали мечты о Восточном

фронте, о беспощадной борьбе за освобождение Родины. Увы, они рассеялись, как дым, когда стало известно, что конечным пунктом маршрута является станция Кленак. К месту погрузки собрались родные и знакомые, туда же прибыл и ген. Штейфон и, наконец, около 11 часов, весь III батальон 1-го полка покинул Белград.

Вечером эшелон прибыл в Кленак, а утром 23 ноября сотня выгрузилась из вагонов и походным порядком перешла в Шабац.

На следующий день, 24 ноября, сотня погрузилась в вагоны узкоколейки и в одном эшелоне с 9-й сотней тронулась на Лозницу. После полудня прибыли на разбитую станцию «Лешница», откуда продолжали путь походным порядком и прибыли в Лозницу уже в темноте. Вскоре же командир и офицеры сотни были вызваны к германскому оберст-лейтенанту Беценбергеру для получения первой боевой задачи — взять Заячу, занятую партизанами-коммунистами.

Утром 25 ноября отряд в составе III-го батальона 1-го полка и III-го батальона 697 германского пехотного полка при двух танках выступил на Заячу тремя колоннами: левая — 2 немецких роты — шел по горам в обход Заячи с севера правая — наша 9-ая сотня и одна немецкая рота — в обхват с юга, средняя — 7-ая Гвардейская и 8-ая сотни, тяжелая рота германского батальона и танки — двигались по главной дороге на Заячу. На пол-дороге Гвардейская сотня получила приказание занять высоты в стороне от дороги, чтобы отрезать возможный путь отступления партизан. После нескольких часов ожидания сотне было приказано присоединиться к колонне и продолжать движение на Заячу.

Вот и первые построения Заячи, расположенной в большой котловине. Колонна начала втягиваться в поселок, как вдруг застучал пулемет и пули засвистели над головами колонны. Это стреляли партизаны, занимавшие противоположную окраину поселка и открывшие огонь по наступающей колонне из нескольких пулеметов. Сотни быстро рассыпались в цепи и открыли ружейный огонь. Это были первые выстрелы Русского Корпуса. Это были первые выстрелы бе-

лых бойцов после 20 летнего перерыва. И если не суждено было им прозвучать там, на родной земле, а здесь, в Сербии, то все же они были направлены против коммунистов, старавшихся и здесь, по указке Москвы, захватить власть в свои руки и пользовавшихся каждым случаем для уничтожения русской эмиграции.

Немцы начали обстрел противника из бомбометов и тяжелых пулеметов; завязался бой, казаки стремительно шли вперед, стремясь дорваться до врага, но партизаны не выдержали и бежали. Бой затих. Задача была выполнена: Заяча была взята.

Начальник отряда, командир германского батальона, оберст-лейтенант Беценбергер предложил майору Рогожину возвращаться в Лозницу. Таким эпилогом, очевидно, заканчивалась каждая немецкая операция с тем, чтобы через известное время вновь повторять ее. В ответ на это предложение майор Рогожин, считая ненужным такое выматывание людей, выразил начальнику отряда свою готовность остаться в Заяче. Немец был приятно удивлен таким предложением и охотно на него согласился, а для майора Рогожина это оказалось первым звеном, не ускользнувшим от внимания германского командования, его карьеры, которое, в конце концов, привело его на пост командира Корпуса.

Немцы ушли, а казаки остались в Заяче, уже в темноте выставив сторожевое охранение вокруг Заячи. Неуютна была эта первая ночь в боевой обстановке после стольких лет мирной жизни. Ноябрьская сырость и слякоть и усталость после двух дней похода усугубляли впечатление. Тем не менее с этого момента казаки твердой ногой стали в Заяче и ее гарнизон, много раз изменяясь в своем составе, ушел оттуда в силу общей обстановки, только в 1944 году.

Д. Вертепов

2-я ЮНКЕРСКАЯ РОТА 1-го ПОЛКА

Началось формирование Русского Корпуса. Меня, как бывшего офицера 4-й Московской школы прапорщиков и преподавателя топографии юнкерам школы, назначили во 2-ю юнкерскую роту.

Состав юнкерской роты был однороден, рота состояла из бывших воспитанников кадетских корпусов в Югославии. Все друг друга знали, были между собой на „ты”. Спайка, кадетский дух сохранились в полной силе. Возраст был от 34 до 20 лет. Молодежь, твердая в своих убеждениях и взглядах. Почти все успели уже окончить корпус. Были некоторые из них уже инженеры, геометры, техники, студенты. Был даже один доктор без диплома, как не закончивший государственный экзамен. Несмотря на разницу лет, от 10-12, это была дружная кадетская семья. Рота была превосходна по своему составу. Правда, в начале 3-й взвод роты состоял из молодых людей от 16-18 лет, не окончивших корпус. Были совсем еще дети.

Наконец, 2-я рота сформирована, прошли курс стрельбы боевыми патронами, а также первоначальное обучение полевой подготовки. Ожидаем, куда нас пошлют. Много слухов и разговоров. Общее желание идти на Восточный фронт. И, вдруг, приказ: завтра выступаем. Грузимся в вагоны и двигаемся на Шабца, — общее разочарование, но скоро примиряются: „всё же идем бить коммунистов”. Выступили 20 ноября 1941 г.

Движение до станции, погрузка в Белграде и дальше, от Шабца до Лозницы юнкерский батальон совершил походным порядком, с полной выкладкой, т.е. винтовка, 120 патронов, ранец с собственными вещами и одеяло. Идти с такой ношей, с непривычки, было тяжело. Погода была неблагоприятная — дождь, слякоть. Шли медленно, растягиваясь. Двигался целиком 1-й б-н. 1-я юнкерская рота была вся на велосипедах. Командир полка шел с нами. За первый день сделали полпути до Лозницы и ночевали в с. Лешница, где размести-

ли юнкеров по хатам и сараям. Мокрые, усталые, голодные, но скоро обсохли. подзакусили и легли спать.

На другой день добрались до Лозницы. Расположились в «Срезких кучах». Через день началась наша боевая работа, которая закончилась лишь в 1945 году, после капитуляции германской армии.

Из Лозницы начали наступление на Крупань, который был занят партизанами. Наступали тремя колоннами с трех сторон. С нами наступали две германских роты. Заняли Столицу, потом без боя заняли Крупань. Немного постреляв, партизаны оставили Крупань. После занятия Крупня, 1-я юнкерская рота стала гарнизоном в Столице, 3-я — в Мойкови-чи, а 2-я осталась в Крупне.

Служба нелегкая, тем более, что 1-й и 2-й взводы перешли в Столицу и в Крупне остались 3-й и 4-й взводы. Расположились в здании больницы, где не было ни одного целого окна. Кругом лес и горы. Сам Крупань наполовину разрушен. Жителей никого. О противнике знали, что незадолго перед нашим приходом, партизаны напали на немецкую роту, которая занимала больницу, и большую часть роты увели с собой, кое-кого убили, а часть невредимой вернулась в Лозницу.

Несмотря на такую неприглядную обстановку, юнкера держались отлично. Первое время приходилось целые ночи быть с ними, обходить посты и поверять караулы. Были они еще не обстрелянные, да и службу-то изучали лишь две недели в Топчидере. Простояли три дня в Крупне, как получили задачу выбить партизан из двух деревень, километрах в 3-х от Крупня. Пошли 3-й и 4-й взводы 2-ой юнкерской роты, 1 взвод 5-й (технической) роты и одна чета сербских четников, которые уже в то время начали бороться против коммунистов. Деревни были взяты. В одной атаке у партизан был отбит немецкий пулемет. Юнкера получили первое боевое крещение. После взятия этих деревень, сделали два налета на два хутора, где были интендантские склады партизан. Склады были богатые. Уничтожение их было поручено четникам.

После очищения района Крупня от партизан, вся 2-я рота была собрана в Лознице. Когда мы возвращались в Лозницу из Крупня. километрах в 8-10 от Лозницы, нас встретил к-р полка, ген. Зборовский, на мотоциклете, совершенно один, без всякого конвоя, хотя вся местность кишела партизанами. К-р поздоровался с нами, поблагодарил за боевую работу и сказал, что это только начало, главное впереди.

Придя в Лозницу, рота начала нести службу на бункерах, вокруг Лозницы. В караул приходилось ходить через сутки. Смена происходила в 9 час. утра. С 10 часов утра до 2 час. дня юнкера отдыхали. С 2-х часов начинались лекции по разным военным предметам: тактике, топографии, саперное дело и т.д. Весной 1942 г. проделали глазомерную съёмку и решение тактических задач на местности. Были также часы строевых занятий и практическая стрельба боевым патроном. Довольно часто выходили из Лозницы для очистки от партизан какого-либо района. Бывали стычки с партизанами, а иногда и целые бои.

Так, в феврале месяце, был бой с партизанами у горы Пирамида, между деревнями Сипуля и Цветуля, недалеко от Мойковичей. В этом бою был ранен в руку к-р роты полк. Эйхгольц, 6 юнкеров было ранено, из них один, тяжело раненый — юнкер Андрей Якимов 9 марта скончался в Шабце.

В начале лета 42 г. наша рота была переведена в рудник Заяча. Несли там службу на бункерах, изредка выходя в экспедиции. Это был довольно спокойный период, — партизаны нападать не рисковали. Единственно тревожный момент мы пережили, когда в один сухой, ветренный день, партизаны подожгли лес недалеко от Заячи. Огонь быстро приближался к руднику. Были мобилизованы рабочие рудника и лесная охрана. Уже слышно было, словно пушечные выстрелы, как от сильного жара лопались деревья и огонь быстро приближался к нам. В это время пришло приказание юнкерам итти на тушение пожара, но итти не пришлось: неожиданно начался сильный ливень, совершенно затушивший пожар. А дойдя огонь до рудника — было бы чему гореть. Там была большая лесопилка. с большим запасом сухого материала, а так

же имелся склад пироксилина в количестве двух вагонов.

В июне пришел приказ 2-й юнкерской роте перейти в г. Аранжеловац, как говорилось, для изучения «нового германского оружия». Переход Лозница-Аранжеловац сделали походным порядком. Никакого «нового оружия» мы не изучали, а несли охрану города. Немецкого гарнизона там не было, а был большой госпиталь, где было много больных и раненых чинов германской армии. Комендантом города был майор-доктор, как самый старший в чине. Кроме караулов, делали выходы в окрестности для борьбы с партизанами. В Аранжеловце усиленно шли занятия юнкеров, как по военным предметам, так и по строю. Удалось также пройти курс стрельбы по немецкому уставу.

В июле нас сменила 3-я юнкерская (индейская) рота, мы же были переброшены на Дрину, - от г. Любовия в направлении на Вышеград. Рота по-взводно заняла ряд деревень по берегу реки. Расстояние между деревнями было 9-11 км. Взводы были небольшие. Так напр.: дер. Врхполье в 9 км. от Любовии занимал 3-й взвод, в котором было 17 чел. Были мы в тесном контакте с сербской пограничной стражей, но ей особенно не доверяли. Больше всего было хлопот с усташами, которые занимали противоположный берег реки и постоянно охотились за сербами на нашей стороне Дрины. Убили одну сербку, которая окапывала картошку на берегу реки. Но, когда, однажды, они обстреляли нашего конюха, поившего коней в Дрине, пришлось вызвать начальника заставы усташей и предупредить его, что, если будет сделан хоть один выстрел в нашу сторону, то я поставлю наши три пулемета и буду обстреливать хату, где помещалась застава, пока ее не разобью, и донесу, через наше командование немецкому командованию, о их поведении. Стрельба на нашем участке прекратилась.

Очень хорошее отношение было к нам со стороны населения. В то время каждый взвод довольствовался самостоятельно на отпускаемый денежный аванс. Из юнкеров был и артельщик и повар. Нам несли всевозможные продукты и табак очень охотно, когда узнали, что мы за всё платим, тогда

Благословение Митрополитом Анастасием Русского Корпуса

Группа добровольцев.
В нижнем ряду генералы: Штейфон, Кириско и Зборовский

1-ый полк

Прохождение III-го (казачьего) б-на 1-го полка

Смотр 1-му полку

как ни партизаны, ни сербская пограничная стража ни за что не платили.

В сентябре 1942 г. юнкера 2-й роты были собраны в г. Любовия, где стоял наш 2-й взвод, с временно командующим ротой подполк. Котляр, где, после молебна, командиром б-на, ген. Зенкевичем, был прочитан приказ о производстве всех юнкеров, сдавших экзамен, в подпоручики. Известный 1-му полку автомобиль «Марица» привез молодых подпоручиков в Врхполье и служба подпоручиков, в качестве рядовых, продолжалась попрежнему.

В ноябре этого же года 2-я рота из Лозницы, через Кле-нак, была переброшена в Неготин, с переводом ее во 2-й полк и по новой нумерации стала 7-ой ротой. В Неготине простояли целую зиму, неся караульную службу и делая частые выходы для очистки и преследования партизан в окрестностях Неготина.

Весной 43 г. рота была переброшена в рудник Бор, где несла службу на бункерах и выходила в экспедиции против партизан. В Бору рота простояла до начала формирования 4-го полка. Во время стоянки в Бору, в 7-ю роту прибыли остатки расформированной 1-ой юнкерской роты 1-го полка, с командиром роты полк. Гордеевым-Зарецким, который занял должность младшего офицера 7-ой роты. Когда началось формирование 4-го, а затем и 5-го полков, то из 7-ой роты были выделены на командные унтер-офицерские должности многие юнкера. Так напр.: в 6-ой роте 4-го полка все унтер-офицерские и фельдфебельские должности занимались юнкерами 7-ой роты, да и во многих ротах то же самое.

Из Бора часть юнкеров была командирована на Баницу, на лейтенантские курсы, которые успешно окончили и служили в Корпусе на офицерских должностях. Многие к концу войны были кавалерами Железного Креста, а многие сложили свои головы в горах и снегах Боснии.

Труда и сил молодежью положено было много. Молодежь шла, не рассуждая, куда ее посылали. И жаль, что вследствие неудачно окончившейся войны, бывшим юнкерам 2-ой

роты 1-го полка пришлось бросить военную карьеру и снова стать эмигрантами. С такой убежденной, твердой, храброй молодежью можно было бы строить новую Россию. Смена нам была бы хорошая, но не удалось.

А. Невзоров

БЕЛОЕ ВОИНСТВО

Я проживал в 70-ти километрах к северу от Белграда, в г. Новом Саду. Наши места были оккупированы венгерскими войсками и подчинялись венгерским властям, которые нам, русским антикоммунистам, не разрешили производить никаких формирований, но разрешили создать «Русское Военное Представительство» из всех наших военных организаций.

Когда до нас дошли слухи о происходящих в Белграде формированиях, я обратился к возглавлявшему наше Военное Представительство генералу Апухтину с просьбой командировать меня в Белград. Вопрос осложнялся тем, что Белград был от нас отделен сербской, двумя хорватскими и венгерской границами. Для получения разрешения на их переезд нужно было обращаться в несколько инстанций, вплоть до Будапештских министерств, на что уходило масса времени.

Я вышел из положения проще: получил от ген. Апухтина разрешение и письмо к корпусному начальству, я попросил его подписать еще одну бумажку, сфабрикованную мною — удостоверение на венгерском, немецком и хорватском языках, что предъявитель сего, лейтенант такой-то, командировается в г. Белград по вопросу формирования русских военных частей. Затем поставил на эту бумажку печать Военного Представительства, надел свою полковую форму с малиновыми лампасами, сел со своим приятелем на его мотоциклет и через полтора часа был уже в Белграде, благополучно перескочив все четыре границы.

Генерал Скородумов мне сказал, что Корпус формируетс исключительно с целью борьбы с коммунизмом, что формирование идет успешно и что он будет рад видеть нас в рядах Корпуса. Посоветовал мне поговорить с Начальни-

ком Штаба Южной Группы немецких войск, оберстом Кевешиш, который добился разрешения формирования Корпуса и был связующим звеном с немецким командованием, а со своей стороны, ген. Скородумов пообещал предпринять все меры, чтобы оказать нам содействие.

Не владея достаточно хорошо немецким языком, я попросил моего друга, капитана югославской авиации, русско-го по происхождению, пойти со мной к оберсту Кевешиш. Последний принял нас очень любезно, подтвердил слова ген. Скородумова, что Корпус формируется с целью борьбы с большевиками и обещал нам полное содействие. Только вопрос осложнялся тем, что мы находились под венгерской оккупацией, а т.к. Кевешиш не имел полномочий вести дипломатические переговоры, то он должен был действовать через Берлин и Будапешт.

Попав в Топчидерские казармы, где формировался и был размещен Корпус, я попал в родную, знакомую обстановку. Масса друзей и знакомых... окружают... наперебой пожимают руки... из одних объятий перехожу в другие. Засыпают градом вопросов и предложений: «Откуда ты?», «где был до сих пор?», «когда у вас будут формирования?», «сколько у вас народа?», «оставайся у нас, не езди обратно!», «записывайся к нам в роту!», — «нет, к нам в эскадрон — мы скоро уже лошадей получать будем!»

Отвечаю на вопросы, доказываю, что вернуться обязан, т.к. меня ждут, а сам жадными глазами, всем своим существом, охватываю и впитываю в себя такую новую и, в то же время, такую знакомую картину, стараясь не пропустить ни одного движения, ни одного звука. Вот, казак, в синих шароварах и черной папахе с алым верхом, ведет пару коней к водопойному корыту. Там, разводящий ведет трех юнкеров с винтовками «на плечо» на смену на постах. Здесь, какая-то группа в штатском окружила стол и занимается разборкой ручного пулемета. В дверях казармы кто-то кричит вдоль по корридору: «Третий взвод строиться!» По направлению к воротам, по дорожке идет, четко отбивая шаг и отмахивая

рукой до пояса, с винтовками «на плечо» взвод. Хотя равнение винтовок и отмах руки оставляют желать лучшего, но по шагу и по выправке видно, что это не новички в строевом деле, но, о Боже, что за вид!.. Почти на всех, кроме двух-трех, марширующих в шляпах, надеты сербские пилотки — «шайкачи», человек пять-шесть в сербском военном обмундировании, а у остальных ремни с подсумками надеты на штатское пальто, куртки и пиджаки, черные, синие, серые и рыжие.

Проходя через казарменные дворы, на одном из них вижу построенную развернутым фронтом, прекрасно выравненную часть, с хором трубачей на правом фланге. Черные папахи, защитные гимнастерки с погонами, синие шаровары, ярко начищенные сапоги, за спиной башлыки, офицеры в серебряных погонах с гусарским зигзагом, большинство казаков — подхорунжие и урядники, с георгиевскими крестами и черными лемносскими. — Гвардейский казачий дивизион... Моложавый офицер — погоны с двумя просветами... — «полковник Рогожин» — говорит мой спутник...

Смотрю на казаков и думаю — прав был Наполеон: — какой народ был, есть или будет, чтобы смог, через двадцать лет эмиграции и тяжелой борьбы за кусок хлеба на чужбине, выставить целую воинскую часть, в старой форме, да еще с трубачами!..

Очень большой процент чинов Корпуса были старые борцы с коммунизмом — чины Белых Армий гражданской войны. Среди них немало колоритных фигур, не говоря уже о генералах и офицерах со славным боевым прошлым, бросаются в глаза два лихих полковника-марковца, оба безрукие; полковник Кондратьев с 19-ю нашивками за ранения (впоследствии павший смертью храбрых от 20-го ранения); полковник Гескет, ставший в строй, уже будучи инвалидом с недееспособной рукой и погибший на посту командира 4-го полка; маленький корниловец, шт.-кап. Новицкий, 6 раз раненый в гражданскую войну и снова ставший в строй и геройски погибший на бункерах 3-го полка, и многие другие.

Формирование Корпуса подвигалось довольно успешно.

Когда наш «Новосадский Батальон», преодолев все дипломатические препоны, в конце декабря 1941 года, в полном своем составе перебрался в Белград из «Новой Венгрии», мы застали уже большие перемены.

Из Топчидерских казарм Корпус был переведен на Баницу. Здесь я имел снова приятную встречу: из 9-ти моих однополчан по Северскому драгунскому полку, 8 было в рядах Корпуса, кроме того, было много офицеров и бывших однокашников-юнкеров по Николаевскому Кавалерийскому Училищу, не говоря о прочих друзьях и знакомых.

В. Черепов

«ИНДЕЙЦЫ»

В самом начале формирования нашего Корпуса в Топчидерских казармах, прибыла целая группа молодежи. Судя по их лицам и голосу, это были еще настоящие подростки.

Молодежь с детским пылом отдалась военной муштре, щеголяя один перед другим выправкой и отчетливостью. Занимались очень молодежь ружейные приемы и, в особенности, стрельба.

Однажды, как-то, их инструктор услышал возню и шум в комнате и, войдя туда, что же он увидел? Его «солдаты», кто с колена из-за кроватей, кто из-за подушек, с криком: «пу-паф», целились один в другого, прятались под кровати, перебегали и снова стреляли.

— Что здесь за шум? — строго спросил инструктор. Водворилась тишина... все вытянулись в струнку...наступило молчание.

— Я повторяю, что здесь за шум? — снова молчание, и один из молодых, так наивно, смущенно, робким голосом отвечает:

— Мы здесь играем в индейцев, господин капитан.

Капитан, едва сдерживаясь, чтобы не засмеяться, быстро вышел и, придя в свою комнату, со смехом рассказал о случившемся своим сожителям.

Так комната молодых получила название «индейской».

А когда из молодых сформировался взвод, то он назвался «индейский взвод». Когда же формировался юнкерский батальон и самых молодых по возрасту выделили в особую 3-ю роту, то и рота молодых стала называться «индейской».

С таким забавным именем эта рота в составе полка вышла на позиции. Это была действительно своеобразная часть. Вся рота имела отличительные клички: «петушиная голова», «дятел», «воробей» и т.д. Ротного командира за глаза все называли «вождь командир».

Стрельба для них была любимым занятием. Стреляли они в птиц «летающих» и «нелетающих» и в куриные яйца на определенную дистанцию. Некоторые тратили целые декады на покупку яиц для стрельбы, а затем призовики приготавливали «гоголь-моголь» — это было самым лакомым десертом.

«Вождь» их — человек спокойный, молчаливый, не преследовал молодежь за стрельбу, в этом он видел практическое обучение ей, но был определенный уговор: «попадешь — перо на стену, промах — два часа боевой».

Там, где стояла рота, ни воробьев, ни ворон не было видно — их всех перестреляли. А патронов у них было всегда много: первое, что брали «индейцы» у пленных и убитых бандитов, это гранаты и патроны.

Частые стрельбы «индейцев» имели не только забавные курьезы, но случались и недоразумения с соседями.

Как-то, под вечер один из «индейцев» решил подстрелить «нелетающую» птицу, — бегущую в стороне кошку. Ему последовал другой, как говорится: «пример заразителен»; стал стрелять и третий, другие открыли стрельбу прямо из окон хаты, стрелки вошли в азарт. «Двигающаяся цель» в испуге металась в стороны, поднялась беспорядочная стрельба. Соседи немцы с поста пустили ракету, на других соседних постах поднялась тревога, но вскоре всё выяснилось, почему стреляли. Виновные получили от «вождя командира» полагаемые «часы боевой», но это их не пугало и подобная стрельба поднималась не раз.

Были и такие случаи. Как-то три «индейца», на подводе

были посланы в штаб за продуктами. Был морозный зимний день. Юнкера решили по дороге зайти в хату погреться. Сели подле печки и, согрешившись с мороза, скоро заснули. Сколько они спали, неизвестно, когда проснулись и вышли на улицу, то подводы не было. Сосед селяк им объяснил, что здесь проходили два немца, что-то спрашивали, кричали, сели на подводу и поехали в обратном направлении. «Индейцы» решили догнать подводу.

В полку распространился слух, что пропали три «индейца», видимо попали в плен к бандитам. А «индейцы», пройдя больше 50 километров, только тогда нагнали подводу и через 4 дня вернулись с продуктами и подводой. Получили наказание, что не умеючи «грелись» и похвалу за настойчивый розыск подводу.

«Индейцы» — это была, действительно, своеобразная часть первого полка — «индейская рота»... в составе полка. Часто в полку можно было слышать: «индейцы стоят в К...», «на бункерах завтра нас сменяют индейцы», «индейцы ушли в экспедицию» и т.д.

Командир полка здоровался с ними не иначе, как:
— Здравствуйте, индейцы!

Вся рота, начиная от «вождя-командира», которого также называли «кожанная портянка», и до левофлангового, носила на левой стороне пилотки перо.

Вновь прибывшим, включая и лейтенантов, торжественно подносилось перо в пилотку, которое носилось всегда в строю и в походах. «Вождь» их — человек спокойный, молчаливый и удивительно неприхотливый и нетребовательный, особенно в походной жизни: спал на соломе, к еде был равнодушен, и молодые «индейцы» были предоставлены самим себе: они что-то варили, что-то ели, а помещение их было настоящее «сорочье гнездо». Но зато стены домов, где они стояли, были отлично расписаны рисунками из индейской жизни: «голова индейца с перьями», «томагавк», «виг-вам», «голова волка», «индейская хижина» и др. рисунки. На стенах у изголовья были прибиты перья и крылья убитых ими птиц.

как трофеи. Здесь были перья: воробьев, ворон, сорок и даже таких «летающих» птиц, как кур и гусей.

У одного индейца, по прозвищу «соколиный глаз» было прибито на стене 14 различных перьев.

Как-то, через деревню, где стояли «индейцы», проезжал в автомобиле немецкий генерал, начальник дивизии. Он заинтересовался рисунками на стене хат и, когда ему объяснили, что здесь стоят русские юнкера по прозвищу «индишен компани», генерал заинтересовался и осмотрел помещения, рисунки, перья на стенах и от души смеялся, когда ему объяснили особенные традиции роты.

Однажды, зимой, в деревню, под вечер, приехал один лейтенант с Баницы. Подходя к разрисованной хате, он, у горящего костра увидел сидящего с винтовкой на коленях, молодого солдата.

— Вы кто такой? — спросил солдата лейтенант. Солдат быстро вскочил и отчетливо ответил:

— Дневальный, г-н лейтенант.

Лейтенант, сделав замечание сидевшему дневальному, спросил у него, как пройти на квартиру к-ра роты.

«Дневальный», увидя проходящего своего товарища, крикнул ему:

— Эй, полугай, проводи г-на лейтенанта на квартиру «вождя-командира».

Бедный лейтенант совершенно был сбит с толку, куда, в какую часть он попал, но потом он искренно смеялся, когда узнал, что он «в гостях у индейцев».

Не менее поражен был лейтенант, когда на следующий день, зайдя в бункер к «индейцам», он увидел на стене семь разных рисунков: петушиную голову, барана, ослиные уши и др., которые, как ему объяснили, заменяли «список» фамилий обитателей караула.

Много было курьезных случаев и не только курьезных, но и характерных боевых эпизодов, когда молодые «индейцы», с юношеским пылом бросались в атаку на бандитов, под огнем смело выносили из боя раненых своих товарищей и смелые их разведки по горам Дрины.

С. Болдырев

ПЕРВОЕ БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Лютая зима 1941 года. В глубоком снегу, в сердце Сербии, находится рудник «Столице». Охрану несет 1-я юнкерская и часть 2-ой юнкерской роты 1-го полка Русского Корпуса. Это — молодежь, в возрасте 17-30 лет, отозвавшаяся одна из первых на призыв ген. Скородумова. Командир роты — старый офицер Имп. Армии, полковник Гордеев-Зарецкий, испытанный воспитатель молодежи, который закрепил в сердцах юных бойцов любовь к Родине и традиции славной Русской Армии.

Рудник находится в долине, окруженный горами. Посты расположены на вершинах с трех сторон. 4-ая же, самая высокая — «Козья гора» была довольно удалена от центра расположения роты, поэтому поста на ней не было, а у подножья был расквартирован 2-й взвод. Никаких бункеров в то время не было и посты находились под открытым небом, или же защищенные поленьями дров. С каким нетерпением ждали юнкера смены, это каждый может понять. А внизу, во взводе, друзья распалили до красна печурку, чтобы смена могла высушиться и обогреться.

Местность была невыгодна для обороны, но командир роты хорошо обдумал план ее, а благодаря частым тревогам, каждый взвод и боец знал свое место, с которого вся впереди лежащая местность была хорошо обстреливаема.

В это время коммунистические банды нападали на расположение наших частей.

8-го декабря 1941 года, на удивление, день выдался прекрасный, в отличие от других с вечным туманом и метелью. Свободные от службы юнкера, по окончании лекций, читавшихся командиром роты и взводными командирами, отдыхали по своим помещениям. Было около 4-х часов пополудни. Вдруг, одиночный выстрел прорвал тишину. — Это не спроста, — подумал каждый, т.к. одиночная стрельба в не-

урочное время была строго воспрещена и каралась нарядом на службу, или чистку картофеля вне очереди. За этим выстрелом последовал другой, третий и пулеметная очередь. Дежурный по роте забил тревогу. В один миг пулеметчики заняли свои позиции и под прикрытием их огня вся рота заняла свои позиции. На один момент водворилась полная тишина. Противник замечен, — пулеметное гнездо на «Козьей горе». Короткая команда и дружный огонь заставил пулемет противника замолчать. В это время со стороны 2-го взвода и с «Козьей горы» противник повел наступление, но юнкера не дремлют: ураганным огнем, в течение 1-2 минут заставляют противника на мгновение задержаться, и этого довольно. 2-й взвод, при поддержке 1-го взвода, с криком «Ура», бросается в атаку. Юнкер 2-го взвода Фортель в упор расстреливает коммунистического вождя «Вука». Пули наших бойцов метко сваливают противника, не успевшего скрыться за горой.

В то же время 4-й взвод и часть 2-ой роты карабкаются на гору, при поддержке огня 3-го взвода, который находится в резерве. Противник сильным огнем заставляет взводы залечь, но 3-й взвод бешеным ружейным и пулеметным огнем освобождает окопы наших бойцов; последние с криком «ура», по глубокому снегу, бросаются вперед и своим огнем и ручными гранатами выбивают противника с вершины «Козьей горы». Темнеет.... Светящиеся мотыльки мелькают всё реже и реже, и вовсе исчезают. Последний дружный залп по убегающему противнику. Тишина... Только алый снег и много следов напоминают о происшедшем.

В роте не было ни одного убитого, только юнкер 4-го взвода 1-ой роты Сергей Шауб был тяжело ранен в бок. Этот юный, 17-ти летний боец, своей отвагой заслужил Георгиевский крест 4-й степени.

На следующий день нашей разведкой был пойман коммунистический курьер. В донесении, найденном при нем, было сказано: «Русские встретили нас бешеным огнем и стре-

мительной атакой. Понеся большие потери, мы принуждены были отступить».

Кто же эти русские? Кто же эти молодые бойцы, которые первый раз услышали свист пуль? Откуда у них сила и отвага? — Это сыны и внуки славных русских чудо-богатырей, которые внедрили им с детства: чувство долга, любовь к Родине и ненависть к ее поработителям; а дисциплина, отвага, быстрая оценка положения помогли им с таким успехом выиграть первое боевое крещение.

Многие из этих юных орлов в дальнейшем были на командных должностях. Многих нет среди нас, они пали смертью храбрых, честно исполнив свой долг.

Вечная память погибшим! Слава живым!

А. Политанский

НА ДРИНЕ

Заклубились туманы по Дрине,
По горам пожелтели леса,
И за быстрой рекой по долине
Так печально звучат голоса.

Вьются в небе темнеющем птицы.
Слышен выстрелов отзвук глухой...
У Боснийской тревожной границы
Ловим каждый мы шорох ночной.

За рекой все покрыто туманом
И кругом не увидишь ни зги,
Мы еще настороженной станем
Каждый шелест — быть может враги!

В эти ночи безмолвно- глухие
На далеких тревожных постах
Для Тебя берегаем, Россия,
Белый крест в закаленных сердцах.

О. А. Сидоров

1 9 4 2

При штабе Корпуса, 3 января сформирована рабочая рота; к-р — полк. барон Мейндорф.

По болезни, 4 января, уволен от службы ген Егоров и командиром 2-го полка назначен полк. Мержанов.

2-й полк закончил свое формирование и по этому случаю 6 января состоялся смотр полку, а затем парад, который принимал ген. Бадер. На параде 2-й эскадрон был в конном строю, 3-я рота — на велосипедах, а 4-я (батарея) — с четырьмя орудиями. В этот же день назначен адъютантом 2-го полка ген. шт. полк. Саборский.

На следующий день, по случаю Рождества Христова, весь 2-й полк с оркестром ходил в город к русской церкви, где состоялось торжественное богослужение.

8-го января приступлено к формированию 3-го полка, 1-я, 2-я и 3-я роты которого в конце декабря и в начале января перевезены из Н. Сада на Баницу. Командиром полка назначен полк. Шатилов; полк. Ендржевский — к-ром II б-на 1 полка, а полк. Мышлаевский — к-ром 4 роты 1 полка; 10 января назначены: адъютантом 3 полка — кап. Нагоров, к-ром I б-на 3 полка — ген. Черепов; к-ром 1 роты — полк. Трескин; 2-ой — полк. Козинец и 3-й — полк. Зозулин.

В течении 9, 10 и 11 января части 2-го полка выступили из Белграда к месту своего назначения. В полку 12 рот. Последние роты полка были сформированы: 11 декабря — 12-я полк. Бузуна; 26 декабря — 10-я полк. Бреннеке и 28 декабря — 11-я полк. Конова.

Нач-к Воен. Хозяйств. Отдела ген. Глаголев, 11 января освобожден от должности и на его место назначен хауптман Протопопов А; 15 января назначен к-ром 11 роты 2 полка ген.-м. Ботурский; 17 января д-р Мокин — старшим врачом лазарета, д-р Плешаков — полковым врачом 1 полка.

При штабе Корпуса, 20 января, сформирован Запасный батальон, к-р — ген.-м. Пулевич, в составе рот: Ремесленной — ген. Глаголев, Рабочей — об.-лейт. Бертельс. Выздоровливающих — полк. бар. Мейндорф, Этапной — полк. Голеевский и оркестра — об.-лти. Галаев.

22 января ген. шт. подполк. Васильев назначен к-ром роты Управления

3 полка; к-ром вновь формируемой 4-ой стрелк. роты при юнкерском б-не 1 полка — полк. Гранитов, а к-ром 2-ой юнк. роты — полк. Эйхгольц; 23 января прод. о. Борис Молчанов — полковым священником 3-го полка. К-рами вновь сформированных в 1 полку рот, 1 февраля назначены: 8-ой подполк. Зельтман, 11-ой — полк. Белый и сотни управления — полк. Зершиков.

Священником Запасного б-на, 5 февраля, назначен иеромонах о. Никон Рклицкий. В тот же день при этом б-не сформирован топографический взвод.

Для чинов, занимающих офицерские должности, для ношения вне строя, установлена фуражка русского образца, с околышем темно синего сукна, одноцветного с воротником, с серебряными шнурами.

Тулья фуражки из сукна по цвету мундира (защитно-зелен. или коричнеч.). На фуражке три канта из приборного сукна для пехоты — малинов., для кавалерии — желт., для казаков — голуб., для артилл., техн. войск, ген. штаба, военн.-судебн., воен. санит. и воен. ветер. — алого цвета.

Германским офицером для связи при штабе Корпуса, 1 марта, назначен майор Лихтенеккер.

1-й б-н 3 полка, 6 марта, отправлен в распоряжение к-ра 1 полка (очерк «Новосадская дружина»).

К-ром 1 б-на 2 полка, 7 марта, назначен ген. Иванов.

Первая партия пополнения из Болгарии прибыла 21 марта (очерк «Болгарское пополнение»).

30 марта назначен к-ром 7 роты 3 полка полк. Фетисов; 1 апреля — к-ром 3 роты 2 полка — полк. Цешке; к-ром II б-на 3 полка — полк. Гранитов; к-ром 8 роты 3 полка — полк. Мурзин; 4-ой роты 2 полка — полк. Бялковский; 5-ой роты 3 полка — полк. Кривский; заведывающим артил. частью Корпуса — ген. Игцатьев и заведывающим инженерной частью — полк. Михеев; 8 апреля — к-ром III б-на 3 полка — полк. Гранитов, а II-го — полк. Гескет; 14 апреля, к-рами рот 3 полка: 5-ой — подполк. Плонский; 6-ой — полк. Кривский; 4-ой — ген. Тихоцкий; 9-ой — ротм. Шелль; 10-ой — подполк. Роговской; 11-ой — полк. Миловидов; 12-ой — полк. Королев; 4-ой роты 1 полка — полк. Максотов.

II-ой батальон 3-го полка, 17 апреля отбыл в Кос. Митровицу.

На Банице. 29 апреля приступлено к формированию 4-го полка, к-ром которого назначен ген. Черепов, адъютантом — ген. шт. полк. Жуков. В связи с этим к-ром I б-на 3 полка назначен ген. Петровский, а к-ром I б-на 1 полка — ген. Зинкевич и к-ром 6 эскадрона 1 полка — ген.-м. Попов Николай.

Приказом полк. Кевич, Корпус 11 мая подразделен на две бригады. К-ром 1-ой бригады назначен ген.-м. Драценко (генерал-майором), нач. штаба бригады — ген. шт. полк. Иордан; адъютантом — ротм. Ковалев-

ский. В тот же день к-ром I б-на 4 полка — ген. Морозов.

III-й б-н 3 полка, 18 мая отправлен в Кос. Митровицу вместе со штабом полка. К-ром роты управления 4 полка назначен ген. шт. подполк. Подольский.

Штаб I-ой бригады, 22 мая прибыл в Аранджеловац

Назначены: 28 мая — к-ром сотни Управления I полка — ген. шт. полк. Ивановский; инспектором классов юнкерского б-на — ген. шт. ген.-м. Георгиевич; 30 мая: к-ром II б-на 4 полка — ген. шт. ген.-м Пулевич; к-ром Запасного б-на — полк. Голеевский; 9 июня: к-ром рабочей роты Запасного б-на — хауптман Протопопов А.; главным врачом лазарета — д-р Финне, а корпусным врачом — д-р Попов; 24 июня: к-ром 6 эск 1 п. — полк. Винокуров; 26 июня майор Лобан исключен из службы.

11 июля в Берлине скончался шеф Корпуса — ген. шт. оберст Кевиш. Ген. Штейфон ездил на похороны. Со стороны всех присутствовавших на похоронах ген. Штейфон встретил самое исключительное внимание, а затем при встрече с военными кругами выяснился их огромный интерес к русским формированиям. К-р Корпуса вернулся с радужными надеждами на будущее Корпуса.

Назначены: 8 августа — к-ром 10 роты 2 полка — полк. Мамонов, 23 августа; к-ром 5 роты 3 полка — полк. Урнижевский; 3-ей роты — полк. Рубец; 4-ой роты 2 полка — полк. Бреннеке. Перемещены один на место другого, 17 сентября к-р II б-на 1 полка — полк. Ендржеевский и к-р I б-на 3 полка — ген. Петровский.

7-я (донская) сотня 3 полка переведена 7 сентября в 4-й полк, как 4-я, а 4-я рота 4 полка — в 3-й полк, как 7-я.

В казармах на Банице команда от всех полков прошла курс обучения стрельбе из орудий ПАК (Очерк «Формирование взводов ПАК»).

26 сентября успешно закончены ветеринарно-фельдшерские курсы.

Приказом от 30 ноября объявлено распоряжение германского командования о переименовании Русской Охранной Группы в Русский Охранный Корпус со включением в состав Германских Вооруженных Сил (Вермахт). Состав Корпуса: I. Штаб Корпуса, при нем роты: караульная, снабжения, транспорт, запасная и лазарет. II. Три полка: 1-й казачий, 2-й и 3-й. Дружины и сотни переименовываются в батальоны и роты. Управление Группы и I-ой бригады, 4-й полк и Запасный б-н расформируются. В должность Начальника Отделения Управления, с исполнением обязанностей начальника штаба Корпуса вступил ген. шт. ген.-м. Гонтарев (майором). Назначены: ген.-м. Кириенко — корпусным интендантом (майором), полк. Яковлев — квартирмейстером (майором), полк. Ставрович — адъютантом, нач-ком Отд. II-а (хауптманом), подполк. Голубев — офицером корп. интендантства (фактически нач-ком отд. связи хауптманом); к-ром запасной роты — полк. Голеевский; караульной —

ген.-м. Егоров, транспорта — ген.-м. Пулевич, снабжения — полк. Жуков.

31 декабря перемещены один на место другого: адъютант 3 полка кап. Нагоров и адъютант II б-на 2 полка ген. шт. ген.-м. Бредов.

1-й полк

10 января 9-я сотня прибыла в Лешницу для несения гарнизонной службы и охраны мостов.

В связи с разворачиванием полка до 12-сотенного состава, 1 февраля произведено реформирование: 4-я рота переименована в 5-ю; 5-я — в 7-ю; 7-я Гвард. — 12-ю Гвард.; 8-я — в 10-ю, вновь сформированы: 4-я, 8-я и 11-я.

Расположение частей к 1 февраля: Лозница — штаб полка, сотня управления, штаб I б-на, 2 и 4 роты; Крупань — штаб II б-на, 5, 7 и 8 роты и 6 эск.; Заяча — штаб III б-на, 10, 11 и 12 сотни; Лешница — 9 сотня; Столица — 1-я рота; Мойковичи — 3-я рота.

Лошади для 6-го эскадрона прибыли в Шабац 23 февраля.

Первый постоянный немецкий офицер для связи, лейт Ран, прибыл в полк 19 февраля.

Первая крупная совместная с четниками операция отряда в составе 2-ой, 3-ей и 7-ой роты, против красных, в районе Мойкович-Осечина, началась 25 февраля и продолжалась шесть дней, причем в соприкосновении с красными удалось войти 2-ой юнк. роте 27 февраля. Рота вступила в бой, закончившийся бегством красных. В этом бою был ранен к-р роты полк. Эйхгольц и три юнкера (Очерки: «2-я юнкерская рота» и «Наша молодежь»). В командование ротой вступил полк. Котляр. При преследовании красных 7-ой ротой, 1 марта, в роте было ранено три чина.

I-й б-н 3 полка, 8 марта прибыл в Лозницу. Произведена перегруппировка и к 15 марта расположение частей было следующее: Лозница — штаб полка, сотня Управления, 1-й б-н; Крупань — штаб II-го б-на 4-я, 5, 7 и 8 роты; Заяча — I-й б-н 3 полка; Мойковичи — штаб III б-на и 12-я Гвард. сотня; Бела Црква — 11-ая сотня; Столица — 10-я сотня; Лешница — 9-я сотня и Шабац — 6-й эскадрон.

Виду появившейся возможности переправы крупных сил красных через Дрину из Хорватии на наш берег, начиная с 22 марта производилась усиленная разведка сел по Дрине на участке М. Зворник — Цулине. 26 марта получено распоряжение об охране Дрины от М. Зворника до Рогачицы, для чего штаб I б-на, 1-я и 3-я юнк. роты переброшены в Любовию. 5-я и 1-я рота 3 полка — в Рогачицу.

Для очищения берега Дрины от Дринячи до Любовии, от красных, шесть бомбометов 3-го полка и 3-я юнк. рота, 4 апреля перешли в Цулине и своим огнем помогли германским частям, двигавшимся по хорватскому берегу Дрины, войти в Дринячу. На следующий день 3-я рота вер-

нулась в Любовию.

9 апреля Хорватские усташи обстреляли наш берег в районе Любовии, но после ответного огня наших полевых караулов бежали, чиня дикую расправу над сербскими беженцами. Наши части прикрывают переправы, помогая сербам перейти на наш берег.

Для прохождения курса обучения обращения с современным оружием, 2-я юнк. рота, дополненная взводами от II-го и III-го б-нов, 15 апреля выступила в Аранджеловац. В связи с этим 9-я сотня переброшена в Лозницу.

Для объединения действий всех частей на Дрине, в Любовию 22 апреля командирован полковник Рогожин.

29 апреля, вместе с пополнением для полка, в Лозницу прибыла 4-я сотня 3 полка 6-й эскадрон сосредоточен в Лешнице.

1-й б-н 3 полка. 14 мая убыл из района 1 полка, в связи с чем, в Заячу прибыли 4-я и 9-я сотни.

Вступивший в командование I-м б-ном, ген. Зинкевич, 17 мая сменил на Дрине полк. Рогожина, который вернулся в Мойкович

Учебная команда, составленная из чинов от всех сотен полка, начала свои занятия 28 мая.

Для охраны сев. участка Дрины (нач. участка полк. Головка), 30 мая произведена перегруппировка: 9-я сотня переброшена в Прньавор и др. села, 4-я сотня перешла из Заячи в Лозницу, а 8-я — из Крупня в Заячу; 20 июня 4-я сотня сменила 3-ю в В. Река, а 9-я прибыла в Лозницу; 23 июня 3-я юнк. рота выступила в Аранджеловац на смену 2-ой роты, которая 29-го прибыла в Лозницу

Вновь сформированный артиллерийский взвод 9 июня отправлен в Белград для обучения. В Лозницу из Белграда, 13 августа прибыл взвод ПАК под командой лейт. Гранитова

По случаю годовщины основания Корпуса, 12 сентября, в Лознице состоялся парад, во время которого произошло производство 186 юнкеров, окончивших военно-училищные курсы, — в подпоручики.

При полку, для партизанских действий, 21 октября сформирована охотничья команда под командой лейт. Флегинского.

Второе полугодие прошло в постоянных мелких операциях и усиленных разведках, в связи с чем, части полка много раз меняли свои стоянки и к 13 ноября занимали гарнизонами: Заяча — 1-я и 2-я юнк. роты (3-я юнк. рота 18 октября из Аранджеловца перешла в Белград); Крупань — 4-я, 9-я и 11-я; Любовия — 5-я; Лешница — 6-й эск.; Цулине — 7-я; М. Зворник — 8-я; Столица — 10-я и Мойкович — 12-я Гвард.

По телефону из штаба Корпуса, 13 ноября было сообщено о переформировании I-го полка в казачий, в связи с чем 17 ноября 1-я и 2-я юнк. роты были отправлены из Лозницы в Неготин, а в Лозницу прибыли:

20 ноября — 3-я и 4-я сотни 3 полка; 2 декабря в Б. Ковилячу — 5-я и 6-я сотни 2 полка; 3 декабря они перешли в Зворник, а 4-го — в Цулине.

Войсковой Агаман Кубанского каз. войска, ген. шт. ген.м. Науменко 9 декабря посетил части полка; 10 декабря 5-я и 7-я роты отправлены в 3-й полк; 26 декабря в Баню Ковилячу прибыл донской батальон ген. Морозова без 9 сотни; 29 дек. 6-й эскадрон отбыл со ст. Лешницы на Шабац для следования в 3-ий полк; 6-я сотня 3 дек. вернулась в Зворник.

До 31 декабря переформирование полка закончено еще не было.

2-й полк

Выступившие из Белграда 9-го, 10-го и 11-го января части 2-го полка прибыли: штаб полка 11 января в Заечар, откуда 19 января переведен в Бор. 1-й 6-н 11 января — в Пожаревац, причем 1-я рота была отправлена для охраны рудников в Костолац, Кленовник и Чириковац; II-й 6-н 12 января — в Неготин и III-й 6-н 10 января — в Бор. Штаб I 6-на 25 февраля перебросен в район рудника Майдан-Пек, а оттуда 14 марта — в Д. Милановац.

24 января взвод 2-го эскадр. произвел усиленную разведку (см. оч. «2-ой эскадрон»).

С 24-го по 27 марта — боевая экспедиция 10-ой роты в район ст. Метовница — Парачин. Такая же экспедиция — 27 апреля.

На жел. дор. станции Мала Сува, 16 июня произведено нападение красных на поезд. Несколько чинов Корпуса было уведено в лес и там зверски убито, в том числе вет. врач Шиллеров.

Экспедиции: 8 сентября — III-й 6-н из Бора, по очистке района При Врх, 7 октября — Неготинского гарнизона против партизан в районе Рготский Камень — Рготина и Борского гарнизона — по очистке пути Неготин-Брусник; 22 октября — поход 2-го эскадрона Пожаревац-Младеновац-Белград-Смедерево-Пожаревац-Кучево-Петровац и возвращение 1 ноября в Пожаревац; 3 ноября — участие в экспедиции 6-ой и 7-ой сотни в районе Корбулово-Чудра-Брестовац-Брусник; 6 ноября — 5-ой сотни — Корбулово.

В августе прибыл в полк сформированный на Банице взвод ПАК под командой лейт. Сомова.

На барках по Дунаю, 17 ноября, 7-я и 8-я сотни из Прахово перебросены в Д. Милановац.

21 ноября штаб II 6-на, 5-я и 6-я сотни переведены в 1-й полк; 1 декабря расформированы взводы' самокатный, рабоче-технический и санитарный; 4-я батарея и 11-я рота. Вместо них сформированы: артиллерийский взвод и тяжелые взводы при батальонах, а вместо ушедших в 1-й полк сформированы 5-я рота (из 5-ой роты 4 полка) полк. Лучанинова и 7-я (из 1 и 2 юнк. рот 1 полка) — полк. Эйхгольц.

3-й полк

1-й б-н был отправлен 6 марта в 1-й полк.

II-й б-н, 17 апреля отправлен из Топчидера в Косовскую Митровицу, куда прибыл 19 апреля и размещен в казармах.

I-й б-н, смененный частями I-го полка, 17 мая отправлен на присоединение к полку и прибыл в Вучитрн, где размещен в казармах (Очерк «Новосадская дружина»).

Штаб полка, III-й б-н и сотня управления 18 мая отправлены из Топчидера в Кос. Митровицу, куда прибыли 20 мая. Размещены в Сокольском доме, казармах и в городе.

Обстановка в районе Кос. Митровицы усложнялась враждой между арнаутами и сербами. К нашим частям обе стороны относятся хорошо.

Несение службы: 1 рота — на охране подвесной жел. дороги Трепче-Звечаны; 1 взвод — в ночном карауле на заводе Звечан; 1 рота из гарнизона Кос. Митровицы и 1 рота из гарнизона Вучитрн сменяются на пограничной службе на Коссовом поле.

Первая операция по очистке от банд района к западу от Кос. Митровицы в составе 6 рот была произведена 4 и 5 июня. Вторая — силами I б-на — 11-13 июня.

III-й б-н, 29 июля поставлен на охрану жел. дороги от албанской границы до ст. Ушче (искл.) штаб б-на — Рудница; штабы рот: 9-ой — Иошаничка Бая, 10-й — Рудница; 11-ой — Слатински Мост; 12-ой Баньска. Люди размещены по станциям, школам, вагонам и палаткам. Бункера строятся.

Сводный отряд из частей полка совершил от 1 до 7 августа семидневный учебный марш для очистки от партизан Копаоника.

8-я рота, 20 августа переведена в Рашку и заняла участок между 9 и 10 ротами, выделив один взвод на ст. Воевода Степа.

Переведены 4 сентября: штаб III б-на — в Рашку, 11 рота — в Лепосавичи.

7-я сотня, 7 сентября переведена в 4-й полк, а 4-я рота 4 полка переведена в 3-й полк с переименованием в 7-ю под командой ген. Ангилеева.

Вследствие несчастного случая, 17 сентября погиб командир 6-ой роты полк. Кривский.

Штаб II б-на, 6-я и 7-я роты, 28 сентября переведены в район Иошаничка Бая и приняли охрану рудников Ушче, Ярандо и Кремичи, а 5-я рота — в Милошево для охраны аэродрома.

В связи с окончанием постройки бункеров, 3 октября произведено новое распределение рот, охраняющих жел. дорогу: 12-я — Воев. Степа; 10-я — Лешак; 11-я — Слатина и 4-я — Баньска.

Назначены 25 ноября — ген. шт. полк. Плотников — к-ром 5-ой юн-

керской роты; 9 декабря — ген. Черепов — к-ром III б-на.

После перегруппировки, 11 ноября, участки жел. дороги заняты: 9-я рота — Иошаничка Баня; 6-я — Писканья; 8-я — Рашка; 10-я — Лешак; 11-я — Слатина; 12-я — Баньска; 4-я — Кос. Митровица; 5-я — Ярандо; 7-я — охрана фабрики Лисса-Иваница; 3-я — Звечаны-Трепче; 2-я — Кос. Митровица для гарнизон. службы; 1-я — Вучитри.

Вследствие перехода в Вермахт, в течение декабря произошли переформирования, в итоге которых состав полка оказался следующим: К-р I б-на полк. Ендржеевский, 1-я рота (из чинов 5-ой роты 1 полка) полк. Мышлаевский; 2-я (из чинов 1-ой и 2-ой роты 3 п.) полк. Трескин; 3-я (из 9-ой роты 3 п.) ротм. Шелль; штаб — Краљево. Батальон стал на охрану жел. дороги Краљево-Иошаничка Баня.

К-р II б-на — полк. Гескет; штаб — Рашка; 5-я рота — полк. Плотников — Балевац; 6-я (из 10-ой р. 3 п.) подполк. Роговской; 7-я (из 6-ой и 11-ой рот 3 полка) — кап. Иодчин.

К-р III б-на — ген. Черепов. Штаб III б-на и Тяжелый взвод — Вучитри; 9-я рота (из 7-й 3 полка) — ген. Ангилеев, Артил. взвод — на бункерах у Иошаничка Баня.

4-й полк

Формирование полка началось 29 апреля.

I-й б-н, 26 июля отправлен на охрану жел. дороги Крушевац-Ушче, причем 1-я сотня заняла участок Краљево-Крушевац; 2-я и 4-я — Краљево-Ушче и 3-я — Краљево.

15 августа 5-я рота отбыла в Ниш для несения охранной службы.

8 октября закончено формирование 6-ой роты.

30 ноября, вследствие новой организации Корпуса, 4-й полк расформирован, причем I-й б-н переведен в 1-й полк, а 5-я и 6-я роты — во 2-й полк (Очерки: «4-й полк» и «В 4-м полку первого формирования»).

Новосадская Дружина

Когда в сентябре 1941 года последовал приказ ген.-м. Скородумова о формировании в г. Белграде Русского Корпуса, имеющего целью борьбу с коммунистами и поход в Россию для ее освобождения от красного ига, русское воинство, проживавшее на территории Бачки и Баната (Югославия), оккупированных венгерскими войсками, с охотой своим священным долгом откликнуться на этот приказ, но встретило противодействие со стороны венгерских властей, заявив-

ших, что с коммунистами русские могут бороться в рядах венгерской армии; вследствие закрытия границы, даже оди-ночным людям проникнуть в Белград оказалось совершенно невозможным, не говоря уже об отправке туда организо-ванных частей.

Несмотря на это создавшееся положение, всё же в г. Но-вом Саду, в русском офицерском собрании, был открыт реги-страционный пункт для всех воинских чинов, проживавших на территории Венгрии. Во главе этого пункта стали — За-ведывающий Делами Корпуса Императорской Армии и Флота ген.-лейт. Апухтин и Председатель Новосадского района Р. О. В. С. ген.-м. Черепов.

Движимые патриотическим чувством и желанием при-нять горячее участие в деле освобождения своей Родины, рус-ские люди живо откликнулись на регистрацию, бросая хоро-шо оплачиваемую службу и места, продавая за бесценок свое имущество и дома, кто таковые имел.

В конце концов, под давлением Германского Командова-ния, венгерское военное министерство разрешило начать фор-мирование частей из проживающих на территории Венгрии русских.

В г. Новом Саду, на улице Царя Николая II был снят спе-циальный дом, куда стекались русские добровольцы и где поместилось Представительство Русского Корпуса, во главе с ген.-лейт. Апухтиным, при начальнике канцелярии гв. полк. Дворжицком.

Работа интенсивно закипела, решено было сформировать несколько рот.

Первоначально начала формироваться дружина, состояв-шая из трех сотен. Командование дружиной принял ген.-м. Черепов; 1-ой сотней, состоявшей исключительно из офице-ров, был назначен полк. Трескин; 2-ой, состоявшей из кавал-еристов (преимущественно из солдат) — полк. Козинец и 3-ей, состоявшей из казаков — полк. Зозулин.

К середине декабря 1941 года сотни были сформированы и началась переброска таковых на грузовиках в Белград. В

первую очередь была отправлена 3-я, за нею 1-я и, наконец, 2-я сотня.

По прибытии в Белград в конце декабря 1941 г., 1-я сотня представилась командиру Корпуса ген. Штейфону, который был поражен внешним ее видом, несмотря на то, что прошло много лет с тех пор, как русский офицер снял свой мундир и надел штатское платье, под которым всегда билось сердце настоящего офицера.

На Банице Новосадская дружина положила основание 3-му полку, став его 1-ой дружиной

Еще не было приступлено к формированию 2-й дружины 3-го полка, как после произведенного смотра 4 марта 1942 г. Новосадская дружина, 7 марта была погружена на ст. Топчидер в эшелон и отправлена по жел. дороге в Лозницу, в распоряжение 1-го полка.

Простояв в Лознице три дня, дружина была походным порядком отправлена на охрану антимониевого рудника в Заяче, куда и прибыла 12 марта.

Здесь 1-я сотня приступила к охране рудника, приводя всё в исправность, после недавнего на него нападения партизан-коммунистов. Приводились в порядок старые бункера, строились новые, вырубались целые полосы леса для лучшего обстрела впереди лежащей местности; в общем, готовились к достойной встрече врага. Штаб дружины помещался в долине, где находились постройки рудника, сотни же заняли бункера на окаймлявших долину возвышенностях.

27 марта последовал приказ Дружине выделить из своего состава 1-ю сотню, которую в спешном порядке направить на левый фланг расположения 1 полка в село Рогачицу, куда также отправилась и 5-я сотня 1 полка.

После напутственного молебна перед сотенной иконой старинного письма в честь Св. Андрея Первозванного, которой благословил сотню б. Военный Агент в Белграде, ген. шт. ген.-м. Артамонов, в свое время получивший таковую от Афонского монастыря, сотня выступила походным порядком из Заяче, в направлении на Зворник причем итти надо было

по шоссе, проходившему по правому берегу реки Дрины, левый берег, который был занят партизанами. Переход в 118 километров, с мерами боевой предосторожности, был сделан в 2 суток и 1-я сотня присоединилась к 5 сотне 1 полка в с. Рогачица, откуда и были высланы постоянные заставы силою по взводу, по правому берегу реки, вплоть до села Любовия, занимавшейся 3-ей юнкерской ротой 1 полка.

Ввиду удаленности базы (Лозница), этим двум сотням приходилось часто довольствоваться местными средствами, т.к. единственный грузовик, под названием «Марица», совершал свои рейсы нерегулярно.

В оперативном отношении обе сотни подчинялись командиру герм. панцырного полка, подполк. фон-Гайзе, который шел сотням навстречу во всех отношениях и оставил по себе самое хорошее воспоминание; вместе с ним было сделано несколько экспедиций в горы и во время одной из них он был убит.

С апреля месяца хорваты, проживавшие на левом берегу Дрины, повели яростную кампанию против проживавших на их территории сербов, при чем расправа была настолько жестокой, что не щадились даже дети, женщины и старики. По временам река буквально наполнялась плывущими вниз по течению трупами. Сербские беженцы, желая спастись от преследования хорватов в районе Рогачица-Баина Башта, стремились на лодках, на сколоченных плотках и просто вплавь переправиться через Дрину на сербскую сторону, бросая на произвол свое имущество, захватывая с собой только самое необходимое. Во время переправ, происходивших в нескольких пунктах реки, хорваты буквально расстреливали переправлявшихся и пришлось, в конце концов, выслать экспедиции на другой берег Дрины, для облегчения переправ. В течение некоторого времени удалось под прикрытием наших доблестных «солдат» переправить свыше 3000 человек; в этом отношении особенную энергию проявил командир взвода 1-й сотни подполковн. Гунбин.

В 2 часа дня 20 мая последовало приказание снять все

заставы от 1-й сотни и таковой, в спешном порядке двинуться походным порядком в г. Ужице, куда прибыть на следующий день к 10 час. утра на станцию для погрузки на железную дорогу, что и было выполнено, после тяжелого ночного, в 40 километров, перехода через горы.

В 7 час. утра сотня прибыла на станцию Ужице, а в 10 час. приступила к погрузке в поданный эшелон, который имел назначение следовать на ст. Ниш.

21 мая 1942 г., погрузившись в 10 ч. утра на ст. Ужице, 1-я сотня 3 полка отправилась по жел. дороге и, подъезжая к ст. Ниш, обогнала эшелон с Новосадской дружиной, к которой и присоединилась на станции Ниш. Дружиной уже командовал ген.-м. Петровский, вместо ген.-м. Черепова, оставшегося в Белграде принимать прибывающих из Болгарии для формирования 4 полка.

Состав 1-й дружины увеличился 4-й сотней, состоящей из казаков, которой командовал ген.-м. Тихоцкий.

Через несколько дней дружина прибыла в г. Вучитрн.

В Вучитрне дружина начала интенсивно обучаться по германским уставам, введены были также и офицерские занятия — строевые, тактические и полевые до военной игры включительно.

В мае был уволен командир 2 сотни полк. Козинец, на место которого был назначен полк. Рубец.

Занятия продолжались в течении всего лета, с прохождением полного курса стрельбы. Было также проделано несколько экспедиций в горы для поимки партизан.

19 сентября ген.-м. Петровский был переведен в 1 полк, а на его место командиром 1 дружины был назначен полк. Ендржеевский.

После кратковременного пребывания в казармах в Кос. Митровице, 1 сотня выступила на охрану рудника Трепче (воздушной линии), которую занимала в течение 2½ месяцев.

В ноябре состоялся давно всеми ожидаемый перевод в Вермахт, принесший многим разочарование, т.к. новые шта-

ты предусматривали состав роты в 169 человек при 3 взводных офицерах, тогда как сотни имели по 108 человек при 4 офицерах. Произошло полное переформирование, благодаря которому общее число рот значительно сократилось, вследствие чего много офицеров осталось без командных должностей, которые они раньше занимали.

В 1 сотню 3 полка была влита 7-я (техническая) 1 полка, состоявшая преимущественно из офицеров, что и составило 2 роту 3 полка, командиром которой был назначен полк. Трешкин. Из 4-х взводных офицеров 1 сотни был оставлен только подполк. Гунбин. Командиром 1 роты был назначен полк. Мышлаевский, которую составили 5 сотня 1 полка и пополнения из других сотен того же полка. В 3 роту были сведены все кавалеристы и командиром ее был назначен ротмистр Шелль. 4-я сотня была выделена из состава 3 полка, как состоящая из казаков и отправлена в 1 полк, который составлялся из казаков.

По переформировании I батальон 3 полка, 16 декабря 1942 г. прибыл в г. Кральево, где, сменив казачьи части ген.-м. Морозова, стал на охрану жел. дор. линии Кральево-Кос. Митровица.

Охрана участка ж. д. линии Кральево-Ушче чередовалась с занятиями в Боготовачкой Бане, где помещался штаб 2-ой роты 3 полка; периодически высылались разведка по обе стороны охраняемого участка и принимались все меры, чтобы достойно встретить противника, в случае нападения с его стороны на бункера.

Возвращаясь из Косовекой Митровицы с полкового праздника, на который я ездил, как представитель I батальона, еще в районе ст. Ушче до меня дошли слухи, что ночью было нападение на 2 роту, причем есть убитые и раненые.

Как оказалось, 22 мая, около 12 час. ночи, банда противника, количеством до 1000 чел., за последним бункером № 129 примерно, в 2½ клм. от него в сторону Кральево, на участке, охраняемом сербской государственной стражей, начала переходить железную дорогу. Шедшие в это время по шоссе,

идушему параллельно ж. д., командир бункера № 129 капитан Бюро с рядовыми Мазур и Мазараки, не растерявшись, залегли на шоссе и открыли огонь по переходящей колонне. Выпустив все свои патроны, что свидетельствовали 3 кучи расстрелянных гильз и 3 больших лужи крови, эти 3 чина погибли геройской смертью. Все три трупа были изуродованы, носили следы явного издевательства, руки у всех были сильно порезаны, очевидно, от последней рукопашной схватки.

По возвращении рано утром в штаб роты, мною был выслан в погоню за противником взвод под командой лейтенанта И., который переправившись через р. Ибар, по указанию местных жителей, обнаружил два трупа, наскоро присыпанных землей, один из которых был прекрасно одет и в бумажнике которого было найдено удостоверение на имя командира этой банды некоего Милетича, которого еще в районе р. Дрины разыскивали сербские национальные войска, предлагавшие еще тогда за его голову довольно крупную сумму. В бумажнике было найдено еще много фотографий, подтверждавших в убитом главари банды, и довольно крупная сумма денег. Всё это было отправлено в штаб полка. Жители показали, что банда захватила с собой раненых, среди которых были и тяжело раненые.

Тела всех погибших были преданы земле на кладбище в Кральево с надлежащими воинскими почестями в присутствии командира Корпуса ген. Штейфона.

В июне месяце командир I б-на полк. Ендржеевский серьёзно заболел и я вступил во вр. командование б-ном, адъютантом которого был исключительно честный и порядочный человек — ген. шт. полк. Думский, впоследствии, в 1944 г. предательски убитый в районе Чачка четниками из за нежелания сдать оружие.

В день рождения Болгарского Короля Симеона, начальником расположенной в Кральево дивизии, генералом Гроздановым был устроен парад, после которого приглашенные были приглашены на обед, устроенный в «солдатенхейме». Обед был сервирован на 150 человек и отличался обилием

яств и напитков. После обеда начальник дивизии пригласил командира корпуса ген. Фишера и нескольких высших офицеров в отдельное помещение на чашку кофе. Сидевший рядом со мной ген. Фишер, узнав от меня, что я еще в I Мировую войну был произведен в полковники, в то время, когда он был еще капитаном, предложил мне разговаривать с ним совершенно непринужденно, как со старым боевым товарищем, хотя и врагом. Воспользовавшись этим, я задал ген. Фишеру вопрос — почему они не отправляют нас на восточный фронт для освобождения России от коммунистов, а гноят нас на бункерах, на которых несут службу русские офицеры, в большинстве простыми рядовыми, представляющие собой прекрасные кадры для формирования Русской Освободительной Армии, в которую можно было бы влить военнопленных.

Со стороны ген. Фишера последовал ответ, что Фюрер нам, как монархистам, не доверяет. Возразив на это, что лично я, как был всю свою жизнь монархистом и таковым и останусь, а также думаю, что и большинство русских офицеров разделяет это со мною, т.к. Россия, как страна, не похожая по своему духовному складу на другие страны, должна быть монархической, иначе она погибнет навсегда. Это мое замечание не понравилось ген. Фишеру, заявившему, что монархии в России никогда не быть. Ген. Фишер окончательно рассвирепел, когда я заметил, что не только в России, но и в Германии, по прошествии некоторого количества лет, когда водворится порядок, придут к убеждению о необходимости восстановления в ней монархического образа правления.

Когда ген. Фишер несколько успокоился, я ему указал, что немцы делают еще громадную политическую ошибку, проводя захватническую тенденцию на Украине, мечтая о присоединении таковой к Германии, с чем русский народ никогда не согласится. На это генерал указал, что генералы и офицеры Вермахта против этого и рассказал, что на этом вопросе покончил со своей карьерой ген. Браухич, который перед настулением на Москву имел крупное объяснение с Хитлером,

приехавшим в ставку, требуя от него, по взятии Москвы, образования русского правительства, с чем Хитлер не согласился и отрёшил ген. Браухича от командования, когда последний заявил, что с русскими будет заключать мир не партия, а Вермахт.

Л. Трескин

БОЛГАРСКОЕ ПОПОЛНЕНИЕ КОРПУСА

В последних числах марта 1941 г., из-за дунайских степей, пришли закованные в сталь и железо, армии 3-го Райха, как бурный поток, направляясь к границам Сербии и Греции.

Для нас, всегда готовых к бою, начались томительные ожидания скорого участия в событиях, и вот, осенью того же года обозначились реальные возможности, но пока не носившие официальной формы: из оккупированной Сербии стали поступать сведения о каких-то русских формированиях, и только весной 1942 г. Штаб III Отдела РОВС-а объявил о формировании Русского Корпуса, временно носившего охранный характер.

Такое сообщение вызвало бурно-ликующие настроения. Началась запись добровольцев.

Конечно, не вся эмиграция выявила энтузиазм, но военная — несомненно. Для примера следует указать на Рушук и Перник. Первый из 45 человек Объединения дал 43 добровольца, а Перник почти полностью поднялся. Группа за группой, в составе двух классных вагонов, почти еженедельно отправлялись из Софии в Белград, начиная с середины марта и до июня, когда темп отправки стал снижаться, а затем вскоре отправка совсем прекратилась.

К моменту прибытия болгарского пополнения уже было сформировано два полка, которые занимали свои районы. За счет наших контингентов стал разворачиваться 3-й полк, а вскоре после его формирования — 4-й.

Нет возможности перечислить имена и указать количество павших и раненых из числа добровольцев болгарского по-

полнения, но, судя по числу погибших из чинов высших рангов, это количество велико. Мы с благоговением должны вспомнить их имена: ген. Зинкевич, ген. Жданов. полк. Кондратьев, подполк. Чибирнов, из которых первые трое — бывшие командиры добровольческих цветных войск. Пусть память о них всегда живет в наших сердцах и служит живым доказательством той жертвы, на которую было способно Добровольчество, после почти 25 лет эмигрантского сидения. Его растлевающий дух не коснулся белых воинов, готовых по первому зову, при первой возможности, с юношеским порывом идти в бой за Великую Россию.

Заканчивая очерк, скажу в заключение: болгарское пополнение добросовестно исполнило взятый на себя долг и честно несло службу в Корпусе, слившись с ним и духом, и телом, и жалеет о тех, кто оставил ряды его, поддавшись минутной вспышке.

В. Геру

В 4-м ПОЛКУ ПЕРВОГО ФОРМИРОВАНИЯ

В мае 1942 г. началось формирование 4-го Отряда под командой моего отца из пополнений, прибывающих из Болгарии.

Мой старый друг и однополчанин, корнет Гюнтер и я, бывшие унтер-офицерами, командирами отделений, получили назначение к-рами юнкерских самокатного и конного взводов Сотни Управления вновь формируемого 4-го Отряда. В качестве унт.-офицеров — отделенных к-ров, к нам, вместе с другими, были назначены наши старые друзья, однокашники по Ник. Кав. Училищу, — корнеты В. Варченко и кн. Н. Кудашев.

К-р Сотни Управления, ген. шт. подполк. Подольский сразу установил со всеми нами дружеские, искренние отношения, что делало совместную работу легкой и приятной. Снова началась горячая работа — строевое и боевое обучение, изучение уставов, пулеметов и прочих воинских премудростей.

С юнкерами у нас установились прекрасные отношения. Это была чудная молодежь, с усердием взявшаяся за тяжелую военную науку и впоследствии доблестно доказавшая, что она достойна русских офицерских погон. Многие из них поступили в Корпус вместе со своими отцами. Средний возраст юнкеров был 25-27 лет с отклонениями в обе стороны, было несколько 16-17-тилетних, но были и 43-хлетние, вроде седого, всегда веселого поклонника Бахуса, балагура и запевалы Миши Климова. Среди этих, более взрослых, нельзя не вспомнить моего большого друга, 37-милетнего Юлия Мариюшкина (скончавшегося после войны, вследствие тяжелых ранений, полученных в Корпусе). Мне пришлось случайно услышать его разговор с юнкерами, когда он заявил:

— Отсюда, из Корпуса, братцы, меня могут только выгнать, а сам я, добровольно, никогда не уйду!

В сентябре 1942 года штаб Корпуса нашел, что мы с Гюнтером (сорокалетние корнеты) слишком молоды, чтобы командовать юнкерскими взводами и прислал на эту должность двух милейших ротмистров (лейтенантов) Михайлова и Силина. Мы сдали им свои должности, а сами перешли на положение их помощников, к-ров отделений, не испытав горечи деградации. т.к. оставались всё время в унт.-офицерском чине, К сожалению, эту горечь пришлось испытать через некоторое время очень многим достойнейшим офицерам.

30-го ноября 1942 г. германское командование потребовало расформирования 4-го Отряда и пополнения за его счет некомплекта в трех остальных, а также сведения всех казачьих сотен и вообще всех казаков в 1-й Отряд. Благодаря этой перетасовке очень много офицерских должностей было упразднено, а сами офицеры оказались за бортом, деградированными без всякой вины с их стороны, с назначением на унт.-офицерские и фельдфебельские должности и чины, а исполнявшие эти должности до этого времени лица, деградированы в свою очередь. Это произвело очень тяжелое впечатление не только на самих пострадавших, но и на всех нас. Действительно, было очень неприятно и обидно

видеть вчерашних к-ров батальонов и рот на положении фельдфебелей, унт.-офицеров и рядовых (а каково было их самочувствие?!)

С болью в сердце смотрели мы, как разрушались плоды упорной, тяжелой работы и расплылась сколоченная, дружная воинская часть. Тяжело была расставаться с друзьями-однополчанами, т.к. общая дружная работа сделала нас всех — и начальников, и подчиненных большими друзьями. Только несколько человек, ближайших друзей знают, чего стоило моему отцу это разорение его детища, в которое он вкладывал всю свою душу, силы и многолетний опыт и знания. По расформировании 4-го Отряда, отец был назначен к-ром III-й Дружины 3-го Отряда и уехал в Косовскую Митровицу.

Наши юнкера-казаки были переведены в 1-й Отряд, а оставшиеся сведены в один взвод и переведены в 6-ю сотню 2-го Отряда.

В. Черепов

ВТОРОЙ ЭСКАДРОН

— Вставать! На уборку! — раздалась в помещении 3-го взвода 2-го эскадрона 2-го полка Русского Корпуса команда вахмистра (полковника) В. И. Кутузова.

— Уф, как холодно и спать так хочется. Так поздно вчера легли спать, — слышались недовольные голоса.

— Довольно, довольно. Штатская распушенность! Пора на уборку! Лошадей на коновязи выводить! Подумаешь — «как холодно», — острил, смеясь В. И. Кутузов, — всего лишь 15 градусов мороза; на уборке согреетесь.

Быстро одевшись, выползли на двор мыться ледяной водой. Мылись, подпрыгивая от холода и невольно вспоминая свою прошлую удобную штатскую жизнь с теплой ванной комнатой. Началась уборка. Лошади от холода не стояли спокойно на коновязи. Руки быстро мерзли и приходилось бегать в комнату кафаны, чтобы отогреть их у печи и снова

приняться за работу. В кавалерии служба много тяжелее, чем в пехоте. Наконец, кони были вычищены, осталась уборка конюшни, затем водопой, раздача овса, а потом и сена. Покончив со всем этим, пошли пить чай, греться и отдыхать до обеда.

Очень всех интриговал вчерашний неожиданный приказ о походе эскадрона. Было приказано выступить завтра утром из Пожаревца по дороге на Андриевцы и, начиная с 6-го километра, выставлять по дороге заставы на расстоянии 1-2 клм. друг от друга, хорошо их маскируя от наблюдения противника. Мне пришлось с заставой в шесть сабель стать на 12-м клм. Здесь дорога шла вдоль не очень глубокого оврага. На дне оврага, в снегу, сояли кукурузные снопы в копнах и редкие деревья. Из этих копен мы сделали шатры-конюшни, каждая на двух лошадей, причем каждый шатер сохранял свой вид копны. В этих же копнах расположились и мы, заделав все входы сухими ветками и снопами и выставив пост на дороге у большого дерева. Из лежащих на дороге больших камней сделали нечто вроде укрепленной позиции, замаскировав ее снегом. Было приказано наблюдать за местностью, опрашивать прохожих и не сходить с поста.

Так мы простояли спокойно несколько часов, когда, вдруг, постовой, корнет Эллерт дал условный сигнал. Я быстро выбежал к посту.

— Смотрите, г. ротмистр, вон, на втором изгибе дороги видна группа из трех всадников и саней.

— Это, наверно, едет какое нибудь германское начальство. Другого ничего не может быть... Во всяком случае, нам нужно быть готовыми к встрече неизвестных. Вы, корнет, когда группа приблизится, окликните ее по-немецки.

Не прошло и десяти минут, как раздался звучный оклик корнета Эллерта:

— Хальт! — Я вышел из кукурузной копны и полез из оврага на дорогу к посту. Там уже стояли сани и в них сидел немецкий оберст. Вид его был довольный и веселый. Он разговаривал с Эллертом. Я подошел к саням и по-русски от-

рапортовал оберсту.

— Карашо, карашо! Во зинд ире солдатен? — Я показал рукой в овраг на копны кукурузы.

— Их зее ниht, — сказал оберст. Я крикнул: «выходи!» И все мои вышли из копен, а из-за их спин вытянулись лошадиные морды.

Оберст пришел в непонятный восторг:

— Карашо, очень карашо. Спасибо! Браво! Наверно, он хотел показать свое знание русского языка и тем самым оказать нам внимание. Через пол часа прискакал связной с приказанием итти на присоединение к эскадрону. Солнце уже зашло, мороз крепчал. В это время нас обогнал на рысях эскадрон немцев из дивизии Принца Евгения.

Командир эскадрона, хауптман (ген.-м.) Е. В. Иванов повел эскадрон переменным аллюром. Сильно стемнело, пошел густой снег. Замерзли мы все здорово. Одеты были плохо, в летних коричневых шинелях; теплого белья почти не было. Уши и руки мерзли страшно. Зима 1941-42 г. была очень суровая. Снег заносил дорогу, образовывались сугробы и лошадям было тяжело, т.к. их ноги по колено уходили в снег. Снег лепил глаза. Вот, наконец, под горой внизу, замелькали электрические огни Пожаревца. Радостно стало на душе, что скоро уже можно будет отогреться горячим чаем с ракией.

Причиной нашего «похода» было то, что германское командование хотело сделать нашему эскадрону испытание — на что он способен. Эта проба была произведена после 3-х месячного существования эскадрона. Экзамен был выдержан. Немцы остались очень довольны и отношение к нам с этого времени стало очень хорошим.

В Пожаревце эскадрон был расквартирован в четырех кафанах с большими конюшнями. Здесь же стояла еще наша батарея Конной артиллерии. Жили все дружно. Постепенно начались заводится старые традиции. Вечерами, в свободное от службы время, собирались группами по кафанам и за стаканом «Смедеревки» или чаркой «Препеченицы», или «Клевачи» велись беседы и вспоминалось старое былое хорошее

Прибытие в Корпус Дивизиона Собств. Е. И. В. Конвоя

Выступление дивизиона из казарм на смотр

Юнкера 1-ой юнк. роты

Привал на походе юнкеров 2-ой юнк. роты

3-я юнкерская рота в Лознице

время, наша славная Императорская кавалерия и конная артиллерия.

Любителями таких дружеских бесед больше всего были лихие гусары: полк. Олферов, Дьяконов, ротм. Саргани, корн. Черниченко и Шалевич, полк. Кутузов, корн. Мошин, подполк. Корнилов. К ним примыкали и другие любители послушать веселые, интересные и остроумные рассказы, или воспоминания о жизни Императорских полков. Чокаясь шкаликами с ракией, которая увеличивала хорошее настроение, просиживали в кафанах до разрешенного часа. Корнет Черниченко, как большой хлебосол и любивший загулять, любил угощать компанию, а своими рассказами веселил всех присутствующих.

Несмотря на тяжелые условия и суровую зиму, эскадрон был сформирован ускоренным темпом в «Топовских шупах» (б. казармы сербской кон. артиллерии в Белграде) под энергичным руководством к-ра эскадрона ген.-м. Иванова и к-ра батальона полк. Тихонравова. Много работали и чины штаба б-на: полк. Цешковский и ротм. Ковалевский. Все чины эскадрона старались, как умели, лучше помочь формированию любимой кавалерии и, как все думали, — «возрождению русской кавалерии». Все с усердием относились к своим обязанностям, заботливо и с любовью смотрели за лошадьми и седлами. Производилась сменная езда и обучение езде тех молодых людей, которые знали все только в теории. Много кавалеристов из других рот полка просили ген. Иванова о переводе их в эскадрон.

Командирами взводов были: I-го обер-лейтенант (полк.) Олферов, 2-го лейтенант (подполк.) Шестаковский, 3-го лейт. (подполк.) Кирсанов, 4-го лейт. (подполк.) Корнилов. И вот, через два месяца своего существования эскадрон был погружен в эшелоны и отправлен на службу в г. Пожаревац. Все жены, дети, матери, сестры, отцы, друзья, знакомые и просто любопытные пришли на станцию жел. дор. проводить эскадрон — «начало русской кавалерии». Под громкое пение «Спаси Господи люди Твоя» эшелон за эшелонам стали отходить со станции Белград-товарный. Конная артиллерия тоже гру

зилась в этот день в свои эшелоны и шла в Пожаревца. Весной пришел из Баната ремонт и пополнил недостаток в конском составе эскадрона.

Зимой эскадрон нес службу ночных разъездов по охране линии жел. дор. В одном из таких разъездов, в очень темную ночь, выйдя из Пожаревца и пройдя проселком 4-5 клм., ничего абсолютно не видя перед собой, вдруг, неожиданно остановилась моя кобыла «Цаца» и не желала итти дальше. Шпоры и хлыст не помогли. Она взвивалась на дыбы и поворачивала назад.

— Господин ротмистр, не извольте понукать кобылу. Что-то есть впереди и она чувствует. Лучше повернуть назад на другую дорогу. А так, погубите кобылу и себя, — увещевал меня ст. унт. оф. Кох, Ново-Архангельского полка. Кругом местность была болотистая, можно было двигаться только по дороге. Пришлось повернуть и выйти на шоссе. Возвращались мы уже на рассвете и мое любопытство заставило меня пойти с разъездом по проселку, чтобы осмотреть то место, где кобыла заартачилась, и выяснить причину. Оказалось, что мост, переброшенный через глубокий овраг, был непроходим. Все доски на мосту были разобраны и оставались одни лишь голые сваи. Инстинкт моей кобылы спас нас от неминуемой катастрофы.

С наступлением весны эскадрон начал получать боевые задачи. Как-то раз вахмистр был вызван к к-ру эскадрона. Вернувшись, В. И. Кутузов объявил, что немецкое командование потребовало выслать через час 30 всадников в штаб комендатуры для получения задачи. Команда будет составлена по выбору вахмистра из разных взводов. Вести этот отряд было приказано мне. Явившись в комендатуру, я узнал, что выступим, как только подойдет радио-станция и ПАК. Задачу получим в пути по радио. Мне был передан запечатанный конверт с пометкой времени его вскрытия. Наконец всё было готово и наш отряд двинулся из Пожаревца. Впереди шел конный отряд, за ним радио-станция, двуколка и ПАК. В назначенное время я вскрыл пакет — приказано двигаться ускоренным аллюром до 10-го километра, а там по радио связать-

ся со штабом батальона XX полка и от него получить задачу и указания. После многих лет спокойной штатской жизни в Сербии, мы все в первый раз попали в боевую обстановку. Для меня было ново, что конному отряду из 30 сабель была придана радио-станция и орудие, чего в прошлой великой войне не было. Волновала меня первая наша встреча со врагом. Я был уверен, что Господь Бог поможет в нашем правом деле.

На 10-м км. отряд остановился. Была приведена в действие радио-станция и очень быстро связались со штабом. Нам было приказано, не теряя времени, двигаться на село В., в 8 км. отсюда, где задержалась разбитая чета партизан в 40 чел., намеревавшаяся отдохнуть до наступления темноты. Наша задача — захватить ее. По дороге мы наткнулись на сильно разлившуюся реченку с быстрым течением. Мост был снесен, а глубина и русло речки нам были неизвестны. Началась переправа. Сначала шли по колено, а подойдя к середине, лошади погрузились в воду выше живота. — Неужели будет еще глубже и придется плыть несколько шагов и остаться потом мокрым? — промелькнуло в голове, но на наше счастье вода глубже не дошла.

На горизонте показалось село. Я выслал дозоры. Вскоре прискакал один из них и доложил, что партизаны ушли из села два часа тому назад. Войдя в село, вновь связались по радио и получили приказание дать отдых лошадям и возвращаться домой. Так скучно закончилась наша первая боевая задача.

Ходили слухи, что наш эскадрон будет развернут в кавалерийский полк и что наш ген. Иванов будет к-ром этого полка.

Летом в Пожаревац приезжали жены навестить своих мужей. Своим присутствием они вносили оживление в повседневную жизнь и были предметом всеобщего внимания в эскадроне.

В сентябре я получил назначение ехать на Баницу в Белград, в формирующийся 4-й полк под командой доблестного маститого ген. А. Н. Черепова. В полку получил в командо-

вание юнкерский самокатный взвод и производство в лейтенанты. Юнкерский взвод состоял из очень хороших и милых молодых людей. Взводным унт. офицером был корнет Н. Гюнтер, мой помощник — очень деятельный, порядочный и симпатичный человек.

Жаль было расставаться с эскадроном, родным конным делом, запахом конюшен и лошадьми!..

Вл. Силин

4-й ПОЛК (первой формации)

Ушел из казарм сформированный 3-й полк и настала очередь формирования 4-го полка. Командиром был назначен генерал Александр Николаевич Черепов. Устраняя всякие личные симпатии, а только в угоду чистой правды, мы позволим выразить чувства глубокого уважения и сказать о нем правдивое слово: мы имели доблестного командира, сочетавшего в себе храбрость, знание, обостренную честность и глубокую преданность и любовь к России и ее Армии. Комплекс этих воинских доблестей позволяет внести нашего генерала в пантеон славы Русского Корпуса.

Ген. Черепов, до своего назначения командиром, прошел большой боевой и строевой стаж. Прославленный георгиевский кавалер ордена и оружия за ряд подвигов в 1-ую мировую войну, которую закончил в чине генерал-майора. Славный участник гражданской войны с первого Ледяного похода, занимал несколько высоких должностей, в ряду их — начальник 2-ой пех. дивизии. Строгий, требовательный, крутой, импульсивный на службе, отходчивый и даже мягкий в часы досуга. Армейский энтузиаст. Спокойный и уравновешенный в затишьях боя и ярко воспламеняющийся с первого выстрела в огневой стихии. Свист пуль и грохот рвущихся снарядов, слагаясь в музыку боя, вдохновляли старого воина. Генерал в это время выпрямлялся, глаза сверкали, голос крепчал, речь переходила в отрывистую команду. Смотря на ген. Черепова, представлялись давноушедшие командиры времен ударной

тактики, впереди своих победоносных полков, вдохновлявших своим примером их на ратный подвиг. Это личное мужество была и есть неотъемлемая черта нашего командира 4-го полка.

Ближайшим помощником генерала был адъютант полка — ген. штаба полковник С. А. Жуков, преданный своему делу и знающий его, трудоспособный, трудолюбивый, точный, исполнительный. К-р полка мог быть спокоен, что все его указания будут разработаны и выполнены в срок.

Командир I-го б-на, ген. Морозов, еще в гражданскую войну приобрел громкую славу, командуя Донской дивизией. Выдающиеся дела этой конной дивизии заслужили ей честь называться в армии — Морозовской. В должности к-ра б-на ген. Морозов оказался столь же доблестным и талантливым пехотным начальником. Впоследствии он доблестно командовал 1-м полком Корпуса, после ранения ген. Зборовского,

Командир II-го б-на, ген. штаба ген. Пулевич, — высокообразованный офицер с боевым опытом. Полный сил и энергии. Популярный лектор по военной и общей истории.

Ротные командиры: 1-ой — полк, Фолометов, 2-ой — полк. Шмелев, 3-ей — полк. Сиволобов. 5-ой — полк. Лучанинов, 6-ой — полк. Шебалин, 7-ой — полк. Кондратьев. Все — строевые и опытные офицеры; среди них по несколько раз раненные, как например, полк. Кондратьев и георгиевские кавалеры, как полк. Шебалин.

По мере прибытия пополнений, рота за ротой вступали в строй. Только что опустевшие казармы после ухода последнего батальона 3-го полка, стали вновь оживать. Умолкший учебный плац опять заговорил на разные голоса: множились команды, ширился строй на вечерних перекличках, окрестности оглашались боевыми песнями. Рвение к обучению не только удовлетворяло командира, но зачастую вызывало его похвалу. Иллюстрацией к сказанному может послужить следующий случай. Однажды, обходя роты, командир застал I-й батальон на занятиях в обеденный перерыв, в чем усмотрел нарушение внутреннего порядка и потребовал объяснений к-ра б-на. Последний ответил:

— Мы были блестящей конницей, хотим стать столь же блестящей пехотой, а потому в ущерб свободному времени повышаем свою подготовку. — Такой резонный ответ, конечно, удовлетворил командира полка. Однако, и командир батальона не злоупотреблял этими добавочными часами обучения и пользовался ими в меру и в силу необходимости, но все это говорило о серьёзном отношении к делу, что и подтверждал не раз к-р полка, никогда и нигде не заставший свои роты в праздном времяпрепровождении.

Закончил свое обучение 1-й б-н. Вскоре развернулись 5 и 6 роты, наступила очередь 7-ой; сформировался взвод ПАК-а. Мощным фронтом выстраивался полк для вечерней переклички, которая производилась по всем правилам устава. Всё это имело целью слить части полка, сколотить роты, внедрить общий дух полка, растворить в массе индивидуальность, придать общность — одно лицо.

За вечерней перекличкой следовала молитва и как она напоминала подобные моменты в лагерях старой армии, когда выстроенные полки, на своих передних линейках протяжением в несколько верст, пели божественную песнь, но вот последнее эхо замолкло где-то в далеких горизонтах и сразу запыли горны, забили барабаны, а иногда дополняла этот концерт музыка полков и русская рать уходила на покой после закончившегося трудового лагерного дня.

Уходил и наш 4-й полк в казармы, но после церемониального марша. Этот ежедневный парад принимал или н-к гарнизона, ген. Кириенко, или командир полка.

Наши командиры готовили нас к строю и бою и урывали представлявшиеся возможности теснее собрать нас локоть к локтю и психически слить в одно целое, а этому помогали наши вечерние переклички и церемониальные марши.

Таковыми настроениями жил полк и обучался, но неожиданно, по требованию немцев, был расформирован для усиления боеспособности уже существовавших трех полков.

Стоит только представить, какую душевную драму перенес наш командир, лишившись своего любимого детища! Нам всем оставалось горько оплакивать свою судьбу. **В. Герц**

ФОРМИРОВАНИЕ ВЗВОДОВ «ПАК»

(Полковые взводы противотанковых орудий)

Одним из этапов постепенного улучшения вооружения Корпуса было получение противотанковых орудий.

В первых числах июля 42 г. полки получили приказ выделить по взводу, согласно указанным штатам, и прислать в штаб Корпуса для обучения. Ввиду того, что этот новый род оружия развился уже после 1-ой Мировой войны, среди состава К-са не было специалистов в этой отрасли; поэтому обучение должно было проводиться немецкими инструкторами. Т. к. вся тактика частей П. Т. О. основана на быстроте, что требует от личного состава энергии и значительного физического напряжения, весь рядовой и командный состав должен был быть укомплектован только молодежью, в исключение из применявшегося, обычно, принципа выбора соответствующего кандидата в порядке старшинства чинов.

Будучи отделенным командиром в 1-ой юнк. роте 1-го полка, я в день получения приказа выехал в Белград, для присутствия на выпускном акте Высших Воен. Научных Курсов ген. Головина, которые я оканчивал. Поэтому для меня было полной неожиданностью, когда присутствовавший на акте ген. Штейфон, поздравляя меня с окончанием курсов, сказал, что он рад возможности назначить меня на офицерскую вакансию к-ром взвода «ПАК» 1-го полка.

На следующий день, явившись в Лозницу в штаб полка, я был вызван к ген. Зборовскому.

— Ваш взвод уже собран и завтра должен выехать в Белград. — встретил меня к-р полка. — Чтобы не отгнывать много молодежи из юнкерских рот, пока они еще не закончили учебной программы, ваш взвод укомплектован молодежью из состава расформированной самокатной к-ды штаба полка. Это хорошая молодежь, но только их сильно распустили здесь при штабе. Вам, голубчик, придется прибрать их к рукам. В этом можете рассчитывать на мою полную поддержку. — улыбнулся генерал. — юнкеров получите лишь для заквас-

ки. Ездовыми вам назначены более пожилые казаки, опытные в обращении с лошадьми.

На унт. оф. должности к-ров отделений были назначены: подпор. Вл. Ветер (мой заместитель) из Гв. сотни, 2-ой юнк. роты порт. юнкер Гонтарев и 1-ой юнк. р. порт. юнк. Шефер Георгий. В списке взвода я с радостью увидел Б. Шефера, О. Родзянко, Пиноци и еще несколько знакомых фамилий юнкеров 1-ой роты и 2-ой р. юнк. Балабина.

Молодежь из самокатной команды я не знал, но большинство приносило хорошее впечатление, в особенности такие здоровяки, как Решиков, Савич и братья Аленовы.

К 10-му июля назначенные от 4-х полков взводы прибыли на Баницу. Взводом 2-го полка командовал кап. Сомов, 3-го — подпор. Лепехин и 4-го — подполк. Осипов. Требование молодого возраста в отношении рядового состава было выполнено всеми полками; в отношении же ком. состава полностью только 1-ым и 3-им полками. Старше других был ком-став 4-го полка, где вообще было мало молодежи.

В первый же день мы познакомились с нашим учителем — молодым, но уже опытным офицером об.-лейт. фон-дер Буш. Черная форма танкиста с розовыми кантами «панцерегер» (истребители танков) и железный крест 1-ой степени сразу внушали уважение к нему. Строгий и требовательный, но всегда корректный и доброжелательный, он вскоре же завоевал общую любовь. Джентльмен с головы до ног, и убежденный военный, он принадлежал к благородному типу кадрового немецкого офицера, не испорченного ни партийной демагогией, ни прусским высокомерием. В помощь ему было прикомандировано несколько немецких фельдфебелей и у.-офицеров.

Программа занятий была разработана с немецкой пунктуальностью и предельной эффективностью использования времени, и нас сразу же взяли в работу.

На бетонной площадке перед большим цейхгаузом стояли наши орудия. Это были 37-мм полуавтоматические противотанковые орудия «Шкода» с раздвижными станинами. Миниатюрные, они казались игрушечными, но длинные ство-

лы говорили о хороших баллистических качествах. При каждом орудии было по две одноконных двуколки, исполнявшие роль передка и зарядного ящика. Одно орудие обслуживалось одним отделением: к-р отд., 5 номеров орудийного расчета и 2 ездовых (по одному на двуколку). В боевом положении орудие передвигалось силою номеров оруд. расчета.

Предназначенное для борьбы с танками, орудие вело огонь лишь прямой наводкой (прицельная дальность 1500 м., действ. огонь 700 м.) и поэтому могло действовать лишь с открытой позиции. Стальной щит защищал прислугу только от ружейно-пулем. огня. Поэтому нашими основными тактическими принципами должны были быть маскировка, умелое использование местности и быстрота. Быстрота выхода на позицию, быстрота поражения цели и быстрота ухода в укрытие для выхода на новую позицию. При отражении внезапной атаки танков, всё зависело от быстроты перевода орудия из походного положения в боевое и быстроты и меткости огня. Всему этому и начал обучать нас об.-лейт. фон-дер Буш.

Ежедневно, после лекции по тактике в форме конкретного примера, мы выходили на местность и решали похожую задачу, попутно практически знакомясь со способами и способами преодоления различных местных препятствий. Взмыленные и усталые, возвращались мы к обеду в казармы и после короткого отдыха опять выходили на занятия при орудиях, упражнения в наводке, или снова задача на местности.

Весь состав наших взводов работал с увлечением и напряжением всех сил; с каждым днем мы всё больше осваивались с нашими пушками и проникались любовью к нашему новому роду оружия.

Первая стрельба дала блестящий результат. По условию упражнения требовалось из пяти снарядов дать три попадания в мишень. У меня во взводе весь командный состав, все наводчики и более половины остального состава имели все пять попаданий, и не было ни одного не выполнившего нормы. Примерно такие же результаты были и в других взводах.

Немецкие у.-офицеры удивленно осматривали мишени, об.-лейтенант довольно улыбался, а наша молодежь сияла от

радости и, начиная до блеска орудия после стрельбы, чуть что не целовала их. Мы начинали верить нашим пушкам и своим силам. От нашего лектора мы знали, что 37-й калибр уже недостаточен против новых современных танков, и что на Восточном фронте немцы перешли уже к орудиям более крупных калибров, но для условий того времени на Балканах, он был еще вполне пригоден.

В интенсивной и интересной работе незаметно летело время. Так же успешно прошла и тактическая стрельба. Окончание курса было отмечено односторонним маневром, который должен был показать, насколько успешно усвоили мы пройденный курс.

Развернувшись на исходном для наступления рубеже, в полутора км. от «занятой пр-ком» высоты (на которой находился к-р Корпуса со штабом), наши противотанковые взводы должны были к указанному сроку, скрытно занять позиции в 400 м. от пр-ка, для поддержки атаки. Маневр был исполнен хорошо. Стоявшие на высоте наблюдатели видели отдельные орудия, появившиеся кое-где и быстро исчезающие снова; когда же раздался сигнал отбоя и маскировка была сброшена, то с позиций, широкой дугой охвативших с трех сторон высоту, на дистанции 300-400 м., вышли все четыре взвода.

После краткого разбора маневра, к-р Корпуса выразил благодарность нашему учителю и личному составу наших взводов. Корпусной фотограф запечатлел этот момент. Выстроившись общим фронтом поперек широкого дуга 12 орудийных запряжек, производили внушительное впечатление.

В награду все мы получили недельный отпуск, после которого снова собрались на Банице для приема орудий, конского состава и всего штатного снаряжения и имущества. Кроме 3-х оруд. запряжек и 3-х зарядн. ящиков, взвод имел звено легк. пулемета для самообороны и хозяйств. повозку с запасом фуража, при которой находились кузнец и оружейный мастер.

Ввиду принятого к тому времени решения о расформировании 4-го полка, их взвод был оставлен при штабе К-са;

остальные же отбывали в свои полки. На ж. д. станции «Топчидер» мой взвод грузился в поданный состав. Орудия и двуколки закрепили на открытых платформах; боевой расчет расположился тут же у пушек, а ездовые с лошадьми — в закрытом вагоне позади. Об.-лейт. фон-дер Буш со своими у.-офицерами пришли проводить нас. Последние рукопожатия и поезд тронулся.

К вечеру мы прибыли на узловую станцию «Рума», где нас задержали т. к. партизаны перервали путь между Румой и следующей станцией. Всю ночь мы провели в боевой готовности, но нападения не последовало, так же как и на следующее утро, когда наш состав с мерами предосторожности двинулся вперед. К глубокому сожалению молодежи, горевшей желанием испытать на практике действие наших бризантных гранат, партизаны исчезли.

Поздно вечером мы были в Лознице. На вокзале нас встретил полковой адъютант полк. Краснов.

— **К-ру полка явитесь завтра утром,** — сказал он мне, — а сейчас ведите взвод к зданию комендантского **управления,** где вам отведено помещение.

Явившись коменданту полк. Гулыге, мы сразу почувствовали, что вернулись домой; всё было заботливо приготовлено к нашему прибытию. В помещениях взвода уже стояли кровати с матрасами набитыми свежей соломой. всех нас ждал горячий ужин, и даже дневальные у наших орудий на эту ночь были выставлены от коменд. **команды.**

На утро, отрапортовав к-ру полка о прибытии, я доложил, что взводу необходимы полтора-два месяца усиленной тренировки, для того, чтобы полностью усвоить всё, чему нас обучали на курсе.

— Действуйте, голубчик, — одобрил ген. Зборовский, — и обращайтесь ко мне, если что будет нужно.

Прежде всего мы принялись за устройство на новом месте. На заднем дворе комендантского управления был большой навес, под которым можно было удобно расположить орудия и двуколки, но посреди двора стояла большая лужа. Вооружившись кирками и лопатами, мы провели крытый кир-

пичем водоотводный канал, спланировали и засыпали двор песком, и сделали настил из досок под орудиями и двуколками. К вечеру двор принял вид настоящего казарменного двора.

Приступив со следующего дня к занятиям, я вскоре столкнулся с тремя большими затруднениями. Наши одноконные двуколки были хороши на равнинной местности; для того же, чтобы тянуть двуколку с орудием по крутым горным дорогам и тропам, требовались исключительно сильные кони. Конь первого орудия «Орел» был таковым, но другие надрывались.

— Да, вам нужны не кони, а львы — согласился к-р полка, наблюдавший наши занятия, и по его приказанию, кони 2-го и 3-го орудий были заменены из других подразделений полка такими же «зверьми». Кроме того, я получил из полкового запаса несколько мешков овса, для добавочного питания этих лошадей. Кони начали лосниться, но стали худеть люди. От усиленной физической работы на свежем воздухе, аппетит у молодежи был волчий, а рацион наш был довольно скудный. К-р полка разрешил взводу завести свою кухню и довольствоваться отдельно. Моя молодежь повеселела; я же получил моральное право требовать от них большего напряжения при занятиях. Но требовать не приходилось; что касалось занятий и службы, то они тянулись сами и подтягивали друг друга. Взыскания мне приходилось накладывать лишь за проступки дисциплинарного порядка вне службы. И первое время по вечерам часто кто-нибудь «сушил штык», стоя под винтовкой. Главная тяжесть воспитательной работы лежала на отделенных к-рах, и в их лице я имел ценных помощников, работавших не за страх, а за совесть. Вскоре по возвращении в полк, порт. юнк. Гонтарев подал рапорт о переводе во взвод «ПАК» при штабе К-са, для совместной службы с отцом (ген. Гонтарев был в то время нач. шт. К-са). К-ром 2-го отд. был назначен по моему ходатайству порт. юнкер Пустовалов (1-ой юнк. р.) — отличный строевик, умевший без излишней строгости твердо держать в руках своих подчиненных.

Третьей проблемой был вопрос, как тренироваться в стрельбе не расходуя снарядов, т. к. выданный нам комплект разрешалось расходовать лишь в боевой обстановке. В полк оружейной мастерской работал ученый артиллерист полк. Миончинский. По его указанию были изготовлены три прибора, при помощи которых винтовочный ствол с патронником вставлялся в канал орудия, точно по его оси. Ввиду того, что траектория винтовки на протяжении первых 100 м. совпадала с траекторией орудия, — это позволяло вести стрельбу до этой дистанции, производя наводку орудием, а стреляя винтовочным патроном.

Конец августа, сентябрь и октябрь прошли в усиленных занятиях. В окрестностях Лозницы не осталось ни одной вершины, ни одной горной тропы, где бы не прошли наши орудия, выполняя ту или иную тактическую задачу. На стрельбище, оборудованном вблизи нашего расположения, чуть ли не ежедневно трещали выстрелы. Молодежь занималась с увлечением, соревнуясь между собой в отчетливости и быстроте. «Наше орудие должно быть первым!» — было девизом каждого отделения. Это давало прекрасные результаты: перевод орудия из походного положения в боевое занимал лишь 13-15 сек. вместо 18-20, полагавшихся по норме; к 25-30-ой орудие успевало дать пять выстрелов по разным мишеням.

В октябре мы сдали практический экзамен, приняв участие в экспедиции совместно с Гв. сотней, под руководством к-ра полка, против партизан, накопивавшихся, по сведениям разведки, в горах с.-в. Мойковичи.

Пр-ка там не оказалось, так что пострелять нам опять не удалось, но четырехчасовой ночной марш по незнакомым горным тропам был серьезным испытанием маневренности взвода. И люди и лошади его выдержали. Двухмесячная тренировка не пропала зря. Взвод был готов к выполнению боевых задач.

В. Гранитов

«ЮНКЕРСКИЙ ВЗВОД»

Посвящаю эти строки славному юнкерскому взводу 6-ой роты 4-го полка первых формаций.

6-ая рота впоследствии вошла в состав 2-го полка, под тем же номером. Юнкерский взвод был третьим взводом 6-ой роты, представляя парадную часть ее. Командиром взвода был назначен я. Представляясь командиру по случаю своего назначения, я в секретном порядке узнал от него, что в ближайшее время мой взвод будет развернут в юнкерскую роту под № 8, как только придут молодые пополнения молодежи из Болгарии, которые ожидалось в начале августа 1942 г. Командиром роты назначался я. Можно себе представить охватившую меня радость в связи с таким почетным назначением — воспитателем молодежи. Эта молодежь представляла собой прекрасный элемент во всех отношениях — образование ее стояло на высоком уровне: окончившие среднее образование, или учащиеся последних старших классов, большой процент студентов. В общем — готовый контингент для офицерских кадров, физически крепкие и здоровые молодые люди, а настроение этих юношей, прошедших через национально-патриотические организации, отражало дух старшего поколения — своих отцов, участников гражданской войны и бескомпромиссных врагов захватчиков национальной власти. Одним словом, работа с такой молодежью представлялась крайне интересной.

Однако, события помешали осуществить дело в широком масштабе и пришлось ограничиться малым — вместо роты пришлось заняться взводом, с которым я был не разлучен в продолжении 9½ месяцев.

Входя в состав 6-й роты полковника Шебалина, взвод жил несколько обособленной жизнью, имея свои, непосредственно к нему относящиеся, интересы, и свой внутренний уклад, применительно к юнкерскому старым времен. К сожалению, обстоятельства нашей службы зависели во многом от вершителей судеб того времени, которым чужды были наши национальные намерения.

С первых дней существования взвода, работа с ним проводилась с полным напряжением. Строевое обучение вскоре перешло к немецким инструкторам, но предыдущая подготовка своими русскими средствами была проведена и усвоена так, что новая премудрость далась очень легко и вызвала похвалу «учителей». Труднее было наладить классное преподавание, ввиду отсутствия свободного времени, но и эти затруднения были преодолены — пришлось пожертвовать несколькими вечерними часами отдыха; преподавательский состав сравнительно легко было найти среди образованных офицеров Баницы, в числе которых находились: ученый артиллерист, учитель многих поколений, полковник С. С. Лашков, ген. шт. полковник Черныш — талантливый лектор, полковник Аквилонов, ротмистр Д. П. Ковалевский. Прекрасный преподавательский состав вызвал большой интерес к лекциям и последние стали посещаться даже посторонними слушателями.

Юнкера принялись серьезно за работу, увидели плоды ее и укрепили надежды на будущее. Полных пять месяцев нашего пребывания на Банице были плодотворно использованы. К сожалению, занятия прервались с отправлением роты после ее обучения и перевода в Вермахт, в Долни Милановац на Дунае. Здесь нас ожидала тяжелая, беспокойная служба с частыми экспедициями в глухие дебри Хомолья — этого притона разбойников и партизан. Учебные занятия были приостановлены, надо было приспособиться к **обстоятельствам** новой службы, а в то же время мысль о продолжении образования ни на минуту не оставляла нас. За отсутствием подготовленного преподавательского состава, я решил взять на себя лекторство по непройденным отделам образования, успел подготовить лекции, но к сожалению, не мог провести их в жизнь по случаю своего назначения ротным командиром в особый б-н на Банице.

Мои начинания осуществил мой заместитель, капитан Гуссаковский проводя занятия в обстановке еще более сложной, чем была при мне. Высокий интерес к военному образованию не был одним похвальным качеством этой вдум-

чивой и серьезной молодежи, но она проявляла и боевой порыв и храбрость в опасных экспедициях, где каждый старался показать свое бесстрашие. Господь миловал, никого во время этой боевой работы не сразила вражеская пуля и никого мне не пришлось опустить в холодную могилу; я всех своих доблестных юнкеров оставил в здравии и благополучии, но впоследствии мне не раз пришлось снимать головной убор и с крестным знаменем произносить имя погибшего, уже находясь далеко от них.

Нисколько не преувеличивая, а сохраняя чистую истину в своем повествовании, заявляю, что самым отрадным воспоминанием за всю службу с 1942 (апреля) считаю командование «юнкерским взводом» в 6-й роте 2-го полка и ее истоков в 4-м расформированном полку, где мы провели лучшее время и жили светлыми надеждами.

Милая, дисциплинированная, прекрасно воспитанная молодежь, стремившаяся к знаниям, готовая на все жертвы во имя Родины, привлекла меня к себе всем сердцем — я ее любил, как отец любит своих добрых сыновей. Встречаясь с ними на утренней молитве и осмотре, я только поздно ночью расставался с юнкерами, уходя ко сну с одной мыслью о них. Я видел в них продолжателей жертвенной любви к Родине и служения ей. Она для меня была плоть от плоти и кость от кости нашего уходящего поколения. Крепкая духом, сохранившая любовь, преданность и верность своим воспитателям и руководителям их детских, отроческих и юношеских лет, эта молодежь устояла от губительной пропаганды всяких новоявленных союзов и не изменила им, руководителям, и не нарушила созидательного единения поколений. Никогда и ни при каких обстоятельствах я не забуду этого времени, проведенного в службе, полной интереса и взаимной пользы, а дорогие лица родных мне юнкеров сохраню навсегда в своей памяти.

Заканчивая эти строки, я хочу с благодарностью вспомнить моих славных помощников: капитана Д. В. Гуссаковского

го, шт.-капитанов: Юшкевича и Бекмана, и корнетов: Черепова и Гюнтера, которые своим добросовестным отношением помогли обучить и сплотить взвод юнкеров.

В. Гетц

«ЛЕШНИЦА»

В далекой Лешнице, без сна,
Зимой мы ночи коротали,
В сарае старом без окна,
И на судьбу свою роптали.

Менялись смены часовых,
Тянулось нудно долго время,
Следя ход стрелок часовых,
Несли невольной службы бремя.

В чужих мундирах казаки
Мечтали о родной Кубани;
Услышав выстрел у реки,
С словами скверной сербской брани,

Спешили в тьму, где патрули
Налет отважно отбивали;
Ракеты светлые, вдали,
Заставы у дорог бросали.

А утром — солнца мутный свет
Снега пропитанные кровью
Чуть освещал. Труп, пистолет
И губ изгиб, застывших с скорбью.

К. Грудзинской

1943

Адъютант 1 полка ген. шт. полк. Краснов и адъютант Донского б-на ген. шт. полк. Шляхтин 5 января, перемещены один на место другого.

6-я рота расформированного 4 полка, после успешно проведенного 15 января смотра, наименована 6-ой ротой 2-го полка и 2 февраля отправлена в Д. Милановац.

Должность командира Корпуса, 25 января, переименована в должность Инспектора русских воинских частей в Сербии, а штаб Корпуса — в штаб того же Инспектора. Инспектор подчиняется непосредственно Главнокомандующему и Главноначальствующему в Сербии. 8-го февраля эта должность переименована в должность «Инспектора-Генерала Русского Охранного Корпуса».

В Шабце, 2 февраля, открыт лазарет на 40 кроватей. Распоряжением майора Лихтенеккера от 7 февраля, кап. Нагоров и ген. Бредов возвращены на свои прежние должности.

Полковыми врачами, 9 февраля, назначены: Д-р Плешаков — 1-го, д-р Плищенко — 2-го и д-р Бычков — 3-го полка.

Состав старших чинов Корпуса, утвержденный 1 марта Главнокомандующим в Сербии:

Штаб Инспектора-Генерала: Отделение I-a — герм. службы майор Эмер; отд. I-b — в ранге майора полк. Эйхгольц, бриг. интендант — герм. службы штабс-интендант Баумгартен, бриг. врач — майор Попов Семен, бриг. вет. врач — майор Истомин, отд. II-a — хауптман Ставровиц К-ры полков: оберсты: 1-го Зборовский. 2-го — Мержанов и 3-го Гонтарев; Сводный б-н: рота снабжения — хауптм. Жуков, запасная — хаупт. Иордан, транспорт — хаупт. Пулевич, караульная — хаупт, Голубев, казачья хаупт. Протопопов А.; лазарет — начальник — майор Мокин, нач-ки отделений в ранге хауптмана: Вербицкий, Ключарев и Ермаков.

Назначены 7 марта: к-ром I б-на 2 полка — ген. Иванов, к-ром 2 роты 2 полка — полк. Бреннеке, 7-ой — поляк Христофоров.

Предписанием ген. Бадера от 13 марта освобождены от службы в Корпусе: ген. Кириенко, полк. Шатилов Д., полк. Яковлев, ген. Егоров, полк. Фадеев и поляк Михеев.

Пополнение из России (военнопленные красной армии) прибыло на Баницу 12 марта в числе 297 чел. Из него сформированы две особые роты.

На второй день Св. Пасхи, 26 апреля, Белградская Св. Троицкая церковь принимала молодых солдат Корпуса, прибывших из России. Была торжественная пасхальная служба, в конце которой митрополит Анастасий обратился к солдатам с глубоко прочувствованным и любовным словом. После службы состоялся парад, который принимал ген. Штейфон, сказавший яркое патриотическое слово.

1-я Особая рота полк. Гетца, 30 апреля, отправлена в 3-й полк 9-ой ротой (Очерк «Советская рота»), а 2-я — полк. Кондратьева — во 2-ой полк, 11-ой ротой.

13 июля ген. Пулевич и полк. Иордан переведены один на место другого.

Майор Лихтенекер, 15 июля, получил новое назначение вне Русского Корпуса. Начальником германского штаба связи при Р. К. назначен оберст Шредер.

Приказом Главнокомандующего в Сербии от 1 августа ген. Штейфон вновь назначен командиром Р. О. Корпуса в чине генерал-лейтенанта.

В оберст-лейтенанты с 10 сентября произведены майоры: Рогожин, Зинкевич и Гескет.

Распоряжением германского командования чины Корпуса начали награждаться германским орденом для восточных народов двух типов: с мечами «за храбрость» и без мечей «за усердие».

В ознаменование второй годовщины существования Корпуса, первое награждение представленных чинов было объявлено 12 сентября

В сентябре на Баницу начало прибывать Румынское пополнение (добровольцы из Одессы и Буковины), из которого были сформированы и отправлены в полки след. учебные роты: 28 сентября — 1-я полк. Калинина во 2 полк; 12 ноября — 2-я подполк. Котляра во 2-й полк; 28 ноября 3-я полк. Франка в 3-й полк; 5 декабря — 4-я полк. Винокурова в 3-й полк; 7 декабря — 5-я полк. Лекторского в 1-й полк; 7 декабря — 6-я полк. Гумбина в 3-й полк; 10 декабря — 7-я войск. ст. Петровского — в 1-й полк; 17 декабря — 8-я полк. Бочевского во 2-й полк; 19 декабря — 9-я полк. Пашенко в 4-й полк; 26 декабря — 10-я войск. старш. Нефедьева в 4-й полк; 30 декабря — 11-я полк. Левандовского в 4-й полк.

Назначены 29 сентября: кап. Нагоров — к-ром 11 роты 2 полка; ген. Бредов — адъютантом 3 полка и полк. Кондратьев — к-ром 5 роты 3 полка.

К-ры 6-нов 2 полка — I-го ген. Иванов и III-го подполк. Попов-Кокуюлин, 29 ноября, перемещены один на место другого.

15 декабря приступлено к формированию нового 4-го полка. На командные должности назначены: к-ром полка — полк. Гескет, к-рами 6-нов: I-го — подполк. Голубев. II-го — подполк. Попов-Кокуюлин и III-го —

полк. Трескин; к-рами рот: 1-ой подполк Пашенко, 2-ой — войск. старш. Нефедьев; 3-ей — полк. Болдырев; 5-ой — полк. Лучанинов, 6-ой — полк. Голеевский, 7-ой — полк. Левандовский, 9-ой — кап. Нагоров. 10-ой — полк. Роговской и 11-ой — полк. Патаридзе.

В течение мая были закончены курсы: радио-телеграфные, оружейных мастеров и каптенармусов, П. Т. О. (ПАК) и поварские, 17 мая состоялся 1-й пропагандный съезд с участием полковых и батальонных пропагандистов, в августе — курс противогазовой обороны и учебной команды; в сентябре — курсы командного состава, кавалерийские и вьючные; в октябре — хауптфельдфебельские.

Нач-к Отд 1-ц, ротм. Шелль, 15 декабря, командирован в Румынию для вербовки добровольцев

К-ры б-нов 3 полка: Ш-го ген. Черепов и П-го ген. Петровский. 25 декабря перемещены один на место другого.

Из полков на Баницу, 26 декабря, прибыли чины, предназначенные на формирование 5-го полка. Для их подготовки образованы офицерские (руководитель оберст Шредер) и унтер-офицерские (руководитель хауптман Ангебен) курсы. Образован «Штаб полковника Рогожина», предназначенного на должность командира 5-го полка

1-й полк

После реформирования в казачий полк, командный состав полка и расположение частей на 1 января были следующими: К-р I б-на — полк. Рогожин — Крупань; к-р Гв. сотни — полк. Галушкин — Мойкович; 2-ой сотни — полк. Соляник-Красса — Крупань; 3-ей — полк. Щербаков — Столица; к-р II б-на — полк. Головка — Любовия; к-р 5-й сотни пполк. Пашенко — Любовия; 6-ой — ген. Скворцов — Зворник; 7-ой — ген. Соломахин — Цуллин; к-р III б-на ген. Морозов — Б. Ковиляча; к-р 9-ой сотни — полк. Фолометов — Кральево; 10-ой — полк. Шмелев — Заяча и 11-ой полк. Сиволобов — Б. Ковиляча.

9-ая сотня, 18 января, прибыла из Кральево в Б. Ковилячу, а 24-го перешла в Крупань.

В Лозницу, 7 апреля, прибыла из Белграда «сотня вольных казаков», под командой войск. старш. Протопопова А. Сотня наименована 7-ой сотней, а старая 7-я сотня влита в сотню I б-на.

С 9 по 17 апреля в полку пробыл, посетив все гарнизоны, Кубанский Атаман ген. шт. ген.-майор Науменко.

Части полка почти ежедневно производили разведки в своих районах, а 9 апреля была произведена усиленная разведка крупными силами в районе Тисовика (Очерк «Переход через Альпы»).

Прибыла в Лозницу, 8 мая, 12-я сотня 2 полка полк. Бузуна.

В течение 11-15 мая произведена крупная операция в районе Заполье, причем 12 мая II-ой взвод 5 сотни выдержал тяжелый бой с бандитами (Очерк «Заполье»).

Получив сведения о появившемся отряде коммунистов, к-р полка с учебной командой и взводом 1 Гв. сотни, 18 мая, двинулся к с. Бабан, где наткнулся на группу коммунистов, открывших огонь в упор. Ответным огнем коммунисты были обращены в бегство.

Но шоссе Вальево-Лозница, 19 мая, бандой из отряда Калабича совершено нападение на автобус, шедший из Вальево, сопровождаемый охраной 1-го полка, причем было убито пять человек: полк. Бузун и 4 казака; ранено 6, избито и отпущено домой 2. Получив сведения о нападении, к-р полка с учебной командой и взводом 1 Гв. сотни отправился к месту происшествия, где был произведен обыск ближайших домов и аресты.

С поездом из Шабца, 8 июня, в Лозницу прибыл из 2-го полка артиллерийский взвод полк. Бучураева

26 июня четыре немецких пограничника, в районе Любовин, переправились на лодке через Дрину для разведки. Разведчики подверглись нападению красных и при отходе вышли на Дрину далеко от оставленной лодки. Видя тяжелое положение разведчиков, казаки 5-ой сотни Солиенко Афанасий и Попов Василий бросились вплавь через Дрину, достигли лодки, подали ее разведчикам и благополучно доставили их на наш берег, все время находясь под обстрелом пр-ка. К-р Корпуса в своем приказе за № 47 объявил благодарность казакам за правильное понимание долга взаимной выручки

От 1-го до 8-го июля отряд ген. Морозова вел бой по обороне моста через Дрину у Зворника. Через наши части, спасаясь от коммунистов, прошло 379 раненых хорватских солдат и гражданского населения, а также свыше 1000 здоровых солдат и не менее 1000 таких же беженцев. Потери отряда: 2 убитых и 17 раненых (Очерк «Слава казачья»).

В экспедиции в с. Неделицу, 19 июля, охотничьей команды и отделения 7 сотни, во время перестрелки, был ранен ген. Старицкий. У партизана — 4 убито и 4 ранено

В течение нескольких дней от 26 августа до 2 сентября происходила смена гарнизонов: 5-я сотня перешла в Лозницу, а 7-я — в Любовию.

Во всех гарнизонах полка, 20 сентября, были получены предложения заключить тайное согласие с частями Дражи Михайловича против германских сил, с угрозами полного уничтожения, если предложение не будет принято.

В этот же день, на взвод 9-ой сотни войск, старшины Колышкина, высланный на разведку из Заячи в Корениту, было произведено нападение окружившими его бандитами. Взвод оборонялся несколько часов и нанес значительные потери бандитам (7 убитых и 20 раненых), которые утром следующего дня разбежались. Во время боя был ранен войск. ст. Колышкин, 3 казака убито, командование временами принимал в. сд. Антонов. Высланные на подмогу части из Заячи и Лозницы, утром 21 сен-

тября, встретили пострадавший взвод, но пр-ка уже не обнаружили. Взводу объявлена благодарность К-ра Корпуса.

Предназначенный для формирования 4-го полка, командный состав, 24 сентября выехал в Белград.

Партия красных, 29 сентября, обстреляла наши секреты у Лозницк. В этот же день красные вновь заняли Зворник и обстреляли расположение 6-ой сотни в М. Зворнике. К-р II б-на полк. Головка, получил требование бандитов сдать оружие.

В Любовин, 30 сентября, получено вторичное требование бандитов о сдаче оружия. С целью помочь полк. Головка пробиться в Лозницу, из Б. Ковилячи выслана герм. рота, которая в районе Црнча попала в засаду и потеряла 2 убитыми и 3 ранеными, грузовики и бомбометы, Гарнизон Любовини блокирован четниками.

Для охраны рудника Лисса, в район 3 полка, 1 октября, направлена 5 сотня. Отбито два нападения на гарнизон Любовинь двое ранено. Герм. рота, охот. к-да и кон. взвод не смогли пробиться к Любовини, что удалось сделать только 2 октября. В тот же день наступавшие части совместно с гарнизоном оставили Любовию и 3 октября штаб II б-на расположился в М. Зворнике.

Подвергся нападению у с. Брезьяк обоз I б-на из 8 подвод с шинами и продовольствием. Потери — 1 убит и 4 подводы. Высланные части нападавших не **нашли**.

7-я сотня, 4 октября, прибыла в Лозницу. Получена телефонограмма к-ра Корпуса с выражением благодарности полк. Головка и всем чинам его отряда за примерное исполнение долга в течение четырех дней, когда штаб II б-на и 7 сотня были отрезаны от полка.

Красные, 14 и 16 ноября входили в Зворник и пытались взорвать мост, но огнем 6-ой сотни были отброшены. 14-го же было совершено нападение на имение Ерцгоф, причем был ранен есаул Персиянов.

Приказом Главнокомандующего Юго-Востока от 29 ноября объявлено, что в районе южнее Белграда до Крагуевца и Аранжеловца между герм. командованием и четниками Дражи Михайловича заключено перемирие для совместных действий против коммунистов с 30 ноября до 31 декабря 1943 г.

Учебные сотни прибыли в Лозницу: 1-я — 8 декабря, а 2-я — 12-го.

Командный состав во главе с полк. Рогожиным, предназначенный на формирование 5 полка, 24 декабря выехал на Баницу.

В течение всего года части полка почти ежедневно производили разведки и часто меняли свои стоянки.

На 31 декабря командный состав и расположение частей полка были следующие: к-р I б-на ген. Скворцов — Крупань; 1 Гв сотня — войск. ст. Луговский — Мойкович; 2-я — полк. Дубина — Крупань; 3-я — полк. Щербиков — два взвода в Крупне и один в Б. Црква; к-р II б-на — полк. Головка — М. Зворник; 5-я сотня — ген. Соломахи — Лисса;

6-я — полк. Третьяков — М. Зворник; 7-я — войск. ст. Протопопов А. — Крупань; к-р III б-на ген. Морозов — Заяча; 9-ая сотня ген. шт. подполк. Хохлачев — Заяча; 10-я — полк. Шмелев — Заяча и 11-я — полк. Свинолов — Столица.

2-й полк

После ухода казаков в 1-й полк, полк. Дудышкин назначен к-ром 3 роты. 6-я рота полк. Шебалина, 5 февраля, прибыла в Д. Милановац, а казачья сотня полк. Полякова ушла в 1-й полк.

Производя осмотр местности к югу от Пожаревца, 2-й эскадрон захватил в плен 18 партизан при двух легких пулеметах.

Штаб I б-на, 2-й эскадрон, взвод ПАК и арт. взвод с кадром арт. взвода I полка, 25 февраля, перешли из Пожаревца в Майдан Пек.

Одно отделение 1-ой роты, находясь в разведке, 6 марта, было обстреляно из засады, причем в отделении было 2 ранено.

Сформированная на Банице из военнопленных красноармейцев, 11-я рота полк. Кондратьева, 5 мая, прибыла в Бор; 1-я рота перешла в Добру, а 3-я — в Больетин. С 7 по 10 мая II б-н переброшен в Бор, а III-й — в Неготин, один на место другого, причем 9-я рота полк. Севрина осталась в Бору и вошла в состав II б-на, как 6-я, а вместо нее в состав III б-на вошла прежняя 6-я рота полк. Шебалина, как 9-я.

Отряд партизан, 22 мая, пытался освободить из тюрьмы в Неготине политических заключенных. Одновременно с убийством часового у тюрьмы, был открыт ружейный огонь в разных местах города, но ответный огонь караула и частей гарнизона заставил партизан оставить город. На горе Главчина, 11 июня, была замечена группа партизан, рассеянная огнем патрулей 3 роты.

Боевая экспедиция сборного отряда полк. Левандовского, из состава гарнизона Майдан-Пека, состоялась 12-13 июня. Войдя в прикосновение с пр-ком на хуторах Слатина под Трстеником, отряд вступил в перестрелку, в результате чего местными крестьянами было похоронено 10 убитых партизан и было много раненых. Нами захвачены повозки с имуществом и оружием. Партизаны поспешно отступили. В отряде был один ранен. К-р Корпуса, в приказе за № 39, объявил благодарность всему отряду.

В это же время 7-я и 11-я роты и конный взвод приняли участие в операции совместно с двумя герм. ротами, одной из которых было убито 2 и захвачено 16 партизан и взято одно орудие ПАК. У нас потерь не было. При осмотре района Имерия, 17 июня, в перестрелке с партизанами убит один юнкер 9-й роты.

С 25 июля по 1 августа происходила переброска частей III б-на из Неготина в Жагубицу (штаб и 11 рота) и в Лазницу (10 рота), 14 августа 9-я рота перешла в Майдан-Пек, а штаб I б-на, 2 рота и ПАК — в Д. Милановац; 6 сентября 10-я рота — в Костолац; 7 сентября штаб III

б-на прибыл в Майдан-Пек два взвода 11 роты — в Брницу и один — в Голубац.

Под влиянием агитации коммунистических агентов, скрывавшихся в рядах 11-ой роты, состоявшей из военнопленных красноармейцев, часть роты 27 сентября бежала в горы. Остаток роты распределен по всем ротам полка. Гарнизон в Брнице занят сводной ротой полк. Кубаркина.

В Костолице, 30 сентября, партизаны напали на караул 10 роты. Нападение отбито. Потери роты: 1 убит и 1 ранен.

Штаб III б-на, 21 октября, перешел в рудник Костолац.

Прибывшая из Белграда, 25 октября, в Д. Милановац, 1-я учебная рота переименована в 3-ю роту под командой полк. Калинина, а бывшая 3 рота влилась во 2-ю, которая перешла из Д. Милановца в Больетин.

14 ноября в Бор прибыла 2-я учебная рота подполк. Котляра. Штаб полка, 19 ноября, перешел в В. Градиште.

Патруль силой в одно отделение унт.-оф. Володина, 29 октября, в разведке наткнулся, на партизан и атаковал их. Партизаны встретили его огнем, но не выдержали нашего натиска и рассеялись, потеряв 2-х убитыми и 2-х тяжело ранеными.

Взвод ПАК лейт. Сомова, 5 ноября, обследовал район Тополница и наткнулся на партию бандитов. Пр-к был выбит из села, оставив на месте боя 6 убитых и 1 пленного, — бежал в лес.

Кроме приведенных случаев, — почти ежедневные разведки частей полка.

Положение на 31 декабря: штаб полка — В. Градиште, к-р I б-на подполк. Попов-Кокочулин — Д. Милановац; 1-я рота — полк. Нестеренко — Добра; 2-я — полк. Бреннеке — Больетин; 3-я — полк. Калинин — Д. Милановац; к-р II б-на — ген. Зинкевич — Бор; 5 рота — полк. Лучанинов — Бор; 6-я — полк. Севрин — Бор; 7-я — полк. Христофоров — Бор; к-р III б-на — ген. Иванов — Костолац; 9-я рота — полк. Шебалин — Майдан-Пек; 10-я — полк. Мамонтов — Костолац; 11-я расформирована.

3-й полк

17 марта в командование полком вступил новый командир полка — ген. шт. ген.-майор Гонтарев, в чине оберста.

К-ром 7 роты, 1 марта, назначен ген. Петровский, а 5-й — ген. Бредов. Штаб III б-на, 30 марта, перемещен из Вучитрна в К. Митровицу, а 19 апреля ушел на Баницу. Ген. Черепов назначен к-ром батальона «Белград».

Ввиду прибытия, 30 апреля, в Лиссу 2-й Особой роты полк. Гетца, численность в полк 9-ой ротой, старая 9-ая рота ген. Ангилеева расформирована. Люди распределены по подразделениям полка.

21 мая — бой разведывательной команды лтн. Флегинского (Очерк «Советская рота»).

На следующий день произошел бой патруля унт. оф. Бюро (Очерк

«Новосадская дружина»). Объявлена благодарность Главнокомандующего в обоих случаях.

Приказом II 6-ну 3 полка за № 34 от 18 июля 1943 г. и № 49 от 31 августа 1943 г. объявлен список 132 юнкеров 5-ой юнкерской роты и прикомандированных к ней чинов других подразделений 3 полка, произведенных в подпоручики, после 16-месячного прохождения военно-училищного курса.

Для сведения всех полковых взводов и чинов штаба полка в одну часть, 17 августа сформирована штабная рота генд Ангилеева.

Штаб 7 роты, 22 августа, перешел из Звечан в Рудары, а 5-ой, 23 августа — из Рашки на ст. Воевода Степа.

К-р 3 роты ротм. Шелль, 24 августа, командирован в штаб Корпуса для замещения должности начальника отделения I-ц (разведывательное). Во вр. команд. ротой вступил полк. Патаридзе.

В ночь на 4 октября партизаны атаковали фабрику в Лиссе (Очерк «Советская рота»).

Ротм. Думбадзе, 11 октября, принял 5 роту. Ген. Черепов вновь назначен к-ром III 6-на.

Штаб 7 роты, 18 октября, перешел из Рудары в Звечаны. В течение же 25 октября — 11 ноября 7-я рота сменила 9-ю в Лиссе.

Штаб 9 роты, 16 ноября, перешел из Звечан в Рудары.

Командиром штабной роты, 29 ноября, назначен полк. Кондратьев

10-я рота (из рум. пополнения) полк. Франка, 30 ноября, прибыла в К. Митровицу.

В оперативном отношении 1-й и 2-ой полки подчинены 704 германской дивизии, а 3-й — 1-му Болгарскому Оккупационному корпусу.

6-ая РОТА 2-го ПОЛКА

Наша новая ротная семья только что приступила к формированию, под командой известного летчика, полковника (хауптмана) Сергея Константиновича Шебалына, волею судеб сменившего голубые просторы неба на... пехотные сапоги, но не утерявшего из за этой смены ни любви к Родине, ни ненависти к большевизму, ни своей энергии. Командиром нашего юнкерского, 2-го взвода был полковник Викентий Иванович Гетц. Не могу не остановиться на яркой фигуре нашего Викентия Ивановича. Немного выше среднего роста, могучего телосложения, обладатель прекрасного тенора, отличный строевик. В. И. был, кроме того и большим патрио-

том. Поверив хитлеровским обещаниям «освобождения», он, как и многие верные сыны России, пошел добровольно на Восточный фронт переводчиком. Увидев там, вместо освобождения, только завоевание русской земли и народа, В. И. покинул пределы России с большими затруднениями, добрался обратно в Болгарию и немедленно вступил в ряды Русского Корпуса, надеясь в его рядах принести посильную помощь Родине.

Германское командование решило нашу сотню сформировать и обучить по немецким уставам. Поэтому она получила в обиходе название «Мустер-Компани». По немецкому образцу были введены должности взводных фельдфебелей, а сотенный фельдфебель назывался «хаупт-фельдфебелем». Эту должность у нас исполнял бывший лихой гусар и летчик, полк. Мстислав Николаевич Плонский.

Наша «корнетская» компания тоже не миновала разгрома: Варченко был откомандирован в штаб Корпуса, кн. Кудашев назначен в 3-ий взвод нашей сотни, а Гюнтер и я оставлены с юнкерами во 2-ом.

Нашими новыми коллегами — унт.-офицерами во взводе оказались капитаны-артиллеристы: взв. фельдф. Дмитрий Гуссаковский и унт.-оф. Конст. Бекман и Людвиг Юшкевич, с которыми мы вскоре стали друзьями.

В третий раз принялись мы за обучение, начиная с самых азов, но на этот раз по немецкому уставу. Нам были приданы немецкие инструктора: фельдфебеля и унт.-офицеры, и работа закипела. Русская поговорка гласит: «Что русскому здорово, то немцу смерть». Мы испытали на себе ее обратное действие. Немецкое обучение, по сути своей, ничего нового для нас не представляло. Благодаря Военно-Научным Курсам ген. Головина мы уже были знакомы (еще до войны) с переходом от «линейной» тактики к «групповой» и проводили ее в частях Корпуса. Но немецкие методы обучения оказались не по нашему русскому нутру. Ничего нет хуже для нашего брата, как нудное однообразие в обучении. От него теряется вся охота к работе, ослабляет внимание и старание, человек тупеет и делает всё механически, не вдумываясь в то, что де-

лает. Нашим инструкторам только этой «механизации» и было нужно. Невзирая на все наши доводы и протесты, они заставляли нас целый час заниматься, например, поворотом налево или взятием винтовки «на ремень». Из-за этого, на занятия, на которые раньше выходили охотно, люди шли, как на муку. Но самолюбие, настойчивое желание «не подкачать» и доказать, что русский человек всё может сделать не хуже других, заставили нас перемолотить эту неприятность.

Наша «Мустер-Компани», только что закончившая обучение, первая получила немецкое обмундирование. сохранив старое для занятий и казармы. Неохотно расставались мы со своей старой, привычной формой и надевали чужую, ни уму, ни сердцу ничего не говорящую. Иногда только, в утешение друг другу, высказывали предположения, что немецкое обмундирование, вероятно, и качеством лучше, и снабжение им будет и проще, и легче.

1-го февраля 1943 г. рота выступила к месту своего назначения, на охрану берега Дуная вблизи «Железных Ворот», в Доньи Милановац. По жел. дороге добрались до конечной станции Кучево, а оттуда, походным порядком, через покрытые снегом горы Хомолья, в четыре перехода, по убийственной дороге, прошли 115 км., через Майдан-Пек и Рудну Главу, в Д. Милановац, переждав сутки в Майдан-Пеке снежную бурю.

В Д. Милановце началась снова знакомая служба. В нашу задачу входила охрана от бандитов, которых было в горах достаточное количество, как самого Милановца и его окрестностей, так и двух станций (Танак Крак и Капетанска) воздушной линии (фуникулера), доставлявшей во время работы рудника, в вагонетках, руду пирита через горы, из Майдан-Пека на пристань, в Д. Милановац. В описываемое время эта линия бездействовала, т.к. рудник не работал, но была совершенно исправна и мы ею пользовались для пересылки наших грузов, вместо того, чтобы везти их кружным путем. Партизанам иногда удавалось стащить что-либо из открытых вагонеток, т. к. линия в нескольких местах проходила низко над землей. Там же они бросали в вагонетки письма, написанные на рус-

ском языке. В них они уговаривали нас переходить к ним, не боясь репрессий, угрожая в противном случае разделаться с нами, как с «изменниками и предателями», как они уже разделились с захваченными ими корпусниками на неохраваемой ж. д. ветке Парачин-Сталач- Метовница, которых они зверски убили, предварительно изуродовав и повесив живыми за ноги, над кострами. Конечно, письма имели обратное действие — никто к ним не переходил, но бдительность наша увеличивалась.

Мне непонятно, почему партизаны не нападали на наши караулы на станциях воздушной линии. 10-15 человек, в течение недели несли бесценно караульную и разведывательную службу, отрезанные от всего мира горами, покрытыми густыми и на редкость мрачными, без певчих птиц, лесами. Для самозащиты, в распоряжении караулов были весьма примитивные укрепления из окопов и колючей проволоки, два-три ручных пулемета, винтовки и ручные гранаты.

Население Д. Милановца встретило нас довольно **настро**женно, но постепенно лед растаял. У юнкеров (да и не только у юнкеров) начали завязываться знакомства с прекрасным полом, со всеми надлежащими к сему последствиями и приключениями.

Близость Дуная дала весной и летом возможность показать свое искусство нашим рыболовам-спортсменам (во главе с к-ром роты), проводившим всё свободное время на берегу, состязавшимися друг с другом в способах ловли и заведшим самые приятельские отношения с местными рыбаками.

Однажды, весь наш маленький гарнизон был поставлен на ноги тревожным известием. Один из чинов нашей роты, немного понимавший по-немецки, принял по телефону сообщение, что к нам едет какое-то высокое немецкое начальство. В ударном порядке началась чистка оружия, помещений и обмундирования. Несколько позже выяснилось, что наш горе-переводчик немного ошибся — сообщалось, что это **вы**сокое начальство ехало в автомобиле и было обстреляно и убито партизанами, а к нам вообще и не собиралось. Долго

после этого издевались мы над незадачливым «дольметшем».

В мае наша рота была переименована в 9-ю.

14-го августа рота была переведена в Майдан-Пек, — маленькое, неуютное местечко, втиснутое между нависающими над ним горами, в узкую, извилистую долину, с бегущим по ней потоком.

В. Черепов

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ «АЛЬПЫ»

Шел мелкий, нудный дождь, когда наш отряд из двух сотен с пулеметным взводом и обозом, под общей командой к-ра б-на полк. Рогожина, выступил из Крупня в экспедицию в горы.

Выйдя из города и поднявшись на гору, отряд пошел по ее гребню перевалами; то поднимаясь, то опускаясь в лощины.

По сторонам дороги виднелись горы, а вправо от нас высилась огромная вершина, наполовину покрытая снегом.

Вечерело... Моросил лениво дождь, когда наш отряд втягивался в Пецку, в которой уже стояли ранее нас прибывшие сотни.

При входе в местечко не видно было зрителей ни у ворот, ни в окнах. Жители при приближении войск разбежались по соседним селам.

Быстро ложились влажные сумерки, когда наша донская сотня разместилась в холодной нетопленной школе.

Кругом ни единого огонька в домах, и темные обгорелые трубы на развалинах еще рельефнее чернели в сумерках вечера.

Соломы не было, сотня не ложилась, а сидя в мокрых шинелях, кто на полу, кто на скамьях, молча дремала, зная, что ночью идем дальше в поход. В два часа роздали маршевые порции из обоза и через час по темной, длинной и единственной в Пецке улице слышался тихий говор, раздавались команды... отряд строился снова в поход. К-р полка ген. Зборовский сам повел отряд.

С выходом из города, дорога пошла в гору. Было темно, моросил мелкий дождь; в двух шагах ничего не видеть; временами дорога поднималась над обрывом и приходилось выставлять пост, пока колонна не пройдет обрыв.

Чем дальше шли, тем выше поднимались в гору. Входили в лес; ветер глухо шумел сухими ветками, дождь непрерывно моросил сверху.

Стало светать, когда отряд подошел на высоту 776 к исходному месту.

В предрассветной мгле внизу виднелась зеленая долина, по сторонам чернели горы, а далеко впереди вчерашняя снежная вершина тускло белела в тумане утра.

Командир полка, собрав начальников, объяснил им боевую задачу: как выяснилось по агентурным сведениям, на снежной горе, в руднике сосредоточился значительный отряд коммунистов, и эту высокую гору, которая вчера так пугала казаков своей высотой и крутизной подъема, нужно атаковать со всех сторон и выбить из рудника коммунистов.

Наш «вермахт», почтенный по возрасту, недружелюбно смотрел на снежную вершину, которую всё же необходимо пройти.

Ровно в 6 час. мы пустили условную ракету. Через несколько секунд в стороне блеснула из соседней колонны другая, там третья, а через полчаса все шесть колонн двинулись на окружение горы.

Наша донская сотня, взяв указанное направление, стала спускаться в долину. Всюду зелень, пышно, точно осыпанные снегом, цвели сливы; с шумом по камням бежала горная речка. Мы перешли через нее по бревнам и снова стали подниматься в гору. Шел дождь. По мере продвижения вверх, дождь постепенно переходил в липкий, крупный снег. В стороне, на перевале, показалась цепь соседней колонны и быстро скрылась в лощине. Чем выше поднимались, тем чаще шел снег. Больше часа шли вверх... еще сильнее дул ветер, поднялась метель и скоро в нескольких шагах ничего не было видно впереди.

Дорогу занесло и мы шли по свежим, еще незаметным следам головной заставы и дозора, которых вел проводник.

Подъем стал круче... приходилось часто останавливаться на несколько секунд, чтобы передохнуть. Немело плечо от тяжелой вещевой сумки, мокрая шинель еще больше сковывала усталое тело. Так шли, всё время поднимаясь вверх.

Наконец, среди снежной пурги впереди зачерпела постройка; из головной заставы сообщили, что рудник никем не занят: коммунисты ушли заранее. Все думали, что это рудник, но оказалось, что это отдельный двор, совершенно разбитый, а рудник еще выше в 200-300 метрах.

Колонна наша остановилась, чтобы набраться сил для последнего крутого подъема. Люди тяжело дышали, губы у всех пересохли, казаки потянулись за фляжками, чтобы глотками воды промочить горло, но во флягах вода покрылась пленкой льда.

Я оглянулся назад на колонну. У всех вытянулись, несмотря на холод, бледные от усталости лица, но не падали духом; «вермахт» прошли больше, осталось меньше и зпять двинулись дальше вверх по мерзлой крутой горе. Ноги поминутно скользили. Вот, наконец, и рудник. Наша сотня пришла первая, за ней 2-ая, через несколько минут подошли почти одновременно все остальные; во главе одной из них прибыл командир полка ген. Зборовский.

Длинный пространный барак рудника вскоре переполнился до отказа. В тесноте люди, кто сидя на полу, кто стоя, отдохнув силами, подкрепляется маршевыми порциями. Стих барак, но не надолго. Отдохнув, вскоре заговорили, послышались остроты, шутки с разных сторон, слышалось: «Это наш переход через Альпы»... «Наш Альпийский поход!» Все удивлялись, как всё же сравнительно легко взобрались на вершину, которая еще вчера издали казалась неприступной.

Этим походом мы выдержали экзамен на «вермахт»: все, в среднем, имели 50 лет, почти все раненые в двух войнах, многие по несколько раз, перешли свободно «Альпы», сделав переход более 80 километров без больных и отсталых в походе.

С. Болдырев

ИСТОРИЯ ОДНОЙ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ДУЭЛИ

В первый период существования Русского Корпуса, Германское Командование назначило начальником штаба связи майора летчика Л., с высоким партийным стажем.

Соблюдая внешне сравнительно корректные отношения с командиром Корпуса и его штабом, этот майор всячески старался подвести Корпус под общую партийную линию. Будучи человеком, вышедшим из кругов, далеких от воинских традиций, общих для армий всего мира, он естественно, в Русском Корпусе, состоящем на 60% из старых офицеров, популярностью не пользовался.

Командир Корпуса, желая точно определить взаимоотношения Корпуса с Германской Армией и германских чинов связи с Корпусом, давно настаивал на необходимости создания Положения или Устава о Русском Корпусе.

С согласия Главнокомандующего был выработан целый ряд проектов этого Устава. После неоднократных переработок, Устав был написан и должен был быть предложен Главнокомандующему через германский штаб связи на утверждение. Вышеупомянутый майор Л. счел нужным со своей стороны в параграф, касающийся обязанностей германского штаба связи внести дополнение, смысл которого сводился к тому, что задачей штаба связи является, между прочим, воспитание офицеров Корпуса в понятиях офицерской чести, долга и дисциплины.

Можно себе представить удивление и возмущение командира Корпуса, получившего окончательный проект Устава с подобным дополнением!

Созвав офицеров своего штаба, покойный ген. Штейфон прочел им это дополнение и спросил их мнение. Негодование было всеобщее и решение единогласное: — Такое дополнение является оскорблением всего русского офицерства, нуждающегося, якобы, в воспитании в понятиях чести, долга и дисциплины. Русские офицеры, являющиеся носителями идей и традиций более славных, чем традиции даже Германской Ар-

Командир 1-го казачьего полка
Генерал-майор (оберст)
В.Э.Зборовский

Н-к Шт.К-са,к-р 3-п.к-р боев. гр.
Ген.шт. генерал-майор (оберст)
Б. В. Гонтарев

Командир 2-го полка
Ген.шт.полковник (оберст)
Б.А.Мержанов

Командир 1-го полка
Подполковник (оберст)
Б.С.Нестер

Поднесение ген. Крейтером 3-му полку иконы от русской эмиграции

Штаб Корпуса, 1942 г.

мии, не могут оставить безнаказанным этот факт, считая, что в их лице оскорблено всё русское офицерство.

На этом же совещании единственным выходом был признан вызов всеми офицерами штаба Русского Корпуса, начиная с младшего и кончая старшим, майора Л., на дуэль.

Для этого командир Корпуса приказал своему адъютанту немедленно отправиться к начальнику отдела Личного состава штаба Главнокомандующего в Сербии (II А.), чтобы узнать официально, какое положение о дуэлях во время войны существует в Германской Армии. Неофициально же, если начальник II-А его спросит о причинах такого вопроса, рассказать ему в частном порядке о случившемся.

Предупрежденный по телефону, начальник Отдела Личного Состава выразил согласие немедленно принять адъютанта командира Корпуса, который, явившись к нему и принятый, как всегда, очень любезно, официально передал ему желание командира Корпуса узнать, какое Положение о дуэлях существует в Германской Армии во время войны.

Весьма озадаченный, начальник Отдела ответил, что всякие дуэли воспрещены и возможны лишь по личному разрешению фюрера.

Получив этот ответ, адъютант поблагодарил и стал уходить. Когда он был уже в дверях, старый полковник его задержал и, взяв за плечи, спросил, не может ли он, в частном порядке, сообщить ему о причинах столь своеобразного вопроса, на что адъютант, следуя инструкциям ген. Штейфона, рассказал ему о происшедшем.

На следующий день начальник штаба Связи, майор Л. просил всех офицеров штаба Русского Корпуса собраться, имея им сделать сообщение.

Красный, взволнованный и сильно нервничающий, он сказал собравшимся, что ему стало известно, что внесенное им в Устав о Русском Корпусе дополнение, вызвало возбуждение в офицерском составе Корпуса, считающим себя оскорбленным; не имея намерения оскорбить русское офицерство, он приносит ему свои извинения.

Через несколько дней майор Л. приказом Главнокоманду-

ющего был освобожден от обязанностей начальника штаба Связи при Русском Корпусе и назначен командиром тылового аэродрома в Банате. На его же место был вскоре назначен старый кадровый офицер германской армии, бывший в I Великую войну в России, прекрасно владеющий русским языком и начавший свою деятельность с того, что через Главное Командование добился полного приравнения офицеров Русского Корпуса к офицерам Германской Армии.

Урок, данный майору Л. был одновременно уроком и самому Германскому Командованию, к чести которого нужно сказать, что оно его правильно поняло. С этого дня начался новый период в жизни Русского Корпуса.

А. Раевский

ЗАПОЛЬЕ

Как исполняющий обязанности адъютанта II-го батальона 1-го Казачьего полка Русского Корпуса (командир б-на полк. Головки — все чины — по-русски), не могу отказать себе в желании запечатлеть случай, который происходил на моих глазах и свидетельствовал о том, что русский офицер, воспитанный на традициях Российской Императорской Армии, не только умел исполнять свой долг, но и в особых условиях, вне Родины, после долгого эмигрантского скитания, не забыл бессмертных заветов своих отцов и не потерял свое боевое сердце.

Не приходится говорить о том, что облегчающим обстоятельством для сохранения таких качеств офицера в бою, был контингент его подчиненных, состоявший, в данном случае, почти исключительно из испытанных двумя войнами старых казаков, несмотря на солидные годы вновь взявшихся за винтовку во имя борьбы с врагом своего Отечества — коммунистами, на любых фронтах.

Так и случилось на достопамятном мне Заполье, 12 мая 1943 года, куда из Любовии, через Бачевац, была выслана 5-я сотня доблестного офицера — полковника Пашенко со взво-

дом тяжелых пулеметов под личным командованием к-ра б-на, с целью произвести тщательную разведку Заполье-Разбоиште.

Переночевав в Бачевце с 11-го на 12 мая и, узнав от местных жителей, что бандиты, спускаясь с горного массива «Заполье», терроризируют все окрестности, — наш отряд двинулся к Заполью. После длительного и довольно утомительного подъема в горы, наш отряд вышел на плато перед котлым, как грозная и неприступная крепость, возвышался массив «Заполье».

Здесь, совершенно неожиданно, в 11 час. отряд был обстрелян пулеметным огнем с восточной половины Заполья (более 2000 м. по воздушной линии), где мелькали отдельные фигурки бандитов. Отряд приостановился и наши тяжелые пулеметы быстро заставили замолчать противника. Видимо, это был их наблюдательный пост, открывший огонь по нашему отряду с целью задержать нас до подхода своих сил.

Однако, надо было выяснять обстановку. С этой целью, в 12 часов 2-й взвод 5-й сотни в составе 17 стрелков, под командой лейтенанта есаула Вертепова, был направлен в разведку с задачей — выдвинуться к белому домику на западной окраине Заполья и собрать сведения о противнике.

Примерно через час, от есаула Вертепова, было получено донесение о том, что, не обнаружив противника в районе белого домика, он принял решение пройти всё Заполье в направлении высоты 1192.

Отряду предстояло довольно длительное ожидание результатов этой разведки. После недавних выстрелов **воцарилась** полная тишина. Утомленные подъемом, люди с наслаждением лежали на пригретой солнцем траве. Был чудесный весенний майский день. Чистый воздух, яркая и свежая зелень, прелестный горный пейзаж с где-то далеко внизу извивающейся узкой полоской Дрины — всё это создавало тихое и мирное настроение. Глядя в глубокую синеву неба, невольное в памяти всплывали слова поэта:

«.....Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один воюет он — зачем?»

И вот, около 14 час., в эти минуты безмятежной тишины и покоя, вдруг, как-то совершенно неожиданно, случилось то, что заставило весь отряд вскочить на ноги. Там, на Заполье, как будто что-то разорвалось, затрещало и закипело, как в котле. Был слышен сильный бой.

— 2-ой взвод! Попал в засаду! Погибает... — мелькали мысли у каждого из нас. Действительно, по силе огня было ясно, что 2-ой взвод попал в очень тяжелое положение. Он, оторвавшийся от нас на километры в незнакомой и весьма пересеченной, лесной местности, представлялся скорлупкой, брошенной в океан и могущей рассчитывать только на милость Божию и на свою незапятнанную русскую воинскую честь.

Было ясно, что необходимо немедленно оказать ему помощь. Но как? Открыть огонь из наших тяжелых пулеметов мы не могли, т. к. за дальностью расстояния и из-за леса не было видно, где наши, где чужие. Двинуться туда всем отрядом? Но для этого надо было спуститься в глубокую лощину, а затем начать подъем по почти отвесным скалам. Сколько понадобится для этого времени? За это время 2-й взвод может быть уничтожен несколько раз. Тем не менее, в направлении боя был выслан 1-й взвод войскового старшины Некрасова с целью, если не помочь, то хоть бы принять на себя «остатки» 2-го взвода.

Казалось, что вот-вот стрельба прекратится и всё будет кончено. Но интенсивный пулеметный и ружейный огонь с разрывами ручных гранат продолжался с неослабевающей силой. Было невероятно, что эта скорлупка в 17 чел. может так долго держаться против, судя по стрельбе, во много раз превосходящего врага.

Наконец, около 16 час. нам стало видно, как поодиночке, по козьим тропкам, среди скал, начал свой отход 2-ой взвод. Одновременно противник, преследующий 2-й взвод и охваты-

вающий его фланги, открыл огонь и по нас. Тогда были введены в действие наши тяжелые пулеметы, прикрывшие своим огнем отход 2-го взвода, который к 17 час. присоединился к отряду. Последними прибыли сам есаул Вертепов, унт.-оф. Коломиец и рядовые Беседко и Тимофеев. Впоследствии мы прочли их имена среди первых боевых наград в 1 полку.

— Когда от хозяина белого домика, — рассказывал есаул Вертепов, — мы получили крайне расплывчатые сведения о противнике, встал вопрос: — что же делать дальше? С одной стороны задача, как будто бы, была выполнена — взвод достиг указанного пункта. Но это не дало нужных результатов. Вернуться к отряду? Спросят — почему не прошел дальше? Двинуться дальше и, оторвавшись от отряда, влипнуть в грязную историю — по головке не поглядят. Тем не менее, я всё же выбрал второе.

Так, примерно, и получилось. Командир б-на, явившемуся к нему после разведки есаулу Вертепову, сказал:

— Порыв — вещь хорошая. И я восхищен порывом 2-го взвода, но разве можно так рисковать? Ведь вы каким-то чудом уцелели.

— Да, действительно, — «чудом».

Что же, именно, случилось со 2-м взводом? Пройдя большую половину Заполя, по лесной дороге, взвод вышел на обширную поляну и продолжал свое движение, когда шедший в головном дозоре, ефр. П. Кривцов, указывая на лес, крикнул к-ру взвода:

— Господи есаул, . . . вот они!

Увидев в указанном направлении цепи противника, подхитившие по лесу к поляне, к-р взвода, с намерением ошарашить противника, отдал короткое приказание:

— Огонь!

Бандиты же не открывали огня, видимо, рассчитывая захватить взвод живьем, но не удалось — не на таких напали. И началось! Противник ответил сильнейшим огнем и, пользуясь огромным численным превосходством, начал обходить фланги взвода. Как могла удержаться и не оказалась перебитой эта, лежащая на открытой поляне, кучка людей, простре-

ливаемая с трех сторон — явление просто невероятное. И только тогда, когда по голосам и командам («Прва чета! Треча чета напред!») более или менее определились силы противника; и когда стало ясно, что взводу грозит полное окружение. — только тогда к-р взвода отдал приказание — Отходить!

На счастье, среди отвесных скал нашлись козы тропки, по которым взвод и отошел к отряду, цепляясь за каждый камень, чтобы отстреливаться от преследующих бандитов.

После 17 час. бой затих и наш отряд двинулся на Бачевац.

Потери наши выразились в трех легко раненых и двух без вести пропавших. Один из них на следующий день присоединился к отряду. Другим оказался есаул Шеремет Максим, бывший на унт.-офицерской должности во 2-м взводе и, очевидно, захваченный бандитами. Он только недавно прибыл в полк из Белграда. Слабого здоровья и телосложения, он, очевидно, был крайне утомлен уже самим, непривычным для него, первым походом в горах.

— Уже во время отхода, я как-то заметил его. — говорил есаул Вертепов, — ниже себя на сотню метров вместе с казакм П. Кушом и очень обрадовался, что, именно, он уже находился вне обстрела и на верном пути отхода к отряду.

Что было дальше, — настигла ли его шальная пуля, или потерял нужное направление отхода — осталось неизвестным.

Итак, задача 2-м взводом была выполнена. Его разведка выяснила, что Заполье занимается отрядом в 300 чел. бандитов, что и послужило основанием для следующей операции.

Через два дня операция на Заполье была возобновлена, причем на этот природный «Верден» с разных сторон было двинуто 4 батальона с тяжелыми взводами, но противника уже не оказалось — он перебросился в другой район.

Мне лично, опять же в качестве адъютанта, пришлось проходить по этой самой лесной дороге, по которой первый раз двигался взвод есаула Вертепова. и видеть несколько вражеских могил. От местных жителей мы узнали, что бандиты в бою со 2-м взводом имели 5 убитых и много раненых.

Следуя по этой дороге верхом на лошади, я отъезжал в стороны, внимательно осматривая всю местность, невольно представлял себе положение взвода есаула Вертепова, ведущего бой в этой лесной гуще, с одной стороны кончающейся форменной скалистой пропастью и, скажу откровенно, я бы не хотел быть на его месте.

К. Подушкин

ШКОЛА ВЕРХОВОЙ И УПРЯЖНОЙ ЕЗДЫ

27-го августа 1943 г. кн. Кудашев и я выехали из Майдан-Пека в Белград, куда были вызваны для прохождения курса в немецкой Школе верховой и упряжной езды («Райт унд Фар-Шуле»). Сюда нас собралось 20 человек русских офицеров, в немецких офицерских и унт.-офицерских чинах, — кавалеристы, казаки и артиллеристы. Школа была организована для создания кадра офицеров-инструкторов для конных и конно-транспортных частей и однообразного их обучения по последнему методу, основанному на научных исследованиях. Курс длился около месяца. Обучающиеся группы, по 20 человек каждая, сменяли одна другую. При этом каждая группа была определенной национальности. Школу проходили то немецкие, то венгерские, то болгарские, то русские офицеры, но никогда не было смешанных групп. Тот факт, что не все из нас носили офицерские погоны, был объяснен, что Корпус не имеет возможности послать только офицеров, поэтому посылаются в школу группа офицеров и унт.-офицеров — кандидатов на офицерские должности, что вполне удовлетворило школьное начальство.

Постоянный состав школы, во главе с генерал-майором, начальником школы, было около 100 человек, включая сюда инструкторскую, административную и ветеринарную части, а также обслуживающий персонал — конюхов, уборщиков, шорников, кузнецов, поваров и прислугу в столовой.

Старший инструктор, молодой 27-милетний майор Галле, оказался прекрасно знающим свое дело преподавателем, тре-

бовательным и в то же время, очень милым и хорошо воспитанным офицером. Его помощники, трое вахмистров, были достойны своего начальника.

Наша группа состояла поголовно из любителей коня и всего, что связано с этим благородным животным. Каждый из нас нашел здесь многих своих старых друзей и знакомых. Радостно встретились мы здесь с полк. М. А. Левандовским, корн. Дончуком и со многими старыми друзьями.

Школа помещалась в казармах югославянской гвардейской артиллерии, заново отремонтированных. С наслаждением окунулись мы в обстановку кавалерийской казармы, с запахом конюшен и конского пота, цоканьем подков по булыжникам двора и мягким топотом рыси в манеже, с аппетитным запахом и мягким скрипом светло-желтой кожи новеньких седел и сбруи, со звонким ржаньем и ощущением мягких губ вашего любимца, с легким пошлепыванием берущих с ладони кусочек сахара или хлеба с солью.

Обыкновенно, до обеда шли практические занятия в манеже или в поле, а после обеда теоретические, но иногда бывали и изменения, например, — утром в поле, езда на повозках, а после обеда верховая езда в манеже. Мы с удовольствием шли на верховую езду, вслушиваясь и понемногу привыкая к немецким командам. Не обошлось, конечно, и без комических случаев. — В качестве переводчика, нам был прислан из Корпуса наш кавалерийский солдат из немцев-колонистов. Малый он был не очень развитой, повидимому, служил больше в пехоте, чем в коннице и переводчиком для Школы никак не годился. Мы дня два-три терпели его невероятные переводы команд, но когда для перехода с шага на рысь, он перевел «рысью... шагом-марш» и упорно, несмотря на указания неправильностей, продолжал в том же духе, возмутились окончательно и настояли на замене одним из нас, корнетом С. Мошиным, и дело пошло совсем гладко.

К упряжному делу мы сначала отнеслись было по-кавалерийски, высоко, называя его в шутку «извозничьим спортом». Но потом увлеклись им почти так же, как и верховой ездой. Кроме мало кому из нас известной теории запряжки,

конструкции сбруи и способов управления лошадьми, действительно основанных на длительных и тщательных научных исследованиях, много нового узнали мы и в практической езде на повозках немецкого военного типа. Эта езда происходила на сильно пересеченной местности, с устроенными на ней добавочно искусственными препятствиями. В повозки запрягалось по паре коней, а к некоторым еще добавлялись один или два уноса с ездовыми, как артиллерийская запряжка. Мы садились поочередно сменяя друг друга, то на козлы, управлять возжами, то ездовыми на уносы, то на ручные тормоза. По приезде на место учения, мы начинали такую головоломную езду, что потом сами удивлялись, как из нее выбирались целыми и невредимыми и мы сами, и лошади, и повозки. Нужно было проявлять и лихость, и проворство, и самообладание, и смышленность. Карьером вылетали мы на крутую горку, на секунду задерживались наверху и спускались с нее шагом, туго затормозив колеса. Затем ехали вдоль окопа, вырытого прямоугольным зигзагом, причем, то оба правые колеса, то оба левые, ныряли в окоп. После этого пересекали крутой и глубокий ров, почти на карьере, едва успевая закрутить и тотчас же отпустить тормоза. Наконец, по высокому и крутому откосу спускались до его середины, сдерживая коней так, что они садились на крупы. Затем приходилось делать прыжок вниз, на специально вырытую узкую терраску, высотой около $\frac{3}{4}$ метра. Здесь сдержать коней уже было невозможно и мы неслись вниз, в ложину, где преграждала дорогу канава с водой и с выброшенной на противоположный берег землей. Прыжок через нее был, конечно, особенно труден для запряжки с уносами, но после него мы вздыхали облегченно — это было последнее испытание.

Мы поражались сами, как мы не вылетали из повозки во время этой эквилибристики. Правда, один из нас чуть не угодил под колеса, вылетев с козел на дышло при прыжке на терраску, но всё окончилось, слава Богу, благополучно. Само собою понятно, что мы, после первых же поездок стали с большим уважением и интересом относиться к «извождичь-

ему спорту». К концу курса мы брали все препятствия, почти не применяя тормазов.

Верховая езда для всех нас не представляла ничего нового и ею занимались, как любимым спортом. Казачья посадка первое время резала глаз нашего «симпятиги» — майора Галле, но его наметанный взгляд оценил в них опытных кавалеристов другой, чем он сам школы, и он не придирался к ним чрезмерно.

Вечерами, после занятий, все мы были свободны и могли выходить в город, чем многие широко пользовались, частенько даже не ночуя в казарме, а являясь туда прямо к занятиям.

С неохотой покидали мы, по окончании курса, гостеприимные стены школы, получив «дипломы» преподавателей верховой и упряжной езды, но всему на свете — и хорошему, и плохому, бывает конец...

2-го октября я, в одиночестве, т. к. Кудашев, по болезни, остался в Белграде, выехал обратно в свою «Мустер-Компани». Снова потянулись корпусные будни, с несением караулов и разведками по горам.

Юнкера наши закончили свой курс и были произведены в подпоручики. Обидно было за них, что такой момент, который не забывается офицерами всю жизнь и обычно, в нормальной обстановке, отмечается весьма торжественно, проходил в Майдан-Пеке, весь гарнизон которого состоял из нашей роты и тяжелого взвода.

В. Черепов

СЛАВА КАЗАЧЬЯ

Летом 1943 г. 1-й Казачий полк нес службу по охране границы с Хорватией по реке Дрине. 6-я сотня ген. Скворцова занимала весьма важный пункт на границе — мост через Дрину против городка Зворник, на восточном берегу реки.

И вот, приказ Командира Корпуса ген. Штейфона от 12 июля 1943 г. за № 51 гласит о том, что к 26 июня на хорват-

ском берегу Дрины, накопилось около 6 партизанских бригад. В числе их были испытанные уже в боях 1-ая пролетарская, 2-ая босанская и др. бригады, которые поставили себе целью перейти Дрину через мост у Зворника и ринуться в плодородную Мачву, дабы найти там продовольствие и пополнить себя мобилизацией местного, довольно густого населения.

Имея сведения о накапливании врага, командир 1-го Каз. полка ген. Зборовский усилил оборону моста частями своего полка. К 1 июля у Зворника, кроме 6-ой сотни, сосредоточились штаб III б-на с бомбометным и огневым взводами, 9-я сотня полк. Болдырева до 100 чел., Артиллерийский взвод полк. Бугураева, взвод ПАК в. старш. Коцовского, Саперный взвод в. старш. Петровского и Конный взвод, временно командующим которого был полк. Склярков. В резерв была притянута 5-ая рота герман. гренадерского полка, в бою участия не принимавшая. Все эти части составили отряд ген. Морозова,

В Зворнике местные воинские части, хорватские «усташи», «домобраны» и др. были быстро прорваны лавиной красных, которые появились на берегу Дрины.

И вот, с 1 по 8 июля начался бой, окончившийся тем, что противник был отбит с громадным для него уроном.

Красные заняли окраинные дома и правительственные здания городка, фасады которых смотрели на мост. Из окон, с балконов и крыш, они развивали в дни боев невероятный огонь по горсти защитников моста. Многочисленные пулеметы, ружейный, а также огонь их бомбометов и артиллерии сметал всё, что приближалось к мосту с нашей стороны. Казармы наших сотен и сербской жандармерии были главным объектом для бомбометного огня красных.

Главная тяжесть боя легла на 6-ю сотню, которая всё время находилась в первой линии обороны. Сотня выслала к мосту караул силой в 1 офицера (полк. Третьяков) и 8 казаков. Караул успел построить примитивные окопы, караулку в виде слабого бункера и своим огнем никому не давал вступить на мост. Этот караул пробыл с первого дня боя,

непрерывно, без смены и почти без пищи 26 часов. Сменен он был тогда, когда все были переранены, но продолжали бой во главе со своим, тоже раненым, командиром.

Самое удивительное здесь было то, что казаки 6-ой сотни по возрасту были, пожалуй, самыми пожилыми в полку. Средний возраст их можно было считать в 50 лет, но тем не менее эти старики, искушенные войной еще 1914 г., а затем гражданской, оказались наиболее стойкими и опытными в отражении атак красной молодежи, которая количеством во много раз превосходила защитников моста.

В первый день боя части у Зворника посетил, случайно прибывший в район Дрины Начальник Штаба Германского Главнокомандующего в Сербии. Это был старый полковник германского Генерального Штаба, участник 1-ой Мировой войны. Наблюдая бой, он позже делился своими впечатлениями и, хваля доблесть и храбрость пожилых казаков, отметил, что ни разу в своей жизни, он не видел такого страшного огня, сосредоточенного на таком малом количестве целей, которыми являлись наши защитники моста.

Жители Хорватии из окрестностей и городка устремились от красных на наш берег. С ними хлынули и расстроенные боем «усташи», «домобраны» и мусульмане — добровольцы, т. н. легионеры. Разумеется, наши постарались своим огнем прикрыть этих несчастных. Но бешеный огонь красных превратил это бегство спасающихся от них в кровавую бойню. К тому же, разобранный нами еще накануне настил моста, делал переход через него еще труднее, ибо люди проваливались сквозь верхнее строение моста. Женщины, дети, старики, хорватские солдаты, — все смешались в пеструю громадную толпу, в паническом ужасе бегущую по мосту и заливающую кровью этот мост ужаса.

Сколько погибло раненых и убитых в волнах Дрины, сказать трудно, но долго еще ее светлые воды несли трупы мимо Лозницы и Шабца. На мосту, только на одной его половине у нашего берега подобрали 156 трупов.

Бой кипел без перерыва днем и ночью. Но красные не рисковали взойти на мост. 5-го бой несколько стих. Коман-

дир полка ген. Зборовский, все время бывший здесь, решил послать разведку, чтобы узнать, что делают красные. В разведку пожелал идти полк. Третьяков и с ним несколько казаков. Пошел и хорватский жандармский поручик.

Однако, когда садились в лодку, чтобы тихо переплыть через Дрину в стороне от моста, красные открыли огонь. Разведка стала не нужна, ибо огнем противник себя обнаружил, но в результате этой попытки, двое остались лежать на берегу. Казак Семен Клищ, пополз к лежащим. Один оказался убитым, а второй — хорватский поручик тяжело раненым, но Клищ не мог вытащить его, т. к. прицельным огнем красные не позволяли поднять головы. Хорватские жандармы «зрителями» созерцали, не осмеливаясь помочь вынести их начальника. Тогда полк. Третьяков подполз к Клищу и они вдвоем вытащили поручика. К сожалению он тут же скончался от громадной потери крови.

Вскоре красные отошли. Наши сотни заняли Зворник, захватили много брошенного оружия и несколько пленных. Поражало при этом громадное количество трупов, которых потом долго убирали жители.

8 июля прибыл лично Командир Корпуса. Он высоко оценил подвиги казаков, закончив свой приказ словами:

«Благодарю командира 1-го Казачьего полка, оберста Зборовского, майора Морозова и всех чинов, оборонявших мост у Зворника, за отличную боевую службу.

Большой подвиг совершили казаки и тем вписали славную страницу в историю Русского Корпуса».

К. Николаев

1944

При 6-не Белград. 10 января, открыты курсы ветер офицеров.

Полковым врачом 4 полка, 25 января, назначен д-р Бабенко, а полковыми священниками назначены: 4 полка, 23 января, о. Никодим Нагаев; 1 полка, 31 марта, — о. Григорий Баранников.

Командующим Караульной ротой, 26 января, назначен полковик Янковский.

Распоряжением Главного Командования Германскими Вооруженными Силами приказано с 15 февраля приступить к формированию 5-го полка. Назначены: к-ром полка полк. Рогожин, к-рами 6-нов: I-го — полк. Галущкин, II-го — полк. Шебалин и III-го ротм. Шелль; к-рами рот: 1-ой — полк. Соляник-Красса, 2-ой — полк. Лекторский, 3-ей — об.-лейт. Залесский. 5-ой — полк. Кубаркин, 6-ой — полк. Гордеев-Зарецкий, 7-ой — полк. Сакварелидзе, 9-ой — полк. Кондратьев, 10-ой — об.-лейт. Флегинский и 11-ой подполк. Мирошниченко.

Сформировано отделение II-6 Штаба Корпуса (все вопросы унтер-офицерского и рядового состава). Нач-ком отд, 20 февраля назначен полк. Карпов. Уволен от службы по возрасту, 24 февраля, д-р Мокин. Старш. врачом лазарета назначен д-р Ермаков; нач-ком отд. I-ц — полк. Иордан; переведены в отд. I-ц полк. Карпов и ген. Георгиевич; нач-ком транспорта назначен подполк. Зельтман.

Приказом Главкома Юго-Востока, от 9 марта, 35 чинов, окончивших Первые Военно-Училищные курсы, произведены в лейтенанты с 1. 3. 44.

На Банице, 10 апреля, открыты курсы для подготовки молодых чинов Корпуса к экзаменам за 6, 7 и 8 классы гимназии.

В первый день Св. Пасхи, 16 апреля, состоялось первое англо-американское воздушное нападение на Белград, а 17-го — второе. Несколько бомб попало в район лазарета № 1. Тяжело ранены: д-р Ермаков; находившийся на излечении от раны, полк. Пашенко и сестра милосердия Ульяновская и еще 11 чинов; убито — 8. Высланные в город команды об.-лти, Васильева, лтн. Дормана и Сементовского проявили много мужества, спокойствия, энергии и распорядительности. Они оказали весьма существенную помощь пострадавшему населению и получили призна-

тельность немецких и сербских властей и местного населения. Полк. Пашенко и сестра Уляновская скончались от ран.

Приказ Р. О. К. № 100 от 21 апреля 1944 г.:

«17 апреля, во время воздушного нападения на Белград, подвергся бомбардированию лазарет Русского Корпуса. Среди больных и персонала было 8 убитых и 13 раненых. Персонал лазарета с полным самопожертвованием работал, спешно эвакуируя больных и оказывая помощь пострадавшим. За выдающуюся работу в столь тяжелой боевой обстановке объявляю свою благодарность д-ру Вербицкому, д-ру Ключареву, д-ру Горен-Сосунцову, д-ру Жуковскому, сестрам милосердия, всему медицинскому персоналу и команде. Благодарю больных за их мужество. Особенно отмечаю, как пример высокого исполнения долга, доблестное поведение старшего врача штабс-арцта д-ра Ермакова Михаила, который спасая больных, был сам тяжело ранен, вследствие чего ему пришлось ампутировать ногу. Благодарю д-ра Ермакова за его героическую работу. Ген.-лейт. Штейфон»

Произведены. 25 апреля, в оберст-лейтенанты ген. Черепов и ген. Морозов. Адьютантом 4 полка, 8 мая, назначен полк. Аквилонов.

Приказом Главкома Юго-Востока, 12 мая, 35 чинов, окончивших Вторые Военно-Училищные курсы, произведены в лейтенанты с 1. 5. 44.

Назначены: 23 мая, к-р 10 р. 5 п. об. лтн. Флегинский — к-ром 3 р. 3 полка, а лтн. Бондаренко — к-ром 10 р. 5 полка.

Десять офицеров, 27 мая, окончили курсы командиров батальонов.

К-ром 5 роты 5 полка, 28 мая, назначен об.-лтн. Протопопов Н.

Из Румынии, 6 июня, прибыла партия об.-лтн. Голофаева, составившая конный взвод 5 полка

При Штабе Корпуса, 14 июня, сформирована Ветеринарная рота.

Приказом за № 187 от 16 июня 1944 г. объявлена благодарность оберсту Шредеру за его труды по обучению в течение года полков современному военному делу, увенчавшиеся прекрасными результатами.

Главком Юго-Востока, 17 июня, наградил ген. Штейфона знаком отличия герм. ордена «Кригсфердинсткрейц» 2-го класса с мечами, а 26-го июля, чины 7-ой роты 4 полка: унт. оф. Голубчиков, об. ефр. Ермолаев и стр. Ремисевич, за храбрость и мужество, проявленные в бою у Рогачкой Планины 9 июля 1944 г., — «Железным Крестом» 2-го класса. Это — первые награды в Корпусе этими орденами.

Приказом Герм. Командования, при Штабе Корпуса, 21 июня, сформирована рота связи, к-р — об.-лтн. Васильев. Уволен от службы по несоответствию хауптман Протопопов А.

14 офицеров, 24 июня, закончили курсы к-ров рот, а 26 июня — 12 офицеров — вторые курсы к-ров батальонов. Назначен старшим врачом лазарета д-р Плешаков. Полк. Гескет, 27 июня, произведен в оберсты.

Священником 2 полка, 4 авг., назначен о. Владимир Могилев.

Первый транспорт с семьями чинов Русского К-са отправлен в Гер-

манию 6 сентября, а второй — 9 сентября.

Окончившие Третьи Военно-Училищные курсы (46 чин.), 7 сентября, произведены в лейтенанты (Очерк «Военно-Училищн. курсы»):

Полк. Рогожин, 16 сентября, произведен в оберсты. Д-р Бандурко вступил в должность полкового врача 5 полка.

Корпусным врачом 21 сентября, назначен др. Плешаков. Вторым связещником 4 полка, 22 сентября, назначен перомонах о. Викторин Лябах.

Штаб б-на «Белград», роты: снабжения, караульная и запасная, 7 октября, погружены на ст. Топчидер и отправлены на Кральево.

Рота связи, 9 октября, отправлена на Кральево. Была задержана в пути и приняла участие в боях у Младеновца, после чего со сводн. б-ном пол. Мамонтова отходила на Белград (очерк «Служба связи»).

Русский Охранный Корпус с 10 октября 1944 г. переименован в «Русский Корпус в Сербии»..

Штаб Корпуса, 12 октября, выступил авто-колонной с Баницы и стал на ночлег на вилле кф. Павла на Дединье при Штабе Главкома, 13 октября перешел в Земун, 14-го — в Руму, 16-го — в Товарник, 17-го — в Сремске Лазе, 22-го — в Бершадин, 25-го — в Нуштар.

Оберст Шредер и майор Эйхгольц, 28 октября, выехали в командировку в Берлин. Ген. Гонтарев назначен к-ром группы частей Корпуса в районе Чачка (Ибрская группа).

Штаб Корпуса, 31 октября, перешел в Н. Микановцы, 4 ноября — в Ст. Янковци, 13-го — в Брчко. 28 ноября в Штабе Корпуса состоялся доклад кап. Ящука о РОА.

Командиром 4 полка, 13 декабря, назначен полк. Эйхгольц.

Хauptман Васильев, 18 декабря, назначен нач-ком отд. I-б; к-ром роты связи — об.-лтн. Кузьменко.

Штаб Корпуса, 28 декабря, перешел в Сибинь.

Приказом боевой группе оберста Гонтарева от 28. 12. 44 объявлен приказ Р. К. о назначении майора Голубева офицером для связи при штабе армейской группы «Е».

Ген. Штейфон, 30 декабря выехал в Берлин. Во вр. командование Корпусом вступил полк. Мержанов.

1-й полк

Полк продолжал выполнять две основные задачи:

1) Охрана объектов внутри района своего расположения. В этом районе находились многочисленные отряды четников под общей командой майора Рачича. Не находясь во враждебных отношениях с четниками, но не забывая их неоднократное в прошлом вероломство, части полка должны были быть всегда настороже и тщательно следить за всеми их передвижениями и действиями. Это вызывало необходимость почти ежедневных разведок от всех частей полка.

2) Наблюдение за Дриной во избежание переправы партизан на наш берег. Эта задача сводилась к тщательной разведке района к западу от

Зворника. Партизаны, базируясь на район Шековичи-Папрача-Осмаци (штаб 4 армии и штаб 3 корпуса), имели аэродромы около Ракино Брдо, на которые регулярно спускались английские самолеты, выгружавшие оружие, обмундирование и продукты, и забиравшие отсюда раненых и больных партизан. Против партизан в этом районе действовали многочисленные отряды четников, хорватских усташей и легионеров, мусульманск. отряды, части Боснийской СС дивизии и германской дивиз. Принца Евгения Савойского. Тщательное наблюдение за всеми действиями за Дриной требовало весьма кропотливой работы от подразделений и штаба полка.

Около ст. Кленка, 5 января, партизаны напали на поезд; убито три казака

5-я сотня, находясь на фабрике Лисса, 9 января, совместно с 7-ой ротой 3 полка отбила нападение партизан. Телефонограммой от 19 января сотне объявлена благодарность Главкома Юго-Востока. 10 февраля сотня вернулась в полк и 13-го прибыла в Крупань; 2-я сотня перешла в Лозницу, 14-го — в М. Зворник. 16-го — в Любовию, а 13 марта — в Зворник.

С поездом из Шабца, 11 марта, прибыл в Лозницу Донской Атаман ген.-лейт. Татаркин и выехал в Заячу и Столице для осмотра Донского б-на. 17 марта выехал обратно в Белград.

В связи с окончанием 8-недельного обучения, 1-я и 2-я учебные сотни, 1 апреля, переименованы в 3-ю и 9-ю штатные сотни. Бывшие 3 и 9 сотни расформированы и пошли на укомплектование своих б-нов.

С начала апреля каждую ночь наблюдаются полеты одиночных самолетов неприятеля над расположением полка. Сигнализируют ракетами и получают сигналы с земли ракетами-же и кострами. Периодически над расположением полка пролетают крупные формации англо-американской авиации для бомбардировки Белграда, Будапешта и др.

Перегруппировка 22 апреля: штаб I б-на из Крупань перешел в Зворник, а II б-на — в Крупань, 3-я сотня — в Б. Ковилячу, 9-я — в Лозницу. Произошло нападение на обоз III б-на, шедший в Заячу.

В связи с получением сведений о намерении 16 и 17 партизанских дивизий перейти Дрину из Боснии в Сербию, на участке Зворник-Баина Башта, 28 апреля в Лозницу прибыл 1-й б-н 5 полка (на следующий день вернулся в Вальево), а в М. Зворник — 5-я рота 5 полка.

В Б. Ковилячу прибыл штаб 3 полка Серб. Добров. Корпуса

По сведениям от партизан, полученным через жителей, 2 мая, штаб Тито находится в Банья Луке.

Гарнизон в Мойковичи упразднен 16 мая, в силу чего 1-я Гв. сотня перешла для стоянки в Б. Ковилячу. Мойковичи заняли четники.

Почти каждой ночью в течение мая, июня и июля английские самолеты сбрасывали в районе Неделиште патроны и продовольствие партизанам и спускали на парашютах английских офицеров — инструкторов.

Из Заяче в Лозницу, 24 мая, перешел штаб III б-на.

5 рота 5 полка, 25 мая, отправлена в свой полк. По прибытии в Б Ковилячу частей Сербск. Добр. Корпуса, 1-я Гв. сотня, 12 июня, перешла в Лозницу.

По сведениям агентуры, старшие начальники четников, видимо, склонны подчиниться Тито, но масса четников по-прежнему желает бороться с коммунистами. Приказано, номинально поддерживая с четниками мирные взаимоотношения, избегать общения с ними. Около 15 июля, к-р одной из бригад четников, ген. шт. майор Радослав Джурич, перешел со своей бригадой к красным. Он обратился в «Партизанском Вестнике» с призывом ко всем четникам переходить к Тито.

Ввиду предстоящей операции в районе Зворника, с поездом из Шабаца в Б. Ковилячу прибыл 17 июля III-й б-н 5 полка и 20 июля занял участок Дрины от Зворника до Црнча, а в районе Зворника сосредоточена маневренная группа ген. Морозова в составе 3, 6 и 9 сотен, артиллерийского и конного взводов.

III б-н 5 полка, 10 августа, перешел из района М. Зворника в Б. Ковилячу, где погрузился в вагоны и выехал на Шабац.

В Столице к-р II сотни полк. Спелобоб, при проверке ночью сторожевого охранения, был тяжело ранен часовым выстрелом из винтовки в левую руку. Был эвакуирован в Шабац, где ему немедленно ампутировали раненую руку. (По глухоте не услышал оклика часового)

В районе Столицы, 21 августа, пролетевший аэроплан сбросил 9 парашютистов. Из Столицы были немедленно высланы три разведки, которые установили, что парашютисты — американцы попали в руки четников. Пять из них приведены в Завлаку, где четники, полагая, что остальные четыре попали к нам, предъявили к-ру II б-на в Крупне требование выдать им американцев, угрожая в противном случае Крупань. Гарнизон Крупня объявил боевую тревогу, но инцидентов с четниками не произошло. По словам лично видевших американцев, они были встречены четниками и местными жителями очень радушно.

Ввиду событий в Румынии, район С.-Запад, 24 августа, объявил во всех гарнизонах I полка тревогу I-ой степени и предупредил о возможности скорого движения полка. Английские самолеты сбросили в окрестностях Сребреницы и Зворника большое количество пищевых продуктов, упавших в расположение хорватских частей.

Пароход, шедший из Белграда в Шабац по р. Саве, 1 сентября, наскокил на мину, сброшенную ночью с аэроплана. Взрыв произошел около Умки, причем погибло до 100 человек, среди которых и члены полка.

1 сентября партизаны крупными силами напали на Банну Башту, ведя бой с четниками и частями СДК (Серб. Добр. Корп.). Это было началом той обстановки, которая в конце сентября заставила I полк уйти из района Лозницы после трех-летнего там пребывания.

На совещании 5 сентября была достигнута гарантия четников не

нападать на наши гарнизоны и направлять всех свободных четников на помощь СДК в район Баина Башта. Кроме этого, четники прислали в Лозницу своих делегатов для связи и совместных действий.

Ввиду упразднения гарнизона в Б. Церкви, взвод 7 сотни, 6 сентября, из Б. Церкви прибыл в Крупань.

Предприятия «Монтания-Антимон» в Столице, Б. Церкви и Крупне, 8 сентября, прекратили работу. Из Лозницы в Шабач и далее в Белград, специальным поездом, отправлено 135 чел. жен и детей чинов 1 полка для дальнейшей эвакуации их в Германию.

Принимая во внимание наступление партизан с юго-востока (Баина Башта), район С.-Запад, 9 сентября, приказал 1-му полку охранять район, ограниченный с юго-востока линией Црнча-Крупань.

Четники фактически захватили административную власть в свои руки. Даже в Лознице они сменили городскую администрацию. Их комендант является ежедневно с сообщениями в штаб полка. В то же время, несмотря на внешнюю лояльность, они, путем агитации, прокламаций и угощений, стремятся уговорить чинов полка перейти на их сторону, гарантируя им неприкосновенность.

По данным агентуры, англичане поставили четникам ультимативное требование — до 15 сентября подчиниться Тито. Четники в Боснии, видимо, сговариваются с мусульманами для действий против оккупационных войск в случае их ухода.

Согласно приказа района С.-Запад, наши части, 12 сентября, под огнем передовых частей красных отошли из Зворника в М. Зворник, потеряв 2-х убитыми и 3-х ранеными.

Для переброски в Вальево, где происходит наступление красных, 13 сентября, выступил сводный 6-н ген. Морозова (2, 3 и 9 сотни). В Зворнике красные зажгли мост, через Дрину идет непрерывная перестрелка ружейным, пулеметным и бомбометным огнем.

Ввиду очищения гарнизонов Крупня и Столицы, 7-я сотня, 15 сентября, перешла в Мойкович.

Сводный 6-н ген. Морозова на мосту через р. Буковицу (7 км. западнее Вальево) вошел в соприкосновение с красными, с которыми вел бой весь день. Сначала бой шел удачно, но с наступлением темноты 6-н с трудом вышел из окружения и отошел, потеряв 2 убитых и 2 раненых чинов 3-ей сотни.

Последние наши части — штаб П 6-на и 5 сотня, 16 сентября, оставили Крупань. Днем красные заняли Вальево, но к вечеру его вновь заняли наши части. Значительные силы красных переправились из Боснии между Рогачицей и Блиной Баштой.

П 6-н (5 и 7 сот.) 17 сентября перешли в Радаль, а сводный 6-н вышел в тыл красным, опрокинул их и отогнал в с. Причевич, потеряв 9 раненых; ночевал в Каменице, где утром 18 сентября подвергся нападению. 6-н вышел из окружения, отбив нападение, потеряв при этом уби-

тым об.-лти. Маркина и 14 раненых.

В этот же день район С.-Запад сообщил задачу полку: действовать по обстоятельствам, в общем прикрывая направление на север по линии Батар-Костайник-Мойкович. Наши части — шт. I б-на, 6 сот., взвод 11 сотни и 1 орудие ПАК-а оставили М. Зворник и прибыли в Батар, а к вечеру отошли в Б. Ковилячу.

10-я сотня и 2 взвода 11-ой, 19 сентября, оставили Заячу, прибыли в Лозницу и заняли линию от южн. окраины Лозницы до Дрины. Красные подошли к Б. Ковиляче и открыли по городу огонь. Был случай, когда четники Леки Дамньяновича разоружили отделение 6 сотни, когда это отделение вело перестрелку с красными, а когда отделение направилось к своим — стреляли по нему!

Мелкие группы красных, 20 сентября, подошли с юга к Лознице, но были отбиты огнем 10 сотни. Сводный б-н ген. Морозова прибыл в Лозницу, куда отошел и гарнизон Б. Ковилячи. К вечеру весь полк сосредоточился в Лознице и занял позиции: I б-н — от Дрины до окраины Лозницы на шоссе! на Б. Ковилячу, II б-н — далее до Вальевского шоссе, III б-н занял внутренний пояс обороны (бункера) и редют у церкви, являясь в то же время полковым резервом.

Главные силы красных, 22 сентября, заняли Дворску, Столицу и Костайник и продолжали наступление в направлении на Драгнац. Вечером обоз 1 полка отправлен из Лозницы в Лешницу.

Красные, подойдя к Лознице, в 8 час. вечера 23 сентября открыли из автоматов и бомбометов огонь по городу и обтекли город тройками. Из окон и с крыш многих домов открыли огонь и местные жители. Вскоре бой начался на улицах города, постепенно придвигаясь к его центру. Выйдя на шабацкое шоссе, красные обстреляли автомобильную колонну у станции и захватили ее. Ударом в штыки 2-я сотня с фронта, а герм. рабочая рота с флангов, опрокинули красных и расчистили путь на Шабац. Ввиду невозможности далее в темноте очистить город от красных, полку было приказано вытесняться по шоссе на Шабац. В 22 часа части начали выходить из города. Их движение прикрывалось расположенными за вокзалом сев.-зап. шоссе I Гв. сотней и юго-восточнее — 10-ой, которые своим огнем сдерживали попытки красных приблизиться к шоссе и преследовать полк. Потери: убито 7, ранено 23.

К утру 24 сентября, части полка, перейдя р. Ядар, заняли позиции правее и левее моста через Ядар на шоссе юго-зап. Лешницы. В 5 час. передовые части красных подошли к р. Ядар и пытались овладеть мостом, но нашим огнем были отбиты. Особенно сильное давление испытывала 11 сотня. По сведениям четников, на массиве Гучево находятся главные силы 12-го коммун. корпуса в 3-4.000 чел., имеющего задачей овладеть массивом Цер для дальнейшего наступления на Шабац. К вечеру полк занял позицию: III б-н от Дрины до моста, I б-н — от моста до ж.ст. дор., II б-н в резерве в Лешнице. В 23 часа красные повели на наши

позиции энергичное наступление, продолжавшееся всю ночь. Под давлением пр-ка, развившего сильный огонь, III и I б-ны отошли к окраине Лешницы. Потери: убито 2, ранено 7.

Утром 25 сентября I и II б-ны перешли в наступление и, нанеся пр-ку большие потери, отбросили его за р. Ядар, снова заняв нашу прежнюю позицию. Убито 3, ранено 2, в том числе лтн. Кольшикин.

26 сентября красные обошли наш левый фланг и заняли Ново Село, т. е. отрезали полк от Шабца. По приказанию района С.-Запад, в 18 час. полк стал сниматься с позиций и вытягиваться из Лешницы. Шедшая в авангарде, 9 сотня, была встречена огнем, но перешла в атаку, сбива красных и отбивала попытки красных перерезать путь отходящему полку. Непосредственно за собой, под сильным огнем, двигался весь полк, отстреливаясь и отбивая с фланга натиск красных. В одной из таких перестрелок на улицах Ново-Село был смертельно ранен пулей в живот ген. Зборовский и немедленно увезен в Шабца для операции. В командование полком вступил ген. Морозов. Полк прибыл в с. Зминьяк, где стал на короткий отдых. Потери: ранены хауптм. Хохлачев и лтн. Кравченко Игорь, убито — 10, ранено 43.

В 3 часа 27 сентября красные окружили Зминьяк с трех сторон и открыли сильный огонь с близких дистанций. Части полка, отстреливаясь, начали выходить на шабцкое шоссе. 6-я, 10-я и 11-я сотни, будучи окружены красными, атакой в южном направлении обратили пр-ка в бегство и отошли на позиции к с. Слепчевич, а затем весь полк отошел и стал на позиции у жел. дор. ст. Дублье. В Шабце, в русском госпитале, ген. Зборовского посетил командир района С.-Запад, оберст Хуг, вручивший ему орден Железного Креста 2 класса. Это был первый Железный Крест в 1 полку.

С утра 28 сентября красные повели наступление на позиции полка у Дублье и потеснили левый фланг, где сотни I б-на, попав под перекрестный огонь и понеся значительные потери, немного отошли. Контр-атакой других сотен полка положение было восстановлено.

Вечером красные снова повели наступление, стремясь обойти фланги полка и выйти в тыл. Израсходовав все резервы, полк оторвался от пр-ка и двинулся на Шабца через с. Майюр. Потери: убит лтн. Донсков, ранены майор Скворцов, облтн. Зерщников, хауптм. Дубина, облтн. Шрамко и лтн. Черняев, убито 8, ранено — 34 казака.

I и III б-ны, утром 29 сентября прибыли в Шабца, а II б-н остался в с. Майюр, чем и закончились арсерадные бои во время отхода из Лозницы. Части полка очень утомлены боями и переходами в тяжелых условиях, ибо с 25 сентября непрерывно шел дождь. По ночам люди не имели отдыха 7 суток. Потери с 12 по 29 сент. — 240 чел. Сотни в среднем имели 60 чел. Эти обстоятельства заставили район С.-Запад приказать переформировать полк в два б-на. Командный состав: к-р I б-на — майор Головки, 1 сот. — хауптм. Луговский, 2 сот — хауптм. Шербаков,

3-я — хауптм. Третьяков, к-р II б-на — хауптм. Шмелев, 4-я (впоследствии — 7-я) сотня — обл.лтн. Фартухов, — 5-я — об.-лтн. Тропин и 6-я — лтн. Свеколкин, сотня тяж. оружия — об.-лтн. Звездин.

С 30 сентября по 22 октября части полка занимали позиции сначала на внешнем, а затем на внутреннем секторе обороны Шабца и вокруг Кленка, регулярно отбивая атаки красных и производя разведки. Потери: ранены лтн. Старицкий и лтн. Малахов, 2 убито и 19 ранено; 22 октября к полку присоединились части 2-го полка и отдельные чины разных подразделений Корпуса.

9 октября, в Граце скончался от ран ген. Зборовский.

Приказ Р. О. К. № 280 от 11 октября 1944 г.:

«В Граце скончался от ран, полученных в боях с красными, доблестный командир I-го Казачьего полка, оберст Зборовский Виктор. С первого дня формирования Р. К. оберст Зборовский был в наших рядах. Командуя I-м полком, он в течение 3-х лет с неизменной энергией и примерным мужеством руководил вверенной ему частью. Во всех боях своего полка он был всегда в первых рядах, подавая пример храбрости и исполнения долга. Ряд наград и в том числе Железный Крест отличали выдающуюся боевую службу покойного. Вся деятельность оберста Зборовского была проникнута любовью к Родине и служению России и казачеству. С глубоким уважением чту память моего верного и благородного помощника, погибшего героя — оберста Зборовского, этого рыцаря без страха и упрека. Да упокоит Господь его светлую душу. Ген.-лейт. Штейфон».

Ввиду получения приказа об оставлении Шабца и Кленка, полк в составе общей колонны, 23 октября выступил из Кленка и к ночи прибыл в Лачарак, а 24-го перешел в Товарник. Здесь полк получил задачу по укреплению позиций, причем I б-н остался в Товарнике, а II-й перешел в Илинци, имея задачей и ведение разведки. Начались налеты советской авиации.

3 ноября сформирован батальон тяжелого оружия под командой майора Скворцова в составе: штаба б-на, сотни тяжелого оружия, артиллерийского взвода и взвода ПАК.

Перейдя, 5 ноября, на новые работы в районе Адашевцы, I б-н, 12 ноября, был направлен по жел. дор. через Винковци в Брчко. 13 ноября прибыл на ст. Гунья и перешел в с. Челич. Штаб полка прибыл в Брчко 14-го, а II б-н — 15 ноября. В этот же день взвод сотни тяжелого оружия уходил на поддержку III б-на 2 полка, ведшего бой у с. Брка, и потерял 2 убитых и 2 раненых. Полку приказано занять опорные пункты в селах: Омербеговача, Пукиш, Челич и Шокчичи. Челич занял I б-н, а остальные села — II-ой. В Гунье — обоз 2 разр. и в Брчко — хозяйственные учреждения полка.

С 17 ноября началась усиленная разведывательная деятельность всех частей полка, а 24 ноября произошла смена б-нов. При обходе позиций в

Челиче, 26 ноября, накуплись на мшну и тяжело ранены: хауптм. Шмелев, об.-лти. Звездин и лти. Чупрына. В командовании II б-ном вступил майор Скворцов, штаб б-на тяжел. оружия упряднец. (Очерки 'Брчко-Челич' и «Артиллерийский взвод 1-го полка»).

8 декабря началась перегруппировка с занятием сел к северу от р. Савы: 1 Гв. сотня, при поддержке танков, заняла с. Врбанья. Красные, обстрелянные 1-ой сотней, отошли к с. Сольяни, 3 сотня перешла в Рачиновци, а 6-я — в Гунью. 10 декабря штаб I б-на перешел в Гунью, а штаб полка в Брчко.

11 декабря красные подошли к с. Врбанья. Вступили в бой, 1-я сотня оказала стойкое сопротивление и выбила пр-ка, проникнувшего в село, причем было найдено 43 убитых красных. Красные продолжали свое нападение на 1 сотню 12 и 13 декабря. В эти же дни велась перестрелка и разведку 3 сотня.

17 декабря 1-я сотня перешла в Гунью, а 3 и 6 сотни — в с. Грбета; 18-го штаб I б-на перешел в Шокчичи. К вечеру части красных появились у Вршани. Получены сведения, что задача красных занять Брчко, чтобы отрезать германские части в Биеллина.

В течение 21 и 22 декабря красные наступали на Челич и Пукниц. Ранен лти. Бойко и 3 чина 6 и 2 сотни.

24 декабря получена телефонограмма: «Майору Скворцову. Благодаря гарнизону Челича и вас за храбрые действия, Ген. Штейфон.»

В тот же день произведена новая перегруппировка: штаб I б-на, 3 сотня и взвод ПАК — в Дреновци, 1-я сотня — в Сольяни, 2-я — в Рачиновци, 6-я — в Челич. До конца года красные вели перестрелку с нашим охранением в Челиче.

Отход главной части германских войск из Греции закончен.

2-й полк

9 января, 2-я учебная рота переименована в 7-ю роту под командой подполк. Котляра. Чины бывшей 7 юнк. роты распределены между 5, 6 и 7 ротами. К-ром I б-на назначен полк. Севрпн, к-ром 6 роты полковн. Христофоров.

Перегруппировки: 14 января II б-н из Бора перешел в Велику Плану и расположился: штаб б-на, 5 и 7 роты — Велика Плана, 6 рота — Паланка. Задача — охрана железнодорожных сооружений на участке Глибовац-Марковац. 26 января штаб полка перешел в Пожаревац; штаб III б-на, 10 и 11 роты, 21 апреля, перешли из Костолца в: штаб б-на и 1 взвод 10 роты — в В. Градиште, 2 взвода 10 роты — в Голубац, 11 рота — в Бриницу. Сводная рота, составлявшая гарнизон Бриницы, расформирована. 3 мая 2-я рота перешла в Лепена.

3-я учебная рота, 15 апреля, переименована в 11-ю под командой полк. Бочевского.

Обоз 10 роты с охраной в 5 стрелков под командой полк. Пио-Ульскогo, следуя 28 апреля, из В. Градиште в Голубац, подвергся нападению

37 партизан. Заняв придорожную канаву, охрана своим энергичным огнем отбила нападение.

Три отделения 11 роты, под командой лтн. Гаттенбергера, 10 мая, в разведке имели перестрелку с партизанами.

Начался период частых воздушных тревог в связи с полетами крупных формирований англо-американской авиации, иногда обстреливавшей и бросавшей бомбы в гарнизоны полка.

Ввиду назначения полк. Нестеренко к-ром 4-ой учебной роты, 1-ю роту, в июне принял полк. Кубаркин.

II б-н отбыл в расположение 3 полка и 18 августа прибыл в район Ушча, где сменил III б-н 3 полка ген. Петровского. Расположение: штаб б-на — Ушче, 5-я рота — штаб в Богутовачкой Банье и бункера №№ 128-137, 6 рота — штаб в Ушче и бункера №№ 137-148 и 7 рота — ст. Баньска и бункера №№ 178-179 охраны жел. дороги Краљево-Рашка.

9 рота, под командой вр. командующего ротой, обл. лтн. Волконского, будучи окружена большими силами четников, по приказанию командования, взорвав склады боеприпасов, 27 августа вышла из окружения и пробилась из Майдан-Пека в Д. Милановац.

Во второй половине лета коммунистические отряды начали усиливаться и перебрасываться из Черногории и Боснии в сев.-вост. Сербию, Гарнизоны Д. Милановца, Болетина и Добры укрепили свои позиции — устроили бункера, проволочные заграждения, минные поля и т.д. Противник с каждым днем становится активнее, и у частей полка участились столкновения с партизанскими отрядами.

В то же время появились отряды четников, которые постоянно пытались отбирать оружие и агитировали о переходе чинов полка в их ряды. С ними было много столкновений, которые кончались поражением этих отрядов. После капитуляции Румынии и Болгарии, эти отряды стали еще активнее и по телефону предлагали сдать оружие. К концу августа подошли новые партизанские бригады Тито, разогнавшие и обезоружившие отряды четников. При появлении этих бригад, все роты в Д. Милановце заняли свои позиции, ожидая нападения.

Восточнее с. Свиница левый берег Дуная занят неприятельскими румынскими войсками. 27 августа огнем гранатометов с румынской стороны было разрушено здание штаба I б-на в Д. Милановце (Очерк «Крестный путь Русского Корпуса»).

Экспедиция отряда лтн. Гамбурцева на румынский берег Дуная увенчалась успехом. Приказ Главкома Юго-Востока гласит:

«Объявляю мою полную благодарность лтн. I б-на 2 полка РОК — Гамбурцеву за проявленную им 8 сентября 1944 г. под огнем гранатометов на запад от Свиницы, храбрость и увенчавшуюся успехом беззаветную стремительность. Фельбер, генерал от инфантерии».

В ночь с 7 на 8 сентября партизаны, при переправе через Ибар, обшилились на бункера 6-ой роты, причем № 138 отбился, № 139 — взят

партизанами. № 140 отбился, №№ 141 и 142 сожжены зажигательными бомбами и их гарнизоны отошли на № 143.

Все семьи, больные и непригодные к строю чины полка, 10 сентября на мониторе отправлены в Земун для эвакуации в Германию.

5-я учебная рота полк. Бальцара, 15 сентября, прибыла во II б-н и была переименована в 5-ю роту 2 полка, а старая 5 рота вошла в 6-ю роту. Штаб 5 роты стал в Ушче, а 6-ой — в Богutowачкой Бане.

Начиная с октября отдельные группы 2-го полка были принуждены силой обстоятельств действовать самостоятельно.

Штаб полка. В Пожареваце сформирован сводный отряд, в который вошел тяжк взвод I б-на 4 полка лтн. Вишнеvского, прикомандированный к штабу 2 полка за невозможностью присоединиться к своему полку.

8 октября было получено неожиданное распоряжение — через ½ часа, ввиду движения советских танков на Пожаревац, выступить за Моравский мост. В спешке брошена вся канцелярия. Ночью прибыли в М. Крсну, получив от Штаба Корпуса приказ следовать в Белград, куда и прибыли ночью 9 октября, разместившись на Банице. 13 октября штаб полка перешел в Земун, 14-го — в Инджию, 15-го — в Руму, где уже был Штаб Корпуса и сводный б-н полк. Мамонтова. 18 октября прибыл в Петровци, 25-го — в Ст. Янковци, 4 ноября — в Берак, 10-го — Ст. Янковци, 12-го — Брка, 19-го — Гунья и 7 декабря — Брчко, где и оставался до конца года.

Отряд I б-на полк. Калинина. Гарнизон Д Милановца: штаб I б-на 3 и 9 роты и тяжк взвод продолжал вести бой до 8 октября. 9 октября убит к-р б-на майор Севрин и в командование отрядом I б-на вступил к-р 3 роты хауптм. Калинин. Оставив Д. Милановац и двигаясь на Смедерево-Гроцку с целью выхода из советского окружения, 17 октября, отряд вел бой у с. Белег, а 18-го окончательно уничтожен под Авалой, причем был убит лтн. Гамбурцев, а остальной командный состав взят в плен.

I-я и 2-я роты. В ночь на 3 октября роты погрузились на мониторы и двинулись вверх по Дунаю в направлении Белграда. Прибыв в Белград, 7 октября погрузились в вагоны и ночью прибыли в Крагуевац 9 октября прибыли в Витановац, 11-го — в Краљево и 12-го — в Чачак. Неожиданным нападением четников, 16 октября, роты разоружены и уведены в горы. К концу года часть людей 1-ой роты, успевших бежать от четников, вошла в 5-й полк.

II-й батальон. По смене, 30 октября, немецкими морскими частями, б-н прибыл в Рашку, где был переформирован и вошел в состав Сводного полка, как III-й б-н.

Отряд ген. Иванова. — Штаб III б-на, 4 учебная рота полк. Нестеренко и взвод 10-ой роты. 4 октября прибыл в В. Градиште и б-н был атакован партизанами, но отбился. 11-го выступил на Рам, 12-го вошел в Пожаревац и перешел в Осипаоницу, 14-го прибыл в Смедерево, где занял

участок обороны, а 15-го выступил на Белград и прошел Гроцко. Двигаясь под огнем партизан, отряд 16 октября двинулся в направлении Аваля, где 17 октября был окружен советской пехотой и танками. Во время боя, с целью пробиться к ст. Рипань, левый фланг отряда был захвачен в плен, а ген. Иванов ранен. Остатки отряда, под командой полк. Нестеренко, успели к ночи прорваться до ст. Рипань и 18 октября с боем дошли до с. Моштаница, а 20-го — до с. Скела. 21 октября вели бой с партизанами и, пробившись через них, догнали общую колонию и ночью, перейдя Саву, прибыли в Шабац. 22 октября, 4-я учебная рота, присоединив к себе всю группу прорвавшихся людей Корпуса, подошла в Кленак к 1 полку. 23-го прибыла в Ср. Митровицу. 25-го — в Вуковар, 26-го — в Осек, 28-го — на ст. Винковци, а оттуда в с. Ст. Янковци, имея в окончательном составе, после эвакуации больных и раненых, 115 человек.

10 и 11 роты, в ночь на 3 октября, погрузились на монитры. После прибытия в Белград, неудачной экспедиции на Краљево и возвращения снова в Белград, сводный б-н полк. Мамонтова, 13 октября, был направлен в Земун. 14-го переброшен на ст. Рума, 16-го — в Винковци. 19-го — Н. Янковци и 24-го Ст. Янковци (Очерк «Из воспоминаний о 2 полку»). **Новый 3-й б-н**. 29 октября из 10, 11 и 4-ой учебной роты сформирован новый 3-й б-н 2 полка. К-щий б-ном — полк. Мамонтов, 4-я уч. рота переименована в 9-ю полк. Нестеренко. 12 ноября б-н перешел в с. Брка и в последующие дни вел разведку окрестностей. 15 ноября 11 рота имела бой у с. Рахич. Ночью 16 ноября партизаны произвели нападение на Брку (Очерк «Ночной бой»).

Сводная рота полк. Нестеренко (2 взвода 9-ой и 1 взв. 11-ой роты) 2 декабря была направлена с германскими танками для освобождения от партизан Янья и Биелины, дабы открыть путь отходящей со стороны Зворника германской колонне. 3 декабря рота атакой сбила пр-ка и к вечеру заняла Биелину. 4 декабря полурота сводной роты на автомобилях двинулась на Янью и соединившись там с головными частями герм. колонны, вернулась к своей роте, а вечером вся рота вернулась в Брку.

Приказ Русскому Корпусу № 317 от 24 декабря 1944 г.:

«Объявляю дневной приказ боевой группы Брко от 15, 12. 44 г.:

«При взятии занятого крупными силами партизан г. Биелины, хорошо себя показала 9-я рота 2-го полка Р. К. С. под командой хауптм. Нестеренко. Рота, при поддержке немецких танков, атаковала с порывом и полным решимости натиском отбросила пр-ка и заняла город. Все члены этой роты приняли видное участие в достижении этого большого успеха.

1-я рота 1-го полка Р. К. также вернула с немецкими частями населенный пункт Врбанья, борясь с далеко превосходящими силами пр-ка и хорошо себя показала в бою под командой хауптм. Луговского. Действия отдельных бойцов были отличны. Изъявляю обоим этим ротам Русского Корпуса Сербия, в особенности ротным командирам, мою полную благодарность за их храбрость и выдающиеся действия.

Гнира, оберст-лtn. и к-р боевой группы»

11 рота, 8 декабря была отправлена в Брчко, 17-го — в Рачиновци, 18-го — в Пукши, 20-го — в Мртвицу, 21-го, под натиском партизан, с боем отошла к с. Пукши, причем был ранен об. лtn. Рычков, а затем — в Челм, а 29-го вернулась в Брку. Остальные роты III б-на весь декабрь вели разведки и укрепляли позиции в Брке.

3-й полк

В ночь с 8 на 9 января 7 рота отбила нападение партизан на фабрику «Лисса» (Очерк «Бой у Иванцы»). Роте объявлена благодарность Главкома: Юго-Востока.

12 февраля, во время автомобильной катастрофы, был ранен к-р полка, гсн. Гонтарев.

Приказом РОК от 6. 3. 44 сформирован новый III-й б-н под командой ген. Петровского в составе 9, 10 и 11 рот, сформированных из 3, 1 и 2 учебных рот. Прежняя 9-я рота переименована в 5-ю, а прежние 5 и 6 роты соединены в 6-ю.

Командный состав на б. 3. 44: к-р I б-на — майор Ендржевский. 1-я рота — хауптман Мышлаевский; 2-я — об.-лtn. Антонов; 3-я — об. лtn. Рубец; II б-н — майор Черепов, 5-я рота — об. лtn. Гетц, 6-я — об. лtn. Коженков; 7-я — хауптм. Ангидеев; III б-н — хауптм. Петровский; 9-я рота — об. лtn. Думбадзе; 10-я — об. лtn. Франк и 11-я — об.-лtn. Винокуров. Ввиду продолжительной болезни об. лtn. Франка, командующим 10 ротой, 24 июня, назначен об. лtn. Самылов.

Командующим формирующейся 4-ой учебной ротой, 20 июля назначен об. лtn. Смола-Смоленко.

Партизаны, силой 2.400 чел., 31 марта повели наступление на фронте Воевода Степа-Ушче, имея главное направление на Ишаничку Баню, но были отбиты. Ранен хауптм. Аквилонв.

После произведенных перемещений, расположение полка на 1 мая было следующее: штаб полка и 10 рота — К. Митровица, штаб I б-на, 1 и 2 рота — фабрика Лисса. 3 рота — Ишаничка Баня, штаб II б-на — Рашка; 5 рота — Звечаны; 6-я — Воевода Степа; 7-я — Баньска; штаб III б-на, 9 и 11 роты — Ушча 8 июня 9 и 10 роты сменили друг друга, а 18 июля 9 рота сменила 11-ю, которая прибыла в Митровицу.

К этому времени участились воздушные налеты на ж. д. объекты и увеличилась активность партизан. Появилась угроза их действий с целью захвата долины р. Ибра с железной дорогой.

Вк- командующий формирующейся 5-ой учебной ротой, 2 августа, назначен лtn. Плонский.

Бои с партизанами за Ибрскую долину произошли 3-5 августа, когда были понесены большие потери, в том числе пленен и расстрелян об.-лtn. Коженков, убит лtn. Шевченко и три раза ранен, но остался в строю об. лtn. Яблоков (Очерк «Тревожные дни в долине р. Ибра 3-5. VIII. 1944»).

Приказ Главкома Юго-Востока от 7. 8. 44:

«Объявляю мою особую благодарность за проявленные при защите долины Ибра с 3 по 5 августа храбрость и стойкость участвовавшим в деле частям 5-го полка, равно как и командам бункеров 3-го полка. Примерной верности своему долгу эти отряды исполнили свое назначение и устояли против сильно превосходящего числом противника. Этими смелыми действиями были сохранены объекты и нанесен коммунистам большой кровавый урон. Команды некоторых бункеров расстреляв все патроны до последнего, взорвались на воздух. Слава этим героям! Знаю, что РОК и впредь полностью оправдает мое доверие. Фельбер — генерал от инфантерии».

Приказ РОК от 20. 8. 44:

»В боях на Ибре с 3 по 5 августа, бункер № 174 был окружен красными силами до 500 чел. Гарнизон бункера составляли 3 полка 7 роты: ефр. Маслаковец Николай, ефр. Журавский Аркадий, об.стр. Болтенков Илья и стр. Черевчин Георгий под командой лтн. Шевченко. В течение трех дней этот героический гарнизон отбивал жестокий натиск врага, засыпавшего бункер огнем тяжелого оружия. На предложение красных сдаться, лтн. Шевченко отвечал гордым отказом. Огнем неприятельских бомбометов бункер № 174 был разрушен и все его защитники, во главе с лтн. Шевченко, погибли, выполнив до конца свою присягу. Своими героическими действиями, гарнизон бункера № 174 внёс в историю Русского Корпуса страницу выдающейся доблести и предельно высокого понимания долга. С глубочайшим уважением преклоняюсь перед светлой памятью героев, доказавших своим примером, какой дух и какие настроения воспитывает у своих чиннов Русский Корпус. Генерал-лейтенант Штейфон».

III-й б-н, в составе 513 чел., 18 августа выступил из Ушче в район Неготин-Прахово (Очерк «III-й б-н 3 полка»);

I-й б-н на фабрике Лисса, обложенный четниками, 31 августа получил приказание быть готовым к переходу в Чачак. Ущелье Клинсура в руках партизан. Четники предложили помощь при условии сдачи всего оружия, в чем получили отказ.

При воздушной бомбардировке К. Митровицы 1 и 2 сентября погибло 8 и ранено 5 чиннов полка.

После переговоров с четниками и получения распоряжения о передаче излишних боеприпасов четникам и уничтожения всего имущества за отсутствием обоза, отряд I б-на (штаб б-на, 1 и 2 роты и герм. команда) выступил 8 сентября из Лиссы, но у Клинсуры попал под огонь четников с двух сторон шоссе. С боем, благодаря темноте, высокому духу чиннов отряда, взаимодействию и дисциплине огня, особенно тяжелого оружия, отряд к рассвету вышел из ущелья и к вечеру 9 сентября прибыл в Пожегу, а 11-го — в Чачак, потеряв убитыми 2 и ранеными 8, в том числе ранен лтн. Рябухин.

В ночь на 8 сентября, артиллерийский взвод об. лтн Мурзина блестяще поддержал бой 1 б-на 5 полка в Иощанчковой Бане (Очерк «Бой артиллерийского взвода в Иощанчковой Бане»)

В бою у Ябуковац, 20 сентября, убит к-р 9 роты хауптм. Думбадзе
Приказ 3 полку № 135 от 14. 10. 44:

«В ночь с 7 на 8 октября гарнизон ст. Рудницы подвергся нападению многочисленных партизанских банд. Беспрецедентной храбростью и порядительностью командиров конных взводов 5 полка об. лтн Голофаева и 3 полка лтн. Леонтьева, партизаны были с большими потерями отбиты, Смертью храбрых пали в бою доблестные лтн. Леонтьев, унт. оф Шестоперов Владимир, ефр Кудинов Степан, ефр. Васильев Сергей и об.стр. Мищенко Кирилл. Исключительную доблесть и выдержку в бою проявили кон. взвода 3 полка: фельдфебель Гарденин Александр и стр. Палагнюк Георгий. Всех конников благодарю за их геройские деяния и ставлю в пример всем чинам 3 полка. Фельдф. Гарденина и стр. Палагнюка представляю к награждению Железными Крестами. Вечная память героикой павшим в этом бою! Содеянные ими подвиги не забудутся нами и они будут служить всем примером высокой солдатской доблести. Оберст Гонтарев.»

1-й б-н, 16 октября, получил приказание выступить из Чачка на поддержку четников в их наступлении на Ужицу. Высланные с полдороги на Пожегу вперед на автомобилях для переговоров, адъютант б-на полк. Думский и офицер связи хауптм. Фуксегер были предательски убиты четниками, а батальон вплотную ими окружен (до 5.000 чел.). 20 октября 1 б-н пробился в Чачак, без 50 чел., насильно оставленных у четников. Сведенный в одну роту хауптм. Антонова, б-н присоединился к 4 полку.

29 октября полк сменен с бункеров, а 30-го отдан приказ о его расформировании. Части II б-на вошли в состав Запасного б-на ген. Черепова, выступившего 5 ноября из Рашки.

С 11 ноября и до конца года б-н занимал позиции у с. Быстрица (Очерк «Череповский поход»).

4-й полк

4-й полк начал свое существование 15 декабря 1943 г. и 27-го декабря приступил к занятиям 1-ой недели с молодыми солдатами (Очерк «7-я рота 4 полка»).

Кадры полка были расположены: штаб полка и I-й б-н — Ягодина; II б-н — Парачин и III б-н — Чуприя.

Для правильного и однообразного обучения в полку чинов тяжелых взводов, таковые были сосредоточены в Парачине и старшим над ними назначен лтн Дуброва.

Расположение частей полка на 30 апреля: штаб полка, 10 и 11 роты — Алексинац, I б-н — Прокуплье, II б-н — Бор, штаб III б-на и 9 рота — Чуприя.

Штаб полка 9 октября перешел в Столач, 10-го — в Крушевац, 11-го

— в Грстеник, 12-го — в Кральево и 15-го — в Чачак.

1-й батальон. Оч. «С I-м батальоном 4-го полка на Белом Камне и в Бору».

Приказ 4-му полку № 102 от 12 сентября 1944 года:

«3 рота с двумя отделениями 1 и 2 рот и тремя орудиями «Флак», посланная 4 сентября против партизан, вступила с ними в бой в 10 км. перед г. Жагубица. Смелым налетом, опрокинув пр-ка, отряд I б-на нанес пр-ку большие потери: 20 убитых, 13 раненых и 13 плененных партизан. Кроме того, захвачена большая военная добыча — 5 пулеметов и др. Благодаря смелому и правильному ведению боя, наши потери — только 5 легко раненых. Благодаря от лица службы к-ра I б-на майора Голубева, к-шего 3 ротой об. лтн Ротниова и всех г.г. офицеров, унтер офицеров и стрелков, принимавших участие в этой доблестной схватке. Оберст Гескет.»

Приказ РОК № 263 от 19. 9 44:

«6 сентября 3 рота 4 полка, под командой лтн. Гранитова получила приказание очистить от банд Зайчар и тем помочь вывозу около 900 раненых и различного военного имущества. Ведя бой со много раз сильнейшим пр-ком, 3 рота с большой храбростью выполнила свою задачу. Прикрывая эвакуацию Зайчара, рота была окружена и пробивалась на протяжении нескольких километров, доказав тем свои высокие боевые качества. Благодаря 3 роту 4 полка за ее примерную боевую службу. Ген.- лейтенант Штейфон.»

I-й б-н, 15 октября, выступил в Чачак, а 16-го и 17-го вместе со штабными взводами вел бой с наступающими четниками. 18-го заключено перемирие с четниками.

Для наступления в северном направлении против советских войск, 23 октября, вместе с германскими частями, была назначена 1-я рота под командой об. лтн. Сукк, усиленная двумя отделениями 2-ой роты. Начало наступления назначено на 8.30 час. В 8 час. к-р полка, оберст Гескет, в сопровождении к-ра I б-на майора Голубева, нач-ка тяжелого оружия об. лтн Дуброва и к-ра 5 роты 5 полка об. лтн. Протопопова, вышел на наблюдательный пункт. В 8 ч. 10 м. бомба из гранатомета пр-ка упала непосредственно около группы нач-ков. На месте оказались убитыми оберст Гескет и об. лтн. Дуброва, тяжело ранен об. лтн. Протопопов (умер 24-го) и легко — майор Голубев. Пр-к начал обстрел центра города, где были расположены части 4-го полка. В результате обстрела наши части понесли большие потери в людях и лошадях. Ввиду смерти к-ра полка, который являлся и к-ром отряда всех русских частей в Чачке, во вр. исполнение обязанностей к-ра отряда, 23 октября, вступил к-р I б-на 3 полка майор Эндржеевский. К вечеру в Чачак прибыл майор Попов-Кокчулин и как старший, вступил в командование 4-м полком, а на следующий день, 24 октября, согласно приказа герм. ген. Мюллера, во вр. командование полком и отрядом вступил майор Шелль.

25 октября бой в Чачке продолжался весь день. В 12 час. состоялось

торжественное погребение оберста Гескета и об. лтн. Дуброва на германском кладбище.

II-й батальон. К-р 5 роты, хауптм. Лучанинов, с 1. 5. 44 уволен из Корпуса по состоянию здоровья. К-щим ротой назначен лтн. Орлин.

29 июля начался смелый I и II б-нов (Очерк «Белый Камень»).

7-я рота, находясь в разведке, 9 июля подверглась нападению партизан силой около 400 чел. После сильного боя, отбросив пр-ка, рота вернулась на свои позиции у Б. Камня. Во время боя убит лтн. Тимченко Николай и 3 чина, ранено 8. Потери пр-ка: убитых 35-40 чел. и много раненых. Роте объявлена благодарность Главкома Юго-Востока.

Ввиду ранения 26 июля к-ра 7 роты хауптм. Левандовского, во время командования ротой вступил об. лтн. Невзоров.

II б-н 3 сентября перешел в Нш, а 15 октября выступил в Кральево. Расположенный на отдых у ст. Книч, б-н 16 октября подвергся нападению банды партизан, которое было отбито.

19 октября б-н подвергся нападению партизан и советских войск у с. Витановци. Все атаки отбиты. 22-го стал на охрану дороги Кральево-Чачак. В с. Слатина на обоз 10-ой горно-егерской дивизии напали партизаны. Бывшие в это время на походе б и 7 роты с места перешли в наступление и пр-к был быстро отбит и обращен в бегство.

III-й батальон. Действия этого б-на описаны в отдельном очерке подполковника Трескина - «III-й батальон 4-го полка».

Согласно приказа герм. ген. Мюллера от 26 октября, 4-й полк и отдельные подразделения Корпуса (роты б-на «Белград», II-го б-на 5 полка и I б-на 3 полка) расформированы и сведены в три отдельных б-на: I-й — майор Шелль, II-й — майор Попов-Кокчулин и IV-й майор Шебалин.

В течение периода от 27 октября до 2 ноября части I-го и IV-го б-нов вели бой в Чачке, 2 ноября I-й б-н выступил из Чачки и 18 декабря прибыл в Сараево.

II-й б-н после успешно выполненной задачи по охране дороги Кральево-Чачак, 29 ноября выступил на Сараево, куда и прибыл 13 декабря, а 18-го перешел в Киселяк, куда 21-го прибыл и I-й б-н.

Согласно приказа боевой группе ген. Гонтарева, 22 декабря, из отдельных б-нов вновь сформирован 4-й полк в составе трех б-нов, взводов: связи, артиллерийского, ПАК, конного, саперного и охранной роты при штабе полка.

Командный состав: к-р I б-на — майор Шелль; 1-я рота — об. лтн. Невзоров; 2-я — об. лтн. Сукк; 3-я — лтн. Драценко; к-р II б-на — майор Попов-Кокчулин; 5-я рота — об. лтн. Орлин; 6-я — хауптм. Роговской; 7-я — хауптм. Левандовский; к-р III б-на — майор Шебалин; 9-я рота — лтн. Секачев; 10-я — об. лтн. Яблоков и 11-я — хауптм. Антонов. Охран-

ная рота — хауптм. Мышлаевский

23 декабря в командование полком вступил майор Эйхгольд.

II-й б-н, 26 декабря, с боем занял позиции южнее шоссе Киселяк — Бусовача и 27-го отбил все атаки партизан, причем был ранен лтн. Навроцкий Анатолий; 28-го — перешел в район Зеницы и с 29 по 31 декабря вел упорные бои за высоты «Високовец» и 592, понеся значительные потери: убито 6, в том числе лтн. Чеславский и ранено 16, среди них: хауптм. Левандовский, об. лтн. Орлин и лтн. Мошин

III-й б-н, 27 декабря, выступил из Киселяка в район Бусовачи. В командование б-ном вступил хауптм. Христофоров. 28 декабря штаб полка перешел в район Бусовачи, а 10 рота заняла бункера около нее.

I-й б-н, 29 декабря, поступил в оперативное подчинение командиру 5-го полка

5-й полк

Кадр полка в составе штаба, учебно-инструкторской роты и взвода связи, 18 января, прибыл в г. Обреновац. Учебно-инстр. рота с 21 по 26 января участвовала в экспедиции, организованной в связи с нападением партизан на склад боеприпасов в районе с. Вреочи, а 18 февраля расформирована. Из чинов этой роты, не получивших назначений, образована рота младш. ком. состава, к-р хауптм. Кондратьев,

Дислокация частей полка на 25 марта: штаб полка, штаб II б-на, унт. оф. рота, 5 и 7 роты — Обреновац; I б-н — Вальево; штаб III б-на, 9 и 10 роты — Умка; караул к-да и сводная рота — Забреж. 30 марта, 11-я рота размещена в Остружнице. 12 апреля 5-я рота перешла в Забреж, а 6-я расположилась в Обреновце.

Операция по очистке о. В. Моштаница от четников была произведена 15 апреля в составе взводов 5, 7 и 9 рот. От района С.-Запада последовал приказ: «Посылаю 5-му полку РОК поздравление и полную признательность за блестящую операцию очистки 15. 4. 44 района В. Моштаницы. Оберст Хуг.»

В ночь на 24 апреля отряд четников силою до 500 чел. произвел с трех сторон нападение на Вальево. Сектор I б-на занимала 3 рота, принявшая участие в перестрелке на всех постах сторожевого охранения и потерявшая двух стрелков

Согласно распоряжению фельдкоменданта 816, I-й б-н, 27 апреля, выступил в Лозницу, но ввиду продвижения красных из Ужице на Вальево, в ночь на 30 апреля был спешно переброшен из Лозницы через Вальево в район массива Повлен — с. Мравинци, где занял позиции.

В это же время в район I полка была командирована и 5-я рота, занявшая 28 апреля участок обороны на р. Дрине. Вместо нее в Забреж переброшена 9-я рота.

В течение 1-го и 2-го мая I-й б-н вел бой с партизанами в районе с. Мравинци, выйдя из окружения и отбив все атаки пр-ка. 3-го мая, на позицию б-на прибыл к-р полка и выразил чинам б-на свою благо-

Прохождение четников перед п.л.к. Рогожиным

Учебная стрельба Мойкович. 1942 г.

Прохождение церемониальным маршем 3-го полка.

Совещание к-ра Корпуса с к-рами полков. Слева полк. Мержанов, оберст Шредер, обл.тн. Раевский, ген. Штейфон, ген. Гонтарев, полк. Гескет, ген. Зборовский и полк. Рогожин

Генералы: фон Лампе, Штейфон и Гонтарев. Белград. 1942 г.

дарность. Будучи кмснен частями СДК, б-н 4 мая вернулс в свои казармы в Вальево. Потери: убито 11, ранено 25, в том числе лтн. Сахаровский. Приказ РОК № 114 от 7. 5. 1944:

«1-го и 2-го мая 1-й б-н 5 полка, под командой хауптм. Галушкина, вел бой с партизанами, значительно превосходящими его силами. Повстанцы 16 раз атаковали участок, обходя его с флангов и даже с тыла. Бой происходил накоротке и обе стороны действовали ручными гранатами. Шесть раз б-н переходил в контр-атаки. Несмотря на значительные потери, молодые солдаты дрались с большим мужеством. Благодарю к-ра б-на хауптм. Галушкина и его храбрый б-н за его молодецкий бой. К-ра 5 полка, оберст-лтн. Рогожина и офицера для связи, герм. службы хауптм. Анgebена благодарю за прекрасное воспитание 1 б-на, в результате которого и сказались, как в этом ночном бою, так и в той тяжелой работе, которая предшествовала боевым действиям. Отличившихся представить к наградам. Ген.-лейт. Штейфон.»

5-я рота, 28 мая, прибыла в Забрж из экспедиции на Дрину.

Поезд, идущий из Белграда в Обреновац, 31 мая был остановлен между ст. М. Моштаница и Барич партией четников. В поезде находилс конвой от 7 роты в 9 чел. под командой унт. оф. Подрезова Андрея, сопровождавший из Белграда обер-цалмейстера полка с деньгами и вагон с амуницией. Услышав выстрелы, конвой открыл огонь по нападающим и обратил их в бегство, причем был убит 1 четник и захвачено 2 тяжело раненых и 2 здоровых четника. Конвой потерь не понес и поезд благополучно прибыл в Обреновац.

Согласно директиве Главкома Юго-Востока, полевой штаб полка, I и II б-ны, 1 июня, погрузившись в эшелоны, отбыли в район г. Рашки на р. Ибре для участия в операциях против коммунистов. В связи с этим из Умки в Обреновац прибыла II рота для гарнизонной службы.

Приданные полку тяжелые взводы, по прибытии эшелонов, 2 июня, на ст. Кральево, присоединились к б-нам: т. взв. III/4 — к I б-ну, а т. взв. III/3 — ко II б-ну. К вечеру штаб полка и II б-н выгрузились на ст. Ишаничка Баня, а I б-н — в Рашке. В последующие дни части производили разведки массива Голия и района с. Рудно.

10 июня штаб полка и II б-н переброшены в К. Митровицу, причем штаб полка с 7 ротой разместились в Звечанах. Разведки. 26 июня штаб полка и II б-н вновь прибыли на ст. Ишаничка Баня.

Согласно приказа Главкома, образована «Боевая группа Ибар», к-ром которой назначен к-р 5 полка с непосредственным подчинением Главкому. Состав группы: I и II б-ны 5 полка. 1 рота 12-го танкового дивизиона, бронепоезд № 205. Задача: охрана долины р. Ибра.

Строевая часть штаба полка, 30 июня, во главе с адъютантом об. лтн. Красновым, прибыла на ст. Ишаничка Баня.

На основании радиограммы Главкома, шт. полка с I и II б-нами 11 июля выступили через Парачин-Ниш в Зайчар и подчинение к-ру 22 Бол-

гарской дивизии, куда и прибыли 13 июля, откуда 1 б-н был направлен в Боговина, где занял участок обороны.

Ввиду угрозы красных Ибарской долине. II-ой б-н, 18 июля, отбыл назад в Иош. Баню, а штаб полка с 1 б-ном. 20 июля прибыл в Ушче, где к-р полка вновь принял командование «Боевой группой Ибар», в которую, кроме прежних частей, включены и части 3 полка.

III-й б-н, направленный, 19 июля, в район 1 полка, 20 июля занял позицию на участке р. Дрины от Зворника до Црче.

Радиограммой Главкома указано, что сильные части подбитых 21, 24 и 25 коммун. дивизий движутся на юг и юго-восток вдоль албанской границы, Приказано приступить к боевой разведке из долины Ибра. В связи с этим отдано приказание к-рам II и III б-нов 3 полка повысить бдительность охраны ж. д. объектов. После произведенной перегруппировки, дислокация на 27 июля была следующая: шт. полка, шт. I б-на, 2-я и 3-я роты — Ушче, 1-я рота — Иош. Баня; 7-я рота — Звечаны; штаб II б-на, 5 и 6 роты — Вучитри.

Конный взвод об. лтн. Голофаева. 29 июля, прибыл в Ушче.

31 июля получены сведения, что большие силы партизан сосредоточены в районе Н. Пазара. 2-я рота переброшена в Рашку, а 7-я на ст. Лепосавичи.

2 августа получено сообщение, что сильные части пр-ка перешли дорогу Н. Пазар-К. Митровица с целью занять местность сев.-зап. Лепосавичи. К вечеру из штаба Главкома сообщено: «Переход врагом р, Ибра на восток, в ночь на 3 августа, не исключается. Высшая бдительность!» Приняты меры боевой готовности и перегруппировки.

3 августа, в 12 часов, четниками сообщено, что главный удар красными будет нанесен на Слатина-Дрен. В 22 ч. поступило донесение, что бункера №№ 176-184 на участке Лепосавичи окружены значительными силами красных. Одновременно партизаны нападают на бункера в районе ст. Рудница.

Нападение трех дивизий партизан, переходивших Ибар и направлявшихся для помощи своим в районе Крушевац-Прокупље, застало части 5 полка в следующих местах: конн. взвод — у с. Казновичи и его патрули от Рашки до Рудница, штаб I б-на с 1 и 2 ротами — на позиции в 4 км. южнее Рудница, штаб II б-на с 5 р. — на марше между Лешак-Д. Яринье: 6 рота — Лешак и 7-я — Дрен (у бункера № 171). Во всех указанных местах роты отражали в тяжелом ночном бою нападения во много раз превосходящего числом и вооружением пр-ка, в обстановке полного окружения и разбросанности друг от друга.

4-го августа, ночью, окончательно порвана телефонная связь с ротами и бункерами к югу от Рудницы. Отдельные роты и бункера окружены и держатся под огнем партизан. I-й б-н ведет наступление на Рудницу. 3 и 5 полки вошли в подчинение I-ой горной дивизии.

5-го августа красные несколько раз атаковали позиции конного

взвода. 2 и 6 рот, но были отбиты. За время боев 3-5 августа, 7-я рота, находясь в течение 56 часов в обстановке полного окружения и обстрела с воздуха, отбила все яростные атаки пр-ка у бункера № 171. Общие потери полка: убито 18, ранено 32.

Приказ РОК № 222 от 10. 8. 44:

«С 3 по 5 августа части 3 и 5 полков, выполняя поставленные им задачи, вели бой с во много раз превосходящими в силах пр-ком. В течение трех суток, ночью и днем, красные атаковали наши части. 7-я рота 5 полка, руководимая доблестным обл.тн. Яблоковым-Ханзорьяном, была окружена и, потеряв до 40% своих чинов, все же удержала свой участок. Другие роты этого полка не менее храбро исполнили свои задачи. Части 3 полка, составившие гарнизоны бункеров, проявили многочисленные примеры высокой доблести. Один из бункеров был разрушен снарядами врага. Гарнизон этого бункера, гордо отвергнув предложение о сдаче и израсходовав все свои патроны, героически погиб, взорвавшись на воздух. Несмотря на неравенство сил, части 3 и 5 полков с полным успехом выполнили свои задачи и отстояли все объекты. Этот тяжелый, но героический бой, свидетельствовал о величии духа Русского Корпуса. Благодаря доблестные части 3 и 5 полков за их боевую работу, жертвенно и уверенно руководимую их командирами, оберстом Гонтаревым и оберст-л.тн. Рогожиным. Приказываю всех отличившихся представить к наградам. Ген.-лейт. Штейфон.»

В командование «Боевой группой Ибар», 8 августа, вступил герм. оберст-л.тн. Граф с задачей оборонять дорогу Ушче-К. Митровица.

Образовано 4 участка обороны: 5-й полк обороняет 1 и 2 участки под общим командованием к-ра полка. Участок № 1: Ушче-Рашка, нач-к — к-р I б-на 5 п., силы: I б-н 5 п. и III б-н 3 п. Участок № 2: Рашка-Лепосавичи, нач-к — к-р II б-на 5 п.; силы: II б-н 5 п. и II б-н 3 п. В последующие дни частями полка была развита усиленная разведывательная деятельность, обнаружившая, что партизаны мобилизуют мужчин и берут женщин. Часть женщин возвращается в свои села изнасилованными.

III-й б-н, 14 августа, прибыл в Рашку, вернувшись из командировки на Дрину, в связи с чем участок 5 полка расширен к югу до Слатина и на 15 августа части полка располагались: Ушче — 3 рота; Биляновац — штаб I б-на и 2 рота; Бальевац — 1 рота; Шумник — 9 рота; Рашка — штаб полка, шт. III б-на и 11 рота; Казновици — конн. взвод; Рудница — 10 рота; Лешак-Дрен — 5 рота; Лепосавичи — штаб II б-на и 7 рота; Придворица-Слатина — 6 рота. 18 августа б-ны стянуты: I-й — в Биляновац, II-й — в Лепосавичи и III-й — в Рашку.

Эшелон л.тн. Марасилова в составе трех тяжелых взводов, артиллерийского и связи, 23 августа, прибыл из Обреновца в Рашку.

24 августа красные напали на расположение II б-на у Лепосавичи, на бункер № 171 и на немецкую авто-колонну.

II-й б-н, 29 августа, по смене его частями III б-на, отбыл ж. д. эшелон

ном в Крушевац, в подчинение группы «Аулеб». В связи с этим б-ны заняли участки: 1-й — Ушче-Рудница; 3-й — Рудница-Придворица, т.е. 1 и 2 роты — Биляновац, 3-я — Воевода Степа; 9-я — Лешак; 10 и 11-я — Лепосавичи; конн взв. — Рудница.

11-й б-н, 31 августа, прибыл в Крушевац. В этот же день партизаны напали на герм. авто-колонну в районе Дрена. Двинутые на выручку 9 и 10 роты с боем отбросили партизан на восток. Одновременно партизаны напали на позиции конн. взвода у Рудницы.

Объявлено, что в Рашку, 5 сентября, прибыл Косовский корпус четников кап. Марковича и что допускаются совместные с ним действия против партизан, на основании чего, 7 сентября 3-й б-н ходил с ними в операцию по уничтожению базы партизан в Ловница.

Ночью 7 сентября значительные силы партизан повели наступление на Биляновац. Бой 1 б-на длился до утра 8-го, когда пр-к отошел. Целью наступления, видимо, являлся взрыв ж. д. моста через Ибар. 3-я рота двинулась на помощь из Воевода Степа, с боем проложила себе путь в Биляновац. Потери б-на: убито 3, ранено 8. В этот же день партизаны атаковали Лепосавичи и Ушче, но были отбиты. Также были отбиты при попытке напасть на Биляновац 9 сент.

11 б-н, 9 сентября, занял позиции в Крушевце, на который партизаны повели наступление со стороны Трстеника. Противник отбит.

9 рота, 11 сентября, отбросила красных, напавших на герм. грузовик у Лешка. В ночь на 14 сентября эта рота была атакована с трех сторон. После тяжелого, доходившего до применения ручных гранат, боя, рота была вынуждена отойти на западный берег Ибра.

Для охраны Квартиры Главного Командования 2-ой Танковой Армии, 1-я рота, 17 сентября, прибыла во Вранячку Баня, 10-я рота перешла в Рашку, как резерв боевой группы.

Продолжаются почти ежедневные налеты самолетов пр-ка, на брешюем полете сбрасывающие бомбы и обстреливающие из пулеметов объекты, авто-колонны и жел. дор. транспорты. 21 сентября, при таком налете был ранен, но остался в строю лтн. Политанский.

В ночь на 27 сентября молодецки бежали из плена у партизан, после боя 14 сентября у Лешак, два стрелка 9-ой роты, захватив с собою вьючного мула, нагруженного боеприпасами бандитов.

Приказ 5-му полку № 232 от 1 октября 1944 г.:

«Во время боя в ночь, на 14. 9. 44 у с. Лешак были захвачены в плен партизанами несколько молодых солдат 9 роты. Двум из них, ныне ефрейторам Шемберко Димитрию и Танасичуку Николаю удалось бежать. Явившись в штаб полка, они показали, что когда все пленные были заключены под арест и помещены в одной комнате, они договорились между собой, что будут соглашаться на все предложения коммунистов и, заручившись, таким образом, их доверием, при первой же возможности совершил побег для возвращения в свою роту. На 5-й день пребы-

вания под арестом, все пленные были выведены на допрос. Когда очередь дошла до стрелков Многолитного Ивана и Баштана Семена, оба, на заданный им вопрос -- желают ли они бороться вместе с коммунистами против фашистов или вернуться обратно в свою роту. -- мужественно, гордо и без обиняков отвергли первое предложение и заявили о своем желании вернуться в роту. Это стоило им жизни. Стрелки Многолитный и Баштан были расстреляны тут же, в присутствии всех пленных и бандитов, лично командиром партизанского батальона. Столь мужественное явление, перед лицом заведомо подлого и низко мстительного врага, своих убеждений, свидетельствует об огромной твердости духа и бескомпромиссной верности долгу, принявших мученическую смерть стрелков Многолитного и Баштана. Непоколебимой твердостью своего духа они возмущали неимеющего понятия о чести врага, но причислили себя к числу тех русских героев-солдат, имена и память о которых никогда не умирали и не умрет в истории Русской Армии и той части, где они служили. Да будет вечная им память и легка далекая от их Родины земля, прикрывшая их останки. Слава же о величии их духовного подвига не умрет в истории нашего полка. Oberst Rogojin.»

28 и 29 сентября партизаны вели наступление на I б-н в Бляновце и конный взвод в Руднице, но были отбиты.

В ночь с 7 на 8 октября партизаны вновь 8 раз атаковывали Рудницу, но были отбиты конными взводами 3 и 5 полков. Наши потери: 5 убито и 11 ранено. У партизан — убито 60 и ранено 100. В последующие дни партизаны продолжали обстрел Рудницы.

Поезд, шедший из Кральева в Рашку, 10 октября, потерпел крушение, был забросан гранатами и обстрелян партизанами, причем был ранен к-р III б-на майор Шелль, возвращавшийся из лазарета.

От к-ра II б-на получена радиограмма, что массы четников, 14 октября, вероломно напали на гарнизон Крушевац, когда к нему подходили советские войска. 5-я и 7-я роты отошли в Чачак, а о судьбе 6-ой ничего не известно.

К-р РОК радиограммой 18 октября уведомил об ожидающемся распоряжении по выводу РОК для переформирования и развертывания. Отданы распоряжения полку о подготовке к походу.

20 октября на ст. Иованичка Баня прибыл III-й б-н 4 полка майора Трескина. В этот же день в Рашку прибыла 6-я рота, вырвавшаяся от четников. Приказами РОК и 5-му полку объявлена благодарность.

Приказ Главкома группы «Е» от 22. 10. 44:

«Все русские части в долине р. Ибра образуют боевую группу оберста Гонгарева и получают задачу очистить от партизан путь Рашка-Сараево для отхода германских войск из Греции.»

Приказом боевой группы от 26 октября, из всех русских частей, расположенных в долине р. Ибра, сформирован Сводный полк под командой оберста Рогожина в составе 3-х стрелковых и 1-го Зап. б-нов:

I-й б-н (майор Галушкин) — 1-я рота (хауптм. Соляник-Красса) — из 1 и 3 р. 5 п.; 2-я рота (хауптм. Лекторский) — из 2 р. 5 п.; 3-я рота (об. лтн. Лабунский) — из частей III б-на 4 полка; 4-я рота (об. лтн. Марсанов) — из тяж. взводов I б-на 5-го и III б-нов 4 полка.

II-й б-н (майор Трескин) — 5-я рота (хауптм. Кондратьев) — из 6 и 9 рот 5 п.; 6-я рота (об. лтн. Бондаренко) — из 10 р. 5 п.; 7-я рота (хауптм. Мирошниченко) — из 11 р. 5 п.; 8-я рота (об. лтн. Гордеев-Зарецкий) — тяж. взводов II и III б-нов 5 полка.

III-й б-н (оберст-лтн. Зинкевич): 9-я рота (хауптм. Бальцар) — из 5 р. 2 п.; 10-я рота (хауптм. Котляр) — из 7 р. 2 п.; 11-я рота (об. лтн. Смола-Смоленко) — из 4 и 5 учебн. рот 3 п.; 12-я рота (лтн. Гуссаковский) — из тяж. взв. II б-на 2 п. и 4 и 5 учебн. рот.

Запасный б-н (оберст-лтн. Черепов): 1-я рота (хауптм. Гетц) — из 5 и 7 р. 3 п.; 2-я рота (об. лтн. Флегинский) — из 3 и 6 р. 3 п.; 3-я рота (хауптм. Христофоров) — из 6 и 7 рот 2 полка.

Полковые подразделения: Артиллерийская рота (об. лтн. Мурзин) — из арт. взв. 3 и 5 п.; рота ПАК (об. лтн. Шатилов) — из взв. ПАК 3 и 5 п.; отдельные взводы — конный, саперный и связи — из соответствующих подразделений 3 и 5 полков. Полковым адъютантом назначен хауптм. Бредов, а его помощником — об. лтн. Краснов.

Приказом боевой группе от 2 ноября, Запасный б-н выделен из состава Сводного полка с подчинением штабу группы.

I б-н. 24 октября I-й б-н перешел в Рашку, а 25-го вечером выступил на Н. Пазар и прибыл в Постенье. 26-го — Дуга Поляна, 27-го — Бреза. 28-го — Кривая, 29-го — Белобаба, 30-го — Приеполье, 31-го — Бистрица, где вступил в бой с партизанами, продолжавшийся до 5 ноября, причем был убит лтн. Березин и ранен об. лтн. Зусемиль. На переходе Белобаба-Приеполье, в автомобильной катастрофе получили контузии хауптм. Лекторский и об. лтн. Вертепов.

6 ноября б-н отеснил партизан из района Бистрица, но на позиции оставался до 12 ноября; 14-го прибыл в Ягодну; 16-го — Вишеград, а 17-го сменил III б-н на позиции у Пишуриште. Смененный немецкими частями, б-н 18 ноября выступил на Рогатицу, а 19-го вел наступление на Казадру, 20-го перешел в Хан-Сиеница.

26-го ноября 3 рота вела бой у с. Робар. 27-го б-н перешел в Подроманье; 28-го — в Мокро, находясь все время в распоряжении нач-ка района Рашка-Сараево, ген. Шеерлена; 27 ноября полк поступил в распоряжение к-ра 5 СС горного корпуса ген. Кригера.

29 ноября I-й б-н прибыл в Пале, где ему произвел смотр ген. Леер. Главком группы «Е». После смотра б-н, минуя Сараево, перевезен по ж. д. в Високо, где и оставался до 8 декабря.

II б-н. Действия этого б-на описаны в отдельном очерке полк. Трескина — «II-й батальон 5-го полка».

III б-н. Выступил из Рашки 1 ноября и заночевал в Постенье; 2-го

прибыл в Д. Навилье; 3-го --- Дуга Поляна; 4-го — Сненница; 6-го — Милошев Дол; 7-го Приеполье.

Оказавшись головным, III-й 6-н, 10 ноября, прибыл в Увас; 12-го — Вишеррад; 13-го — Добринье; 14-го завязал бой у Пищуриште и 15-17-го отбивает контратаки партизан. 18 ноября выступил на Рогатицу и во время похода подвергся воздушной бомбардировке 19-го занял с. Моровици; 21-го занимает позиции у Козадара и Моровици и отбивает нападения партизан 24-27 ноября.

28 ноября 6-н сменен на позициях немецкими частями и выступил на Сараево; 29-го ночует в районе Пале; 30-го прошел через город Сараево и расположился биваком в районе Илджа-Планиште. 1 декабря прибыл в Хан-Плоча, а 2-го, пройдя Киселяк, стал на отдых в с. Громуляк. Отставший обоз и его прикрытые у с. Кобилья Глава подверглись нападению партизан. Убито 4, ранено 5, 5-го декабря 11-я рота с орудием ПАК имела бой у с. Иохович.

Переход Рашка-Сараево закончился. Путь более 300 км. через горы Санджака и Боснии, пройденный с боями и остановками на позициях в срок около 40 дней, был очень тяжел. Отсутствие продовольственных складов, выжженные села, полное отсутствие фуража, разрушенные мосты через реки и потоки — вот обстановка похода.

Потери: убито 27; ранено 112; без вести пропало 33. Всего 172.

Началась новая эпопея — полк получил задачу — взять Травник.

5 декабря к-р полка и к-ры I и III 6-нов прибыли в Бусовачу, где в штабе герм. отряда был разработан план этой операции, для выполнения которой в подчинение оберсту Рогожину вошли герм. части: развед. отряд СС-АА 505. могориз, отряд из 5 рот: пехота, артил., Флак и 3 танка, 811-й герм. 6-н и Туркменский батальон.

8 декабря 9-я рота взяла выс. Брецова и, очистив путь на Бусовачу, выступила на Густы Граб, где была обстреляна и завязала бой. Другие роты III 6-на перевезены в Бусовачу.

9 декабря III 6-н начал наступление и занял Ковачицу, а I 6-н въезжал в Зенице с опозданием. Эта запоздалая ж. д. переброска явилась причиной неудачи всей операции

Вместо эвакуированного по болезни хауптм. Соляник-Красса, в командование 1-ой ротой вступил лтн. Мариюшкин. Ранен лтн. Бублик.

10 декабря I-й 6-н начал движение на Тополу и заночевал в с. Планы. Продолжая выполнять задачу, 6-н 11 декабря подвергся нападению партизан и, понеся потери, вернулся в Зеницу. Ранены: майор Галушкин, хауптм Лекторский, лты: Мариюшкин, Ермаков, Генрици. К-ром I 6-на, 14 декабря, назначен хауптм. Бредов; полковым адъютантом — об. лтн. Краснов, вр. ком. ротами: 1-ой — лтн. Белозубов, 2-ой — лтн. Симович.

12-го и 13-го декабря 9-я рота отбивала нападения партизан на Густы Граб. В бою у Ковачичи, 13 декабря ранены хауптм. Котляр и лтн.

Гоженко; ранены и остались в строю: об. лтн. Смола-Смоленко, лты: Зипуников, Гребнев и Гуссаковский. 10 роту принял лтн. Петрашевич. 1-ый б-н 13 декабря автомобилями перевезен из Зеницы в Бусовачу, а 14-го занял участок у Расно.

Приказом боевой группе оберста Гонтарева от 15 декабря, Сводный полк приказано впредь именовать 5-м полком.

В командование 1-ой ротой, 15 декабря, вступил лтн. Ситковский, а 2-ой ротой, 17 декабря, — об лтн. Патронов.

18 декабря было отбито наступление пр-ка на I и III б-ны. Ранены: об. лтн. Смола-Смоленко (вторично). 11-ю роту принял лтн. Чибирнов.

9-я рота-, 19 декабря, сменена герм. б-ном и прибыла в Бусовачу. Воздушное нападение на Бусовачу; убито 8 и ранено 18 солдат III б-на. В последующие дни части полка вели боевые разведки 25-го декабря ранен лтн. Белозубов.

27 декабря полк вошел в состав боевой группы оберста фон Эберлейн для предстоящей второй операции на Травник.

28 декабря объявлен приказ оберста Гонтарева за № 11 о расформировании штаба б. группы и об отъезде его в Германию, и № 12 — о награждении Железными Крестами 2 ст. оберстов Гонтарева и Рогожина.

29 декабря началась 2-я Травникская операция. Части полка продвинулись до линии Топола-Г. Ровно.

30 декабря на усиление полка прибыл I-й б-н 4 полка майора Шелля. Полк продолжал наступление, но 31-го перешел к обороне. Тяжело ранен лтн. Акаловский

III-й БАТАЛЬОН 4-го ПОЛКА

Формирование 4-го полка

В конце сентября 1943 года, только что прибыв в долгожданный отпуск, я был срочно вызван в Белград «для занятия новой командной должности», как гласила телеграмма. Прибыв сейчас же в Белград, я узнал, что решено формировать 4-й полк из добровольцев-подсоветских, находящихся в Румынии, Буковине и Одессе. Командиром полка был назначен Л.-Гв. Измайловского полка полк. Гескет, а я на должность командира III-го батальона, формируемого из чинов 3-го полка.

Через некоторое время сформировались унтер-офицерские кадры I-го б-на из чинов I полка, II батальона из чинов

2 полка, соответственно были назначены и офицеры на командные должности, причем командиром I б-на был назначен подполк. Голубев, а на должность командира II б-на был переведен из 2 полка полк. Попов-Кокоулин.

Для этих кадров в Белграде были основаны офицерские курсы под руководством Начальника Германского Штаба для связи при Русском Корпусе, оберста Шредера, по прохождении которых весь кадр 4-го полка был переброшен в г. Ягдину, где ежедневно происходили практические занятия и периодически командный состав принимал участие в экспедициях против партизан.

6 декабря III-й батальон был погружен на жел. дорогу для дальнейшего следования в г. Чуприю, где была назначена стоянка батальона. Не успел еще эшелон двинуться, как на него налетел поезд, следовавший со стороны ст. Чуприя. Удар был настолько сильным, что все вещи и лежавшие на полках винтовки попадали вниз, причем многие оказались ранеными, из коих несколько человек с переломами были отправлены для лечения в Белград. По оказании медицинской помощи эшелон двинулся и рано утром на следующий день прибыл в г. Чуприю, где, как оказалось, единственные казармы были заняты болгарским батальоном, вследствие чего 9 роту под командой капитана Нагорова пришлось направиться в г. Парачин, находящийся в 10 километрах от Чуприи. Вскоре туда были направлены пулеметные взводы всего полка, а артиллерийский и конный взводы были размещены в Чуприи, где оставались 10-я рота полк. Роговского и 11-я полк. Патаридзе.

16 января 1944 г. к-р 10 роты полк. Роговской и к-р 6 роты полк. Голеевский были перемещены один на место другого.

Период смотров. Охрана Сеньского рудника и занятие позиции под г. Лесковац

После прибытия новобранцев-добровольцев в батальон, таковые начали обучаться применительно к уставам германской армии; внутренний же порядок и дисциплина поддер-

живались по принципу Русской Императорской Армии. Курс стрельбы проходил из выданных на вооружение итальянских карабинов, по баллистическим качествам не выдерживавших никакой критики.

Период обучения захватил Великий пост. Настал вопрос о говении молодых, прибывших из Советской России... На вопрос г. г. ротных, как с ними поступить в отношении говения, мною было отдано распоряжение допустить в этом году только желающих, учитывая их неподготовленность в этом отношении, а г. г. ротным командирам сделать несколько бесед религиозно-нравственного содержания.

Результат оказался блестящий — к исповеди и св. Причастию оказались все желающими.

По окончании обучения молодых наступил период смотров, как русским, так и германским командованием.

По окончании смотров, прошедших в общем блестяще, батальон стал на охрану Сеньского рудника, находящегося в 30 километрах (по узкоколейной ж. д.) от г. Чуприя, где остался штаб батальона при 9-ой роте, занимавшей караулы в районе Чуприи.

7 мая 1944 года в Белграде были открыты специальные курсы для батальонных командиров, для занятия таковыми в будущем высших командных должностей, куда в первую очередь были командированы 10 бат. к-ров и кандид. окончивших эти курсы с отметкой «успешно», как было отдано в приказе по Корпусу. Курсами руководил милейший во всех отношениях подполковник германской армии граф де Мулен, снискавший общую симпатию. Несмотря на свою доброжелательность, он был чрезвычайно требователен, что очень способствовало расширению знаний военного дела. Эти курсы продолжались 6 недель; занимались не только весь день, когда с раннего утра подавался автобус, на котором ехали куда нибудь на местности решать задачи с таким расчетом, чтобы к 2 часам дня быть в Белграде, где до поздней ночи читались лекции и производились практические занятия, после которых выдавались карты соответствующей местности с задачей, которую на следующий день решали в поле; зна-

чит решение (возможное) этой задачи на карте надо было уже подготовить ночью.

После окончания этих курсов, были командированы еще 8 к-ров б-нов и 4 кандидата, прослушавших эти курсы: также были созданы курсы для младшего командного состава.

Ввиду командирования кап. Нагорова в Одессу для набора новобранцев, в командование 9-ой ротой 2 августа вступил шт.-ротм. Лабинский.

III батальон 4 полка оставался в районе Чуприя-Сеньский рудник-Парачин до 10 августа 1944 года, когда внезапно последовало распоряжение г. командования, по смене германским батальоном, спешно приступить к погрузке батальона на ст. Чуприя. Сменивший германский батальон в следующую же ночь подвергся ночному нападению партизан и понес крупные потери, благодаря тому, что офицеры находились на частных квартирах, командир же батальона был убит на дороге Ягодина-Чуприя, по которой он ехал в автомобиле.

Со ст. Чуприя батальон был направлен в г. Лесковац, где на станции уже ожидали 4 герм. офицера, которые передали приказание начальника боевой группы полк. Дизнера, батальону по разгрузке, под командой старшего из ротных командиров, следовать в нужном направлении от г. Лесковац, а командиру батальона за получением боевых директив немедленно на автомобиле прибыть к начальнику боевой группы.

По дороге со станции эти г. г. офицеры предупредили, что полк. Дизнер офицер старой закалки, не допускающий никаких возражений, страшно придирчивый и требовательный.

По прибытии к одному дому, я был проведен на веранду, на которую вышел «грозный» начальник боевой группы, по внешнему своему виду вылитый второй Гинденбург, имевший на рукавах мундира обшлага коричневого цвета с надписью «Африка». После соответствующего рапорта, полк. Дизнер задал мне вопрос: кадровый ли я офицер и, когда узнал, что я первую мировую войну окончил в чине полковника, то моментально протянул мне руку и, усадив в кресло,

начал очень мило беседовать, жалуясь на то, что все его сверстники уже генерал-фельдмаршалы, а за то, что он не жалуется Гитлера, который это знает и только терпит его, он не продвигается по иерархической лестнице. Он признает только настоящих офицеров, а не этих, указав на привезших меня офицеров и отпустивши по их адресу довольно резкое выражение.

Нарисовав вкратце боевую обстановку, по которой было видно, что г. Лесковац находился почти в полном окружении, имевшим один только выход по шоссе и жел. дороге на Ниш, полк. Дизнер предложил мне немедленно ехать в южном направлении, где, примерно в 5 километрах сменить батальон четников и немецкие части, приняв в свое командование весь боевой участок, предупредив, что по имеющимся у него сведениям, партизаны должны в самом непродолжительном времени начать наступление на г. Лесковац, с целью захвата такового.

«Позиция» имела по фронту 8 километров, немцы занимали средний участок седла, лесистый массив на горе, хребет которой уходил на много километров вглубь расположения противника; правый участок занимали сербские четники, сидевшие в виноградниках; левый участок, представлявший собою сплошные заросли камыша, протяжением в 3 километра, наблюдался конным взводом 2 полка под командой ген.-майора Зыбина, поступившего также в мое распоряжение.

По принятии позиции, первое, что надо было сделать — это перевооружить батальон и избавиться от итальянских карабинов, что и было выполнено на следующий же день, после настойчивого требования у Крейс-Коменданта города, подполковника Купфершлегера.

По занятии батальоном позиции, на средний (лесистый) участок была поставлена 9 рота под командой шт.-ротм. Лабинского (Игоря), правый участок занимала 10-я, полк. Голеевского; левый же (камышевый) «освещался», как более пассивный, конным взводом 2 полка ген.-м. Зыбина.

Конечно, надо было ожидать наступления противника со

стороны лесистой горы, что и имело место в ближайшие дни.

Г. г. командирам рот, в особенности лесистого участка, было отдано приказание натаскивать людей в хладнокровии, т. е. зря не открывать огня, а лишь подпустив пр-ка на самую короткую дистанцию.

Ежедневно, с наступлением темноты, партизаны пытались атаковать, но по открытии огня с самого близкого расстояния, им приходилось поворачивать обратно.

Так продолжалось в течение 3 недель, когда по телефону меня вызвал начальник боевой группы полк. Дизнер, сообщивший, что им получено от разведки донесение, что Тито приказал во что бы то ни стало, 1 сентября взять гор. Лесковац, причем полк. Дизнер предполагал, что главный удар партизанами будет нанесен по моему участку.

Соседями моего участка были 4 и 5 сербские добровольческие полки, прекрасно вооруженные массой легких пулеметов и представлявшие собой устойчивые части.

Наступил вечер 1 сентября. Прекрасный летний вечер. На позиции всё тихо, как будто противника нет, т. к. обычно он открывал огонь уже с наступлением сумерек. Наконец, правее нашего участка, в расположении 5-го сербского полка, ровно в 10 часов вечера был открыт со стороны пр-ка ураганный огонь, продолжавшийся всего 15 минут, затем опять наступила полная тишина, нарушенная вскоре таким же огнем, но уже левее нас по участку 4-го сербского полка, продолжавшимся всего несколько минут. Наконец, ровно в 11 часов партизаны, открыв сильный огонь по нашему участку, повели сильное наступление на 9-ю роту шт.-ротм. Лабинского.

Яростные атаки, продолжавшиеся всю ночь, доблестно отбивались стрелками рот, подпускавшими пр-ка на короткую дистанцию и отражавшими сосредоточенным огнем все атаки пр-ка. Окопы роты были скрыты отдельными маленькими кустиками, разбросанными везде на некотором расстоянии от леса; интересно отметить, что по окончании этого боя, продолжавшегося до 3-х часов утра, под каждым кустом были обнаружены горы расстрелянных гильз и несколько

трупов партизан, которых не успели вынести. (Надо отметить, что партизаны всегда старались выносить с поля боя не только раненых, но и убитых).

Особенно хладнокровно в этом бою распоряжался шт.-ротм. Лабинский и весь младший командный состав до отделенных командиров вкл.

Начальник боевой группы, полк. Дизнер был в восторге от действий 9 роты и согласился представить командира 9 роты шт.-ротм. Лабинского к железному кресту, каковой в ближайшее время и был им получен, притом вполне заслуженно, тем более, что потерь в 9 роте не было, тогда как у партизан потери были большие, в чем лично убедился и сам полк. Дизнер, приехавший на место боя, вскоре после его окончания.

Разъяренный Тито такой неудачей партизан, не взявших города Лесковца, обратился к англичанам с просьбой уничтожить город из воздуха путем его бомбардировки, что и состоялось в 10 час. утра 6 сентября, причем город был весь уничтожен за исключением нескольких домов, среди которых была и немецкая Крейс-комендатура. Было убито масса мирных жителей и ни одного немецкого солдата!

Налет на город был произведен 6-ю эскадрильями, причем 7-я взяла направление не на город, а на мой батальон, сбросив ковер бомб в деревню, занятую партизанами по левую сторону хребта в $\frac{1}{4}$ килм. от позиции, тогда как деревня, где помещался штаб батальона, находилась с правой стороны хребта, ниже позиции.

Охрана жел. дор. участка Сталач-Ниш

После утренней бомбардировки из воздуха гор. Лесковца, днем мною было получено от командовавшего боевой группой, полковника Дизнера, приказание — по смене моего батальона сербскими 4 и 5 полками в 9 час. вечера, двигаться через Лесковца и Ниш в направлении на Алексинац.

Не доходя города, меня встретил на автомобиле, чудом

уцелевший во время бомбардировки Крейс-комендант подполковник Купфершлегер (всё кругом Крейс-комендатуры было уничтожено за исключением этого дома), который со слезами на глазах, настойчиво меня просил остаться с батальоном в Лесковце до 7 час. утра, когда из Ниша прибудет германский батальон, в противном случае он считает, что **сербские полки** не в состоянии будут удержать свои позиции. Учитывая создавшуюся обстановку и принимая во внимание совершенную подполк. Купфершлегером услугу по перевооружению моего батальона, я на просьбу его согласился и поставил на позицию две роты, а третью оставил в городе для тушения горящего города.

В 7 час. утра, действительно, прибыл германский батальон и мы двинулись в направлении гор. Ниша. Впоследствии мне рассказывал полк. Дизнер, что ему с большим трудом удалось вырвать батальон из рук Командира Корпуса ген. Адлера и только его личная дружба с бекфельсхабером Юго-Востока помогла это осуществить.

Во время движения, в районе станции «Мезграя» был получен от полк. Дизнера пакет, в котором он, наш начальник участка охраны жел. дор. линии Белград-Ниш, отдавал приказание занять южную половину этого участка, южнее ст. Сталач до Ниша, причем обращалось внимание на важность этого участка на перегоне Джунис-Ниш, где жел. дор. линии почти вплотную подходят отроги горного хребта «Ястребац», кишящего партизанами, которые почти каждую ночь взрывают поезда и портят линию жел. дороги. Штаб батальона было приказано расположить в 2-х километрах южнее ст. Житковац, от которого, в 4-х клм. находился гор. Алексинац, где имел стоянку штаб нашего 4 полка, а в мое распоряжение придавались 2 большие и 4 малые «черепахи» (блиндируемые автомобили на рельсах).

Означенный участок, протяженном около 50 клм. мною был разделен на три части — северную — ст. Джунис-Корман, среднюю — далее до ст. Лушаны вкл., и далее южную. На северную была поставлена 11 рота, на среднюю - 10-я с полуротой в резерве, а южную заняла 9-я.

В первую же ночь партизанам удалось срезать некоторое количество телеграфных столбов, а также взорвать полотно в нескольких местах, вследствие чего пришлось провести свою телефонную линию.

Вскоре партизаны начали проявлять более активную деятельность, бывали случаи нападения на отдельных чинов, на подвозящие продовольствие кухни и пр., но на станции, занятые караулом нападать еще не решались.

В самом начале октября командир полка полковник Гескет поручил мне произвести дознание о действиях II батальона в районе Белого Камня, для чего пришлось отправиться в г. Крагуевац, где в то время находился штаб II батальона.

По возвращении из Крагуевца, после заезда к полк. Дизперу в Вел. Плану, 4 октября, на ст. Житковац я застал грузившийся штаб полка, во главе с полк. Гескет, который, отведя меня в сторону, сообщил, что они едут в Кральево, т.к. с востока, уже почти вплотную к г. Алексинцу, подошли советские части, которые теснят немцев и настойчиво мне рекомендовал в ближайшее же время снять батальон и следовать с ним на присоединение к полку в Кральево.

По отбытию полк. Гескета, было получено извещение, что Советы значительными силами напали на ст. В. Плану, захватили село и зверски расправились с полк. Дизнером; т. о. я стался без начальства...

В ближайшую же ночь партизаны спустились с гор и с запада повели общее наступление. Начался бой по всему участку.

10 октября в 11 час. утра меня вызвал командир 11 роты полк. Патаридзе и по телефону доложил, что он со штабом роты у ст. Джунис окружен превосходными силами противника и что у него в бою израсходованы почти все патроны, и спрашивал дальнейших указаний. На это я ему успел только ответить: «держитесь, насколько возможно, а в случае чего пробивайтесь в направлении Кральево, через Крушевац». В это время связь была прервана.

Вскоре я получил донесение от полк. Шатилова со станции, занятой караулом под командой лейт. Шатилова (сына

полковника), что его сын ранен, также несколько человек из состава караула от 10 роты и что они, за израсходованием всего запаса патронов, в брод переправляются на восток через р. Мораву на присоединение к батальону.

Почти одновременно, со следующей станции Корман, занятой взводом от 11 роты, было получено аналогичное донесение, что они, израсходовав патроны и будучи прижаты к берегу реки, вплавь начали переправу.

Посланные с боевыми припасами «черепахи» вернулись обратно, т. к. полотно было разобрано.

В этом бою полк. Патаридзе был тяжело ранен, а остатки его роты присоединились к 9-ой роте.

Положение создалось катастрофическое. Пришлось к северу от ст. Житковац, с загибом фланга к городу, расположить полковую учебную команду, чтобы не дать возможности противнику захватить Алексинац, набитый отходящими немецкими частями и автомобилями.

Южнее станции Житковац также обозначился сильный нажим партизан, поддерживаемый стрельбой со снижающихся аэропланов, против которых успешно действовал ПАК, под командой ротм. Акаловского.

В особенности аэропланы не давали покоя бункерам у жел. дор. моста через р. Мораву у ст. Мезграя, куда они почти ежедневно совершали налеты, сбрасывая бомбы; бункера стояли покосившись и дав большие трещины (караулы от 9 роты доблестно выдерживали эти налеты).

В 4 часа дня 11 октября от фельд-коменданта г. Ниша следовало по радио распоряжение, чтобы Русскому батальону сняться с охраны жел. дороги, взорвать все мосты и ж. дор. сооружения и следовать походным порядком через гор. Ниш на Прокупље. Таким распоряжением предстояло идти как раз в противоположную сторону от движения на Кральево, как советовал мне командир полка полк. Гескет.

Выполнить приказание о взрыве ж. д. сооружений, за полным отсутствием взрывчатых материалов, было абсолютно немислимо, но совершенно случайно это было осуществлено. Не успел я еще отдать приказание командирам рот о

сосредоточении в Алексинце, как ко мне является немецкий лейтенант и спрашивает, как ему поступить с двумя вагонами пироксилина, которые застряли на станции Житковац из-за невозможности их перебросить на ст. Ниш, куда он с ними следует. Благодаря такому случаю, я предоставил в распоряжение лейтенанта «черепахи» и дал ему задание взорвать ж. д. мост через р. Мораву у ст. Мезграя и все станционные сооружения на ст. Житковац вместе с прилегающими путями. (Однако мост не был взорван, была взорвана только водоканалка).

К 10 час. вечера батальон сосредоточился в Алексинце, который буквально был забит германскими частями и автомобилями. Город находился под обстрелом советской артиллерии и во многих местах горел. От Ортс-коменданта я узнал, что днем моторизованная дивизия, в 8 километрах севернее Алексинца потерпела поражение у с. Рувовци и отошла в направлении г. Ниша, в данное же время 2 немецких батальона ведут бой с наступающими с востока советскими частями, чтобы дать возможность разгрузить Алексинац.

Шел пронизывающий мелкий дождь. Город горел, пожар охватил и громадный продовольственный склад, туго набитый разного рода припасами, что дало возможность батальону обильно снабдиться таковыми, до шоколада включительно, выдаваемого лишь летному составу.

Взвесив сложившуюся обстановку и приняв во внимание погоду и психологическое состояние советских частей, с победой занявших с. Рувовци, лежащее по пути на Краљево и заставившее их, вероятно, погрузиться в глубокий сон, я принял решение внезапной атакой, на рассвете, атаковать Рувовци и этим открыть батальону путь на Краљево.

Имея с собой баласт в виде 104 повозок обоза, мне всё же, с большим трудом, удалось пробиться из загруженного города на шоссе, по которому, с мерами боевой предосторожности двинуться в направлении Рувовци.

Примерно за 40 мин. до рассвета, 13 окт. мы достигли дома, оказавшегося, по словам его жителей, отстоящим от села всего в 300 метрах; от них же узнали, что село занято «рус-

скими» не менее, чем в 1000 человек. Собрав в доме командиров и распределив им задания по взятию села, батальон был двинут в атаку.

Советчики опомнились только тогда, когда взвод 9 роты под командой ротм. Березина занял юго-зап. окраину села, и забили тревогу, открыв беспорядочную стрельбу, и почти в одном белье начали бежать на восток в направлении Соко-Баня, оставив в селе 32 груженных тяжелым оружием повозки. Заговорила и советская артиллерия, также открыв огонь. Со стороны шоссе в Рutowцы ворвался с ПАК ротм. Акаловский.

Таким образом, Рutowцы были взяты. Потери батальона были всего 6 раненых. Открыт был путь для дальнейшего движения.

А в это время послышался приближающийся гул по шоссе со стороны Алексинца; как оказалось, это была немецкая колонна автомобилей, состоявшая из флаков. Командир этой колонны хауптман мне заявил, что в Алексинце он узнал о моем решении и послал со мной радио-телеграфиста, который и дал ему донесение о нашей победе, что и заставило его немедленно итти к нам на присоединение. Тут подошел ко мне дрожащий батальонный офицер для связи, об.-лейт. Генч и обратился ко мне с вопросом о дальнейших моих намерениях; ответив ему, что с прибытием такого мощного подкрепления, как флаки, теперь нам легко будет дальнейшее продвижение на Кральево, тем более, что главный Рубикон — Рutowцы, занятый Советами, уже пройден. Услышав это, об.-лейт. Генч ушел и, как оказалось, по радио сообщил фельд-коменданту о нашем намерении, в результате чего последовало грозное приказание по радио от фельд-коменданта — как батальону, так и германским флакам — немедленно следовать через Ниш на Прокуплье, иначе против нас будут приняты репрессивные меры.

Обидно было поворачивать обратно, после так легко достигнутого успеха, да еще имея в своем распоряжении флаки... Хауптман с грустью доложил, что с полученным приказанием шутить нельзя и он принужден таковому немедленно

подчиниться, хотя это и идет в разрез со здравым смыслом. Он также рекомендует поступить и мне, для чего оставил мне для прикрытия в случае наступления противника, 2 флага, после чего повел свою колонну обратно на Алексинац.

Движение на Ниш

После удачного боя у сел. Рувовци, батальон, в 10 час. утра 13 октября 1944 года прибыл в оставленный уже немцами г. Алексинац, чтобы в нем пообедать и несколько отдохнуть после непрерывных боев последних дней.

Не успел батальон несколько утолить голод, как появился на мотоцикле какой-то немецкий подполковник, оказавшийся из оперативного отделения Фельдкомендатуры г. Ниша, который просил в Алексинце не задерживаться и дать людям отдых не более 2-3 часов.

Не прошло и 15 минут после его отъезда, как вдруг он опять появляется и говорит, что положение создается катастрофическое из-за почти полного окружения Алексинца советскими частями, и предложил немедленно поднять уснувший батальон, выкинуть из обоза все воловьи повозки и форсированным маршем двигаться в направлении г. Ниша, причем предупредил, что в 3-х километрах при выходе из г. Алексинца Советы уже почти вплотную подошли к шоссе и вряд ли батальону удастся пройти это место без боя. С болью в сердце пришлось поднять измученных людей и двинуться. При проходе через мост, при выходе из города, мы обратили внимание, что он был минирован тяжелыми бомбами для сбрасывания с аэропланов и, действительно, по проходе его, он взлетел на воздух; одновременно был взорван и большой мост через Мораву, соединяющий город с жел. дор. станцией Житковац. Когда мы прошли 3 километра, то подошли к крутому подъему по шоссе, на который, с громадными усилиями, при помощи людей, удалось поднять запряженный лошадьми, обоз, воловьи же повозки были оставлены в городе, а содержимое их было роздано местному населению, чтобы не досталось советским частям.

Проскочив опасное место, мы продолжали, конечно, с мерами охранения, дальнейшее движение на Ниш, отстоящий от Алексинца на 35 килм.

Не доходя, примерно, 12 килм. до Ниша, мы увидели вправо от шоссе и протекающей р. Моравы, какую-то мирно расположившуюся войсковую часть, оказавшуюся сербско-добровольческим полком, командиру которого (майору Микичу?) я объяснил создавшуюся обстановку, на что последний начал меня уговаривать бросить немцев и, вместе с ним, переправиться вброд через реку Мораву и уйти в горы. Мы продолжали свое движение, сербы же остались.

Было уже почти совсем темно, когда со стороны Ниша показался на шоссе блуждающий огонек, всё время приближающийся к нам. Ясно было, что кто-то едет нам навстречу на мотоциклете и, действительно, сидевший на нем немец, громким голосом спросил, какая это часть и не знаем ли мы, где находится русский батальон. Получив утвердительный ответ, немецкий фельдфебель мне доложил, что Ниш оставлен, все мосты, за исключением одного, через р. Нишаву, взорваны, и если через час батальон не прибудет в Ниш, то последний мост будет взорван.

Этого фельдфебеля я послал назад предупредить сербский полк и, когда он оттуда вернулся, то доложил, что командир сербского полка будет переправляться вброд. Фельдфебелю же я категорически отдал приказание отправляться к мосту и моста не взрывать до тех пор, пока батальон туда не прибудет, в час же расстояние в 9 килм. измученные люди, не говоря уже о лошадях, пройти никак не смогут.

Как оказалось впоследствии, это приказание было свято выполнено немцами.

Из распросов немцев выяснилось, что где-то впереди находится начальник дивизии СС Принца Евгения, который руководит отступающими войсками.

Упорный бой у с. Александрово 14. X. 1944.

Рано утром 14 октября батальон был снят с позиции и мы

двинулись по шоссе в направлении на Прокуплье. Впереди слышались разрывы снарядов и по временам доносилась ружейная стрельба. Надо было спешить и скорее пройти мост через р. Мораву. Наконец, достигли моста, который частично уже горел (он оказался деревянным). К счастью батальону и обозу удалось проскочить по этому мосту.

Оставив обоз на шоссе, батальон принял боевой порядок: 9 рота и остатки 11-й развернулись против наступающего противника. 10 рота залегла в кукурузе, как резерв; полковая учебная команда под командой доблестного лейтенанта Назимова была послана в направлении гор, т. е. вправо от шоссе, а ПАК был поставлен на позицию в направлении Ниша, на случай появления советских частей, могущих начать преследование,

Вскоре начался бой по всему фронту; особенно досталось 9 роте, несшей потери от губительного артиллерийского огня противника.

Примерно в 2 часа дня появились советские аэропланы, которые, снизившись, начали бомбить по совершенно не укрытым людям. Сбросив весь запас бомб, они улетали и вскоре возвращались обратно, чтобы вновь сбросить свой смертоносный груз — очевидно, они где-то поблизости имели свою базу.

Бой разгорался все сильнее и сильнее. Батальон, истекая кровью, стойко выдержал все атаки противника до 6 час. вечера. Пользуясь сумерками, батальон двинулся через горный массив «Ястребац» на присоединение к русским частям.

Этот тяжелый бой стоил батальону больших потерь убитыми и ранеными.

Девятидневный тяжелый переход через горные массивы «Ястребац» и «Кобаоник»

Этот переход через горы был крайне тяжел, приходилось всё время то спускаться с горы на гору, то опять взбираться на крутой подъем, что крайне болезненно отзвывалось на тяжело раненых, в особенности в живот, и некоторые из

них не выдерживали сильных болей и стрелялись (главным образом — немцы).

О пище не приходилось и думать, т.к. таковую достать было невозможно, воду пили из попадавшихся по пути ручейков.

На 4-й день этого похода батальон наткнулся на расположившуюся на отдых немецкую часть. Командир этой части, в чине хауптмана, подскочил ко мне, стал истошно кричать, требуя от меня пропустить его часть вперед, выхватил револьвер и направил его в мою грудь. В этот момент шт.-ротм. Лабинский выхватил свой револьвер и приставил к виску хауптмана и заставил его вложить в кобуру его револьвер, после чего он точас же поднял свою часть и поспешил с нею удалиться.

Так как некоторые из раненых или застрелились, или отстали, то представилась возможность застрелить двух мулов и накормить проголодавшихся людей.

Партизаны или советчики все время старались открыть наше местопребывание путем летавших над горами аэропланов, но густая растительность гор не позволяла им нас обнаружить.

Движение происходило безостановочно и днем и ночью, что заставляло делать как отсутствие продовольствия, так и желание скорее избавиться от гор, кишавших партизанами и присоединиться к своим русским частям. Через шесть дней надо было спуститься с гор, чтобы пересечь Крушевацкое шоссе, на котором попался какой-то огород, в несколько минут опустошенный проголодавшимися людьми. Во время очень крутого спуска к шоссе без дороги, охватила тревожная мысль — как же спустятся лошади с тяжело ранеными? Надо было видеть мудрых животных, как они, усевшись на крупы и упершись передними ногами о грунт, все до одной благополучно съехали вместе с ранеными к подножию горы.

Около шоссе был дан кратковременный отдых, во время которого командир 10-й роты полковник Голеевский, пройдя некоторое расстояние по шоссе, как говорят, не выдержав тяжести перехода, застрелился.

Так до сих пор не удалось установить настоящую причину его гибели.

После шоссе опять пришлось взбираться на горы. Итти становилось всё трудней и трудней, особенно тяжело было двигаться по ночам, когда многих начинали мучить какие-то «видения» — представлялось, что двигаешься по какому-то древнему храму, принимая вековые стволы деревьев за колонны, то вдруг всё кругом «исчезало» и погружаешься в какое-то небытие и только пронизывающая мозг мысль о действительности возвращала к сознанию и заставляла искать выхода из создавшегося положения.

Пройдя массив «Ястребац», с мелкими стычками с партизанами, мы перешли на горный массив «Копанник», где, после короткого боя с партизанами у какого-то селения, мы на 9-й день похода, спустились в большое село Брус, занятое немецкими частями, что позволило изнемогавшему от усталости батальону, стать на кратковременный отдых, разобравшись в обстановке и сообразно с ней принять дальнейшее решение. Надо заметить, что приходилось пользоваться картой всего лишь 100 километров в дюйме, других карт более крупного масштаба не было.

Наши русские части стояли на охране железнодорожной линии Косовска Митровица-Кральево. Таким образом, на присоединение к ним из Бруса, надо было двигаться или в направлении Рашки, или же Иошаничкой Бани. Для этого надо было проделать еще более 100 км., но уже в более приемлемой обстановке.

Из Бруса, при посредстве немецких частей, удалось послать донесение командиру 4-го полка, полковнику Гескет, о местонахождении батальона и дальнейших намерениях.

После семичасового отдыха в Брусе, где люди несколько передохнули, после чрезвычайно тяжелого перехода и подкрепились пищей, мы двинулись дальше.

Находившийся при моем батальоне, офицер для связи, об.-лейт. Генч и инструктор полковой учебной команды, лейт. Кригер, узнав, что в дальнейшем я хочу двигаться по шоссе, начали меня уговаривать двигаться через горы, но когда я

им объяснил, что партизаны ждут нас в горах, а не на шоссе, что позволит нам проскочить опасные места без потерь, то оба начали просить оставить их в Бруссе, где они присоединятся к немецким частям. На это я ответил, что лейт. Кригер, как окончивший курс обучения учебной команды, может делать, что ему угодно, но об.-лейт. Генч, как состоящий офицером связи при вверенном мне батальоне, должен остаться при батальоне.

Движение от с. Бруссы и присоединение к русским частям, стоявшим на охране ж. д. лин. Кральево-Косовска Митровица

Пройдя безостановочно от Бруссы примерно 30 км., батальон вошел в большое село, причем жители его встретили нас очень дружелюбно, обильно всех накормили и приютили на ночлег, что и дало возможность всем, как следует, отдохнуть и подготовиться к дальнейшему большому маршу. От жителей узнали, что направление на Рашку, или Иошаничку Баню свободно от противника.

Так как от этого села дороги расходились на Рашку, Врнячку Баню и военная на Кральево, то я принял твердое решение двигаться на Иошаничку Баню, чтобы достигнуть своей конечной цели и избежать лишнего кровопролития.

На всем этом 120-километровом марше все мосты оказались взорванными, но т. к. мы двигались без обоза, то нам удалось достигнуть села Иошаничка Баня, которое отстояло от станции того же наименования на 6 км., через трое суток. Наши части, стоявшие по линии железной дороги, увидев спускающихся с гор, встревожились и выслали навстречу нам усиленную разведку под командой лейт. Лабинского (Николая), который был крайне удивлен, когда в бинокль увидел мирно идущих, по всем правилам, немцев, а не партизан; впереди с одной стороны шло одно отделение немцев, а затем в некотором расстоянии другое. Когда Лабинский начал спрашивать немцев, откуда они идут, в это время я подъехал и, увидев меня, Лабинский был крайне поражен, т. к. нас уже считали погибшими.

Не дошли мы до станции, когда к нам подъехали два немецких генерала, один из которых оказался начальник боевого участка и когда узнал из моего доклада, кто мы такие и откуда двигаемся, то очень обрадовался и сказал, что нуждается в части, бывшей уже в боях, и предложил сейчас же двигаться дальше чистить дорогу от партизан в направлении на Сараево, чтобы дать возможность пройти немецкой армии, находившейся в Греции. Когда же я доложил, что люди, после целого ряда боев и тяжелого марша через горы нуждаются в некотором отдыхе и показал людей, 50% которых было без обуви, то он вполне со мной согласился и сказал, чтобы батальон шел на станцию «Июшаничка Баня», пройдя которую, стал бы в 2 км. от таковой в селе и что через короткий промежуток времени он меня вызовет на совещание в Рашку.

По приходе в село Биляновац. 20 окт., нас встретил к-р I-го батальона 5-го полка полк. Галушкин. Он приказал накормить наших людей и по телефону доложил о нашем прибытии командиру 5-го полка полковнику Рогожину, который приказал выдать прибывшим всё имеющееся в запасе обмундирование и обувь. Я же с прибывшими со мной г. г. офицерами был радушно принят адъютантом батальона есаулом Вертеповым на его квартире.

Дня через три батальон из Биляновца был переведен в Рашку, где находился штаб 5-го полка.

В Рашке были получены следующие две радио-граммы:

1) От 21 октября 1944 г. — От командира 4-го полка — майору Трескину:

«С гордостью принял радостное известие. Офицеры и чины 4 полка отдают должное уважение вашему батальону, учебной команде и ПАК, ждем скорого присоединения к полку. Вы и остальные доблестные командиры создали красивую страницу в истории полков. Гескет».

2) № 520 от 23 октября 1944 г.:

«Благодарю батальон майора Трескина и 6 роту 5 полка за героические действия. Генерал Штейфон».

Обе эти радио-граммы мною здесь приведены не с целью

их приписать себе, а исключительно для ознакомления с ними всех участников, как боевых действий, так и беспримерного 9 дневного, с боями, марша через горные массивы Ястребца и Копаоника, с которыми последующий поход на Сараево показался нам игрушкой.

Л. Трескин

7-я РОТА 4-го ПОЛКА

23 октября 1943 г., когда я был со своими новоиспеченными г. г. офицерами в карауле на станции воздушной линии «Райково», из Майдан-Пека, из штаба роты мне по телефону сообщили, что Гюнтер, кн. Кудашев и я назначены во вновь формируемый 4-й полк. 28 октября я сменился с караула, а 29-го мы с Гюнтером выехали в Белград, а оттуда в Ягодину, где средний и младший командный состав 4-го полка должен был пройти подготовительный курс. Здесь мы снова встретились с М. А. Левандовским и его сыном, Александром, который только что родился, когда мы были юнкерами Николаевского Кавалерийского Училища, а теперь был уже взрослым 20-летним молодым человеком, прошел корпусную юнкерскую учебу и был произведен в подпоручики. Не меньше чем этой встрече, обрадовались мы, увидев здесь корнета Виталия Коха, с которым не виделись чуть ли не со времени окончания Училища. Тут же было решено сделать всё, что будет в наших силах, чтобы оставаться в дальнейшем всем вместе и М. А. Левандовский, намечавшийся на должность командира роты, обещал взять нас под свою опеку. При распределении должностей, он добился назначения всех нас фельдфебелями к нему, в 7-ю роту — Гюнтер был назначен хауптфельдфебелем, а мы трое взводными фельдфебелями — я в 1-й, Кох во 2-ой, а Кудашев в 3-й взводы. Наши старые сослуживцы по «мустер-компани» — б. хауптфельдфебель, полк. М. Н. Плонский и фельдфебель 2-го взвода, кап. Д. В. Гуссаковский, оставаясь в своих фельдфебельских чинах, назначались командирами 1-го и 3-го

взводов. Командиром 2-го взвода был назначен старый кавалерист, полк. Кирсанов, тоже в чине фельдфебеля.

Подготовительный курс наш заключался в ознакомлении нас с новой системой обучения новобранцев, по методу полковника германской службы Шредера.

Будучи большим специалистом по обучению войск, полк. Шредер тщательно разработал прекрасную систему обучения. 12 недель интенсивной работы были им расписаны день за днем, с точностью до секунды, от утренней пробудки до вечерней молитвы. В противоположность системе, по которой мы обучались в «мустер-компани», программа занятий была живой и разнообразной, но требовала очень большого напряжения всех физических и духовных сил, как от обучаемых, так и от обучающих. Зато 12 недель обучения, как мы позже сами убедились, действительно делали из совершенно «сырого» деревенского парня, иногда даже мало развитого, вполне подготовленного к бою солдата.

В течение месяца прошли мы в сокращенном виде всю программу обучения, и 5 декабря выехали в г. Парачин, назначенный стоянкой нашего II-го батальона. Под казарму нашей роты было отведено светлое и просторное здание школы, еще не вполне отремонтированное, так что нам пришлось в спешном порядке подгонять подрядчиков с окончанием ремонта и приведением здания в порядок к приему наших ожидаемых пополнений - добровольцев из местностей, оккупированных в то время Румынией.

31 декабря М. А. Левандовский с почти всем командным составом роты выехал в Белград за прибывшим туда для нас пополнением, оставив в казарме для охраны и окончательного приведения ее в порядок, несколько человек унтер-офицеров под командой Коха. В Белграде выяснилось, что мы разминулись с нашим пополнением, которое уже выехало в Парачин. Взяв вместо своих, людей назначенных в батальон полк. Л. Н. Трескина, чтобы по дороге сдать их в Чуприи, мы вернулись обратно 1 января 1944 г. Прибыв в нашу казарму, мы застали там Содом и Гомору. Кох и его помощники сбились с ног, пытаясь уговорить прибывшее пополнение,

среди которого началась настоящая «гражданская война». Буковинцы, бессарабцы и добровольцы из района Одессы, составлявшие наше пополнение, чего-то не поделили между собой и всё время лезли в драку друг на друга.

Общими усилиями начали мы приводить эту банду в порядок. Несколько головорезов являлись зачинщиками всех дебошей. Несмотря на запрещение выходить со двора и на расставленных часовых, они умудрялись какими-то путями добывать водку (вернее, сербскую ракию), напивались до бешенства и начинали дебоширить. Ни уговоры, ни приказание не действовали. Начали сажать их в импровизированный карцер, а они стали выламывать в нем двери. Связали одного такого молодца, а он зубами грызет дверь так, что щепки летят. Не хотелось отдавать их под немецкий военно-полевой суд, но, в конце концов, пришлось отправить туда пару наиболее ретивых, подававших пример остальным, и рота стала успокаиваться. В Парачине же произошел забавный случай. В числе немецких инструкторов, прикомандированных к нашему батальону, был фельдфебель Малюк, наш давнишний знакомый и приятель еще по обучению в «мустер-компани». Типичный старый немецкий кавалерийский унтер-офицер, лет 50-ти, плотный мужчина среднего роста, прекрасный наездник, стрелок и знаток старой немецкой строевой муштры. Кроме того, и выпить он был далеко не дурак. Однажды, зашли мы компанией поужинать в кантину организации «Тот», т. к. военной кантины не было в нашем городишке, а в сербских ресторанах цены были для нас черезчур высоки. Вдруг прибегает кто-то к нам и сообщает, что один из наших русских солдат напился и скандалит в сербском ресторане. Мы немедленно командировали туда двоих из нашей компании. Вскоре, вернувшись, они нам со смехом рассказали, что напился наш Малюк, — стоял почему-то без сапог в зале ресторана, среди сербов и орал «их бин Дон-козак!» Поэтому те и решили, что он русский. С трудом уговорили его наши уйти из ресторана и проводили домой. Только успели они нам всё это рассказать, как в дверях большого ресторанного зала кантины раздалась дикая трель свистка и

торжественно вошел, улыбаясь во весь рот, Малюк, уже в ярко начищенных сапогах и одетый по всем правилам устава. Презрительно оглядев сидевших в зале хозяев помещения — «готовцев», он категорически потребовал, чтобы они немедленно очистили помещение, и в подтверждение своего приказа, во весь дух засвистел еще раз и радостно направился к нашему столу. Еле мы его уговорили сложить гнев на милость и разрешить «готовцам» оставаться в их собственной кantine.

8 января 1944 г. наша рота, в составе II-го батальона, перешла на стоянку в рудник Бор. Батальону была поставлена задача — провести 12-недельное обучение «молодых», одновременно неся охрану рудника от нападения красных партизан. Поочередно, через две недели в третью, каждая из трех рот батальона занимала 14 бункеров, размещенных для охраны городка и рудника по высотам, их окружавшим.

Хотя партизаны в этих местах особой активности не проявляли, нам приходилось быть всё время начеку, т. к. и по агентурным сведениям, и по всевозможным видимым и невидимым признакам, весьма ощутимым для каждого из нас, в окрестных горах их было изрядное количество. Мелкие банды партизан иногда подбирались к самой линии бункеров и даже обстреливали их. Так, 20-го января был убит наш часовой у бункера № 8. 7-го мая, когда я с частью взвода занимал бункер № 14, охранявший боковой вход в рудник, по мне лично был открыт огонь из двух винтовок, очевидно с чердаков огромных построек на руднике, а ночью был обстрелян мой часовой, что ясно доказывало наличие партизан среди рабочих или администрации рудника.

Время, остававшееся свободным от службы на бункерах, уходило на обучение наших новобранцев, по упомянутому выше методу полк. Шредера. Разгоревшаяся было вначале междоусобная вражда среди наших солдат, была ликвидирована самыми решительными мерами, как с нашей стороны, так и ими самими. Общая работа и все тяготы военной службы их сблизили и они дружно подхватывали русские и украинские песни — и в строю, четко отбивая шаг, и в сво-

бодное время, по вечерам, собираясь группами в помещениях взводов или на дворе казармы. Музыкальные по природе, сербы внимательно прислушивались к незнакомым мотивам, когда пелось «Бородино», «Катюша» или «Распрягайте хлопцы коней».

Полковник Шредер очень интересовался ходом обучения лично объезжал части и делал инспекторские смотры, входя в мельчайшие детали работы. Будучи очень требовательным и взыскательным начальником, он был в то же время доброжелательным человеком, что создало между ним и нами хорошие, искренние отношения.

«Молодые» полки Корпуса — наш 4-й, и начавший вскоре за ним формирование, под командой полковника Рогожина, 5-й, — получили итальянское вооружение и обмундирование, доставлявшее нам немало забот. Обмундирование походило цветом на немецкое, но было какого-то, непривычного для нас, полуштатского покроя и сшито гнилыми нитками. Утром рота выходила в поле на занятия в чистом и аккуратном виде, зато возвращалась, сияя распоротыми на всех возможных и невозможных местах швами. По вечерам вся рота превращалась в швальню, ниток не хватало и приходилось добывать их всеми правдами и неправдами.

Германское командование потребовало, чтобы кандидаты на офицерские должности, независимо от русских чинов, еще не получившие офицерских чинов по немецкой линии, проходили специальные военно-учебные курсы, учрежденные в Белграде, при Штабе Корпуса. По дошедшим до нас сведениям от окончивших первый курс, преподавателями там были два молодых немецких лейтенанта, фаворизировавших молодежь — наших бывших юнкеров — но державших «на мушке» людей среднего и выше среднего возраста (получивших поэтому на корпусном жаргоне название «мушкетеров»). За малейшую провинность или неспособность большой процент курсантов отчислялся с «волчьим билетом» с курсов, без всякой надежды получить в будущем офицерский чин. А напряжения курсы требовали очень большого.

14-го марта 1944. г. на эти курсы уехали наши командиры взводов — полк. М. Н. Плонский и кап, Д. В. Гуссаковский. Полковн. Кирсанов, бывший уже несколько выше среднего возраста, категорически отказался ехать на курсы — «не хочу становиться посмешищем для мальчишек», говорил он мрачно.

В начале мая полк. Шредер сделал инспекторский смотр нашему батальону, прошедший для нас сравнительно благополучно.

В мае же прибыл на должность к-ра 3-го взвода, после 2-го выпуска с военно-учебных курсов, произведенный в лейтенанты, наш «николаевец», корн. Н. А. Тимченко. Он был прекрасным офицером-строевиком и обладал отличной памятью, благодаря чему передал нам много приемов и сноровок, приобретенных на курсах.

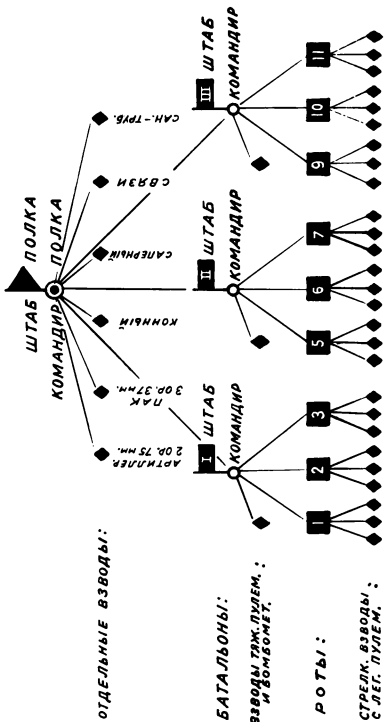
Весь командный состав нашей роты (офицерский и унтер-офицерский), начиная от командира роты и кончая последним ефрейтором, состоял почти поголовно из офицеров Императорской и Добровольческой Армий и нескольких бывших юнкеров Корпуса. Благодаря этому, а, главным образом, тому тону во взаимоотношениях, который с первого момента был взят М. А. Левандовским, в котором мы все видели и чувствовали не только начальника, но и своего личного друга, а также благодаря его обращению на «ты» со многими из нас, обязывавшему гораздо больше, чем официальное «вы», все мы представляли крепко спаянное ядро. Все желания были устремлены, чтобы наша рота была самой лучшей и чтобы какой нибудь случайной ошибкой не «подкачать», не подвести командира и всю роту.

Тот же прекрасный воинский дух, что был в «Новосадском батальоне» и в «мустер компани», но еще усугубленный узами личной дружбы и приязни. Почти такой же дух был у нас в «Сотне Управления» полк. Подольского, но там дружба была недавняя, только что заключенная, а здесь, между М. А. Левандовским, Тимченко, Гюнтером, Кохом, Кудашевым и мною, она была старая, 22-х летняя.

В 20-х числах мая все наши кандидаты на унтер-офицер-

С Х Е М А

ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛКОВ РУССКОГО КОРПУСА НА 1.1.1944 г.

Смотр 2-му полку на Банице.

Ген. Нойхаузен обходит фронт 3-го полка

Ген. Морозов во главе I-го б-на 4-го полка первой формации

ские и фельдфебельские должности были произведены в соответствующие чины. Гюнтер, Кох, Кудашев и я решили «вспрыснуть» фельдфебельские звездочки в собрании русской колонии г. Бора, Там мы встретили уже известного читателя немецкого штабс фельдфебеля Малюка, который радостно отковырнул со своих погон две звездочки и прикрепил их на погоны Гюнтера, всем своим бесхитростным солдатским сердцем радуясь нашей «карьере».

6-го июня, во время занятий в поле, произошел печальный случай. Рота демонстрировала перед командиром батальона «наступление из исходного положения». Солдатам были выданы холостые патроны, к слову сказать, как и всё итальянское оружие, достаточно непрактичные: в то время, как обыкновенно в холостых патронах пули делаются бумажные или деревянные, т.е. достаточно безопасные для занятий, здесь они были из очень тонкой латуни, что представляло уже некоторую опасность при случайном попадании в лицо или глаз.

В разгар занятий в небе послышался гул моторов, на руднике завывли сирены воздушной тревоги и над нами, на большой высоте, появились многочисленные эскадрильи англо-американских бомбардировщиков, летевших на массовую бомбежку румынских нефтяных источников в Плоешти. Была подана команда: «полное укрытие» и все залегли, кто где успел, т. к. местность была довольно открытая, только изрытая множеством водомоин. Молодой солдат Костенко, ложась в водомоину, сунул себе карабин подмышку, по уставу, «прикрывая блестящий затвор от глаза противника», но бедняга не исполнил другого важного требования устава — не поставил курок на предохранитель. Зацепив случайно за спусковой крючек, он произвел выстрел холостым патроном, разворотивший ему всё правое плечо. Имевшимися в ротных санитарных сумках припасами и «индивидуальными пакетами» кровь остановить было невозможно — она хлестала из раны, в которую можно было всунуть два кулака, как из ведра и ручьем текла из под Костенки. Пока посланный верховой доскакал до лазарета и пришла санитарная машина, из

него вытекло столько крови, что он умер в бессознательном состоянии, не доехав до лазарета.

На 15-ое июня полк. Шредером был назначен смотр нашему батальону по случаю окончания 12-недельного обучения наших питомцев. В начале июня из Штаба Корпуса пришли списки назначенных на 3-й военно-учебный курс, но несколько мест еще оставалось незаполненными. Из нашей роты в списке было только мое имя. Наш отец-командир, на ротном «семейном совете» сказал нам, что хотел бы всех нас видеть офицерами, но ничего нельзя сделать сразу. Поэтому он постарается «просунуть» в список еще Коха, а Гюнтера и Кудашева пошлет в следующую очередь.

Не помню, по какой причине, сам Михаил Александрович в день смотра не был в Бору и роту представлял полк. Шредеру лейт. Тимченко. По программе смотра, каждый фельдфебель и унтер-офицер получал свое определенное задание в ходе общего маневра, выполняя командирскую работу офицера. От исполнения этой задачи зависела аттестация и дальнейшая карьера каждого из нас. Коху решено было дать самое ответственное задание (кажется, «наступление из исходного положения» и «атака укрепленной позиции противника»). чтобы полк. Шредер сам воочию убедился, что наш общий любимец «Талик» Кох (даже наши стрелки его так называли. Бывало пришлет он за чем нибудь солдатишку, а тот и докладывает: «так что фельдфебель Талик приказали...») вполне заслуживает дальнейшего продвижения по службе. Когда в самом начале смотра мы шли к месту выполнения задачи, построенные в порядке, требуемом программой, к нашей колонне подъехал полк. Шредер. Обладая прекрасной памятью, он ожидал, что наиболее ответственная задача будет поручена мне, как назначенному на военно-учебные курсы, но, к своему удивлению увидел Коха. Обращаясь к сопровождавшему его в качестве командира роты лейт. Тимченко, он спросил: «почему эту задачу выполняет Кох, а не Черепов?» — У нас у всех сердце ушло в пятки: — «пропал Талик!...» Но Тимченко не растерялся: «Г-н оберст, Черепова вы уже видели на прошлом смотре, а фельдфебель Кох на-

мечается дополнительно на курсы, поэтому командир роты хотел, чтобы вы видели его работу». — «Ага, ну хорошо, посмотрим Коха!» У всех нас отлегло от сердца — первая опасность миновала.

Излишне говорить, что все мы из кожи лезли, чтобы помочь Талику, или какнибудь случайно не подвести его. Но он и без нашей помощи так блестяще выполнил свою задачу, что все наши страхи, как рукой сняло, и не напрасно: полк. Шредер тут же приказал внести фельдфебеля Коха в заветный список.

В. Черепов

БОЙ У ИВАНИЦЫ

Описываемая мною Иваница, — это квадрат метров 300×300 , огороженный одним рядом колючей проволоки. Там помещался инженер, заведующий рудником, что в двух километрах, и громадный пороховой склад с гранатами и винтовочными патронами. Охрана этого квадрата была в то время возложена на 7-ю роту генерала Ангилеева 3-го полка. Рота состояла из 84 человек.

Правый фланг этого квадрата занимал 1-ый взвод под командой гв. полк. Станкевича. Левый — мой 2-й взвод — 24 штыка, а 3-й взвод подполк. Шевченко в резерве при штабе роты и при пороховом складе. На самом руднике стояла 5-я сотня 1-го полка.

Партизанам нужны были гранаты и патроны.

1-го января 1944 года, под вечер, я случайно стоял возле часового у главных ворот. Вижу — идет знакомый воевода. Поровнявшись со мной, он на ходу бросил фразу: «Полковник, будьте наготове: партизаны двумя бригадами хотят атаковать Иваницу», — и ушел дальше. Я сейчас же доложил об этом ген. Ангилееву. Были приняты меры, но ночь прошла спокойно. На следующий вечер этот же воевода снова прошел и бросил на ходу, какие села занял противник.

Так кольцо смыкалось до 6-го января. В этот вечер воевода предупредил, что на 7-е назначена атака. Бригады на-

считывают по 600 человек, вооружены винтовками, большим количеством автоматов и легких пулеметов.

Мы приготовились к встрече. Каждый день и каждую ночь производили тревоги. Мой взвод помещался в досчатом бараке, в левом углу квадрата, в 10 и в 20 метрах от проволоки. По ту сторону проволоки проходило шоссе и к нему вплотную подходили овраги и кустарники. Вооружение взвода было: винтовки, 4 легких пулемета и 1 взводный бомбомет.

8-го января, по случаю Рождества Христова, мы боялись, чтобы люди не выпили лишнего, а выпивки и закуски в этом районе было много. Я и мой фельдфебель (капитан-корниловец) следили и буквально отбирали ракию. Дошло до того, что слышны были голоса: «сам не пьет и другим не дает». Я на это не обращал внимания, благо все чины были старые соратники цветных полков.

Люди легли спать одетыми с подсумками и с оружием в руках. Я опасался внезапной атаки. В 1 час 30 минут ночи на 9-е января я проверил посты и вернулся в свою кабинку. Фельдфебель Лавришин и дежурный, с винтовками в руках, ходили по бараку.

Ровно в 2 часа раздалась очередь из автомата и мгновенно заработали сотни автоматов. В бараке были перебиты все котелки, что висели у потолка. Партизаны взяли высокий прицел и это нас спасло. По команде люди сразу вскочили и бросились из барака к окопам, что в одном метре от барака. На все это нам понадобилось 50 секунд. Выбежавши из барака, мы увидели толпы партизан, которые стояли у самой проволоки и вели адский огонь. В окопы мы вскочить не успели и стоя открыли ответный огонь. Я все время давал указания стелить по земле. Противник сразу понес большие потери. На 12-ой минуте противник бросил на проволоку доски и готовился по ним проскочить к нам, но двумя пулеметами был сметен. У него произошло замешательство и огонь ослабел. Я воспользовался этим и скомандовал: «в окопы!» Чины мгновенно вскочили в окопы, но здесь я за две минуты понес потери 8 человек. Были ранены: унт. оф.

Лавришин, сфр. Михайловский, стр. Журавский, унт. оф. Караваев, ефр. Медведев, об.стр. Шеремет, стр. Дружинин и стр. Прокопенко.

Противник догадался и взял прицел по земле.

Но у противника порыв пропал и он вел уже беспорядочный огонь.

Генерал Ангилеев прислал мне из резерва 10 человек. Этих чинов в бой я не ввел, а держал в кулаке на неожиданный случай. Так бой шел до 5 час. 45 мин.

На правом фланге 2-я бригада партизан сковывала 1-й взвод и 5-ю сотню 1-го полка.

Наступал рассвет. Ясно было, что днем нас всех возьмут на мушку, и я обратился к ген. Ангилееву разрешить мне с 10 чел. перейти в контр-атаку. Генерал увидел, что другого выхода нет и разрешил.

Ровно в 6 часов утра мы открыли калитку и, со стрельбой и громовым «ура» (ура кричали и люди, которые стреляли из окопов) мы бросились вперед. К нашему удивлению, противник бросился к оврагу и стал отступать. Отступила и 2-я бригада.

В 9 часов пришел воевода и радостно доложил, что 1-я бригада понесла убитыми 38, а для раненых мобилизовала все повозки по селам. Командир партизан обещал все равно нас уничтожить. А им надо было только не останавливаться у проволоки, а свалить ее и нас бы уничтожили.

Этот бой мы выиграли и потому, что наша рота состояла целиком из чинов цветных полков, которым указания давать надо было редко и надо было только следить, чтобы не было неожиданностей. Дух чинов был такой, чтоб только не попасть живыми в руки партизан. Даже раненые умоляли, чтоб в случае прорыва партизан их прикончить, а доблестный медицинский унтер-офицер, перевязывая раненых, возле себя держал винтовку.

Скончался от ран мой доблестный фельдфебель, кап. Лавришин, остальные раненые поправились от ран, но позже многие погибли смертью храбрых на бункерах подполк. Шевченко.

После боя мои чины подошли ко мне со словами: «Спасибо, что не дал нам выпить вчера по случаю Рождества Христова — пропали бы все».

Е. Смола-Смоленко

ЗАЯЧЕ

Чернеет бункер одиноко
На снежной маковке горы;
По скатам лес ласкает око
В рассвете утренней зари.
Как будто розовой вуалью
Покрыта даль лесов и гор.
Там лента Дрины блещет сталью,
В снегу сосновый старый бор.
Внизу, в глубокой котловине,
Стоит сурьмы большой завод.
Пыхтит мотор, гремят машины,
Дымится серо-водород.

Влачит бренебергер вагонетки
Одни наверх, другие с гор
И тянут рельс кривые ветки
В тунели шахт, в сосновый бор.
Покрыта паром водокачка,
Канал со шлюзом для воды.
Вывозят шлак ненужный в тачках
Темнеют дров сухих ряды.
Завыла жалобно сирена..
Шумя, снует повсюду люд,
Рядами стройными на смену
Чины рабочих рот идут.

Н. Тропин

«СОВЕТСКАЯ РОТА»

В середине марта 1943 года, по инициативе германского командования и без какого либо участия штаба Корпуса, на Банницу прибыла группа военнопленных красноармейцев в 300 чел., из которых были сформированы 1-я и 2-я Особые роты.

После пройденного курса строевой подготовки и полевого обучения по немецкой системе, роты были отправлены в полки. 2-я Особая рота, командиром которой был назначен я, вошла в состав 3-го полка 9-ой ротой.

Таким образом, в Корпус влились новые пополнения русской крови, братской по происхождению, ценность которых предстояло проверить на опыте. Результаты последнего вскорее выяснились и читатель убедится из предложенных его вниманию фактов в несоответствии их с ожиданиями.

Командный состав роты был назначен из старых полков, удостоенный лучшей аттестацией, с боевым прошлым, или прошедших подготовку в наших эмигрантских патриотиче-

ских организациях, либо в зарубежных кадетских корпусах. Можно представить, с каким подъемом эти начальствующие лица готовились к встрече со своими будущими подчиненными, выходцами из за „чертополоха”.

Вообще же весть о прибытии советского пополнения вызвала в частях Корпуса большую сенсацию. До сих пор мы, как бы, застряли на мертвой точке, особенно после расформирования нашего 4-го полка, контингенты которого пошли на пополнение первых трех полков. С прибытием новых, да еще к тому, контингентов молодых возрастов, количество которых многоустная молва довела до фантастических размеров, ожили надежды, пришибленные до этого неприглядной действительностью. Верилось, что возродится Русская Армия, снимет с себя чужестранный покров и пойдет спасать свою Родину.

Мои переживания, как ротного командира, особенно были сложны. Как подойти к этим людям, как их привлечь на сторону белой идеи, носителями которой мы были; как вытравить из их душ яд коммунизма и весь сор большевистского углубления — эти вопросы меня крайне волновали. Подойти к ним, не мудрствуя лукаво, стать только их командиром, я не мог: для меня главным вопросом был воспитательный, к нему я и приготовился, наметив беседы и посещение их в часы досуга. От своего командного состава я потребовал аналогичной работы.

Пока я ехал до Баницы в сопровождении (унт. оф.) поручика Короваева и юнкера Мариюшкина, назначенных на унтер-офицерские должности, в моей голове создавался план предстоящей работы. Все мы трое были захвачены предстоящей деятельностью и с волнением вошли в казармы, закончив свое трехдневное путешествие.

Представившись своему начальству и познакомившись с чинами командного состава, я приказал построить роту. С четко бьющимся сердцем я подошел к строю. Передо мной стояли здоровые, рослые люди, особенно 1-й взвод, который годился для любого гвардейского полка. Общий вид людей произвел на меня прекрасное впечатление, обмундирование

и обувь в отличном состоянии и хорошей пригонке; равнение, выправка людей безукоризненны. На мое приветствие последовал дружный ответ. Долго я проходил вдоль строя, всматривался в лица и глаза, — мне хотелось уловить во взгляде их эмоции души: отражает ли она чувство примиренности, а еще лучше, радость встречи, или там зловещая ненависть, но на этих лицах и в глазах я ничего прочесть не мог, кроме любопытства — и вспомнил я своего старого русского солдата, как легко было с ним, всегда его глаза светились преданностью и той готовностью следовать за своим начальником, куда он его поведет.

Закончив обход роты, я обратился к ней с речью, указав наши задачи бороться с коммунизмом, освободить нашу общую Родину от порабощения и создать в ней долгожданный гражданский мир для блага всего русского народа. Слова мои, касающиеся Родины, вызвали могучее ура после конца речи.

Со следующего дня начались регулярные занятия уже под моим наблюдением. Формирование почти было закончено до меня лейтенантом Флегинским, при мне прибыли последними в кадр командного состава Студенцов и Стелецкий — оба подтянутые и видные, особенно первый, обративший внимание своим гигантским ростом.

О своем командном составе могу сказать только хорошее: преданные Родине, за которую в любую минуту готовы были пожертвовать жизнью; проникнутые горячей любовью к нашей Российской Армии; высокой военной подготовки; многие с боевым стажем. Мой заместитель — командир 1-го взвода, лейт. С. Н. Флегинский, исключительно храбрый офицер и, если можно так сказать, спортсмен в опасности. Это его качество немало меня беспокоило и заставляло довольно часто удерживать его буйные порывы. Командирами 2-го и 3-го взводов были Надеин и Игнатъев в звании унтер-офицеров. Несправедливую оценку со стороны „большого“ штаба и немецкого отд. связи получил последний, в действительности хороший к-р взвода, правда немного застенчивый, что и помешало ему выявить другие прекрасные качества.

Я принужден был расстаться с ним с сожалением, не имея возможности оказать ему заслуженную поддержку по причинам, о которых укажу ниже.

Остальной ком. состав унт.-офицерского звания, не перечисляя фамилий, был на должной высоте: ни одного случая нерадения по службе, а наоборот постоянное переусердствование, всегда и всюду проявляемая готовность к самопожертвованию, поразительная нравственная и физическая выносливость. Это были честно служившие люди, не поощряемые никакими наградами и производствами, находясь в положении рядовых за отсутствием унтер-офицер. вакансий в полку. Все эти 18 доблестных воинов, сплотившись вокруг своих к-ров взводов и меня, составили крепкий костяк, благодаря которому рота смогла пережить все предстоящие ей испытания. Пусть каждый из них знает, что я, их командир, сохранил к ним самые лучшие чувства преданности. И, если опыт с „советской ротой” вышел неудачным, то в этом никто из них не ответствен, а только я и всю вину беру на себя за то, что не сумел очистить закорюзлую душу советского человека и вложить туда чувства любви к России и зажечь их огнем верности и преданности Ей. Свет благой не пронизал тьмы крошечной — мои усилия оказались недостаточны.

Попутно с обучением роты, производимым под наблюдением хауптмана К. и его помощника лейт. З., происходила подготовка офицерского состава в классах под руководством первого. На этих занятиях все офицеры гарнизона Баницы обязаны были присутствовать. Упомянув о себе в рассказе об отчислении к-ра 3-го взвода, я постараюсь дать объяснения, почему это произошло без моего согласия.

Оказалось, что я сам не удовлетворял немцев и особенно лейтенанта З., с ним у меня сложились холодные отношения и именно потому, что тон его в роли учителя был крайне неделикатным с оттенком полупрезрения к своим ученикам, и страсть играть роль, не считаясь с нашим прошлым; он, любитель помпы, в моем присутствии лишен был права принимать команды для отдания ему чести. Скоро отношения

наши сильно натянулись и вполне возможно я мог быть отчислен подобно Игнатьеву. Вполне определенные намеки я услышал однажды от покойного к-ра Корпуса ген. Штейфона, который вызвал меня в кабинет и во время разговора сказал: „А вы знаете — немцы не вполне довольны вами”, на что я ответил: — „В таком случае, Ваше Превосходительство, откомандируйте меня обратно в мой юнкерский взвод” (мной любимый). „Я вас назначил и доверил вам роту, а о немцах говорю к слову.”

Не знаю, чем бы окончилась моя история, если бы не подвернулся удобный случай, повернувший мою репутацию в глазах нем. руководителей совсем в другую сторону. На одном из классных занятий наш руководитель хауптман К. обратился к присутствовавшим офицерам с предложением согласиться кому либо вести занятия у ящика с песком, т. е. стать тактическим руководителем. На это обращение последовало общее молчание и продолжительная заминка. Конечно, все ожидали, что кто нибудь из старых офицеров ген. штаба и даже в генеральских чинах выразит желание, но, к сожалению, в этих рядах не последовало движения и, конечно, потому, чтобы не уподобиться школьнику после долгих лет своего учительства. Взгляды присутствовавших пробежали по длинному ряду старших офицеров и дошли до нас — ротных командиров — полк. Кондратьева и меня. Переглянувшись с ним, я встал и заявил о своей готовности. Ничего сложного в роли не оказалось, с нею легко и лучше меня справились бы вышестоящие, но моральный успех для меня несомненно был большой. С этого дня я вырос в глазах немцев, а хауптман К. открыто перешел на мою сторону, всегда и во всем оказывая мне поддержку. После этого ни одного из тактических занятий в поле не проходило без моего участия в разборе и мое мнение считалось решающим.

Конец марта и весь апрель прошли в усиленной подготовке роты. Прошедшие прекрасную школу обучения в строевых частях Советской армии люди быстро освоили премудрости “hinlegen-a” и привлекли все симпатии своих инструкторов, которые гордились достигнутыми результатами, как

в обучении, так и внешнего вида роты. Не может быть на этот счет двух мнений — лицо роты отражало молодость, силу, здоровье, как полный контраст тому, что давали роты старых полков из пожилых контингентов.

Немцы, занятые внешностью, были бессильны приподнять завесу душевного мира. Последним озабочены были мы, русские, — беседы, разговоры во время свободных часов, прогулки в город, посещение кино, присутствие на богослужениях, проповеди священников, лекции пропагандного отдела — были средством воспитания, полагаясь на которое мы ожидали благоприятных результатов — отторжения этих людей от коммунистической доктрины.

Памятно всем посещение нашей русской церкви в одно из воскресных богослужений. Собственно говоря, это посещение было визитом всей русской колонии, которая с нетерпением ждала дорогих гостей и, действительно, встретила их тепло и по братски; каждый из присутствовавших пытался сказать что-нибудь лестное посетителям. Когда же рота с песнями двинулась обратно, многочисленная толпа устроила овации и рота проходила вдоль шпалер ликующего народа, как бы устроив смотр будущей Русской Армии. Со всех сторон на этих баловней судьбы сыпались самые горячие симпатии и выражения братской близости.

После окончания курса подготовки, наша рота получила назначение в Иваницу. Прибывший командир 3-го полка, ген. Гонтарев, произвел смотр роте и отдал приказание выступить на свой участок 3-го мая. В своей речи, обращенной к роте, он отразил общую благожелательность и вообще выразил отеческую заботу, снабдив нас полностью всем необходимым.

3-го мая 1943 г. на рассвете рота погрузилась на станции и к 12 часам дня прибыла на ст. Пожега, откуда походным порядком с мерами охранения двинулась к Иванице и там сменила 7-ю роту. Таким образом, началась боевая и сторожевая служба роты. Наш объект охраны составлял целый район, в который входили две фабрики и копи, с целой системой оборудования. На каждый сектор назначался взвод.

Штаб роты с отделением управления остановился на новой фабрике, охранявшейся 2-м взводом.

Задача, возложенная на роту, была безусловно ей непосильна — если бы противник приступил к активным действиям, что и случилось с приходом роты сюда. Обе фабрики, и старая и новая, опирались на примитивные укрепления, собственно говоря, — первая из них. Они отстояли одна от другой на расстоянии дальнего ружейного выстрела с плохой, из за пересеченной местности, видимостью, но зато копи находились в 4, 5 км. в густом лесу, скрытые вдобавок за целым рядом отрогов гор, с извилистыми ущельями. Ни на какую помощь взвод, охраняющий эти копи, рассчитывать не мог и, конечно, был обреченным. С наступлением ночи взвод занимал свое укрепление и в полной боевой готовности охранял только себя, свой же объект охватить постами был не в состоянии, для чего потребовалось бы не меньше двух рот. Таким образом, нахождение взвода было абсурдным, но такое удовлетворяло дирекцию рудника, привлекая свою сторону немцев.

Из сказанного видно, что рота нигде сильной быть не могла при таком распыленном расположении. Вдобавок, наш ближайший сосед — болгарский батальон с горной батареей находился в самом городке Иваница, в 5 км. На его помощь нельзя было рассчитывать прежде всего потому, что ночных действий он не признавал и не рисковал сняться с места, чтобы не попасть в засаду. Мы имели возможность в этом на примере убедиться, — во время одного из ночных нападений большого отряда партизан, на наши телефонные тревожные гудки о поддержке, нам из штаба б-на ответили, чтобы рота держалась до рассвета, с началом которого нам будет оказана помощь. Мы справились сами, а помощь так и не подошла.

После смены и занятия своих объектов, служба шла в образцовом порядке. Понемногу стали привыкать к новому укладу жизни. Довольствие улучшилось с прикомандированием роты на приварочное довольствие к болгарскому батальону. Противник находился далеко в горах и мы чувство-

вали себя свободно, используя много свободного времени для занятий и стрельбы. По воскресеньям разрешалось группами с оружием ходить в городок Иваницу до вечерней переключки. Злоупотреблений разрешенными отлучками на первых порах не было.

Беспокойства начались с 3-го взвода. Командир взвода, пор. Н. А. Тимченко разрешил двум чинам взвода пройти в ближайшее сербское село за продуктами, но назад они не вернулись. Как мне объяснил к-р взвода, — оказавшись одновременно в этом же селе с группой партизан, они были захвачены, но после сопротивления, о чем свидетельствовали жители и взвод, слышавший отдаленные выстрелы. Объяснение правдоподобное, но для меня не убедительное. После этого случая я прекратил из района взвода хождение за продуктами, а сам еще более усилил свои ходатайства о снятии взвода.

Только стало сглаживаться первое неприятное событие, как произошло новое и большее по нашим масштабам. Ежедневно высылались очередное отделение со своим командиром в ближайшую разведку не дальше 6-8 км. и каждый раз по новому маршруту. Благодаря этим разведкам, получались сведения о группировках противника и устанавливался контакт с населением, а вместе с тем знакомство с ним и его настроениями, в большинстве враждебными. И вот, накануне полкового праздника, 21-го мая, в разведку ушел лейтенант Флегинский с двумя отделениями. Ему уже не раз напоминалось мной о сроке возвращения, но он, увлекаясь своим делом, довольно часто запаздывал. Запаздал он и в этот раз и вместо своей фабрики оказался раненым в Белградском госпитале.

По агентурным сведениям было известно, что в районе расположения роты сосредоточилась банда в 400-500 человек с 20 пулеметами и 1 бомбометом. На пути в с Шолубари местные жители предупреждали лейт. Флегинского, что около этого села сосредоточена вся банда. Таким образом, наша разведка знала совершенно точно силы пр-ка, преграждавшего ей путь. Учтя обстановку, лейт. Флегинский не признал

возможным уклониться от боя с врагом, превосходящим его силы более, чем в 20 раз; не признал возможным потому, что банда за последнее время все больше и больше нагнала и уклонение от боя нашей разведки привело бы к снижению престижа русской воинской части. Лейт. Флегинский атаковал врага. Пользуясь огромным превосходством сил, банда окружила лейт. Флегинского. Бой велся несколько часов с большим ожесточением. Будучи сам ранен и потеряв 9 чел. убитыми и 4 ранеными, лейт. Флегинский, нанеся врагу большие потери (при этом был убит главарь шайки), прорвал ручными гранатами и штыками кольцо окружения и в дальнейшем присоединился к своей роте. Дальнейшие сведения показали, что морально потрясенная боем с нашей разведкой, банда очистила занимаемый ею район и спешно двинулась в направлении на Копанник. Во время этого боя был тяжело ранен в область позвоночного столба доблестный командир 1-го отделения унт.-офицер Александр Александрович Редькин, который, сознавая, что все равно умрет, не позволил вынести себя из боя, чтобы не задерживать других, и собственноручно взорвал себя ручной гранатой. На следующее утро, рота, выступившая на место боя, могла установить доблестное сопротивление нашей разведки. Бой у с. Шолубари дал представление о моральной стойкости и успокоил меня в отношении боеспособности роты.

Мы продолжали служить; боль от только что полученных ран стала проходить и довольно спокойно мы дождались ротного праздника — 12 сентября, к которому мы хорошо подготовились, пригласив гостей, в том числе полковника Думского, представляющего к-ра батальона, и командира болгарского б-на с офицерами. Из штаба полка был прислан оркестр музыки. К этому времени состоялось мое примирение с директорами фабрики. Они тоже были в числе почетных гостей. Праздник мы провели в хорошем настроении. Дирекция фабрики, польщенная приглашением и оказанным ей вниманием, ответила на следующий день обедом для всей роты, превзойдя нас количеством яств и выпивки.

3 октября ко мне явился сербский полицейский пристав

и по секрету сообщил о нападении сегодняшней ночью. Все меры были приняты, а лейт. Флегинский предупрежден. С своей стороны он принял меры. Часовой, заметив подползавших партизан, дал выстрел, по которому взвод занял позицию и нападение было отражено с большими потерями для врага. Связь между штабом роты (телефонная) и новой фабрикой была прервана, т. к. последняя подверглась огневому нападению. Через 2 часа после начала боя я получил сообщение кружным путем по телеграфу из Кральево, переданное мне директором фабрики, что атака противника на старую фабрику отбита, в чем мы убедились, выслав разведку.

В ноябре 1943 г. роту сняли, переведя ее в Звечаны на охрану воздушной дороги на участке жел. дор. от г. Косовска Митровица до ст. Баньской. Штаб роты расположился в удобном фабричном поселке у ст. Звечаны, а взводы заняли бункера и казармы. За редким исключением жилые помещения оказались вполне удовлетворительными, но два взвода разбросались по группкам в соответствии с определенной численностью гарнизонов. Заняв свои новые объекты охраны, рота благополучно несла службу всю осень, зиму и весну 1944 г. Наступил тревожный 1944 год, участились нападения на охраняемую жел. дор., начался отход германских армий из Греции.

К этому времени из роты дезертировало 20 чел., чему весьма способствовало общее положение на фронтах. Видя отступление германских армий, чины роты окончательно потеряли веру в победу Германии, а желание избежать в будущем жестокой советской кары за сотрудничество с врагом, толкало их на предательство и измену.

При отходе из Рашки, наша рота слилась с 7-ой и переименовалась в 1-ю роту Запасного батальона, причем весь советский состав роты образовал 1-й взвод этой новой роты. На походе был еще один случай побега, а затем скрылся и весь 1-й взвод, чем и закончился печальный опыт нашей работы с советским пополнением.

В. Гецц

С 1 БАТ-НОМ 4-го ПОЛКА НА БЕЛОМ КАМНЕ

Ранней весной 44-го г. 1-ый батальон 4-го полка заканчивал свое обучение в районе г. Алексинац. 1-ая рота, уже закончившая курс, в конце марта была переброшена в г. Прокуплье, где приняла участие в экспедиции совместно с немецким полицейским батальоном и 30-го марта имела тяжелый неудачный бой с партизанами.

Рота, оставленная на перевале «Белый Камень» (в 15 км. от Прокуплье) для обеспечения возможного пути отхода гл. сил экспедиции, была окружена и внезапно атакована превосходящими силами партизан. Отразив первый натиск, рота в течении нескольких часов вела бой, ожидая, что гл. силы, услышав стрельбу, придут ей на помощь. Но полицейский бат-н предпочел отойти в Прокуплье другой дорогой, и рота была принуждена с наступлением темноты вырваться из окружения собственными силами. Она пробилась, вынеся всех своих раненых, но понесла значительные потери: 7 убитых и 8 раненых, среди последних и к-р роты подполк. Пащенко.

Немецкое командование, желая возобновить эксплуатацию слюдяного рудника в районе с. Добротич (на пол пути между Прокуплье и Бел. Камнем), решило для обеспечения всего района занять прочно Белый Камень, для чего перебросить сюда весь 1-ый бат-н нашего 4-го полка. Пока же, до прибытия бат-на, 1-ая рота, в командование которой вступил об. лейт. Ротинов, была выдвинута в с. Добротич.

13 апреля, совершенно для меня неожиданно, я был вызван в штаб полка в Алексинац, ввиду назначения меня адъютантом 1-го батальона, на место переведенного в 1-й полк ген. шт. полковника Сербина. На рассвете следующего дня я прибыл в Алексинац и был вынужден принимать новую должность «на ходу», т. к. батальон уже выступал на погрузку в эшелон для следования в Прокуплье.

С к-ром бат-на подполк. Голубевым я был знаком давно. С чинами штаба, моими будущими ближайшими помощниками, делопроизводителем Н. А. Тарасовым, нач. штабной команды подпрап. Ершковым и к-ром отд. связи пор. Левашевым я знакомился впервые.

К вечеру 18-го апреля все части б-на без 3-ей роты перешли в с. Добротич.

Утром 19-го бат-н двумя колоннами двинулся к в. «Орлов Вис». Видя превосходство наших сил, и почувствовав угрозу охвата, паргизаны очистили «Орлов Вис», отскочив на следующую вершину, вдоль спускавшегося к Ю. В. отрога. Спустившись влево на перевал, мы уже не застали там противника. Белый Камень был в наших руках и мы немедленно приступили к его укреплению. Ключем всей позиции являлась высота «Орлов Вис», где была оставлена 2-я рота, усиленная 1 тяж. пулеметом и 1 бомбометом, организовавшая круговую оборону ее вершины. Штаб б-на, 1-ая рота и тяж. взвод расположились на самом перевале вокруг здания школы и плоской высоты с рощей левее его, также организовав круговую оборону.

24-го апреля командование партизан произвело первую попытку снова овладеть Белым Камнем. Против нас партизаны лишь демонстрировали; главный же удар был направлен во в. Орлов Вис. Сосредоточив против него около 250 бойцов, они повели наступление на вершину, главным образом, на взвод лейт. Четыркина. Последний, подпустив почти к самой проволоке, встретил их сосредоточенным огнем взвода и приданного тяж. пулемета. Не выдержав огня, партизаны отхлынули вниз в ложину, где были обстреляны бомбометом, судя по доносившимся крикам, довольно удачно. До темноты они поддерживали огонь, но на повторение атаки больше не решились. Против позиций на перевале партизаны ограничились лишь обстрелом, не приближаясь ближе 150-200 шагов. С темнотой партизаны начали общий отход.

Их главные силы ушли, но завеса наблюдательных постов продолжала держаться вблизи нашего расположения. Чтобы заставить пр-ка окончательно покинуть наш район, подп. Голубев стал ежедневно высылать разведывательные взводы по различным самым разнообразным маршрутам.

Малочисленность офицерского состава представляла затруднение при организации разведывательных взводов. Из всех офицеров б-на лишь я и мл. офиц. 1-ой роты лейт. Але-

ксеев не были связаны ответственностью за какой либо важный участок позиции и поэтому мы могли на долгий срок отлучаться из б-на. Первые дни мы сменяли один другого в должности командира разведки, а потом в помощь нам были привлечены взводн. у-оф. 1-ой роты (войск. ст.) Назаренко и (подх.) Доля.

На разведке 27-го апр. мне посчастливилось случайно захватить начальника одного из местных партиз. отрядов. Подходя к рубежу, на котором держались наблюдательные посты пр-ка, я, чтобы не обнаруживать себя стрельбой, развернул головное отделение вдоль опушки леса и мы бегом, со штыками на перевес, бросились через разделявший нас дуг к каменистой гряде, за которой укрывался пост. Оттуда захлопали торопливые выстрелы; несколько пуль пропели высоко над нами, и партизаны поспешно скатились в балку, очистив нужную нам дорогу вдоль хребта. Пройдя беглым шагом около 3-х км., мы свернули на поперечный хребет к селу Пасьяча, следуя с головным отделением правее дороги и приближаясь к перегибу пологого подъема, я увидел за ним человека с биноклем в руках, шедшего по дороге в нашу сторону. По данному знаку все три отделения залегли. Незнакомец продолжал идти, время от времени останавливаясь и наблюдая в бинокль в направлении высоты, с которой мы сбили партизанский пост. Когда он миновал нас и оказался в центре между лежавшими отделениями, я поднялся и окликнул его. Ему не оставалось ничего, как поднять руки и сдаться. Услышав стрельбу на линии постов и не слыша выстрелов с нашей стороны, он, не подозревая ничего серьезного и ожидая посыльного с донесением о причине стрельбы, вышел ему навстречу и попал, как кур во щи.

1-го мая подн. Голубев и я с конвоем проводили приехавшего к нам к-ра полка до Прокупле и, задержавшись там, для наведения порядка на тыловой базе, лишь к вечеру 2-го вернулись на Б. Камсьн. В наше отсутствие там произошла трагедия.

В этот день немецкие истребители были направлены для обстрела партизан в районе с. Житни Поток, но, повидимому,

им не было дано нужной ориентировки. Эскадрилья сделала круг над нашим расположением и, как полагалось в таких случаях, на высоте был растелен большой опознавательный немецкий военный флаг. Но летчики, видя еще окопы ниже высоты на перевале, решили, что это уже партизаны, и головной аппарат выпустил очередь из крупнокалиберного пулемета по зданию школы. Увидя выскочивших солдат, махавших шлемами, они поняли ошибку и прекратили огонь, но было уже поздно. Выпущенной очередью был смертельно ранен лейт. Алексеев, убит ординарец Долгополов, ранены о.-лtn. Ротинов, у. оф. Назаренко,, Тетеревятников и еще 3 стрелка. К утру лtn. Алексеев скончался. Эти напрасные потери произвели гнетущее впечатление на всех.

В начале мая прибыли закончившие курс обучения 3-я рота и наш тяжелый взвод. Часть 3-ей роты заняла дополнительный участок на в. Орлов Вис, а другая усилила позицию на перевале. Кроме того, для большего обеспечения сообщения с Прокуплье, к-р полка подк. Гескет прислал в с. Добротич саперный взвод нашего полка под командой лtn. Колосова. Лtn. Дуброва, со своим тяжелым взводом отбыл к своему б-ну. Вскоре после этого, подп. Голубев был вызван на курс батальонных к-ров в Белград, а заменить его был назначен мой быв. к-р роты хпtm. Нагорова.

11-го мая я, по какому-то делу отправился на базу в Прокуплье и на следующее утро, часов около 10, в сопровождении ординарца, выехал назад. Поднявшись на первый небольшой перевал, с которого открывался вид на весь массив Б. Камня, я стал слышать доносившуюся по временам откуда-то оттуда стрельбу. В с. Добротич. из расположения саперного взвода, я позвонил в штаб б-на. У.-оф. Тарасов доложил, что взвод 3-ей роты с утра ушел на разведку в направлении на с. Пасьяча и что с 10 ч. с той стороны слышна сильная стрельба. Не получая донесения, командующий батном лично с несколькими отделениями недавно вышел на поддержку разв. взводу. Узнав об этом, я галопом поскакал на Б. Камень.

Хпtm. Нагорова я нашел у дороги на окраине хутора

«Иовина Ливада», лежавшим в цепи с одним отделением под сильным огнем. Правее, на косогоре залегло другое отделение; остальные были, повидимому, левее.

Нагоров сообщил мне, что развед. взвод напоролся на крупный отряд партизан — не менее «бригады» (300-400 ч.), располагающий не только легким, но и тяжелым вооружением. После получасовой перестрелки, пр-к развернулся и перешел в наступление. Под его натиском взвод начал отходить.

Отделение, бывшее справа, скатилось вниз, обнажив наш фланг; левее тоже отходили.

— Я буду отходить возможно медленнее, — сказал мне Нагоров, — а ты спешి назад и постарайся задержать их на следующем рубеже.

Заняв его, бомбометы партизан обрушились бы на здание школы, в подвале которой находился наш склад боеприпасов. Я понимал, что надо во что бы то ни стало задержать пр-ка и дать возможность кап. Нагорову уйти с линии огня и вернуться к своим прямым обязанностям.

Перед этим рубежом мне удалось остановить и привести в порядок полтора отделения 3-ей роты; сюда же отошел тяжелый пулемет под командой у.-оф. Вишницкого и отделение 1-ой роты, бывшее при кап. Нагорове. Остальные отделения были остановлены лтн. Генрици у отдельного двора в 200 м. позади и левее нас, откуда они обеспечивали наш фланг и тыл со стороны подходившей сюда ложины.

Здесь мы оказали упорное сопротивление. После нескольких неудачных попыток партизаны прекратили наступать в лоб, а продолжая осыпать нас всеми видами огня, стали спускаться по скату в 500-700 м. от нас в балку левее нас. На этой дистанции наши итальянские винтовки были не очень эффективны, но пулеметы работали отлично. Видя, что впереди происходит задержка, главные силы пр-ка спустились на южный склон хребта и, обходя нас справа, пошли к выс. Орлов Вис. Оттуда их заметили и наши бомбометы открыли огонь.

Через полчаса после нашего возвращения, уже в темно-

те, партизаны появились перед позицией на перевале и стали распространяться в стороны, беря ее в кольцо. Перерыв телефонной связи с с. Добротич показал нам, что кольцо замкнулось. Начался бой. Под прикрытием интенсивного огня, пр-к приближался к проволочным заграждениям, но все попытки преодолеть их отбивались нашим огнем. Отхлынув, партизаны перегруппировывались и снова начинали обстрел. Часов после 12 их атаки начали слабеть и к 2-м часам ночи прекратились совсем. Дальше они лишь поддерживали огонь, повидимому, выжидая результата атаки выс. Орлов Вис, куда был направлен их главный удар.

Там, в течение ночи было отбито 12 атак, большей частью на линии заграждений, но на участке лтн. Четыркина партизаны дважды доходили до окопов и отражались ручными гранатами. Просочившись на скат высоты, обращенный в нашу сторону, они атаковали и отсюда. С к-ром 2-ой р., в. ст. Нефедьевым мы были связаны телефоном и почти всю ночь кап. Нагоров и я провели у аппарата.

Перед рассветом огонь пр-ка вдруг стал ослабевать и вскоре затих. Партизаны исчезли.

Бой 12-го мая был последней попыткой партизан вернуть Б. Камень

В течение мая и июня болгары провели две больших экспедиции крупными силами в район с. Житни Поток. Оба раза мы принимали в них участие.

В конце мая вернулся подп. Голубев и к-р 3-ей роты в. ст. Болдырев.

После очередного выпуска лейтенантских курсов к нам прибыли лейтенанты: Гаузен, Рышков, Секачев, Сукк и Шемчук. Гарнизон с. Добротич был усилен конным взводом под командой лтн. гр. Коновница.

В начале июля нам пришла смена. Стоявший в руднике Бор II батальон нашего полка был переведен на Б. Камень, а мы пошли в Бор «на отдых».

В. Гранитов

ПЯТЫЙ ПОЛК

ПЯТЫЙ ПОЛК, друзья, высокое служение,
К бедной Родине сыновняя любовь,
Сердца русского достойное горение,
Храбрых воинов пролившаяся кровь.

 Это долга забывших дерзновение,
 Это радость на скитальческом пути,
 Это честное солдатское стремление —
Жизнью собственной Отечество спасти.

Русь далекая, в страдания заключенная,
Нам смотрела в обнаженные сердца
И росла в них, этим взглядом порожденная,
Мощь решимости — сражаться ДО КОНЦА.

 Были жаркие, кровавые сражения.
 Жатва страшная которых велика.
 Много доблестных в Господние селения
 Отошли тогда от ПЯТОГО ПОЛКА.

Их могилы все крестами мы устали,
Чтобы каждую заметил Правды Бог
Сколько их тогда с печалью мы оставили
У босанских малоезженных дорог.

 Но, прошли года, а Родина могучая
 До сих пор лежит в цепях у власти зла,
 Знать душа ее, во все века кипучая,
 Всех грехов своих еще не изжила.

Знаю, Господи! — Нет права на прощение,
Сердцем чувствую — караешь нас не зря:
Допустили мы святых Твоих хуление
И убийство Православного Царя,

 Всей землей в те дни свершили преступление,
 Всей землей теперь должны мы заслужить
 У Тебя, о Боже праведный, прощение,
 Без которого Руси не воскресить.

Жизнь Отечества пронизана страданием.
Но забыто, что страдая, мы должны
Озарить себя спасительным сознанием,
Покаянием не исчерпанной, ВИНЫ.

 В покаянии вся сила искупления.
 К этой силе помощь Божия близка.
 С ней победные увидим достижения
 Возродившегося ПЯТОГО ПОЛКА.

Александр Навроцкий

ВОЕННО-УЧИЛИЩНЫЕ КУРСЫ

16 июня 1944 г. все назначенные на Военно-Училищные Курсы II б-на 4-го полка выехали из Бора в Белград. Грустно было расставаться с нашей ротой, сделавшейся для нас родной семьей, тем более, что мы знали правило, что произведенные по окончании курсов, офицеры, в свои роты не возвращались.

На курсах (как обычно, в Корпусе, при переводах в другую часть), мы встретили много старых друзей и знакомых. Больше половины слушателей курсов была молодежь — наши бывшие юнкера. Несколько моих бывших воспитанников уже окончили эти курсы и оказались старше меня в немецком чине. Затем было несколько человек докторов, занимавших в Корпусе должности санитарных унтер-офицеров. Для получения звания военного врача, они должны были прослужать часть нашего курса (если не ошибаюсь, месяц или два). Старшая половина курса — «мушкетеры» — (среди которых оказались и мы с Кохом) возглавлялась несколькими полковниками русской службы, среди которых нельзя не отметить Михаила Ивановича Тихоправова. Известный в прошлом всей русской коннице, командир Ингерманландских гусар и пользовавшийся в Корпусе авторитетом и общим уважением, командир батальона, деградированный в свое время со многими из майоров в обер-фельдфебеля, М. И. в силу обстоятельств и недостаточного внимания германского командования к психологической стороне дела (одна из главных причин проигрыша минувшей войны Германией), должен был «учиться на лейтенанта».

Преподавательский состав в.-уч. курсов был очень невелик. Полковник Шредер, обремененный наблюдением за обучением в полках и своими прямыми обязанностями офицера для связи, имел возможность только прочесть на курсах несколько лекций и время от времени делать инспекторские смотры, иногда в присутствии Командира Корпуса, ген. Штейфона. Главное руководство курсами лежало на оберстлейтенанте (подполковнике) графе Дю Мулен. Рыцарски бла-

городный, обворожительно деликатный и, в то же время, требовательный, галантливый и знающий свое дело, преподаватель, гр. Дю Мулен являл собой прекрасный пример офицера, вносил много тепла и света в напряженную до предела атмосферу курсов и оставил о себе самые хорошие воспоминания. Строевое и боевое обучение лежало на двух лейтенантах — Жубере и Шмельцере. Эти молодые офицеры прекрасно знали свое дело, но, будучи офицерами военного времени, не имели достаточно опыта и авторитета для такой сложной аудитории, как наша, добрая половина которой носила офицерские погоны, когда наши преподаватели еще «пешком под стол ходили». Чувствуя это, они невольно тянулись к молодежи, для которой являлись бесспорным авторитетом, а более критически настроенных «стариков» машинально «брали на мушку». (Многие из слушателей курсов были убеждены, что наши лейтенанты намеренно стараются допустить к производству в офицеры, как можно меньше «курсантов», чтобы затянуть возможно дольше существование курсов, а, следовательно, и свое собственное на них пребывание, улыбавшееся им больше, чем Восточный фронт). За малейшую провинность слушатели курсов беспощадно отчислялись в свои части. Наш 3-й курс окончил 46 чел., а прибыло около 70-ти. Если бы не заступничество гр. Дю Мулена, то окончил бы курс еще меньше. Роль сменного офицера, наблюдающего за жизнью и порядком в казарме, чисткой оружия и снаряжения и прочими мелочами казарменного быта, исполнял русский — лейтенант Данилов. Он был требователен не меньше, чем его немецкие коллеги, но без оттенка садизма, которым грешили последние. Часто лтн. Данилов заходил по вечерам в классную комнату, где мы занимались, и по-товарищески помогал разобраться во встречающихся затруднениях.

Как уже было сказано, атмосфера на курсах была чрезвычайно напряженной. Приходилось всё время быть начеку, ожидая, что вот-вот где нибудь проштрафишься и вылетишь с курсов. Особенно беспокойно чувствовали себя, конечно, «мушкетеры». Кроме того, очень выматывало силы отсутст-

вие отдыха, о чем предоставляю судить самим читателям, по распределению нашего времени и характеру работы.

Рано утром, часов в 7, выходили на полевые занятия, требовавшие большого морального и физического напряжения. В течение пяти часов приходилось, в полном боевом снаряжении (т.е. винтовка, пояс с двумя подсумками с учебными патронами, штыком, лопатой и стальным шлемом и сумка с противоголозом), не взирая на удушающую жару, бегать по выжженным солнцем полям, валяться в пыли и обливаться потом в душных зарослях кукурузы. А если, не дай Бог, прошел дождь, то падать на землю нужно было, не выбирая места — хоть в самую середину лужи, на то самое место, которое вам определено уставом и с той же молниеносной быстротой.

Особенно тяжело приходилось тем, кто назначался на эти занятия на командные должности. В зависимости от задачи, выполнявшейся нами, из нашей среды назначались командиры рот, взводов, отделений и т. д. Конечно, на них обращалось особое внимание наших наставников и учитывались, и отмечались даже самые незначительные погрешности и достоинства. Особенно тяжело физически приходилось тем, кому доставалась очередь таскать бомбометы и пулеметные ящики, вместо патронов набитые подковами и кирпичами. К чести нашей молодежи должен сказать, что они часто старались захватить эти бомбометы и ящики, чтобы они не достались кому либо из старших, или же норовили подменить или помочь во время перебежек. Возвращались в казарму к 12-ти часам, в насквозь пропотевшем обмундировании, покрытые густым слоем пыли. На обед давалось два часа. За это время нужно было не только поесть, но и почистить обмундирование и снаряжение, и протереть оружие, чтобы после обеда выйти на занятия в подобающем виде. Обыкновенно, около полудня, англо-американская авиация делала налеты на Белград, или пролетала мимо него на более далекие бомбежки. По сигналу воздушной тревоги, весь гарнизон Баницы обязан был надевать полное боевое снаряжение и выбегать в окопы, вырытые в поле, недалеко от ка-

зарм. Оставаться в казармах должны были только часовые, дежурные и дневальные. Через час или два давался отбой и жизнь продолжалась дальше, строго по расписанию дня. Таким образом, тревога делалась за счет нашего, столь для нас драгоценного отдыха.

После обеда занятия производились частью во дворе казарм, а частью в классах. Последнее было особенно мучительно, т.к. всех нас неудержимо клонило ко сну, с которым мы вели героическую борьбу. Один из наших коллег-медиков выручал нас, делая какое-то снадобье, которое сонливость, как рукой снимало. Большинство отказывалось принимать эти капли, опасаясь каких либо вредных последствий, но несколько человек, и я в том числе, принимали их охотно и очень сожалели, что наш милый доктор ушел с курсов со всеми медиками раньше нас.

По вечерам производилась чистка оружия и снаряжения, да не какаянибудь поверхностная, а самая добросовестная, чтобы на утреннем осмотре лтн. Данилов, или какоенибудь другое начальство не нашло ни сучка ни задоринки. Считаю небезинтересным один маленький случай, происшедший со мной и характеризующий лтн. Данилова и его отношение к нам. — „Увольнение со двора”, т. е. отпуск в город, мы получали после занятий по средам вечером, по субботам после обеда и по воскресеньям. Многие из нас, имевшие родных или друзей в Белграде, Земуне или Панчево, уходили с ночевкой. Само собой понятно, что мы очень дорожили этими отпусками, дававшими возможность отдохнуть от напряженной казарменной обстановки курсов. Обыкновенно по субботам, перед увольнением в город, производились разные осмотры — то оружия, то снаряжения, то обмундирования. Готовились мы к ним, конечно, особенно тщательно, чтобы, не дай Бог, какнибудь не сплеховать и не остаться без желанного отдыха. Однажды, в одну из суббот, был назначен осмотр оружия. Я вышел на него совершенно спокойно, зная, что у меня все в порядке и придраться у меня не к чему, а, следовательно, задуманная ночевка у друзей и пикник на следующий день на берегу Дуная мне обеспечены. Когда подошла моя

очередь осмотра, лтн. Данилов взял мой штык, проверил в нем каждую щелочку, прорезь каждого винта — все в порядке. Взял винтовку, осмотрел сиявший на солнце затвор, проверил зеркальную чистоту ствола, засунул палец в патронник и... вынул его совершенно черным. Я остолбенел (также, как и сам лтн. Данилов) — ну, думаю, пропал отпуск!..

Вероятно на моей физиономии отразились так ясно испуг и отчаяние, что лтн. Данилов только рассмеялся и приказал показать ему винтовку через час. Таким образом, отпуск был спасен, а я отделался только испугом и через час вылетел из казармы в город.

После вечерней чистки оружия и снаряжения, приводились в порядок сделанные за день записки, подзубривались уроки на следующий день и делались письменные работы. Некоторые из нас, наиболее прилежные, засиживались до 1-2 часов ночи. Казалось бы, что после такой дневной работы спать мы должны были, как убитые, но не тут то было. — В казармах была эпидемия клопов. Их было потрясающее количество и все способы борьбы с ними оставались безрезультатными. От постоянных дезинфекций у нас глаза лезли на лоб от формалина, а клопы жрали нас беспощадно. Даже среди бела дня, стоило вам облокотиться обнаженной рукой на стол, скамейку или койку, как вы чувствовали сразу несколько укусов. Часто среди ночи можно было наблюдать, как кто нибудь, доведенный до бешенства укусами клопов, хватал в охапку одеяло и подушку и выскакивал в корридор или классную комнату, в надежде, что хоть оставшиеся 2-3 часа сможет поспать спокойно. Но и там было не легче, т. к. клопы заселили и нежилые классные помещения и развелись даже в ящиках с песком, сделанных для наглядных тактических занятий.

Напряженность обстановки к концу курса не уменьшилась ни на йоту — попрежнему продолжались беспощадные отчисления. Среди прочих был отчислен старый, доблестный полковник Флерин, так и закончивший службу в Корпусе в чине обер-фельдфебеля, на должности командира взвода. Мне кажется, что и в лейтенантских погонах он командовал

бы тем же взводом не хуже. За неделю до окончания курсов был уволен сын моего большого друга, Саша Хмельницкий, впоследствии произведенный в лейтенанты в полку „Варяг”. Почти в то же время был отчислен с курсов, по приказанию оберста Шредера, и лтн. Шмельцер, попытавшийся на одном из смотров командовать по русски и перепутавший команды.

7-го сентября 1944 года, приказом по Русскому Охранному Корпусу за № 245 и приказом Главнокомандующего Юго-Востока от 6 сент. 1944 года, 46 слушателей Военно-Училищных Курсов были произведены в лейтенанты. Я был выпущен в свой основной, 3-й полк, в котором начал свою службу в Корпусе. После производства ко мне подошел уже упоминавшийся мною безрукий марковец, полк, Залеткин, и сказал, пожимая мне руку: „Поздравляю вас, но не с офицерскими погонями — вы их давно имеете, а вот, с окончанием этих мук, сердечно поздравляю :

Несмотря на участвовавшие в то время налеты англо-американской, советской и даже партизанской авиации на населенные пункты и коммуникационные линии, переезд нашей, довольно большой группы вновь произведенных офицеров, ехавших по линии Белград-Кральево-Рашка, прошел благополучно. На небольшой станции, не доезжая Кральево (кажется, Бадневац), распрощался я со своим старым другом, Таликом Кохом, ехавшим в 6-ю роту 4-го полка. Он хитроумно обошел правила — вышел в 6-ю роту, а затем перешел в свою, 7-ю. На той же станции видел из окна вагона несколько солдат нашей родной 7-ой роты, узнавших меня издали и радостно махавших руками вслед уходившему поезду. От Кральево до Рашки, из за того, что ж. д. линия была испорчена партизанами, пришлось доставляться грузовиками. Дорога носила следы недавних боев: по ее обочинам местами валялись разбитые повозки, убитые лошади и попадались воронки от разрывов бомбометных снарядов.

В. Черепов.

«БЕЛЫЙ КАМЕНЬ»

В конце июня 1944 г. II-й б-н полк. Попова Кокоулина 4-го полка, стоявший в Бору, получил приказание грузиться в вагоны и двигаться на Белый Камень, где сменить I-й б-н 4-го полка.

Прибыв в Прокуплье и выгрузившись, сразу же двинулись на Белый Камень.

Переход Прокуплье-Белый Камень совершили легко.

Белый Камень — это три домика на горах и находится в 16 километрах к югу от Прокупля. До Белого Камня идет очень приличное шоссе, но все время поднимается в гору. Между Прокуплье и Белым Камнем, на шоссе, приблизительно на середине пути, находится деревня Добротич, в которой стоял саперный взвод 4-го полка, под командой лейтенанта М. В. Колосова. В самом же Прокуплье стоял штаб болгарской дивизии, 1 или 1½ полка пехоты и болгарский же бронепоезд.

Белый Камень представлял собой укрепленный лагерь. Штаб б-на, 7-ая рота и Тяжелый взвод занимали высоту 883, где было два дома. Все люди жили в землянках, перед которыми были окопы в рост человека, с бойницами. Все это место было обнесено колючей проволокой.

5-я рота стояла на высоте 1150. 2-й взвод 6-ой роты — на высоте 890. 3-й взвод 6-ой роты стоял впереди лагеря и штаб 6-ой роты с 1-м взводом — в тылу лагеря. Все эти взводы также были обнесены проволокой и всюду были окопы. Связь телефоном была с Добротичем и с Прокуплье, но очень непрочная, т. к. очень часто партизаны вырезывали большие куски кабеля.

Днем у нас было спокойно, но по ночам партизаны иногда подбирались к нам и обстреливали, но больших нападений не было. Партизаны были кругом нас. Вечером, когда выйдешь на крыльцо хаты, кругом нас были видны огни костров и ракеты всех цветов. Вокруг нас шла какая-то ночная жизнь. У нас же было тихо и темно.

От каждой роты назначалась дежурная часть при офице-

ре или фельдфебеле, остальные спали. Дежурная часть, обычно взвод от роты, всю ночь находилась в окопе. Каждый вечер около 10 часов прилетал английский аэроплан, снабжавший партизан оружием, патронами и продовольствием. Сбрасывали при помощи парашюта в том месте, где партизаны раскладывали условный знак из огней костров. Мы знали этот условный знак, пробовали обмануть англичан, но нам ничего не сбросили. Довольно часто выходили мы в окрестности для прочистки района, но партизаны уходили от нас. Правда, были у нас убитые и раненые, но это все из засады, отдельными людьми.

9 июля 1944 г. 7-я рота, выполняя задачу по разведке, подверглась нападению партизан силою около 400 чел. После сильного боя, отбросив, пытавшегося сделать окружение, противника, рота вернулась на свои позиции около Белого Камня. За время боя у противника было взято 1 тяжелый и 5 легких пулеметов. Наши потери: убиты лейтенант Тимченко Николай, сан. унт, офицер Загоскин и 2 стрелка; ранено: 1 ун. оф. и 7 стрелков. Потери пр-ка: убитых 35-40 чел. и много раненых.

19 июля 1944 г., по приказанию начальника 27-й болгарской дивизии была предпринята солидная экспедиция с болгарскими частями. В этой экспедиции участвовал II-й б-н в составе 6, 7 и 1 взвода 5 роты при 3 тяж. пулеметах и 3 бомбометах, ведя сильные бои с превосходными силами партизан. Во время экспедиции нами было занято маленькое село с громким названием «Нова Москва». Около этого села был главный штаб Прокупльского партизанского отряда, — двухэтажный кирпичный дом. В верхнем этаже был очень хорошо оборудован лазарет на 20 кроватей. В нижнем — большой зал, с большим столом со стульями, по всей вероятности — зал для заседаний. Кроме того, там был нами обнаружен склад продовольствия. Продукты, кровати, белье — всё было английское. Даже смалец и мыло были английского происхождения. Часть продовольствия реквизировали, всё же остальное — и здание и окружающие постройки сожгли. 27 июля б-н вернулся в Белый Камень. Наши потери: убит 1

стрелок и 6 ранено. По рассказам местных жителей, пр-к потерял около 40 чел. убитых и около 100 раненых.

В августе к нам в лагерь на Белый Камень прислали орудия артиллерийского взвода 4-го полка. Орудия оказали сильное впечатление на нашего пр-ка, особенно после того, как на горе Пасьяча артиллерийским огнем были подожжены хаты, в которых жили партизаны.

В конце августа поползли тревожные слухи: болгары не хотят воевать, уже братаются с партизанами в Прокуплье. Стали поговаривать о нашем уходе с Б. Камня. Командир б-на ждет приказ. В это время к нам пришла рота Дражевцев под командой поручика сербской службы Карапанджича, который отбилсЯ от своего отряда и заявил, что в случае нашего отхода, будет отходить с нами. Мы его приняли, даже дали ему десяток итальянских винтовок, т. к. часть его роты была без оружия.

Через некоторое время было получено приказание уходить с Б. Камня. Полк. Попов-Кокорулин хотел, по возможности, вывезти все наше имущество, дабы ничего не оставлять партизанам, но перевозочных средств было мало. Одних артиллерийских снарядов было около 300 шт. В это время я замесал раненого к-ра 7 роты полк. М. А. Левандовского. 7-я рота на 60% состояла из одесситов и б. красноармейцев. Настроение людей, в связи с неудачами немецкой армии на Восточном фронте, становилось тревожным. От сербских жандармов, у которых была разведка в районах, занятых партизанами, мы знали, что в село Житни Поток, в 6 клм. от нас, пришли 3 партизанских бригады. К-р б-на уехал в Прокуплье добывать перевозочные средства.

За два дня до нашего ухода с Б. Камня явился к нам какой-то старый серб и заявил, что хочет видеть «команданта». Привели его ко мне. В чем дело?. — Подает мне письмо, умышленно незапечатанное. Пока он дошел до меня, некоторые успели его прочесть и, конечно, содержание его стало известным всему лагерю. В этом письме на русском языке с буквой «ять», прекрасным почерком, хорошим слогом, было написано обращение к нашему б-ну с предложением в течение 24-х часов сдаться партизанам, т. к. немцы разбиты, нам обещается полная неприкосновенность. Каждый будет от-

пушен, куда хочет. Если же мы не сдадимся, то будем взяты силой и тогда пощады не будет никому.

Положение создалось серьёзное тем более, что весь б-н скоро узнал содержание письма. Ждать к-ра б-на нельзя, неизвестно, когда он придет. Решаю дать ответ сам. Зову старика, принесшего письмо. Говорю, чтобы он шел к тому, кто его послал и передал бы ему, что, конечно, сдаваться мы и не подумаем, а если хотят нас взять, то пусть придут и возьмут.

—А ты, старый, — сказал я, обращаясь к старику, — если еще раз принесешь какое либо письмо, то я тебя повешу вот на этом буке. --- Старика выпроводили из лагеря. В этот вечер приехал к-р б-на. Я ему всё доложил. Он одобрил мое распоряжение и сообщил, что через два дня мы уходим. На всякий случай пришлось усилить ночное дежурство и быть начеку. Но прошло и 24 часа и 25, но никто не приходил нас брать.

Забота о подводах для вывоза нашего имущества занимала нас всех. Где достать подводы? В Прокуплье получить не удалось. Тогда унт.-оф. 6-ой роты Невзоров выразил желание пойти в село, лежащее в 4 км., занятое партизанами и пригнать оттуда подводы. Он получил разрешение от к-ра роты и отправился туда с одним третьим взводом 6-ой роты. Ловким маневром выбил партизан из села, собрал 21 воловью подводу и с одним отделением отправил подводы в Б. Камень, сам же с двумя отделениями прикрывал движение подвод, т. к. партизаны, видя, что наш взвод уходит, стали усиленно обстреливать подводы и наших людей, но всё обошлось благополучно и все без потерь вернулись.

Погрузили всё имущество и в полдень двинулись на Прокуплье. Весь обоз, а он был большой, шел по шоссе, под прикрытием 7-ой роты. 6-я рота шла влево от шоссе, по горам, а 5-ая — вправо, по ущельям, дабы не было внезапного нападения на обоз. В Прокуплье пришли уже в темноте, поздно вечером.

Болгарские части были в полной боевой готовности. На шоссе и на улицах стояли тяжелые пулеметы, с сильными пехотными прикрытиями. На станции стоял бронепоезд под полными парами. В чем дело? Почему такая боевая готов-

«Поп Ђска», игумен монастыря Трноша, с одним четником

Типы четников в долине р. Ибра

Напутственный молебен 1-му батальону 4-го полка первой формирования

Переправа через р. Пбар 5-ой юнкерской роты 3-го полка

Юнкерский взвод 6-ой роты 2-го полка

ность? Оказывается, что кто-то распустил между ними слух, что русский батальон с Б. Камня будет разоружать болгар и они решили защищаться. Очевидно, несмотря на большую разницу в количестве, они все же считались с нами.

Прошли Прокуплье. Город, словно вымерший. Жителей — никого. Вышли за город. Километрах в 3-х от Прокуплье, в дер. Юговичи, сделали остановку. К вечеру 3 сентября б-н двинулся походным порядком на Ниш. Шли все время с мерами охранения. Партизаны, не появлявшиеся целую ночь и целый день, в момент начала нашего движения откуда-то появились и начали нас обстреливать из пулеметов и бомбометов. Развернувшаяся, 6-я рота их легко отогнала. Б-н продолжал движение на Ниш, все время оглядываясь по сторонам, т. к. пр-к мог появиться каждую минуту.

Так начался наш великий отход от Б. Камня и кончился лишь в 1945 г. под Клагенфуртом, в Австрии.

А. Невзоров

В 5-М ПОЛКУ

1.

Лето 1944 года. Полк размещен на линии Кральево — Косовская Митровица (в долине реки Ибра). Батальоны на позиции, а штаб полка в м. Рашка, где также находился штаб II-го б-на 3-го полка, несшего охрану железнодорожного пути на той же линии, и немецкий гарнизон оберста X., в подчинение которого входил наш полк.

При въезде в Рашку со стороны К. Митровицы, на главном шоссе, в двух километрах от местечка, находилась сторожевая застава — взвод немецкой пехоты. Оберст X, желая дать отдых своим солдатам и пользуясь своей властью начальника, отдал распоряжение сменить этот взвод взводом ПАК (противотанковая артиллерия) нашего полка, что явно противоречило всяким правилам, т. к. орудия, без прикрытия пехоты, ставить на позицию не полагалось.

Как ни доказывал полк. Рогожин абсурдность этого приказа, упрямый немец остался на своем и ПАК принужден был отправиться на заставу.

Так как командир взвода ПАК в это время был в госпитале, мне пришлось его заменить с тем, чтобы днем я находился в штабе полка, а на ночь отправлялся на заставу. Так прошло три-четыре дня. Единственно, что мы могли — это возмущаться, но возмущение мало помогало. И вот, однажды вечером, вошли ко мне в землянку два унтер-офицера и предложили мне план, как заставить упрямого немца сменить ПАК с позиции. Обсудив детально, я его принял, а выполнение назначил на следующую ночь в 2 часа.

Возвратившись вечером на заставу, я разрешил унтер-офицерам (по русской линии это были офицеры) приводить план в исполнение, но с тем условием, что они дадут мне честное слово, что это останется навсегда тайной.

И вот, около 2-х часов ночи, ко мне явился солдат из непосредственного нашего охранения с докладом, что унтер-офицер и он видели вопереди лежащей кукурузе движение, как бы перебежки и накапливание противника. Я приказал усилить бдительность и всем находиться при орудиях, а сам остался в землянке. Через несколько минут прибежал солдат от другого унтер-офицера с таким же докладом. Тогда я, делая вид, что я взволнован, подошел к орудийной прислуге и спросил, что они видят? И все, как один, начали показывать направление и место, куда накапливается противник. В общем, весь взвод видел противника, кроме меня и заговорщиков унтер-офицеров. Так может в боевой обстановке подействовать внушение на бойца. Унтер-офицеры внушили солдатам, что противник делает перебежки и накапливается и все это видят, тогда как, на самом деле, никакого противника не было, а лишь при слабом свете луны, легким ветерком колыхалась кукуруза.

Я приказал пустить красную ракету (сигнал нападения) и осветив местность белой ракетой, произвел беглый огонь из трех орудий, по два патрона (другого оружия у нас не было).

В Рашке боевая тревога. Звонок полк. Рогожина:

— Что там у вас происходит?

--- Противник накапливался в кукурузе и, не имея другого оружия, мы принуждены были обстрелять его из орудий. — был мой ответ.

— Но по вас-то стреляли? --- опять задал вопрос к-р.

- - Нет!, --- ответил я.

- - По-ни-маю, --- и разговор прекратился.

Через 10 минут командир мне сообщил, что сейчас ко мне идет взвод немецкой пехоты, а взводу ПАК возвращаться по квартирам.

Цель оправдала средства!

На другой день, ни командир, ни я не говорили о ночном происшествии. Я знал, что полк. Рогожин догадался о причине стрельбы и в душе был очень доволен, что так произошло, но, как командир полка, официально не имел права знать об этом.

2.

Не знал полк. Рогожин и того, что наш уважаемый переводчик, П-э, устраивал ложные тревоги в одном из местечек нашего расположения. Дело в том, что находившийся там штаб предоставил нам свое собрание для обедов, но с тем условием, что мы будем обедать во вторую очередь, т. е. после чинов этого штаба .

Однажды, сидя у себя в штабе, около 12 часов дня, кто-то из нас решил пойти домой и перекусить. П-э, ничего не говоря, куда-то исчез и, вернувшись назад, заявил, что мы можем отправляться в собрание на обед, т.к. он уже доложил полк. Рогожину, что чинов этого штаба --- хозяева собрания были сегодня настолько любезны, что предоставили нам право пообедать в первую очередь.

Была бы честь предложена --- мы встали и пошли обедать. Как выяснилось после, П-э пошел на телефон и от имени комендатуры сообщил в упомянутый штаб, что в нашем направлении летит большая неприятельская эскадрилья и объявлена воздушная тревога. Штаб собрался и ушел в убежище, а мы — в их столовую. Взволнованной прислуге на кухне он объяснил, что раз мы тут сидим, бояться нечего и никакой бомбардировки не будет.

Кончив обед, он также спокойно позвонил в убежище и сообщил, что эскадрилья изменила направление, а посему дан отбой. Прием этот понравился П-э и он после еще раза два проделал его, пока мы не запротестовали. Когда же чинов этого штаба спрашивали нас, почему мы не идем в убежи-

ще, то мы с гордостью заявляли, что наш командир — фаталист и предпочитает оставаться там, где его застанет налет, а мы — с ним.

Что же касается фатализма, то полк. Рогожин, по объявлению воздушной тревоги, никогда не ходил в убежище и однажды налет застал нас в штабе полка. Бомба ударила в угол нашего здания, отвалив кусок стены, не причинив нам никакого вреда.

3.

В походе от Рашки к Сараеву, пробивая и очищая от противника путь для армии, отступающей из Греции, наш полк шел в голове колонны. Батальоны прошли Вышеград, а мы с командиром полка задержались в городе с расчетом, что догоним их на автомобиле.

Спустя некоторое время, мы выехали. Догнали один батальон, другой и, наконец, и головной. Здесь мы узнали, что вперед выслана головная рота. Полк. Рогожин решил догнать и ее. Поехали и скоро догнали. Узнав, что впереди движется взвод с офицером, командир решил догнать и его. Проехав несколько километров и не догнав головной взвод, было решено остановиться и подождать подхода роты, а чтобы не скучно ждать, решили, в полуразрушенной хате, находившейся у дороги, согреть чайку и подкрепиться чем Бог послал. Нас было шесть человек на двух автомобилях (один-командирский, другой — адъютантский). Нужно сказать, что впереди, кроме нашего головного взвода, никого не было, а кругом горы и лес, занятые противником.

Немного подкрепившись и обогрившись у костра, мы двинулись вперед, т. к. командир решил все же догнать головной взвод и двигаться с ним до соприкосновения с противником. Мы проехали несколько километров, но головного взвода не догнали. Проехав еще короткое расстояние, мы были принуждены остановиться, т. к. дальше шоссе было перекопано противником.

Налево — гора, а справа — обрыв. Автомобили стали — не можем ни вперед, ни назад. Полагая, что наш взвод все же прошел вперед, мы спокойно вышли из автомобилей, закури-

ли папиросы и решили ждать подхода головной роты. Спустя минут тридцать, к нам подошел разведывательный эскадрон на мотоциклетах и танкетках при орудиях, с задачей догнать полк Рогожина и войти в его подчинение для дальнейшего движения. Вот, тут-то и подошел к нам, с нашего же тыла и головной взвод. Оказывается, взвод, для короткого отдыха, свернул с шоссе в лесок и пропустил нас вперед. Они нас видели, кричали нам, но мы их не заметили.

Через короткий промежуток времени подошла и наша головная рота. Тут и началось главное. Как только подошла наша рота и вперед была выслана разведка, как противник открыл по нас ураганный огонь со всех четырех сторон. Мы попали в засаду и полное окружение. После, по показанию пленного, выяснилось, что противник нас видел и полагал, что эти шесть человек — разведчики, почему нас и не тронул, а поджидал, пока подойдет большее число, чтобы потом более эффективно использовать устроенную им засаду.

Завязался бой. Уже стемнело. Бой продолжался часа два. Но вот, в нашем тылу поднялась сильная стрельба, но снаряды и пули противника перестали лететь в нашу сторону. Обстановка нам была ясна — наш головной б-н подошел и вступил в бой, чтобы прорваться к нам. Теперь противник оказался сам под огнем с двух сторон и принужден был спешно уходить в горы.

Фронт противника был прорван и мы получили возможность двинуться вперед. Чины разведывательного эскадрона, специальными аппаратами, приступили к осмотру шоссе впереди нас и обнаружили около 20 противотанковых мин. Если бы мы проехали еще 20 шагов вперед, то взлетели бы на воздух вместе с нашими легковыми автомобилями.

Б. Ткачев

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ В ДОЛИНЕ р. ИБРА: 3-5 АВГУСТА 1944.

Привожу дословно рассказ непосредственного участника этих событий, моего отца, командовавшего в то время II-м батальоном 3-го полка Русского Корпуса.

Было начало августа 1944 года. Вдоль р. Ибра шла железная дорога Краљево-Рашка-Косовска Митровица, пересекающая причудливые изгибы реки и подступающие вплотную к ней горы многочисленными мостами и туннелями. Эта ж. д. линия, хотя и не имела первостепенного значения, все же, идя параллельно ж. д. магистрали Белград-Ниш-Салоники, помогала в известной степени разгружать последнюю и, поэтому имела немалую стратегическую ценность в отношении связи юга Балканского полуострова с Европой. Большим недостатком этой линии являлась ее легкая уязвимость со стороны злоумышленников, каковыми, главным образом, являлись банды коммунистов-партизан нынешнего диктатора Югославии, «маршала» Тито-Броза, которыми кишели леса и горы Югославии.

Для охраны наиболее уязвимых объектов, каковыми являлись преимущественно мосты и туннели, по приказанию германского командования, непосредственно возле этих объектов были выстроены бункера, имевшие толстые кирпичные стены с узкими щелями-бойницами и двойными, плотно завинчивающимися стальными дверьми, а вместо крыши — железо-бетонные, зубчатые боевые площадки. В тактическом отношении значительная часть этих бункеров оставляла желать много лучшего, т. е., будучи размещены непосредственно возле объектов, стесненные с нескольких сторон горами, они были «слепыми», не имея никакого кругозора, а, следовательно, и обстрела. В то же время противник мог их обстреливать со всех сторон — и с гор, и укрываясь в складках местности по берегам реки и, даже, просто забрасывать камнями с нависших над ними скал.

3-й полк Русского Корпуса уже третий год нес службу по охране вышеупомянутой ж. д. линии Краљево-Рашка-Кос. Митровица. В описываемое время штаб вверенного мне II-го батальона находился в г. Рашке. Б-н был слабого численного состава, но весьма солидного возраста.

Участок ж. д. линии, порученный охране II-го б-на, тянулся от ст. Ушче до ст. Звечаны. Кроме того, охране б-на подлежала воздушная (подвесная, на тросах) линия от ст.

Звечаны до рудника Трепча. В общей сложности, 29 бункеров на 20-ти мостах и 7-ми туннелях, 3 караула на «воздушной» линии и 2 отдельных караула на рудниках Йорандо и Корлаче, растянутые на протяжении 85-90 км., охранялись одним б-ном, не насчитывавшим 400 чел. своего состава.

Штаб б-на и Тяжелый взвод находились в г. Рашка, а штабы рот — 5-й на ст. Звечаны, 6-ой на ст. Рудница и 7-ой на ст. Баньска. Все роты между собой и со штабом б-на были связаны телефоном. Вооружение б-на состояло из 4-х бомбометов, 6-ти тяжелых и 24 легких (ручных) пулеметов и винтовок, по числу стрелков в ротах.

Начиная с июня месяца, к нам стали поступать сведения о движении коммунистических отрядов из района Черных гор (Черногории) на горный массив Копаоник, лежавший около 15 км. к востоку от занимаемой нами долины р. Ибра, и о скоплении их на горном плато Голи, находящемся в таком же расстоянии от упомянутой долины к западу от нее. Не имея возможности проверять эти сведения, мы пользовались только лишь показаниями местных жителей, приняв на бункерах предупредительные меры усиленной бдительности и боевой готовности. Все переправы на р. Ибре были нами, по возможности, уничтожены. Для усиления мер охраны ж.д. линии, распоряжением германского командования, 5-й полк Русского Корпуса, под командой полк. Рогожина, был перебросен в долину р. Ибра, не закончив даже формирования и обучения. Здесь он образовал самостоятельную группу, принявшую наименование «маневренной». Этим перемещением охрана ж. д. пути была значительно усилена.

Части 5-го полка, прогнавши мелкие отряды партизан, заняли ближайшие к долине высоты и несли внешнюю охрану всей ж. д. линии. Части же 3-го полка, занимая всю линию бункеров, расположенных непосредственно возле «объектов», были как бы прикованы к ним и несли внутреннюю, непосредственную охрану.

Противник приближался.

2-го августа в помещение штаба б-на прибыл начальник 1-ой горной немецкой дивизии. Он сообщил нам имеющиеся

сведения о противнике и поделился своим планом действий в направлении ж. д. ст. Баньска-Нови Пазар. И действительно — 1-я горная дивизия повела наступление в указанном генералом направлении, по дорогам, ведущим на Нови Пазар, сметая встречавшиеся ей по дороге отряды пр-ка, которые оказывая легкое сопротивление и очищая дороги в долинах, занимали хребты гор и близлежащие высоты. К вечеру 3-го августа, горная дивизия, не встречая уже почти никакого сопротивления, решила, что пр-к разбит и что задача ее выполнена. В то же время германское командование получило сведения, что к западу от р. Ибра, в районе ж. д. ст. Рудница появилась большая группа пр-ка. Командование посчитало, что это и есть пр-к, разбитый 1-ой горной дивизией. Основываясь на этом, германское командование отдало приказ «маневренной группе» стянуться к северу. Во исполнение этого приказа, части «маневренной группы», находившиеся в долине, немедленно, днем, двинулись по шоссе на север. Противник же, занимая близлежащие к Ибру высоты и наблюдая происходящее в долинах и на шоссе, дал время очистить южный район и к вечеру начал спускаться с гор и накапливаться на правом берегу Ибра.

Бункер № 181 сообщил по телефону б штаб б-на:

— Вижу накопление пр-ка на правом берегу Ибра.

На доклад об этом германскому командованию последовал ответ:

— Это разбегаются разбитые горной дивизией партизаны. --- Что же происходило в долине Ибра?

К вечеру 4-го августа, 7-я рота «Маневренной группы», следуя по шоссе на север, дойдя до бункера №171 (Дрен), головой своей обогнула скалу, делавшую острый угол, и подверглась сильному обстрелу пр-ка с ближайшего расстояния, с правого берега Ибра. Молодые солдаты, не бывавшие под огнем, смешались, оторвались от головы уходящей роты и, видя находящийся поблизости бункер, устремились под его укрытие. Начальник бункера № 171, доблестный лейтенант Яблоков-Хазарьян, радостно принял столь неожиданное под-

крепление, образовал из него внешнюю оборону и в течение суток выдерживал жестокое нападение пр-ка. Последний ввел в бой орудие, снаряды которого насквозь пронизывали бункер. Зубцы верхней боевой площадки были снесены, а сам бункер наполовину разрушен. Усиленный частью 7-ой роты «Маневренной группы», гарнизон понес огромные потери. Почти все чины 7-ой роты убиты, среди них унт.-оф. Бачинский, Думбадзе и Воскресенский. Оставшиеся в живых все ранены и сам доблестный начальник бункера, лейт. Яблоков-Хазарьян, дважды раненый, с опухшей от ранения головой, до конца боя и смелы не оставил командования бункером. Задачу свою гарнизон выполнил блестяще: объект (мост) сохранен..., но какой ценой?

Почему же противник уделил такое внимание бункеру № 171? — Бункер находился на главном пути к высоте Копанник и имелась переправа через р. Ибар (нам уничтоженная).

Бункер № 181 (Слатина) первым заметил накапливание пр-ка и, подвергшись нападению, атаки отбил и объект, им охраняемый, удержал.

Бункера №№ 178-179-180 (Слатинский мост) и №№ 176-177, под общей командой доблестного лейт-та Н. В. Лабинского, охраняли два моста, находившиеся на расстоянии 2-х км. один от другого. Зрительной связи не было. Для наблюдения за несением службы на бункерах, начальник должен был лично, подвергаясь опасности быть захваченным в плен или убитым противником, обходить и контролировать эти группы бункеров. Лейт. Лабинский, не взирая на явную опасность, ежедневно, в сопровождении двух связных, самоотверженно выполнял свою обязанность и тем поддерживал твердость и спокойствие в гарнизонах бункеров. 4-го августа лейт. Лабинский, по своей инициативе, задержал на мосту, охраняемом бункерами №№ 176 и 177, проходивший поезд с чинами «Вермахта», ехавшими в Германию. Он этот поезд, имевший на вооружении орудие «Флак», обратил в настоящую крепость с большим и надежным гарнизоном, т. к. к обороне моста был привлечен весь наличный состав поезда. В результате двухдневного боя объекты были сохранены. Потери на

бункерах №№ 176 и 177 --- из 18-ти чел. 6 убиты, остальные все ранены. В поезде у немцев — 33 чел. убитых и раненых.

Страшную картину представляла группа бункеров №№ 172, 173 и 174. Трагична и судьба их гарнизонов, под общей командой лейтенанта Акима Ф. Шевченко.

Бункера №№ 172 и 173 охраняли туннель и были расположены у входа и выхода из туннеля, под нависшими над ними скалами. Гарнизоны их были: № 172 --- два человека, № 173 --- пять человек. Бункер № 174 охранял небольшой, в один пролет, мост. Гарнизон его составляли 7 человек. Бункер, так же, как и №№ 172 и 173, был расположен под возвышавшейся над ним высотой, а с фронта был затемнен высокой железнодорожной насыпью. Таким образом, бункер № 174 не имел ни обзора, ни обстрела даже близлежащей местности. Противник этим умело воспользовался, обойдя бункер с обратной стороны насыпи и, заняв высоту, нависающую над бункером, чем и заставил его гарнизон отойти к бункеру. По лежавшим у входа в бункер pistolетным гильзам можно было определить, что лейт. Шевченко, отходя в бункер последним, отстреливался из pistolета. Противник, заняв ж. д. насыпь и установив на ней и у ручья, через который был поставлен мост, пулеметы, немедленно открыл огонь по амбразурам бункера и тем окончательно ослепил его, не давая защитникам возможности открыть ответный огонь. Обстрел амбразур был настолько силен, что обратил их в большие, зияющие в стене, дыры, куда пр-к незамедлительно бросил термические снаряды, развивающие невероятно высокую температуру, не только убившую чинов гарнизона, но, в буквальном смысле, испепелившую их тела. Действие ее было так мгновенно, что все члены гарнизона пали мертвыми от удущья кучей, один на другого. Когда мы входили в бункер, пуленепроницаемая (броневая) входная дверь его не существовала --- сгорела, как и дверь, ведущая в помещение бункера. На пороге из передней в помещение лежала кучка пепла, как мне показалось, как бы от сгоревшего тряпья, на которую я стал ногой. Нога погрузилась в толстый, я думаю, четверти две толщиной, пепел. Войдя в помещение, я заметил в ле-

вом, дальнем углу продолговатую, напоминающую фигуру человека, кучу пепла. По ближайшем рассмотрении оказалось, что это, действительно, пепел сгоревшего человека, что еще подтверждалось черепной коробкой - единственной костью, сохранившей свою форму. В это же время я услышал возглас нашего батальонного врача, д-ра Тихомирова:

- Да ведь это все сгоревшие люди! Оглянувшись, я увидел доктора, наклонившегося над «кучей тряпья», на которую я наступил, входя в помещение. Там, где стояла моя нога, в самом низу, было видно несгоревшее мясо. Эта куча пепла была останками пяти человек - черепные коробки были ясно видны.

Итого, в помещении было обнаружено шесть испепеленных тел. Седьмой был найден на верхней боевой площадке, настолько обуглившимся, что опознать его не представляло возможности.

В довершение описания драмы, постигшей бункер № 174, и его гарнизон, надо добавить, что стальные рельсовые балки, образующие потолок и боевую площадку, облепленные бетоном, сильно прогнулись от высокой температуры в помещении бункера.

Если мы говорили о судьбе гарнизона бункера № 174, то на очереди стоит вопрос о бункерах №№ 172 и 173 и о судьбе их гарнизонов. Оба эти бункера оказались сгоревшими, но где же люли, неужели сдались пр-ку? Кто-то сказал, что тела их видели на берегу Ибра, кто-то сделал еще какое-то предположение и добавил, что между чинами этой группы бункеров было соглашение, в случае большого нападения, всем собраться в бункере № 174 и общими силами отбиваться. Поднявшись на полотно железной дороги, я случайно обратил внимание на рыжую собачку с бункера № 173, лежащую на ж. д. полотне, в ста шагах от меня. (На каждом бункере были свои сторожевые собаки). Собачку эту я хорошо знал, как и вообще всех собак на бункерах. Я позвал ее, она неохотно поднялась, посмотрела на меня и опять легла на то же место. Меня заинтересовало поведение собаки. Оклик ее, я подходил к ней. Она опять встала, подошла ко мне.

слегка поласкалась и, оборачиваясь головой ко мне, как бы зовя следовать за ней, сначала пошла, а потом легкой трусцой побежала к канаве, идущей вдоль полотна ж. д. и служащей для стока воды. Для защиты ж. д. полотна от снежных заносов, одна сторона канавы была густо засажена кустами желтой акации, с другой же стороны канава заросла высоким бурьяном, совершенно закрывавшим канаву. Собака привела меня к тому месту, где в канаве лежали трупы ефр. Мяслаковца, за ним ефр. Журавского, дальше обер-стр. Болтенкова и стр. Черевичина. Привязавшаяся к своим хозяевам, собака, и мертвым осталась верна. Очевидно, все они, согласно уговора, шли к бункеру № 174, пользуясь вышеупомянутой канавой, как ходом сообщения, но густой бурьян, заполнявший канаву, своим шевелением выдал шедших по канаве героев — очередь из пулемета, пущенная вдоль канавы, оказалась смертельной для них всех.

Так погибли бункера №№ 172, 173 и 174 и их гарнизоны, как и сам объект, который они охраняли... Вечная память погибшим героям — «Мертвые сраму не имут!»

Бункер № 175 (мост). Гарнизон — 9 чел. отбилса самостоятельно, потеряв трех убитыми, остальные все ранены. объект сохранен. (Среди убитых был и мой сослуживец по 136 пех. Таганрогскому полку Императорской Армии, поручик Бакалов, бывший здесь пулеметчиком).

Бункера №№ 170, 169, 168, 167 и ж. д. станция «Лешак», благодаря поддержке частями «Маневренной группы», отделались сравнительно легко. Объекты были сохранены.

Ж. д. станция «Рудница» и бункер у с. Рудница — командир 6-ой роты, доблестный об. лтн. Коженков и н-к бункера лейт. Леонтьев. По сведениям германского командования, на противоположном берегу р. Ибра была замечена большая группа пр-ка, разбитого 1-ой Горной дивизией. Впоследствии выяснилось, что это была самостоятельная группа, прибывшая из Н. Пазара и следовавшая на Копаоник. С наступлением темноты, в ночь с 4 на 5 августа, эта группа перешла вброд Ибар и обрушилась на ж. д. ст. Рудницу, село того же названия и бункер, занимаемый конным взводом

лейт. Леонтьева. Огнем резерва 6-ой роты и бункера конного взвода пр-к был остановлен. Завязался горячий бой, длившийся недолго - огромное численное превосходство пр-ка сломило сопротивление нескольких десятков наших героев. К-р 6-й роты, об. лтн. Коженков имел намерение пробиться с остатками роты и отойти на г. Рашку, к штабу б-на, но, встречая всюду сильный отпор, решил занять здание ж. д. ст. Рудницы и там отбиваться, и подал команду «занять станцию!» С винтовкой в руках, прикрывая отход своих чинов на здание станции, об. лтн. Коженков, отстреливаясь, не успел войти в здание и был захвачен пр-ком. Занявшие здание, остальные чины 6 роты, под командой хауптфельдфебеля роты Кутепова, ружейным огнем и ручными гранатами стойко отбивались от многочисленных атак пр-ка, поминутно зывая ко мне по телефону:

— Помогите!.. помогите!.. патроны на исходе..

У меня же, в штабе б-на, в распоряжении имелись: и. д. адъютанта фельдфебель (ген. шт. полковник) Федоров, три писаря, повар и три конюха, причем адъютант и все три писаря были инвалидами, к строевой службе непригодными. Какую же помощь мог я оказать?.. И, все же, несмотря на такое исключительно тяжелое положение, ж. д. станция Рудница и бункер были нами удержаны и освобождены с подходом частей 5-го полка «Маневренной группы» и немецкими частями. Потери у нас были большие, в том числе, кроме об. лтн. Коженкова, погиб лейт. Леонтьев, погребенный нами на кладбище Рашки. В дальнейшем, по показаниям жителей с. Ново Село, выяснилось, что на кладбище названного села было погребено более 150 убитых партизан. Жители также показали, что видели у партизан трех наших пленных и один из них, по описанию, был схож с об. лтн. Коженковым. Так погиб доблестный офицер.

Бункер № 184 (Серебряный мост) находился на юге занимаемого б-ном участка, в горной теснине. Гарнизон его состоял из 9 чел. Ввиду его оторванности и малочисленности, я просил к-ра полка об усилении этого гарнизона, а также и других бункеров. К-р полка выслал подкрепление бункеру

№ 184 в 8 чел. под командой лейт. Цымбала. Задача, поставленная н-ку подкрепления, была из труднейших. Эта трудность заключалась в том, что бункер № 184 был уже обложен пр-ком. Лейт. Цымбал с необычайным мужеством и редким самообладанием и умением провел свой маленький отряд сквозь расположение пр-ка, чем вдвое усилил состав гарнизона, влил в него дух бодрости и дал возможность отстоять порученный ему объект — Серебряный мост.

В результате трехдневного боя, благодаря мужеству и стойкости частей 3-го и 5-го полков Русского Корпуса, все объекты, за исключением бункера № 174, сохранены и позиции удержаны.

Солдатский долг выполнен с честью и славой.

В. Черепов

На бункерах в долине Ибара
Не сладко было жить,
Но не было другого выбора,
Чтоб Родине служить.

Кругом лишь горы да туманы,
Внизу бежит река,
В горах таятся партизаны
И Титова Че-Ка.

Всего нас было девятнадцать —
Две тысячи врагов!
Атак отбили мы семнадцать
За тридцать шесть часов,
Но дальше биться сил не стало
А подкрепленья нет!
Патронов тоже было мало,
Нас не застал рассвет...

Мы все легли у Копаоника
Там, где шумит река, —
Отметила дневная хроника
Из третьего полка.

М. Моравкин

1-ый БАТАЛЬОН 4-го ПОЛКА

Стоянка в р. Бор и уход из него

После трехмесячного пребывания на Белом Камне, в примитивных походных условиях жизни, в состоянии постоянной боевой готовности, стоянка в Бору — небольшом, но все же городе и притом с большой и очень гостеприимной русской колонией — явилась для нас и физическим и мораль-

ным отдыхом. К тому же к-р полка, в награду за перенесенные лишения, прислал нам полковой оркестр и корпусную театральную труппу «Веселый бункер». Поэтому не удивительно, что первые две недели прошли у нас очень весело и шумно.

Задачей нашего б-на была внешняя оборона города от нападения партизан, для чего одна из рот поочередно занимала опоясывавшую город линию бункеров, а остальные располагались в казармах, составляя резерв обороны, и жили нормальной жизнью, ведя регулярные занятия.

Комендантом и начальником гарнизона был оберст-лtn. Вундерлих, по происхождению балтийский немец, бывший во время 1-ой Мировой войны русским офицером. Он прекрасно относился к нам и бывал частым гостем нашего батальонного собрания.

В задачу нашего бат-на входила и разведка окружающего района.

В середине августа наш бат-н (без 2-ой роты, оставшейся на бункерах) с арт. взводом, принял участие в большой экспедиции против партизан, проводившейся под руководством немецкого коменданта г. Зайчар, оберст-лtn. Заупе.

Если проникновение титовских банд в Хомолье грозило нам неприятностями в будущем, то для четников это было вопросом жизни или смерти уже теперь. Им оставалось лишь два выбора: либо подчиниться и полностью перейти на сторону коммунистов, либо договориться с ближайшими немецкими начальниками о совместной борьбе с общим врагом. В нашем районе командир одного из отрядов пор. Петрович, обратился к подполк. Голубеву помочь им войти в контакт с немецким комендантом Бора. В результате переговоров, состоялось свидание. Было решено, что четники будут сообщать нам о появлении и передвижении партизан.

Дней через десять после заключения договора, четники дали знать, что их силы в горах южнее Валаконье ведут бой с превосходящими их силами партизан, и просили помочь им патронами. 2-я рота, во главе с лtn. Рышковым, была, с дополнительным запасом патронов, выслана на помощь четникам. Рота присоединилась к отряду четников уже в темноте

на оборонительном рубеже, на который они только что отошли под давлением пр-ка и заняла участок на правом фланге. С рассветом партизаны продолжили наступление по всему фронту, используя свое численное превосходство, охватили оба фланга. Увидя выходящих из кукурузы партизан в 100 м. за своим флангом, лтн. Рышков бросился с ротой на них в штыки. Ошеломленные внезапным появлением регулярной части, партизаны обратились в бегство, которое передалось и на другие участки. Четники перешли в контратаку и преследовали пр-ка на протяжении нескольких километров.

Около 1-го сентября партизаны осадили большой лагерь в Жагубице. На помощь, для прикрытия эвакуации, был перебросен взвод от одной из наших рот. Выполнив задачу и, отходя последним к ожидавшим машинам, взвод не досчитался одного стрелка, повидимому оторвавшегося от своих в темноте. На следующий день 4-го сент., в направлении на Жагубицу была выслана 3-я рота (об. лтн. Ротин) на грузовиках, усиленная двумя орудиями «Флак», также на грузовиках, с задачей определить, насколько прочно занята пр-ком Жагубица и выяснить судьбу пропавшего стрелка. В это время партизаны, захватившие в Жагубице несколько грузовиков, решили произвести налет на лагерь вдоль дороги на Бор. Оба отряда неожиданно вылетели из-за поворота один на другого, и резко затормозив, остановились у противоположных обочин шоссе, поравнявшись головными машинами. Наши очнулись первыми и, прыгнув с машин, бросились с ручными гранатами на штурм грузовиков пр-ка, а орудие «Флак», приняв в сторону, выпустило очередь в головную машину партизан. После короткой рукопашной схватки, около тридцати еще уцелевших партизан подняли руки и сдались. Кроме пленных, трофеями были 3 исправных грузовика, несколько пулеметов, около 50 винтовок и большое количество подрывных зарядов динамита. Наши потери — лишь три легко раненых. За это лихое дело к-р головной машины лтн. Шемчук, первым бросившийся на штурм, был представлен к Железному Кресту.

Но общее положение с каждым днем становилось напряженнее. Партизаны повсюду перешли к активным действиям и, в частности, в нашем районе их банды окружили Зайчар, комендант которого, опасаясь за находившихся там раненых моряков, обратился за помощью к нашему коменданту. На совещании у оберст-лтн. Вундерлиха было решено послать нашу 3-ю роту (на грузовиках) и от немецкого б-на взвод орудий «Флак» и взвод танков. Кроме того, было договорено с четниками, что их отряд (около 1000 чел.) присоединится к нам у ст. Метовница, для совместного наступления на Зайчар. Ввиду того, что к-р 3-й роты об. лтн. Ротин заболел, я вызвался заменить его.

На рассвете 7-го сент. мы прибыли в Метовницу, но четников там не было. Ввиду тяжелого общего положения немцев, они заколебались и решили уклониться от совместных действий. Обер-лейтенант, командовавший немецкими взводами, хотел повернуть назад, но я настоял на продолжении движения в Зайчар. Прорвавшись в город и прибыв к зданию комендатуры на центральной площади, мы были встречены овациями раненых моряков, находившихся в окружающих площадь зданиях. Их положение было критическим. Большая часть города была уже в руках партизан. Гарнизон удерживались лишь три изолированных узла сопротивления. Кроме района комендатуры в центре, одна полицейская рота обороняла вокзал и интендантский склад у сев. окраины, и на ю. окраине в своих казармах держался сербский добровольческий бат-н льютичевцев. Перейдя в наступление, при поддержке двух танков, рота очистила весь с. в. сектор города, установив связь с немецкой ротой в районе вокзала и оттеснив партизан за р. Тимок. Несмотря на улучшение положения, оберст-лтн. Заупе, опасаясь за судьбу 700 раненых, решил отказаться от дальнейшей обороны города и, погрузив раненых на машины, отступить в Бор. Нам было приказано удерживать занятую позицию 3-4 часа, пока он не примет всех нужных для эвакуации мер, и не придет приказа об отходе, после чего отходить к с. з. выходу из города, где он будет нас ждать.

Но он ушел, не известив нас и мы, обнаружив исчезновение немецкой роты с вокзала и появление партизан у нас в тылу, подошли к выходу из города через полтора часа после ухода главных сил. Окрестные высоты были заняты партизанами. Около двух км. мы пробивались под их огнем, сбивая преграждавшие нам путь заслоны. Появившиеся раненые замедляли движение. Впереди, у с. Звездан, партизаны атаковали хвост колонны и захватили мост. Было видно, как немецкая рота, не успевшая проскочить, повернула и стала отходить, подымаясь на хребет вправо от нас. Мы повернули туда же. Лишь ночью, пройдя между постами пр-ка, мы вышли из окружения и на рассвете пришли в Бор. За день 7-го сент. 3-я рота потеряла 25 человек. Через два дня Зайчар был освобожден подошедшим с юга авангардом дивизии СС «Евгения Савойского».

Через несколько дней к нам прибыл из Алексинца к-р полка, с небольшим конвоем на двух грузовиках, привезя назначенных в бат-н свежепроизведенных лейтенантов Дмитревского, Климчука и Шорникова.

В эти дни готовилась отправка в Белград большого транспорта. В прикрытие транспорта была дана наша 3-я рота. Затребовав несколько лишних машин, мы предложили русской колонии эвакуировать в Белград всех желающих женщин, детей и стариков. «Русский Бор» опустел.

В 20-х числах наш бат-н неожиданно был брошен на север в район в. «Црни Врх», где партизаны напали и сожгли лагерь орг. «Тодт». Здесь к нам присоединилась вернувшаяся из Белграда 3-я рота, привезшая полученные бат-ном первые жел. кресты представленным за бой у Нишевац 1-ой роты об. лти. Сукку и стр. Панасиенко.

Спешно вызванные назад в Бор, мы узнали, что сов. части двигаются от Неготина на Зайчар.

Мы стали готовиться к обороне города, приступив к рытью окопов на ю. в. подступах к нему и к устройству противотанковых минных заграждений.

На рассвете 4-го октября все к-ры частей были вызваны к ген. Фишеру, который сообщил только что полученный по

радио приказ. Ввиду выяснившейся невозможности прибытия к намеченному сроку ожидавшихся частей, начальникам местных гарнизонов предписывалось отходить в долину р. Моравы, и предоставлялось право самим выбрать путь отхода. На последовавшем совещании было решено отходить на Болевац, Криви Вир, Парачин, но вместо предложенной полк. Голубевым дороги через Злот и Подгорац, была выбрана более удобная, но близкая к пр-ку, дорога через Метовницу. Дождавшись подхода немецкого бат-на и взорвав свои бункера, мы часов в 12 заняли свое место в хвосте колонны.

Дойдя до Метовницы, колонна остановилась, т. к. выяснилось, что пр-к взорвал впереди мост через Тимок. Пришлось повернуть назад и, уже в сумерках, пройдя в 6 км. мимо занятого красными Бора, выйти на предложенную прежде дорогу на Злот.

На следующий день вся небоевая часть колонны, под начальством оберст-лtn. Вундерлиха, под прикрытием танков и броневиков, двинулась дальше, а мы остались, чтобы задерживать продвижение красных. Немецкий бат-н остался в Злоте, а штаб ген. Фишера и наш бат-н перешли в Подгорац. 2-я и 3-я роты выставили охранение по высотам зап. и вост. местечка, а 1-я рота была выдвинута вперед к руд. Богвина для обеспечения моста через Тимок.

Около 4-х часов дня 6 окт. советская часть, скрытно проведенная хорошо знавшими местность партизанами со стороны Метовницы, повела наступление на 3-ю роту и, отбросив ее на обращенный к нам скат, овладела гребнем.

Взвод 2-ой роты лtn. Измайлова был направлен на усиление 3-ей роты, а последней приказано немедленной контратакой снова занять гребень. Составив сборное отделение из свободных от наряда телефонистов, ординарцев и пр. чинов штаба бат-на, я пошел туда же, чтобы ускорить атаку.

Подползши на 20 шагов к засевшим на гребне автоматчикам, мы с громким «ура» бросились в штыки. Не приняв удара, советчики показали тыл. Правее также раздалось «ура» --- это перешел в атаку взвод лtn. Измайлова, посланный в

обход фланга. Повернув отделение и ближайший взвод пол оборота влево, я скатился в балку и на плечах отходивших, оказался на следующем гребне, откуда пр-к еще продолжал вести огонь. В этот момент откуда-то сбоку я получил пулю в грудь. Позже, уже на перевязочном пункте, я узнал, что красные были отбиты повсюду и 3-я рота преследовала их около 1 км. и захватила станковый пулемет.

На следующий ген. Фишер приказал обоим бат-нам начать отход.

2-я рота имела упорный бой у руд. Боговина, а 1-я — у м. Валаконье с пр-ком, пытавшимся преградить им путь.

8 октября 1-я рота выдержала тяжелый бой с советскими частями, стремившимися занять Болевац, чтобы отрезать последнюю дорогу, оставшуюся для отхода всей нашей группы. В неравном бою рота потеряла треть своего состава, но удержала позицию, дав возможность остальным ротам и немецкому бат-ну выйти из готовившегося им окружения. К 10-му окт., пройдя ущелье, батальон занял позиции у с. Мутница, у зап. выхода из ущелья. За переход из Бора в долину р. Моравы бат-н потерял 95 чинов или около $\frac{1}{4}$ своего состава.

В. Гранитов

БОИ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ВЗВОДА 3-го ПОЛКА

Бункера №№ 159 и 160, расположенные в долине р. Ибар, занимались артиллерийским взводом 3-го полка, имевшим в своем составе 2 орудия и 39 человек. В описываемый момент взвод входил в участок 1-го б-на 5-го полка. Ввиду того, что согласно поступающим тревожным сведениям, красные собирались перейти р. Ибар в районе расположения наших бункеров, участок, лежащий впереди бункеров был занят двумя ротами 5-го полка: 1-я рота южнее Йошаничке реки, а 2-я рота — севернее ее. На этом же участке находился также отряд сербских четников воеводы Васковича. Начальником всего боевого участка был командир 1-го бат-на 5-го

полка полк. Галушкин.

Согласно выработанному четниками и нами соглашению, позиции были заняты следующим образом: высота 451 двумя взводами 1-ой роты, причем второй взвод упирался левым флангом в Йошаничку реку. В промежутке между этими взводами стала рота четников. К северу от Йошаничке реки позицию заняла 2-я рота, южнее которой расположилась другая рота четников. Штабы 1-го батальона и четников находились в с. Биляновац.

Днем 7 сентября 1944 г. местные жители сообщили, что спустившиеся с Копаоника крупные коммунистические части заняли с. Йошаничку Баню. Это сообщение было вскоре подтверждено нашей разведкой. Стало также известно, что передовые части красных заняли селение Жераде, в котором производят реквизицию скота. Из разговоров, ведшихся между населением и пришедшими коммунистами, выяснилось, что эти последние предполагают перейти Йошаничку реку у с. Прибой, напасть на наши части, сбить их и переправиться на западный берег Ибра.

В связи со складывающейся обстановкой, всем было приказано быть в полной боевой готовности. Около 21 часа было получено донесение об обстреле нашей разведки с высоты 954 (Буков Колац), из чего можно было заключить, что переправа через реку уже произошла и что противник движется по намеченному им маршруту: Йошаничка Баня, Прибой, Буков Колац, Куричи, Писканя, Болевац.

Вызванный по тревоге артиллерийский взвод занял свои места и навел орудия: одно на Буков Колац, а другое на перевал у высоты 810. Однако, согласно распоряжению начальника отряда, до выяснения обстановки взвод огня не открывал.

Малочисленность взвода позволила мне оставить на бункерах только по одному пулеметчику с одним номером из числа больных. Несколько позже, на каждый из бункеров было прислано, по моей просьбе, еще по 3 человека от 2-ой роты 5-го полка.

Около 20 часов командир 1-ой роты донес, что занимавшие между его взводами позицию, четники воеводы Васко-

вича внезапно исчезли вместе со штабом и воеводой и что ему пришлось заполнить образовавшуюся пустоту своими людьми.

В это же время, на другой стороне реки в с. Биляновац, месте нахождения штабов, шла невероятно спешная погрузка четников на грузовики, которые, прихватив с собой кое-кого из жителей, быстро выехали из села, не посчитав даже нужным предупредить начальника боевого участка о том, что они оголяют фронт. Все это красноречиво говорило о том, что в течение ночи коммунисты произведут сильное нападение на наш участок. Открытым оставался только вопрос: с какой стороны будет произведено нападение?

В 22 часа 15 минут, со стороны высоты 451, занимавшейся взводом 1-ой роты, раздалась стрельба из автоматов, пулеметов и минометов. Взвод моментально открыл огонь по подступам к высоте 451 и по дороге движения главных сил красных. Начался бой, который, согласно уже позже полученным сведениям о движении красных, протекал следующим образом:

Боевой отряд партизан, двигаясь по шоссе вдоль реки до уровня села Медари, переправился здесь у мельницы через Йошаничку реку, после чего, разделившись на три колонны, двинулся на участок 1-ой роты. Нападение на высоту 451 было начато южной колонной коммунистов, которая завязала бой с расположенным здесь взводом, напав на высоту с юга. Уже во время боя средняя колонна противника, пользуясь складками сильно пересеченной местности, прошла через участок, брошенный четниками воеводы Васковича и занятый позже слабыми частями 1-ой роты и напала на роту с тыла. Третья же колонна прошла вдоль берега реки, укрываясь садами и огородами.

Около 23 часов 1-й взвод 1-й роты оставил высоту 451 и отошел на наш бункер № 160, где и был размещен на верхней площадке. 2-й взвод роты, который после отхода 1-го обстреливался со всех сторон, перешел вброд реку и занял позицию по гребню берега, упершись своим правым флангом в наше проволочное ограждение.

Овладев высотой 451, красные установили на ней бомбомет, из которого открыли огонь по орудиям и по тылам.

По сведениям отходящих частей 1-ой роты, красные, овладев ее участком, занялись грабежом штаба роты и хозяйственной части. Расчитывая на скопление коммунистов в этом районе, я открыл по лагерю 1-ой роты беглый огонь из обоих орудий. После окончания боя выяснилось, что этот огонь был настолько удачен, что красные буквально бежали из занимаемых ротой помещений, успев захватить с собой только чемодан с личными вещами к-ра роты и некоторое имущество писарей. Склад со столь ценными для коммунистов продуктами питания, остался совершенно нетронутым.

Пользуясь участком 1-ой роты, красные установили на ближайших к бункерам подступах ряд пулеметов и с дистанции от 100 до 400 метров, открыли огонь по деревне Биляновца, орудиям и бункерам. Отсутствие резервов ставило всю систему нашей обороны в критическое положение и артиллерийскому взводу, волей-неволей, пришлось всю тяжесть боя взять на свои плечи. Находясь все время под огнем автоматов и пулеметов, взвод открыл беглый огонь по ближайшим огненным точкам противника и быстро заставил замолчать два тяжелых пулемета и группу автоматчиков, засевших в домике всего в 100 метрах от бункера № 160.

Такой оборот дела пришлось красным не по вкусу и они стали отходить. В этот же момент с бункера 159 был открыт жестокий огонь по окружающей его со стороны Йошаничка река проволоке и мне доложили, что коммунисты, прикрываясь ночью и местностью, прокрались по руслу реки, переходящему в узкую лощину, к самому расположению бункера и достигли защищавшего его проволочного заграждения. Становилось ясным значение обстрела, которому мы подвергались со стороны высоты 451, являвшимся лишь демонстрацией противника с целью прикрытия его третьей колонны, пробирающейся руслом реки, задачей которой являлся штурм бункеров и орудий. К счастью, этот подход был вовремя замечен.

Учитывая, что высокие берега Йошаничковой реки пред-

ставляют собой скалистый коридор, переполненный в нашем районе ползущими коммунистами, я перенес огонь обеих орудий в лощину, стреляя прямо в скалистые берега. Трудно выразить словами то «светопредставление», которое началось в этот момент для тех, кто находился в лощине. Сила грохота разрывов десятирилась в этой каменной западне, люди поражались не только осколками снарядов, но в еще большей мере бесчисленными осколками камней, что дополнялось огнем с бункера.

Второй взвод 1-ой роты, перешедший, как известно, на правый берег реки, увидел, как на берег выскакивали люди и спасались бегством из того ада, в который они неожиданно попали. Не теряя времени, 2-ой взвод открыл по ним ружейный и пулеметный огонь. Получив донесение о бегстве красных из лощины, я стал преследовать огнем бегущего противника вплоть до деревни Писканя и дальше, обстреливая его главные силы.

Враг был отбит, но теперь перед нами вставала вторая задача: помешать противнику перейти через Ибар. Для выполнения этой задачи, еще во время нашего боя, по распоряжению к-ра полка полк. Рогожина, со станции Воеводе Степе вышел болгарский бронепоезд с посаженной на него 3-ей ротой бат-на. Бронепоезд, дойдя до села Корлача, после которого следовал крутой огиб горы, скрывавшей до сих пор его от огня красных, остановился и дальше двигаться отказался. Видя, что уговаривать болгар бесполезно, к-р роты снял роту с бронепоезда и вывел ее за поворот, где она тотчас же попала под сильный огонь выставленного коммунистами заслона, который, без помощи бронепоезда, не мог быть ею преодолен. Рота залегла и завязала с красными огневой бой, который не мог помешать им переправиться на другой берег Ибра. Переправа закончилась много раньше, чем наступил рассвет.

Рано утром, высланный мной конный разъезд объехал все места боя и выяснил, что противник понес очень крупные потери от огня орудий взвода. Своих убитых коммунисты везли на вьюках, для чего у местных жителей реквизировали

лошадей. По всему пути их следования до самой переправы валялся во множестве окровавленный перевязочный материал, причем в нескольких местах нашли зарытые целые кипы окровавленных тряпок, и, наконец, в разных местах, вблизи дороги, были найдены наспех прикопанные 17 трупов коммунистов, чего красные обыкновенно не делали, тщательно скрывая следы своих потерь. На переправе был найден брошенный противником сундук канцелярии 1-ой роты, который и был возвращен по принадлежности.

Потери во взводе ограничились тремя ранеными, которые остались в строю и несколько легко контуженных разрывами бомбометных гранат.

От к-ра 5-го полка полк. Рогожина, бывшего в то время начальником боевой группы «Ибар», мною была получена благодарность за выдающуюся боевую работу артиллерийского взвода.

Н. Мурзин

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О 2-м ПОЛКУ

В последних числах сентября 1944 г. роты 2-го полка, расположенные в придунайских селах Добра и Брница и гор. Голубац, оказались отрезанными с суши, т. к. вся территория вглубь от Дуная была во власти красных партизан.

3-го октября роты, в порядке постепенности снизу по течению Добра-Брница-Голубац, были погружены на пароходы.

В Белград 10-я и 11-я роты прибыли 4-го утром.

Все русские, не желавшие покорно склонить свою голову перед красной пятиконечной звездой, уже выехали, в большинстве воспользовавшись эшелонами Русского Корпуса, широко предоставленными для эвакуации не только семейств чинов Корпуса, но и других гражданских лиц. Остались лишь больные и люди с гибкой совестью и шеей. Друзей среди последних не было.

Роты были размещены в здании основной школы на Святославской улице, где провели лишь одну ночь. На другой день перешли на Баницу.

В ночь с 7 на 8 октября 10 и 11 роты 2-го полка и транспортная (полк. Зельтман) погрузились на ст. Топчидер в эшелон для следования в район Краљево-Чачак. С эшелоном ехали случайно и два каких-то германских молодых офицера железнодорожных войск.

Рано утром 8 окт. эшелон отошел от станции.

Солнце уже склонилось к западу, когда эшелон тихо, без свистков подошел к ст. Марковац. Из села, прилежавшего непосредственно к станции, слышалась беспорядочная стрельба и доносились крики «ура». Начальник эшелона, полковник Мамонтов немедленно занял позиции для обороны станции. Одновременно выслал в село разведку с задачей выяснить происходящее. Люди выскочили из вагонов лишь в шинелях и шлемах, захватив предельное количество патронов. Все были уверены в скором возвращении в вагоны для дальнейшего следования. Увы! Никому не было суждено видеть ни своих рюкзаков, ни вещей.

Между тем, высланная разведка, приближаясь к центру села, была встречена сильным пулеметным и ружейным огнем. Через трескотню выстрелов издали доносился характерный, зловеющий скрежет танковых гусениц.

Батальону грозила опасность быть раздавленным танками и уничтоженным. Было совершенно логичным снова быстро погрузиться в свои вагоны и продолжать путь. Но, к удивлению всех, эшелона на станции уже не было.

Случайным пассажирам, двум немецким лейтенантам, суждено было изменить судьбу сотен людей. Видя критическое положение, эти два офицера, без ведома начальника эшелона, силой заставили машиниста вести поезд в направлении Лапово-Крагуевац.

К-р б-на быстро свернул, в уже наступившей темноте, роты и повел на ст. В. Плана, куда и прибыл глубокой ночью 9-го октября.

Роты, выбросив вперед охранение, заняли заранее вырытые окопы. С этого дня наши роты вошли в подчинение герм. полковника. Приблизительно час, к 8 вечера было получено приказание оставить позиции и начать отход на Смед-

ревскую Паланку-Младеновац. Роты свернулись и вместе с противотанковой артиллерией благополучно пришли в Паланку, где и заночевали.

Рано утром следующего дня начали движение на Младеновац, получив задачу прикрытия отходившей артиллерии.

По выходе из города, роты были выброшены вправо и влево и шли параллельно, не давая возможности красным приблизиться к дороге. Последние, двигаясь тоже параллельно, все время тревожили ружейным и пулеметным огнем.

После полдня стал накрапывать дождь, перешедший в ливень. Недостроенная дорога превратилась в глинистое месиво. Гусеницы тракторов, тянущих орудия, тонули в грязи, моторы перегревались. Людям рот часто приходилось приходить на помощь артиллеристам и руками вытягивать застрявшие в грязи орудия. Огонь партизан в таких случаях усиливался.

Поздно ночью, после непрерывного восемнадцати часового марша по невылазной грязи, батальон прибыл в Младеновац. Люди находились в состоянии крайнего физического утомления.

Все помещения в городе были уже заняты прибывшими ранее немецкими частями и нам можно было воспользоваться лишь кафаной при самом входе в город.

Наступило серое утро 11 октября. С утра роты получили участок обороны с западной стороны города, вдоль станционных путей. Красные с утра начали обстрел города пулеметным и минометным огнем. К вечеру город оказался окруженным красными со всех сторон. Оставался свободным лишь выход в сторону Белграда. Здесь красному кольцу не позволяли сомкнуться несколько тяжелых танков «Тигров». Такое положение продолжалось почти два дня.

После обеда 12 окт. 10-я рота полк. (об. лтн.) Якубовского и 11 рота полк. (хауптм.) Бочевского получили приказание занять позиции вдоль грунтовой дороги, проходившей по возвышенности около 1 км. на восток от города. Командующему б-ном полк. Мамонтову было приказано находиться при штабе командующего группой. При полк. Мамонтове

оставались полк. Пио-Ульский и связные.

Приблизительно часам к 3-м дня роты заняли назначенные им позиции. Справа и слева непосредственно примыкали позиции, занятые немецкими частями.

День кончался и переходил в вечер. Красные вели интенсивный минометный огонь. Стучали пулеметные очереди. Не прекращавшийся все время огневой бой на южном и западном участках обороны постепенно затихал и через некоторое время совершенно прекратился. Обеспокоенный прекращением боя на других участках, к-щий 10-ой ротой полк. Якубовский отправил к к-шему б-ном полк. (лейт.) Бялковского для выяснения общей обстановки. Вернувшись через час напряженного ожидания, полк. Бялковский доложил, что в городе никого нет, что штаб к-шего группой ушел, захватив с собой и к-шего нашим б-ном.

В это же самое время, находившийся на левом фланге роты, полк. (облгн.) Сакварелидзе, доложил, что окопы, занимавшиеся немцами левее нас, пусты и немцы, не предупредив нас, ушли.

Всё это полк. Якубовский сейчас же сообщил полк. Бочевскому. Последний отправился на правый фланг своей роты, условившись, что если немцы — его соседи, ушли, то даст об этом знать белой ракетой. По этому сигналу было решено обеим ротам сниматься с позиций и через город отходить в направлении белградского шоссе.

Несмотря на то, что все были готовы к этому, все же появление ракеты было неожиданным. Полк. Якубовский немедленно начал снимать людей своей роты с позиции. Перед самым выходом на белградское шоссе, неожиданно луч рефлектора прорезал мглу и ослепил ярким светом идущих. Прозвучало короткое немецкое:

—Халт! Стой! Стреляю!

В темноте обрисовались силуэты «Тигров». Пришлось убеждать изумленного нашим появлением командира танков, что мы — роты Русского Корпуса и идем с позиций.

— Все быстро прыгайте на танки! Я немедленно двигаюсь! — раздалось его слова. В миг танки были облеплены

взобравшимися на них людьми..

Пройдя километров 10-12, «Тигры» нагнали хвост автомобильной колонны с отходившими частями. В это же время из люка танка слышно было, как радио, повторяя несколько раз, прохрипело:

-- Слышен грохот идущих сзади советских танков. Русские танки сзади.

— Вон с танков — прозвучало категорическое приказание к-ра танковой части.

Люди, спрыгнув с танков, устремились вперед, чтобы вскочить в какую-нибудь из находящихся впереди машин или, хотя бы, какнибудь за нее уцепиться.

Около Авалы немцы пытались организовать оборону и подходившие части задерживались и направлялись на позиции.

К полудню 13 октября весь бат-н, по частям, собрался на уже покинутой и пустынной Банице. Последний раз Баница увидела своих питомцев, последний раз прозвучали слова русских команд...

В одной из комнат взор остановился на висевшем в углу образе Божией Матери, забытом кем-то. В кротком взоре Богоматери как бы чудился укор: «Забыли меня в суете сует» и казалось таким странным присутствие этого образа в окружающем хаосе. Мелькнула мысль: «Нельзя оставить на поругание. Нужно взять!» С невольным упреком оставившему, снял и спрятал в грудном кармане.

Перед вечером 13 октября, роты, перейдя мост через Саву, покинули агонизирующий Белград. Снаряды красной артиллерии, бившей с Банатской стороны, поднимая столбы пыли, рвались в районе вокзала. Обреченный Белград умирал.

А. Полянский

III БАТАЛЬОН 3-го ПОЛКА

16 августа 1944 г. III батальон 3-го полка, под командой ген. Петровского, погрузился на ст. Ушче в ж. д. эшелон и ушел на Лапово.

23 августа, командир полка, ген. Гонтарев, приказал мне приготовиться в дорогу везти секретный пакет ген. Петровскому и почту для б-на. Давая мне инструкции, ген. Гонтарев предполагал, что III-й б-н в Неготине, или в том районе, но приказал справиться о б-не в Нише.

24 августа я сел в скорый поезд Афины-Белград. В Лавово пересел на скорый Белград-София и 25-го прибыл в Ниш, где мне дали направление на Зайчар. Я сел в поезд Ниш-Зайчар. Доехав до Княжевца, вышел на перрон и увидел ротм. Думбадзе и кор. Карпинского. Увидя меня, они догадались, что я еду к ним и сказали, что стоят в Княжевце. Забрав вещевого мешок с почтой, мы пошли в школу, где квартировал б-н. Я немедленно явился ген. Петровскому и передал пакет.

26-го августа ген. Петровский сказал мне:

— Пока мы подготовим донесение в штаб полка, отдохните пару дней и 29-го поедете в Кос. Митровицу. — В б-не было много моих однополчан и сослуживцев по 6-му эскадрону 1-го полка и я довольно весело проводил время, оставившись у ротм. Думбадзе.

В ночь с 28 на 29 авг. ротм. Думбадзе сказал, что б-н по тревоге поднимается и на рассвете погрузится в эшелон и пойдет на Зайчар. Положение очень серьезное, т. к. Болгария капитулировала и болгарские команды бункеров, охранявшие мосты и туннели Ниш-Княжевац, оставили бункера, а партизаны заняли их, спустившись с гор, взорвали несколько мостов и отрезали нас от Ниша.

На ст. Зайчар нас встретил адъютант фельдкоменданта и передал пакет с приказанием вскрыть его в Неготине. Не доезжая Неготины, на одной малой станции, эшелон остановился, ген. Петровского вызвали на телеграф и передали приказание следовать в Прахово, немедленно выгрузиться и занять сторожевое охранение по берегу Дуная. Прибыв в Прахово, б-н немедленно выгрузился и поставил посты по Дунаю, а 30-го стали по квартирам в селе. Ген. Петровский вызвал меня и сказал, что мы отрезаны от Ниша и я не могу вернуться в полк, а т. к. я знаю немецкий язык, он назначает

меня хауптфельдфебелем б-на.

Нас начали беспокоить партизаны из Душановца, и 5-го сентября ген. Петровский приказал кап. Гребенщикову обстрелять Душановац бомбометным огнем, а 7-го сентября, возле этого села имела стычку с партизанами 11-я рота. 8-го сент. немцы начали топить пароходы и из команд сформировали несколько б-нов пехоты. 9-го сентября в Прахово пришел из Брзо-Паланки моторизованный полк Бранденбургской дивизии и привез приказ о нашем подчинении нач-ку этой дивизии.

12 сентября мы погрузились в десантные барки для отправления в Кладово. В первую барку погрузились: 10-я рота, Тяжелый взвод и штаб б-на и барка, под охраной монитора, тронулась в путь и вскоре вышла на открытый Дунай. Нас сейчас же начала обстреливать артиллерия с румынского берега. Немецкие моряки отбивались молодецки и заставили замолчать неприятеля, но результаты обстрела для нас были плачевны: 31 убитый, 29 раненых и перебиты все лошади Тяжелого взвода. Прибыв в Брзо-Паланку, начали выгружать раненых и убитых. Ген. Петровский и я пошли в штаб Бранденбургской дивизии. Нач-к дивизии приказал выгрузиться и стать по квартирам и сказал, что он дал приказ 9-ой и 11-ой ротам с обозом двигаться походом и только ночью, т. к. шоссе шло параллельно Дунаю и было под обстрелом.

13-го сентября погрузились в грузовики и тронулись на Кладушницу: по прибытии в которую сменили роту Бранденбургской дивизии и поставили посты по берегу Дуная.

16-го сентября прибыли 9 и 11 роты с обозом и привели лошадей для Тяжелого взвода.

19-го сентября пр-к открыл сильный артиллерийский огонь по селу. Получив приказание по радио, мы отошли на 2 км. и стали биваком в одном лесу, где получили по радио приказ о подчинении 1-ой Альпийской горной дивизии, т. к. Бранденбургская ушла.

Ввиду переправы пр-ка через Дунай между Кладово и Брзо-Паланкой, бат-н, 21-го сентября, по приказу, начал от-

ходить на Брзу-Паланку кружным путем и, пройдя ее, свернул от Дуная и пошел на с. Слатино, куда прибыл рано утром 22-го сентября и стал по квартирам на отдых после бешеного марша.

23-го сентября мы получили приказ поддержать бомбометным огнем немцев, находившихся на позиции. Бомбометы открыли огонь, но немцы не выдержали и начали отходить. Ген. Петровский послал им на поддержку 9 и 11 роты, а обоз отправил в Ябуковац.

23-го сентября 1944 г. в 13 час., III-й б-н 3-го полка вступил в первый бой с регулярной советской армией. Противника наши роты задержали, но вечером, по приказу из 1-ой горной дивизии, отошли на Ябуковац, где простояли на позиции до 12 час. 25 сентября. К вечеру начали отход на с. Мала Каменица и получили приказ занять это село.

27-го сентября, на рассвете, окружив это село, мы, совместно с герм. б-ном, ворвались и почти без потерь заняли М. Каменицу и взяли 2960 пленных, моторизованную артиллерию, 60 грузовиков, 8 батарей кон. тяги, бомбометы, пулеметы, колоссальный обоз и двух генералов. Случилось это потому, что сербы встретили «братушек» с хлебом-солью и устроили им богатое угощение. Все, от генералов до последнего солдата перепились, и не выставили охранения. У нас был убит к-р 1-го взвода 9-ой роты корнет В. Карпинский.

30-го сентября было получено приказание отходить на Ябуковац, куда к 15 час. б-н и прибыл и 1 октября занял позиции на Слатино, а 2-го, в бою, был убит к-р 9-ой роты ротм. Думбадзе, а весь б-н потерял 116 убитыми и ранеными. 3-го октября мы оставили Ябуковац и двинулись на с. Ежевац, куда и прибыли к 12 час. 4-го октября. Вечером тронулись по шоссе на Майдан-Пек и 7-го окт. подошли к с. Рудна Глава. Оно было занято партизанами, которых мы выбили и, отдохнув здесь, тронулись дальше. 8-го окт. пришли в Майдан Пек. 10-го окт. немцы начали выступать, а мы были назначены в арьергард и, пройдя всю ночь, на рассвете 11-го октября прибыли в Кучево, где соединились с 1-м б-ном 2-го полка. В 12 час. бат-н тронулся на Пожаревац и, пройдя

К-р д., брига. м пом.
к-ра группы
Ген.-м. И.К. Кириченко

Командир бригады
Ген.-лт. генерал-майор
Д.П. Траценко

К-р 4 п.п. Зап.б-на
Ген.-м. (оберст.-лтн.)
А.Н. Черепов

Ком-щий 1-м полком
Ген.-м. (оберст.-лтн.)
В.И. Морозов

Б.командир 3 полка
Полковник (оберст)
Д.В. Шатилов

Ком-щий 4-м полком
Полковник (майор)
А.А. Эйхгольц

Ком-щий 5-м полком
Подполковник (майор)
И.Н. Попов-Кокouлин

Пленные красноармейцы, составившие две особых роты.

Солдаты союзной болгарской армии

его ночью, в 5 час. 12-го октября прибыл в с Осипаоница. При проходе Пожаревца был легко ранен к-р 10 роты кап. Самылов.

В Осипаонице простояли до 23 час. 13 октября и тронулись на Смедерево. 14-го октября 9-я и Тяжелая роты заняли выход на шоссе Смедерево-Белград, а б-н полк. Калинина, 10 и 11 роты заняли вершину виноградного бугра, идущего параллельно шоссе и Дунаю. В 20 час. тронулись на Гроцку. Во время движения, лошадь бат. адъютанта, лтн. Константинова упала и он попал под проходивший грузовик со снарядами и ему раздробило обе ноги. 15-го октября б-н прибыл в Гроцку. 17 окт., с утра, немцы стали выступать на Белград. Вскоре пр-к открыл арт. огонь с Банатского берега. У нас появились убитые и раненые. Ген. Петровский и я пошли в штаб 1 горной дивизии, где получили приказ --- в 23 часа тронуться на Белград.

К 4 час. 18-го октября, пройдя Рипань, б-н подошел к Мокрому Лугу. Здесь было тихо, но картина была печальная -- на шоссе и возле него валялись сгоревшие остатки санитарных автомобилей, грузовиков, танков, танкеток, орудий, подвод, автомобилей, кухонь — в общем — вся материальная часть трех немецких дивизий. Ген. Петровский и я двигались верхами с двумя вестовыми. Подъехав к одному хутору, мы увидели подводу нашего б-на, на которой лежали убитые нач-к обоза полк. Луговой, вет. врач Архипов и еще два человека. Когда мы рассматривали подводу, по нашей группе партизаны открыли огонь из автоматов и все наши четыре лошади были убиты. Ген. Петровский вылез из под убитого коня и побежал нагонять ушедший б-н, приказав мне перевязать его раненого вестового Худенко. Это было на рассвете 18 октября, когда я последний раз видел ген. Петровского. Приказав мне остаться с Худенко, генерал спас мою жизнь. Двигаясь дальше, мне удалось взять у одного калмыка коня, на котором Худенко поскакал догонять б-н, обещая прислать за мной людей, а мы с калмыком пошли дальше.

Подойдя к полотну ж. д. Топчидер-М. Крсна, мы перешли его и взяли направление на гору Авала. Пройдя с час, уви-

дели хуторок, на котором нашли фельдфебеля 11-й роты, кап. Муромцева и 10 солдат из обоза. Муромцев завернул за угол скирды и сказал мне:

- - Смотри! — и я увидел впереди большое поле, чуть вправо гору Авала. По ровному полю бежали и шли немцы. Над ними низко летали истребители, стреляя из пулеметов; по всему полю рвались снаряды, в районе Авалы и на ее склонах была слышна сильная ружейная и пулеметная стрельба. Большинство немцев падало и больше не поднималось. Двигаясь дальше, мы вошли в Белый Поток, скатившись в него, как на салазках. Партизаны сверху вели сильный обстрел. Это было беспощадное избиение. Там погибло много немцев и наших. Здесь я встретил тяжело раненого кап. Гребенщикова. От немцев я узнал, что по шоссе из Ниша подошли советские танки и заперли выход из долины. Я заметил, что немцев тянет влево и спросил одного лейтенанта, почему они идут туда, на что он ответил, что Белград занят советскими войсками и мы должны пробиться на Шабац.

Продолжая движение, мы наткнулись на группу немцев в 25 чел. с обер-лейтенантом, с которыми и пошли дальше до рассвета 19 октября. Отдохнув часа два, шли лесами и горами целый день. На рассвете 20 октября увидели с горы строящееся шоссе и на нем отдыхающих немцев. Спустились вниз и первый раз за 56 часов пути легли спать. Отдохнув, двинулись дальше и шли целый день 20 и 21 октября. К вечеру подошли к селу на берегу р. Колубары. Переночевав, 22 октября достигли с. Скела, а 23-го тронулись и к вечеру прибыли в Шабац. 24-го нас на автомобилях перевезли в Кленак и мы присоединились к 1-му полку.

Когда 31 августа я вступал в должность хауптфельдфебеля штаба III-го батальона 3-го полка, в нем было налицо 882 чина. Во время операций было много убито и эвакуировано, к 1-му полку присоединилось 52, а остальная часть погибла, причем некоторый процент, очевидно, попал в плен к партизанам и Советам, что почти равносильно смерти.

А. Вильперт

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРИЙЦЕВ

Я помню вас, как на работе
Вы были все дружны.
У вас была одна забота,
России верные сыны!
Я помню также, как за гробом,
Вождя в Белграде хороня,
Вы стройно шли красивым
взводом,

В душе завет его храня!
А сколько было разговоров
В часы досуга, перед сном,
Воспоминаний, милых споров
Всегда все то ж и об одном.
Когда же вдосталь уставали
Мечтать о будущих боях,
Тяжелым сном вы засыпали
За Русь с молитвой на устах!

Вас Русский Корпус не забудет,
Молюсь за вас всегда и я.
Александрйцев вечно будет,
Хоть мертвых — дружная семья!

Вас неожиданно позвали
И, как один, вы поднялись.
Вас в Русский Корпус призывали
И вы навеки с ним слились.
Но вы России не видали,
Не видели Родной Земли,
Вы на чужбине жизнь отдали.
За честь России полегли!
Погиб полковник Винокуров,
Распят Леонтьев на кресте,
Карпинский, Тимченко — героев
Имен не мало на листе.
Вы жизнь за Родину отдали
И славен был ее конец,
Вы пред Всевышнего предстали,
Чтоб получить святой венец!

А. Селихов

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ РУССКОГО КОРПУСА

(1-й б-н 2 полка. Д. Милановац-Белград-Шабач)

Летом 1944 г., в г. Дольнем Милановце стояли: штаб I-го б-на 2-го полка, 3-я рота хауптм. Калинина, взвод ПАК капитана Сомова и Тяжелый взвод корн. Черниченко под общим командованием к-ра б-на, майора Севрина.

Гарнизон жил спокойной жизнью — работал по укреплению позиций при выходах из городка, производил разведки, совершал экспедиции в горы Хомолья и громил партизанские гнезда. Начало конца еще не чувствовалось, но, вот, капитулировали Румыния и Болгария, — положение резко изменилось.

Для оказания помощи немецкой батарее «Флак», стоявшей в г. Свиннице, на левом берегу Дуная — против Д. Милановца и угрожаемой изменившимися румынами, 4-го сен-

тября, взвод 3-ей роты лтн. Гамбурцева и отделение Тяжелого взвода корнета Черниченко два раза высаживались на левом берегу, взяли у румын 16 орудий и др. оружие и освободили немцев. 8 сентября экспедиция была повторена и Свиница была очищена от пр-ка.

Через день 9-ой роте, стоявшей в Майдан-Пеке, четники предъявили ультиматум о сдаче оружия. Дождавшись ночи и взорвав склад боеприпасов, рота совершила переход через горы и присоединилась к гарнизону в Д. Милановце. 9-го сентября два взвода 9-ой роты при трех орудиях «Флак» были поставлены заставой в направлении с. Мосны. Под угрозой нападения превосходных сил партизан, полурота 13-го сентября отошла в Д. Милановац.

15 сент. положение осложнилось — появились со стороны Мосны части советской армии. Вечером пр-к начал накапливать силы для решительного удара, но огнем пулеметов, орудий ПАК-а и Флака был рассеян. Утром разведка на том же участке нашла убитых и раненых красноармейцев 169 стр. полка красной армии.

Советская авиация весь день 28-го сентября громила Д. Милановац, громила и румынская артиллерия.

6-го октября к с. Тополница (18 км. от Д. Милановца) подошла немецкая горная дивизия и III-й бат-н 3-го полка. Гарнизону Д. Милановаца было приказано занять высоты до с. Мосны и идти на соединение с дивизией. 3-я рота и рота Бранденбургского полка, неся большие потери, заняла высоты, захватив в плен 3 советских офицеров и 87 солдат, 4 орудия, противотанковое оружие и несколько тяжелых пулеметов. Но горная дивизия, под давлением двух советских дивизий и партизанских частей, оставила с. Тополницу и отступила на Рудну Главу.

Для милановацкого гарнизона оставалась одна сомнительная возможность — прорваться из окружения в сторону Добры. Начали по ночам готовиться к походу. Наконец, всё готово — незаметно оттянуты части с позиций в сторону Болетина, приведены в негодность и сброшены в Дунай орудия Флака, оставшийся запас снарядов и патронов. Гарни-

зон, оставив взвод 3-й роты для демонстрации, 8-го октября вытянулся вдоль самого берега Дуная по направлению на Добру. Пройдя, сколько было возможно, по берегу, гарнизон поднялся на перевал, уничтожив несколько партизанских застав.

9-го октября части вышли на проселочную дорогу на Болетин. Через час взвод присоединился к батальону.

Гарнизон шел на соединение со штабом III-го б-на 2-го полка и учебной роты, стоявшими в Градиште. Между селами Болетин и Добра, на небольшом плоскогорье весь отряд попал под сильный бомбометный обстрел. Батальон, развернувшись, пошел в атаку. Теряя много убитыми и ранеными, бат-н стремился прорваться на Градиште, но в это время был убит осколком снаряда к-р I-го б-на полк. Севрин. В командование всей группой вступил к-р Бранденбуржцев, переименованный в направлении на дорогу Кучево-Майдан-Пек. После жестокой схватки, прорвав окружение, милановацкий гарнизон бросил дорогу и потерялся в горах.

Наконец, к концу дня 10-го октября спустились с гор и недалеко от Кучево соединились с горной немецкой дивизией и III-м б-ном 3-го полка. В Кучево переночевали, а утром 11-го, включившись в общую колонну немецких войск, тронулись на Пожаревац. Командование I-м б-ном 2-го полка принял хауптман Калинин, а 3-ей ротой — лтн. Гамбурцев.

Части I-го б-на 12-го октября перешли Мораву и отошли на Осипаоницу. Здесь встретили штаб III-го б-на 2-го полка и учебную роту. Из Осипаоницы все русские части 13-го были направлены на Смедерево-Гроцку. Дорога на Гроцку находилась под непрерывным обстрелом засевших в горах партизан. Поэтому немецким командованием было приказано частям 3-го полка и I-го б-на 2-го полка занять высоты. Наши части рассеяли партизан и отходили по высотам вдоль дороги, прикрывая с флангов отступление немецких войск. Вечером приказ всем русским частям спуститься на главную дорогу и отходить. А Тяжелому взводу 2-го полка остаться в прикрытии до приказа, которое не поступило до 12 час. ночи.

Стрельба со всех сторон заставила нас 14-го октября спуститься на главную дорогу и пойти на соединение к своим частям. Прибывши в 5 час. утра с сильно переутомившимся взводом, не мог найти своих частей, которые, вместе с немецкими частями пошли в наступление на Белград.

Взвод, как маленькая единица, не получая приказаний, продолжал отходить с Бранденбургским полком.

15-го октября общая колонна войск двигалась к Белграду по шоссе на Мокрый Луг.

Вместе с пехотой, в колонне шла моторизованная артиллерия и около семисот транспортных автомобилей со снаряжением, боеприпасами и продовольствием. Над колонной кружились легкие советские бомбардировщики, стараясь расстроить движение, но вреда большого своими бомбами не наносили — поврежденные автомобили сталкивались с шоссе и колонна снова смыкалась.

16-го октября, не доходя до Мокрого Луга, колонна остановилась. Передовые немецкие части донесли, что Белград занят моторизованными советскими частями, с большим количеством танков, артиллерии и «Катюш».

Немецкое командование решило бросить всю моторизованную часть колонны и повернуть проселочными дорогами на Авалу.

К Авале подошли 17-го октября со стороны железной дороги Белград-Пожаревац, которая обстреливалась продольным огнем бомбометов и пулеметов. Не обращая внимания на жесточайший огонь, наши части, потеряв несколько человек убитыми, перекатились через полотно жел. дороги и по глубокому оврагу вышли на поле перед Авалой. По всему полю, насколько охватывал глаз, шли немецкие цепи. Огонь советских бомбометов не причинял почти никакого вреда. Но опушка леса у подножия Авалы опоясалась дымовой завесой — строчили советские автоматы и пулеметы. Во что бы то ни стало, нужно было прорвать эту линию и уйти в лес. На нашем участке, например, цепи двигались перебежками, не стреляя, молча. И это было страшно. Люди решили идти на смерть, но добиться своей цели.

Советская пехота не выдержала. Наши части вошли в лес, но вошли разрозненно, вкрапленные между немецкими частями. Также разрозненно действовали и дальше. От Авалы повернули влево через шоссе и под сильным обстрелом танков спустились в узкое ущелье. Здесь соединились вместе штаб III-го батальона 2-го полка, во главе с ген. Ивановым, 4-я учебная рота и остатки 1-го взвода 9-ой роты 2-го полка и Тяжелый взвод I-го б-на 2-го полка.

Маленький отряд ген. Иванова лежал в выемке дороги, обсаженной кустами. Подходили автоматчики, танки, обстреливала «Катюша», бомбили аэропланы. Отряд не сдвинулся с места в течение всего дня. Зато с левой стороны обойти ущелье советским частям не удалось. В этом бою был ранен ген. Иванов. С правой стороны выдерживали натиск бранденбуржцы и с ними наш Тяжелый взвод. Общая немецкая группа отходила по ущелью.

Наши и немецкие части, хотя и значительно поредели, но, оставив далеко за собой Авалу и ведя непрерывные бои с наседавшими со всех сторон новыми советскими и партизанскими частями, всё же дошли до Шабца и перешли мост через реку Саву, в Кленак, охранявшийся 1-м полком Русского Корпуса.

Г. Черниченко

СЛУЖБА СВЯЗИ В РУССКОМ КОРПУСЕ

Служба связи в Русском Корпусе создавалась в совершенно особенных условиях и должна была преодолеть совершенно исключительные затруднения для того, чтобы ответить своей прямой задаче — обеспечить командование и управление частями Корпуса, разбросанными по территории всей Сербии. Местные постоянные линии связи или вовсе не существовали, или часто прерывались, так что только изредка могли быть использованы, причем тайна передачи никак не могла быть соблюдена. Вся территория, кроме главных центров и путей сообщения, фактически контролировалась четниками. Получение же необходимого для организации связи тех-

нического материала от немецкого командования постоянно наткалось на трудно преодолимые затруднения.

Кроме того, оперативная сторона организации связи сразу же оказалась в затруднительном и чрезвычайно деликатном положении, т. к., по замыслу немцев, вся оперативная служба в Корпусе должна была оставаться в немецких руках, что не отвечало намерениям и желаниям русского командования.

Ген. Штейфон, как опытный организатор и офицер ген. штаба, сумел блестяще разрешить все вопросы, связанные с организацией Службы связи.

Прежде всего, ген. Штейфон установил должность начальника Связи Корпуса, на которую был назначен ген. шт. подполк. М. В. Голубев.

В период начала формирования Корпуса и постепенного занятия частями Корпуса своих участков или территорий, служба связи, главным образом, была основана на употреблении проволочного телефона и телеграфа, а также и службы ординарцев.

8-го марта 1943 г., ввиду назначения пполк. Голубева к-ром Караульной роты, в исполнение должности нач-ка связи вступил ген. шт. подполк. Р. М. Васильев.

15 июня 1944 г., после долгих хлопот, германское командование принимает, наконец, предложение о формировании роты связи. Командиром роты назначается подполк. Васильев с одновременным исполнением обязанностей начальника связи Корпуса.

К середине 1944 г. — период максимального развития жизни Корпуса — Служба Связи полностью обеспечивает командование и управление всеми частями Корпуса, т. е. не только связь между штабом Корпуса и полками, но и внутреннюю связь в полках. Во главе полковых взводов связи стоят знающие и энергичные технические специалисты: в 1-м полку подполк. Кузьменко, во 2-ом — полк. Кудинов, в 3-м — шт.-ротм. Кисель, в 4-м — фельдф. Деревянко и в 5-м полку — лтн. Ламзаки.

В конце сентября 1944 г. штаб Корпуса получает прика-

зание о переходе в середине октября в район Краљево — Чачак с целью объединения под непосредственным командованием большей части Корпуса. Начальник Связи подполк. Васильев получает распоряжение о переброске роты связи в этот район для подготовки и организации нового расположения штаба, а, главное, организации связи нового командного места штаба с полками. 3 октября рота связи, с приданной ей частью транспортной роты погрузилась в ж. дор. эшелон и двинулась по железной дороге Белград-Ниш, имея целью движения г. Краљево. Во время перевозки по железной дороге, в районе станции Велика Плана, жел. дор. полотно оказалось перерезанным прорвавшейся советской танковой колонной, причем советские танки уже подходили к ст. Вел. Плана. По просьбе немецкого коменданта станции, строевая часть роты, под командой полк. Васильева, принуждена была выгрузиться и прямо из вагонов развернуться для принятия боя с советскими танками. Эшелон с погруженной технической частью и транспортом сразу же был отведен назад по направлению к Белграду, а затем и вообще возвращен в Белград, и оттуда переброшен за реку Саву.

Так как советский прорыв расширялся и продолжался, то в районе скопилось большое количество различных немецких частей, образовавших отряд, в командование которым вступил немецкий генерал — комендант жел. дор. линии Белград-Салоники. В состав отряда вошло несколько немецких батальонов, 2 противотанковых зенитных дивизиона, 2 роты танков типа «Тигр» и т. д. В составе отряда самое слабое вооружение и состав имела наша рота связи (без 1 пулемета). Несмотря на это, немец-начальник отряда приказал полк. Васильеву образовать арьергард отряда, прикрывая танки «Тигр», противотанковую зенитную артиллерию и СС-части. В течение 10 дней рота связи выходила из многократного окружения, постепенно отходя к Белграду. Особенно в тяжелом положении оказался наш арьергард в районе г. Младеновца, но и здесь удалось выйти из полного окружения и, наконец, в районе Авалы перейти через вновь образованный немецкими частями фронт.

В тот же день, 15 октября рота связи с оставшейся еще в Белграде Оперативной частью Штаба Корпуса, была отведена из Белграда в Срем, где расположилась в районе с. Н. Янковцы-с. Ср. Лази, затем в начале ноября отошла в район гор. Брчко. В местах новых расположений Штаба немедленно организовалась связь с подчиненными единицами. В этот период особенно важную роль играют наши радиостанции. С частями, отходящими в центральную Боснию и совершенно отрезанными от штаба, никакой другой вид связи применить не представляется возможным.

Заболевший полк. Васильев был 12 ноября 1944 г. эвакуирован в Загреб и сдал роту об. лтн. Сементовскому.

Р. Васильев

НОЧНОЙ БОИ

(III б-н 2 полка Р. К. с. Брка. 15-16. XI. 1944 г.)

В начале ноября 1944 г. батальон 2-го полка, после короткого отдыха в сремских селах, под командой полк. Мамонтова, был перевезен по железной дороге в г. Брчко и поступил в распоряжение командующего группой войск этого района.

По прибытии в Брчко, батальону было определено место стоянки с. Брка, в 8 км. к югу от города. Там же расположился и штаб нашего 2-го полка. во главе с командиром и адъютантом. Задача б-на — освещать район глубиной в 15-20 км. и не допускать вторжения в него красных. Для этого ежедневно в разные стороны высылались разведки, а когда это требовалось, то ротами занимались окрестные села: Паланка, Ракич, Мусульманска Маоча и Буквик.

Первые дни на нашем участке прошли спокойно, но... после полдня 15 ноября, в с. Брка, кроме штабов полка и батальона, осталась лишь 9-я рота. 11-ая занимала с Паланка, в 7 км. к юго-востоку от Брка, а наша, 10-я накануне ушла в с. Буквик, заменив ушедших на несколько дней четников.

Неожиданно, часов около трех дня, из штаба полка прискакал на взмыленной лошади конный связной с категорическим приказанием возвратиться в с. Брка, не ожидая выслан-

ных разведок, если таковые не вернулись.

По тону полученного приказа можно было заключить, что приближаются какие-то тревожные события. Внесло нервность отсутствие посланного в разведку отделения унт. оф. Скарно, без которого командир роты, полк. Якубовский, не смотря на приказание, уходить не пожелал. Наконец мы увидели неторопливо подходившее отделение. В ту же минуту рота ускоренным маршем двинулась в Брка.

Перед селом встретил нас наш ротный фельдфебель, полк. Пио-Ульский, рассказавший о происшедшем. Высланный в этот день в очередную разведку взвод, был встречен у с. Ракич (около 10 клм. к югу) сильным огнем занявших ночью село красных и, не войдя в село, принужден был вернуться обратно. Двинутая туда 9-я рота, с приданными двумя тяжелыми пулеметами от 1-го полка, выбила противника из села и осталась там на ночь.

В штабе 6-на полк. Мамонтов подробно посвятил нас в создавшуюся обстановку и после совещания с полк. Якубовским, оба пришли к заключению, что никакой непосредственной угрозы нам нет и усиливать охранение добавочными караулами нет надобности. Казалось, что мы были достаточно надежно обеспечены высланными в сторону пр-ка 9 и 11 ротами, от которых были получены успокаивающие донесения. К-р 11 роты доносил, что он с ротой ночует в с. Паланка, а 9-ой, что выбитые им из с. Ракич партизаны бежали и контакт с ними утерян.

В самую полночь тишину ночи прорезало несколько автоматных очередей и сейчас же затрещала частая ружейная стрельба, сопровождаемая взрывами ручных гранат. Было ясно, что партизаны ворвались в село. Выскочив и перебежав дорогу, мы задержались у дома ком-щего батальоном и открыли огонь по перебегающим в темноте, шагах в пятидесяти от нас, партизанам. Собрать роту уже не представлялось никакой возможности, — в ее расположении хозяйничали красные. Задерживая выскакивающих из ближайших домов, мы, во главе с полк. Якубовским, не прерывая огня, медленно отходили к выходу из села в направлении г. Брко.

Сейчас же по выходе из села мы встретили полковников Мержанова, Мамонтова и Саборского, задерживающих людей и организующих оборону. Здесь же был и наш батальонный врач, д-р Семенов, перевязывающий раненых.

Через очень короткое время, около полковников Мержанова и Мамонтова образовалась группа человек в 60-70, которая по их указанию и заняла оборонительную позицию. Не растерявшийся и благополучно вынесший свои бомбометы и снаряды к ним, кап. Бондаревский, открыл из них огонь по селу.

Часов около 3-х утра из Паланки подошла 11-я рота. Высланная перед этим разведка, которую повел полк. Кудинов, беспрепятственно прошла через село. Красные уже ушли. В это же время со стороны с. Ракич донеслись четкие строчки очередей тяжелого пулемета и трескотня винтовок, продолжавшаяся 15-20 минут.

После налета, красные двинулись обратно по шоссе в направлении с. Ракич. Находившаяся там 9 рота, встревоженная стрельбой у нас, двинулась по шоссе к нам, выдвинув вперед один взвод с тяжелым пулеметом. На этот пулемет и наравлялись партизаны.

Огневое нападение было для партизан столь неожиданным, что, несмотря на подавляющее свое превосходство, они смешались и боя не приняли, предпочитая воспользоваться темнотой и уйти.

Среди убитых в эту ночь был всеми ценимый и уважаемый полк. Сакович, занимавший должность фельдфебеля штаба б-на. Позже от крестьян мы узнали, что партизаны тоже потеряли несколько человек убитыми и ранеными, которых увезли с собой, кроме найденных нами трупов в селе.

Для предупреждения в будущем подобных нападений, через короткое время все село было обнесено проволочными заграждениями, приготовлены стрелковые и пулеметные позиции с расчищенным перед ними районом обстрела, а в особо важных местах установлены тяжелые пулеметы с постоянным при них дежурством. Бомбометами была произведена пристрелка окружающей село местности. Весь лишний обоз

был переведен в г. Брчко, а оставлено было лишь самое необходимое число подвод.

Затраченные нами труды и время в дальнейшем, а особенно в бою 13 января 1945 г., полностью окупились.

А. Полянский

23 ОКТЯБРЯ

(Памяти павших в Чачке 23. X. 1944)

Вдали, в тумане, холм могила дальней;

К ней нам теперь отрезаны пути.

Поэтому приносим в день печальный

Мы здесь к кресту белые цветы.

Прошли года! Но время между нами

Не провело забвения черты

И также свежи все воспоминанья,

Как у креста белые цветы.

Мы можем здесь лишь пламенно молиться,

Чтоб сила свыше нам была дана

Заветной цели, наконец, добиться,

К которой смерть дойти Вам не дала.

А Вы — теперь Христова ополченье,

Достигши подвигом нездешней чистоты,

От нас примите в день поминенья

На русской ленте белые цветы.

А. Дуброва

ЗАПАСНАЯ РОТА

Батальон «Белград» имел 4 роты, в составе около 150 чел. в каждой:

1-я — Караульная — несла чисто строевую службу, охраняя важные объекты и неся наряды караульной службы.

2-я — Снабжения — являлась, до некоторой степени, рабочим бюро, исполнявшим разные специальные работы.

3-я — Транспортная — ведала конским составом, имея в своем распоряжении перевозочные средства, выполняя функции нестроевой роты.

4-я — Запасная — самая сложная и неприятная по командованию, т. к. несла, главным образом, службу этапного пункта

та, держа на учете всех чинов Корпуса, прибывающих в Белград по разным служебным надобностям.

В начале 1944 г. вр. командующим б-ном был назначен к-р Запасной роты, ген. шт. ген.-м. (хауптм.) Пулевич и рота оказалась обезглавленной. В один из далеко не прекрасных дней я был вызван в штаб Корпуса, где получил приказание, оставаясь к-ром Караульной роты, вр. вступить в командование и Запасной. Это временное командование затянулось на 9 мес.

Запасная рота того времени, как и большинство этапных пунктов, мало походила на роту. С утра и до вечера толчея прибывающих и убывающих сотен чинов Корпуса превращала помещение роты в какой-то грязный притон. Приведя роту в надлежащий вид, т. е. установив в ней порядок и чистоту строевой воинской части, я получил приказание одновременно вести подготовку пополнений, поступающих в Корпус малыми группами.

Усиленный нажим красной армии со стороны Болгарии создавал в полках нервное напряжение, отражаясь на работе Запасной роты. Стремясь поддерживать более тесную связь со штабом Корпуса, полки, под разными предлогами, посылали своих чинов в командировки в Белград. Дабы сократить число командировочных, немцы нажимали на штаб Корпуса, воспрещая нашим чинам задерживаться в Белграде, а штаб Корпуса, в свою очередь, валил вину на Запасную роту. За отсутствием опытного помощника, мне приходилось самому ежедневно проверять списки сотен чинов, числящихся при Запасной роте, разбираясь в законности причин их пребывания в Белграде. Кроме командированных чинов, все предназначенные к увольнению из Корпуса по болезни и др. причинам, направлялись полками в Запасную роту, которая, оформив увольнение, должна была отобрать все казенные вещи, взыскав за утерянное имущество. Создавалась огромная переписка с полками, задерживающая увольнение.

Но и на этом не кончалась страда Запасной роты. Штаб Корпуса возложил на нее еще и часть своей работы — выдачу всех проездных документов, что при ежедневной отправке в полки по 100 и больше человек, занимало не мало времени.

Бомбардировки Белграда участились. По каждому сигналу «воздушной тревоги» все чины Корпуса, во главе с Комкором, выбегали из казарм, исчезая в лабиринте зигзагообразных ходов сообщений. Эти сооружения представляли собой глубокие, узкие, отвесно вырытые рвы, ведущие к такого же вида ротным окопам, находившимся на расстоянии версты от казарм. В этих укрытиях, ничем не защищенных сверху от бомб, снарядов и даже осколков, нам приходилось просиживать почти ежедневно по 5-8 часов, под палящими лучами Белградского солнца. В такие дни приходилось просиживать до глубокой ночи, заканчивая дневную работу.

В конце сентября 1944 г. б-ну «Белград» было объявлено, что мосты на главной магистрали, ведущей в Германию: Белград-Бос. Брод-Загреб-Марибор частично разрушены, а посему он будет отправлен на юго-восток, на параллельную ж. д. линию Чачак-Вышеград-Сараево для дальнейшего следования в г. Мюнзинген для переформирования Русского Корпуса совместно с РОА. Несмотря на это, эшелон штаба Корпуса всё же направлен по главной магистрали, а б-н «Белград» был брошен на фронт, попав в полное окружение в районе г. Чачак.

Дабы обеспечить путь отступления немецкой армии, сражавшейся в Греции, корпус ген. Мюллера, заняв позицию восточнее г. Кральево, в течение 3-х месяцев сдерживал натиск советской армии, наступавшей со стороны Болгарии. Для охраны тыла корпуса ген. Мюллера, г. Чачак удерживался 1-ой и 2-ой ротами 3 полка Р. К. На смену этим ротам и был послан наш батальон.

Погрузившись в три эшелона (7 октября), б-н пополз черепашьим шагом, делая большие остановки. Не все наши эшелоны дошли благополучно до места назначения — ввиду нападения на эшелон Транспортной роты, ей пришлось спешиться и принять бой, после чего она уже походным порядком вернулась в Белград.

Три роты б-на «Белград», после небольших путевых передышек, прибыли, наконец, на ст. Чачак. Ввиду интенсивной бомбежки города советской авиацией, налеты которой начи-

нались ежедневно около 11 час. утра, ротам было приказано спешно выгружаться, а ротным командирам немедленно явиться в штаб обороны для распределения боевых участков.

Еще в Белграде, честно выполнив приказ об отправке в полки всех выздоровевших, прикомандированных и молодых, Запасная рота, имея самый большой наличный состав чинов около 160 чел. (в остальных ротах было по 120-130 чел.), оказалась мало боеспособной. Выделив 60 больных, у меня осталось около 40 чел. сравнительно боеспособных, 15 начальствующих и должностных лиц и 40-50 старых и немощных людей, неспособных оказать должное сопротивление. Моими помощниками были: лтн. Сербин и лтн. Залеткин.

Явившись в штаб немецкой обороны, три ротных к-ра представили нач-ку обороны сведения о наличном составе рот. Не считаясь с слабой боеспособностью Зап. роты, нач-к обороны дал Запасной роте самый большой боевой участок. На своем участке я занял главный опорный пункт — здание школы и два бункера, промежутки охранялись дозорами.

Первые 6-7 дней нашего пребывания в Чачак, Советы ограничились лишь воздушной бомбардировкой, сбрасывая на нас бомбы малого и среднего калибра. Затем начался артиллерийский обстрел города. Всё снабжение нашего отряда шло по шоссе из г. Кральева. Заметив это, советчики стали усиленно обстреливать гранатами шоссе у въезда в Чачак. Кольцо окружения начинало постепенно сжиматься.

Вскоре вся рота Снабжения была захвачена и разоружена четниками, избежали пленения лишь к-р роты и несколько отдельных чинов роты. Была попытка разоружить и мою роту, но своевременно принятыми мерами и энергичным ответом, я парировал эту попытку.

На усиление нашего поредевшего отряда прибыло около 3-х рот 4-го полка во главе с командиром полка, полк. Гескет. От одной из рот мне был прислан взвод для занятия бункера. С прибытием в Чачак полк. Гескета, наши роты попали к нему в подчинение, но 23 октября он пал смертью храбрых.

На участке моей роты стояло три немецких батареи. В ответ на огонь пашей артиллерии, Советы усилили свой

натиск двумя «Катюшами», обстреливавшими нас каждые полчаса. Действие этого страшного 36-ти зарядного, орудия нам пришлось испытать на себе в течение 15 дней. Звуков выстрела «Катюши» слышно не было. Не было видно и вспышки при выстреле, но самый полет очереди снарядов производил какой-то непонятный дьявольский гул. Приближение выпущенной по вас очереди снарядов создавало впечатление приближения какого-то страшного урагана. Каждый снаряд, разрываясь, выпускал целую серию маленьких снарядиков, покрывая всю площадь грохотом разрывов и вспышек, что и производило впечатление огненной площади. Всё это производило огромное действие на моральное состояние, но поражаемость была не велика.

После смерти полк. Гескет, по распоряжению германск. командования, произошло переформирование, причем две наши и одна, сформированная из вернувшихся от четников чинов 1 б-на 3 полка, под командой хаупт. Мышлаевского, — составили отдельный б-н и приняли нумерацию: 13, 14 и 15-ой. В 13-ю роту вошел кадр Караульной, в 14-ю — Запасной, а в 15-ю — вновь сформированной. Я получил в командование 13-ю роту, а хауптм. Пулевич — 14-ю. К-ром б-на был назначен майор Шебалин.

На 41-й день бессменного стояния на постах, наш б-н был назначен к дальнейшему следованию. Нагрузив до отказа ротным имуществом, продовольствием и патронами неуклюжие, громоздкие балагулы немецкого конного обоза, мы долго ожидали очереди влиться в отступающую колонну — мимо нас проходили последние эшелоны немецких частей с греческого фронта. Идя в голове батальонной колонны, мне пришлось пробивать дорогу, лавируя среди обоза немецких грузовых автомобилей. Согласно приказа, все строевые немецкие моторизованные части имели право обгонять колонны пехоты. Приходилось останавливаться, пропуская их или же двигаться по обочине дороги в облаке пыли от машин.

Если до Вышеграда нам и удавалось находить крышу для ночлегов, то дальнейший путь проходил по пустынной, гористой местности с перевалами, крутыми подъемами. Люди

изнывали под тяжестью походного марша. День и ночь под дождем, усталые, насквозь промокшие, вытягивали мы свои обозы. Чтобы хоть немного обсохнуть, мы разжигали огромные костры всюду, где только попадался высохший кустарник.

Оставив за собой пустынные горные перевалы, мы, постепенно, начали спускаться в долину. Настроение становилось бодрее. Мы вступали в пределы Боснии, которая сравнительно мало пострадала от бомбардировок. Всё чаще и чаще стали попадаться селения и небольшие местечки. Пройдя Сараево, мы прибыли в Кисељак. Здесь был получен приказ о формировании нового 4-го полка, к-ром которого был назначен майор Эйхгольц, В связи с этим, медицинскому персоналу вменялось в обязанность осмотреть всех чинов нашего б-на с целью выделить больных и немощных в отдельную команду для отправки на переосвидетельствование в Сараево в немецкую медицинскую комиссию. Из остальных чинов была сформирована рота, а остатки пошли на укомплектование рот 4-го полка.

Добравшись до Сараево, я попал на комиссию, которая нашла у меня начало туберкулеза и критическое состояние моего сердца и я был направлен в госпиталь в глубь Германии.

Е. Янковский

Артиллерийский взвод 1-го казачьего ген. Зборовского полка

10 ноября 1942 года, в 8-ой сотне 3 полка был получен приказ о немедленном откомандировании всех казаков в 1-й казачий полк. Явившись в Лозницу, я был 4 января ген. Зборовским назначен командиром артиллерийского взвода с производством в лейтенанты, а 6 января я и восемь артиллеристов были отправлены в г. Пожаревац, в I-й б-н 2 полка, где были прикомандированы к артиллерийскому взводу этого полка. От 2 полка мы должны были получить пополнение казаками — артиллеристами, орудия и лошадей, но орудия уже были отосланы в Белград для переделки прицельных приспособлений с панорамой, а лошади переданы в конный взвод

2 полка, казаков же в наш взвод командировали всего пять человек. Когда I б-н 2. п. перешел в Майдан-Пек, то до 30 мая мой взвод нес там охрану на Капитанской, по воздушной линии Милановац — Майдан-Пек, за что по оставлении этой службы взвод получил от ген. Иванова особую благодарность в приказе по батальону.

31 мая 1943 г. арт. взвод был отправлен в Белград для приема орудий. Получив там два 75 м.м. орудия системы Шнайдера, взвод через два дня благополучно прибыл в Лозницу. Во взводе, кроме двух старых, опытных наводчиков, все номера были неартиллеристы (донцы и кубанцы), командированные из сотен полка по их собственному желанию. Во взводе немедленно началось обучение номеров при орудиях. Во взводе были: вр. приком. из 2 полка полк. (об лтн.) Крамаров, полк. (фдб.) Белый, полк. (унт. оф.) Гурский, полк. (унт. оф.) Чепига и есаул (унт. оф.) Лобачев.

В конце июня взводу была назначена практическая стрельба из орудий, но провести ее нам не удалось, т.к. сразу пришлось вести стрельбу... боевую, на позиции у М. Зворника. Вызвавший меня, ген. Зборовский, спросил:

-- Может ли взвод стать на позицию и открыть огонь по противнику? — Я ему ответил:

--- Арт. взвод будет стрелять тотчас же и туда, куда вы прикажете!

Ввиду того, что во взводе лошади еще не были получены, к-р полка приказал немедленно пригнать арт. амуницию на лошадей хозяйственной части полка. С обозными ездовыми, в тот же день 27 июня, взвод уже был в М. Зворнике. По прибытии туда, орудия с номерами и снарядами были немедленно погружены на два хорватских грузовых автомобиля и отправлены к с. Сулине и с наступлением темноты взвод уже вел огонь по пр-ку в с. Дриняча. На следующий день усташы и домобранцы из Б. Зворника повели наступление на Дринячу и при поддержке огня арт. взвода заняли это село и освободили из окружения 130 хорватских жандармов.

При наступлении красных на Б. Зворник, арт. взвод занимал позицию в М. Зворнике, которая находилась под дейст-

вительным ружейным и пулеметным огнем пр-ка и там был ранен наводчик 2-го орудия П. Буданков. Бой за Б. Зворник продолжался с 1 по 8 июля 1943 г., когда при содействии нем. танков он был очищен от красных. В этот день к-р полка предупредил меня по телефону, что к нам на позицию едет командир Корпуса. Приехав и приняв от меня рапорт, к-р К-са изъявил желание осмотреть позицию, причем сказал:

— Номеров не будите, пусть спят. — Уезжая, он благодарил арт. взвод за этот период боев и приказал отличившихся казаков представить к боевым наградам.

Вернувшись в Лозницу, арт. взвод продолжал обучение номеров, а вскоре началась и орудийная езда, т.к. были получены лошади. 31 августа 1943 г. арт. взвод под вр. командованием полк. Крамарова был опять отправлен в М. Зворник и Цулине, откуда вел обстрел пр-ка в Дриняча и способствовал беспрепятственному движению почтово пассажирских автобусов из Шабца в Крупань.

В середине мая 1944 г. в арт. взвод прибыли унт. офицеры: В. Вучкович и Е. Немерюк, окончившие унт. оф. курсы 1 полка. Вместе с ними пришло и пополнение молодыми добровольцами из Бессарабии и Буковины, прошедшими курс обучения в учебных сотнях 1 полка. К-р полка приказал всех старых номеров заменить этими молодыми добровольцами и снова нужно было начинать обучение номеров при орудиях и, кроме того, вести еще по вечерам дополнительные специально арт. занятия с молодыми унт. офицерами по подготовке их к должности орудийных урядников и к возможности ведения ими самостоятельной стрельбы из орудий. К этому времени полк. Белого, полк. Гурского и ес. Лобачева во взводе уже не было, т.к. они получили другие назначения.

Вскоре унт. оф. Вучкович был командирован в Белград на курсы лейтенантов, а Немерюк по собственному желанию вернулся в сотню. В арт. взводе остался один унт. офицер — полк. Чепига и должности орудийных урядников исполняли хор. (сфр.) Манжула (кубанец) и подхор. (сфр.) Боков (долец) — оба старые, опытные артиллеристы.

17 сентября 1944 г. партизаны начали переправу через

Дрину севернее М. Зворника, в связи с чем арт. взвод, по распоряжению к-ра полка, отошел в Лозницу под прикрытием взвода от Гвардейской сотни. Еще до встречи с этим взводом группа четников пыталась захватить арт. взвод, но своевременно принятые нами меры вплоть до подготовки ручных гранат и «захват» мною к-ра этой группы четников, привели к тому, что все четники разбежались и бросили своего к-ра, которого я держал «под руку».

23 сентября начался ночной бой за Лозницу. Когда бой велся уже на улицах Лозницы, арт. взвод все еще находился на позиции за проволочными заграждениями у церкви и вел огонь по наступающему пр-ку. Постепенно красные с вост. стороны позиции взвода продвинулись к югу и обошли его, но взвод продолжал вести огонь по пр-ку и только после приказа к-ра полка оставил позицию у церкви. Весь полк с артиллерией и обозами отошел к Лешнице. Три дня и три ночи шел бой у моста через р. Ядар и арт. взвод своим огнем оказывал помощь защитникам Лешницы. В день ее оставления немецкий комендант района Шабац требовал передать арт. взвод в подчинение четникам, но к-р полка, ген. Зборовский отказался его выполнить и взвод остался при полку. При прорыве у Н. Село во взводе было ранено 6 чел. При дальнейшем отходе из Кленка взвод подобрал два новых тяжелых пулемета Максима, т. к. все номера взвода, еще будучи в М. Зворнике, при содействии полк. Киреева, прошли курс стрельбы из них.

13 ноября 1944 г. арт. взвод вместе с полком, по жел. дороге прибыл в Гунью и проследовал в Брчко, а 16-го выступил в Челич. 21 декабря произошел первый бой за Челич и был одним из самых серьезных, значительных и выдающихся боев 1-го полка, как по заданию, так и по выполнению, в котором арт. взвод своим огнем оказал очень большую помощь сотням полка, всю ночь ведя огонь по наступающему пр-ку, по принципу — где сильнее велся ружейный и пулеметный огонь, туда свой убийственный огонь переносила и артиллерия. Четыре Збровки и два Максима арт. взвода своим огнем отражали атаки пр-ка на взвод и помогали другим

частям Донского батальона. Удачным попаданием одного снаряда был тяжело ранен командир одной из наступающих партизанских частей и постепенно огонь первой атаки пр-ка затих. За этот бой я получил Железный крест.

Оставив Челич 12 января 1945 г., части полка отошли к Брчко, где арт. взвод бесшумно, днем и ночью, при наступлении пр-ка, своим огнем всегда в нужный момент оказывал поддержку казакам-кубанцам и донцам — в окопах.

7 апреля 1945 г. полк, по приказу, оставил Брчко, а 14-го уже вел ночной бой под Яругой, во время которого арт. взвод расстрелял все снаряды, но подать на позицию передки не было возможности, т. к. шум их колес мог произвести на казаков на позиции ложное впечатление, что арт. взвод оставил позицию и ушел, а поэтому продолжал, под действительным ружейным и пулеметным огнем, занимать свою позицию с готовыми пулеметами на случай прорыва пр-ка.

4 мая 1945 г. арт. взвод вел свой последний бой у Леес. 12 мая полк перешел Драву и сдал оружие англичанам. Арт. взвод в этот день с полком не был, т.к. от ген. Морозова получил приказание идти на соединение с обозом полка. Дорога была сплошь забита обозами и отступающими частями и наше продвижение было невозможно трудным. Невольно возникал вопрос — успеем ли проскочить до подхода фронта? К счастью, нам удалось своевременно дойти до нужного поворота и дальше арт. взвод уже двигался параллельно фронту и 14 мая присоединился к полку.

Заканчивая этот очерк, мне хотелось бы принести мою искреннюю и сердечную благодарность всем чинам арт. взвода за то бесценное, бескорыстное и всегда охотное выполнение ими задач, какие бы трудные и опасные они не были. Вера подчиненных в своего командира и доверие командира к своим подчиненным привели к тому, что арт. взвод 1-го казачьего ген. Зборовского полка так блестяще выполнил все возложенные на него задачи.

М. Бугураев

1 9 4 5

1 января объявлено распоряжение от 31 декабря 1944 г. об изъятии из названия Корпуса слова «Сербия», остается: «Русский Корпус».

О. игумен Никон, с 1. I. 1945, назначен корпусным священником.

10 февраля хауптм. Йордан назначен нач-ком отд. I-б, а об. лтн. Георгиевич — нач-ком отд. I-ц штаба Корпуса.

На основании приказа оберста Шредера, как заместителя к-ра Корпуса, от 16 февраля, чины Корпуса нашли нарукавные знаки «РОА».

20 февраля ген. Штейфон вернулся из командировки в Германию.

Приказом Главкома группы «Е» от 21 февраля, 5 полка об. лтн. Голофаел Петр награжден Железным крестом I класса.

Командиром Запасной роты с 26 февраля назначен хауптм. Жуков, а 14 марта — об. лтн. Гавликовский. Вр. и. д. нач-ка отд. II-а, 8 апреля, назначен майор Голубев; 14 апреля: хауптм. Бальцар — нач-ком отд. I-ц, а и. д. нач-ка отд. II-б — об. лтн. Ковалевский.

Ген. Штейфон, штаб Корпуса и штабные роты. 18 апреля, выступили из Сибить на Загреб. На следующий день к-р Корпуса прибыл в Загреб и стал в отеле «Эспланада» Колонна штаба Корпуса, пройдя 21 апреля через Загреб, двинулась из Самобор, куда прибыла 25 апреля.

29 апреля, хауптм. Бальцар назначен нач-ком отд. I-б.

Комкор, 29 апреля, смотрел полки, а вечером уехал из Загреба в Самобор, где был у всенощной (Вербная суббота). Утром 30-го вернулся в Загреб больным и вечером скончался. В командование Корпусом вступил командир 5-го полка, полковник Рогожин.

Приказ Русскому Корпусу за № 57 от 30 апреля 1945 г.:

« § 1. Сего числа в г. Загребе, в 17 час. 30 мин., скоропостижно скончался от паралича сердца командир Корпуса, ген. шт. ген.-лейтенант Борис Александрович ШТЕЙФОН.

§ 2. Во исполнение приказа Главкома Армейской Группы «Е», я вступил во временное командование Корпусом.

§ 3. Со смертью нашего командира Корпуса ген.-лейт. Штейфона,

Корпус понес тяжелую потерю. С самого основания Корпуса, будучи его создателем, и дальше в течение трех с половиной лет его существования, ген. Штейфон все свои духовные и физические силы отдавал на служение Русскому делу и его авангарду в вооруженной борьбе с большевиками — Русскому Корпусу. Безусловно, в моральном отношении, тяжелая и чрезвычайно ответственная работа подорвала его силы и здоровье, но командир Корпуса, как истый солдат, продолжал оставаться на своем посту. Пусть это служение долгу нашего покойного командира послужит нам, в эти тяжелые дни, примером для всех нас. Оберст Рогожин» (Очерк: «Последние дни Корпуса»).

Штаб Корпуса, 1 мая, выступил на Люблян и к утру прибыл в Лаак. Тело ген.-лейт. Б. А. Штейфона, 3 мая, погребено с воинскими почестями на герм. кладбище в Любляне — блок VIII, ряд 6, могила 16.

Назначения с 3 мая 1945 г.: командующим 5 полком — майор Попов-Кокоулин; Запасный б-н включен III-м батальоном в 1-й полк; III-й б-н 2 полка включен III-м б-ном в 5-й полк; к-ром этого б-на назначен майор Иванов.

Автоколонна Штакора, 9 мая, выступила из Лаака, прошла Крань и заночевала в Свирахе, 10-го — в движении на Тржич, 11-го прошла туннель и перевал, а 12 мая колонна всех частей Корпуса перешла р Драву и сдала оружие англичанам. Около 13 час. Корпус прибыл к Клагенфурту и расположился лагерем на поле «Виктринг»

В этот же день из Корпуса отозваны германский штаб связи и цалмейстерская часть. На все хозяйственные должности назначены русские чины Корпуса. Корпусным интендантом назначен хауптм, Мамонтов..

Для наблюдения за общим порядком. 13 мая, хауптм, Христофоров назначен комендантом лагеря и установлен порядок дня — часы подъема, утренней и вечерней зари. Объявлен приказ корпусной группе Зелера с выражением благодарности оберсту Рогожину, который, «при примерной поддержке старших начальников, с лучшей походной дисциплиной провел свой Корпус через перевал».

Роты: связи, снабжения и запасная, 16 мая, расформированы и обращены на формирование III-го батальона 4-го полка.

Приказом Германского Командующего Корпусной группой «фон Зелер», все офицеры, выслужившие срок, 16 мая, произведены в следующие чины: хауптманы и обер-лейтенанты, а представленные фельдфебеля — в лейтенанты. 18 мая Корпус перешел в район Кл. Ст. Файта.

И. д. корпусного священника с исполнением обязанностей полкового священника 5 полка, 26 мая, назначен о. Борис Молчанов.

В течение короткого времени образованы: корпусной хор, театр, струнный оркестр, группа гимнастов, дамский комитет, школы, отряд скаутов и различные курсы.

11 июня состоялось последнее награждение Железными крестами.

Герм. службы майор Эмер. 14 июня, ввиду нового назначения, вы-

шел из состава Корпуса. В связи с этим ему объявлена благодарность к-ра Корпуса за его трехлетнюю службу.

Добыть и отметить верность Родины, честное и жертвенное служение Ей чинов Русского Корпуса и сохранить в их воспоминании, пройденный ими, тернистый путь и светлую память о погибших на этом пути соратниках, приказом Корпусу от 28 июля, в день Св. Владимира, учрежден «Нагрудный знак Русского Корпуса».

Формирование рабочих рот началось 31 июля, после чего последовала отправка их на места работ.

1 ноября, распоряжением Английского командования, чины Корпуса переведены на гражданское положение и перевезены в лагерь Келлерберг. Русский Корпус прекратил свое существование и стал действовать «Союз бывших чинов Русского Корпуса». Началась шестилетняя эпопея Келлерберга.

1-й полк

Командный состав на 1 января: к-щий полком — ген.-м. Морозов, адъютант — хптм, Шляхтин, оф. для поруч. — об. лтн. Николаев, вет. врач — вет. шт. арцт Лепешинский, прик. к штабу — лтн. Кабанов и лтн. Заботкин, к-р I б-на — майор Головкин, к-р I сот. — хптм. Луговский, 2-ой — хптм. Дубина. 3-ей — хптм. Третьяков, II б-на — майор Скворцов, 5-ой сот. — об. лтн. Тропин, 6-ой — лтн. Свеколкин, 7-ой — об. лтн. Фартухов, сот. тяж. оружия — об. лтн. Киреев. Адъют. I б-на — лтн. Зерщиков, II-го — лтн. Леонов, врач I б-на — шт. арцт Мокиевский-Зубок, Герм. офицер для связи — майор Виннат.

Боевые действия полка за период от 1 января до 7 апреля описаны в очерке «Брчко — Челич». За этот период в полку были следующие потери командного состава: в разведке на Д. Брка, 14 января, легко ранен лтн. Старицкий; 17 января, в бою у Брчко, был убит лтн Ткаченко Иосиф; при нападении партизан на псезд у ст. Буджановцы, 26 февраля, ранен лтн. кн. Голицын; 7 марта, в с. Дреновцы при разборе советской ручной гранаты, взрывомъ ее, тяжело ранен об. лтн. Фартухов; 23 марта, во время разведки у Поточари убит лтн Свеколкин Иосиф; 4 апреля, в бою у Странищицы убиты лтн. Литынский Дмитрий, обер-арцт Вагнер Ор; 5 апреля, при нападении партизан на полковой обоз у с. Думовцы ранены: об. лтн. Гулыга и лтнты Сомов Борис и Черняев; 6 апреля у Брчко убит лтн. Колышкин Дмитрий.

7 апреля полк оставил Брчко. Примечательно, что в этот же день 5-й полк вышел из Зеницы. Таким образом, северная и южная группы Корпуса, несмотря на значительное удаление друг от друга, в один и тот же день оставили районы, занимавшиеся ими в течение зимы 1944-45 г.г., и начали движение на Загреб.

К вечеру 8 апреля части полка сосредоточились в с. Бошняци, за исключением I б-на, который продолжал вести бой у Джуричи. Убито 4,

ранено 10. II-й б-н, 10 апреля, занял участок у с Штитар, а I-й, 11 апреля, прибыл в Бошняци и 12-го перешел в Штитар. Убито 2.

Все части полка, 14 апреля, сосредоточились в с. Яруге и заняли участок обороны от р. Савы до с. Беровци. Ранено 3 Утром 15 апреля, красные повели атаку на Беровци восемью новейшими советскими танками типа Т-34. Три из них были уничтожены «противотанковыми кулаками», а остальные ушли обратно. Ранен и остался в строю к-р II-го б-на майор Скворцов, убито 4, ранено 12.

Весь день 16 апреля продолжалась перестрелка. Потери: 4 убито, 15 ранено, в том числе хауптм Дубина. 17 апреля, полк отошел к Оприсавци, а 19-го в Сл. Брод, откуда вечером 20-го выступил на сев.-запад и 21-го прибыл в Батрина, 22-го — в Бици-Бриг. 23-го — Н. Градишка. Начиная от Брчко, полк совместно с герм. армией отходит на Загреб вдоль р. Савы. Условия отхода весьма трудны, т. к. из-за полного господства в воздухе авиации пр-ка, переходы можно совершать только по ночам. Сначала наблюдались лишь одиночные советские аэропланы, затем появились эскадрильи по 5 американских бомбовозов, а в районе Люблина появились штурмовые аппараты партизан, атакующие поезда и колонны. Путь отхода по единственному шоссе запружен тыловыми учреждениями, обозами и боевыми частями 4-х дивизий: 222-ой, 41-ой, Принца Евгения и хорватской «Вражьей», а также устанами и домобранцами.

24 апреля полк прибыл в Рожланк. 25-го — в Батина, 26-го — в Лупоглав. 27-го апреля получено распоряжение о включении группы оберст-лтн. Морозова в маршевую группу оберста Рогожина. 28 апреля полк прибыл в Кральевац, а 29-го, пройдя Загреб, — в Подсусед, а затем в Запрешч. 1 мая — на ст. Ранн, где состоялась посадка в жел дор-эшелоны. Потери за апрель: убито — 47, ранено 163.

Эшелон I полка, 2 мая, прибыл в Зданя Мост. На ст. Креснице, 3-го мая, на эшелон совершили нападение три штурмовых аппарата партизан. Огнем тяжелых пулеметов они привели в негодность паровоз, обстреляли эшелон и сбросили три бомбы. Потери: 1 убит, 11 ранено, убито 15 лошадей и 5 ранено. Вечером эшелон был перевезен в Лаак, где разгрузился и направился в ближайшие села.

В состав полка, 4 мая, включен Запасный б-н ген. Черепова, составивший III-й б-н полка. В то же время б-н 2-го полка ушел из тактического подчинения к-ру I полка. В этот день II и III б-ны были переброшены на автомашинах в Леес и участвовали в наступлении на с. Вигаун, причем Гвардейской сотней, при содействии арт. взвода с боем, была занята казарма, где было 50 герм. жандармов, за час до этого положивших оружие. К вечеру части вернулись в Леес.

Штаб полка и I-й б-н, 5 мая, перешли в Радмансдорф, 6-го I-й б-н перешел в Блед, а 7-го вернулся в Радмансдорф. III-й б-н, 8 мая вел огневой бой у моста через Саву, сев.-зап. Леес 9 мая полк сосредоточился в районе с. Табор, 10-го прошел Тржич. За день прошли только 10 км.,

т. к. дорога забита германск., сербск. и словенск. частями и обозами. 11 мая части прошли туннель под хребтом Лойбль Пасс и вошли в Австрию.

Двигаясь на Клагенфурт, 12 мая, полк по дороге был встречен англичанами, которым и сдал оружие, ввиду капитуляции герм. армии.

2-й полк

III-й б-н, 10 января, вошел в боевое подчинение к-ру 1 полка.

13 января б-н имел бой у с. Брка, после которого б-н занял позиции у с. Брод, на которых оставался до конца марта, ведя ежедневные разведки и перестрелки.

21 марта, 11-я рота была выдвинута на с. Улович, чтобы поддержать огнем наступление немцев. Заняв с боем часть села, рота, после обхода пр-ком с запада, вернулась на прежние позиции.

Ввиду начавшейся операции для расширения тет-де-пона у Брчко, б-н, 29 марта, перешел в Бодернште, 30-го — в Дубравицу, а 31-го — в с. Вражичи, где стал на позиции и вел бой с пр-ком, причем 10-я рота высылала разведку на Зовик, а к вечеру сменила германский б-н.

К 4 апреля б-н отошел к с. Боча, к б-му — на свои старые позиции у Брод, а 7-го — на внутреннюю линию обороны Брчко, которое к вечеру было оставлено. Убито 5, ранено 18.

8 апреля б-н прибыл в с. Бошняци, 11-го — в Подгайцы, 12-го — в Жупанья, где 13-го б-н отбил атаки пр-ка, потеряв уб. 4 и ран. 20.

Простояв 14 и 15 апреля в резерве в с. Капонице, б-н 16 апреля перешел в с. Триянке Куте 17-го — в Оприсавци, 19-го — в г. Брод, 21-го — Андриевци и Бели Бриг, 22-го — Шивнице, 23-го — Нова Градишка, 24-го — Рождани и Банова Яруга, 25-го — Кутина, 26-го — Ведреняк, 28-го — Сесвети, 29-го, пройдя Загреб, прибыл в Подсусед и в Запрежье. 1 мая прибыл на ст. Ранн, где погрузился в жел. дор. эшелон и 2 мая прибыл в Любляну.

По прибытии, 4 мая, на ст. Лаак и выгрузившись, б-н стал в с. Св. Дух откуда 9 рота с придачей ей чинов 10 и 11 роты, под командой полковн. Нестеренко, была направлена в Радмансдорф, где участвовала в боевой операции, после что была выдвинута на Леес.

5 мая 10 и 11 роты перешли в с. Зальцах, где заняли позицию и в течение 6 и 7 мая вели разведку, а 8 мая отбили нападение партизан и к вечеру прибыли в Лаак. В эти же дни 9-я рота занимала заставами мост на Саве и жел. дорогу на Ясенице. отбивая партизан, а 9-го присоединилась к б-ну, прибывшему в Тржич.

10 мая б-н прибыл в Св. Анну, 11-го прошел туннель и прибыл в Унтерберген, а 12-го сдал оружие англичанам и стал в общем биваке Корпуса, войдя III-м батальоном в состав 5-го полка.

3-й полк

Будучи сменным на позициях у с. Быстрица, Запасный батальон ген. Черепова, 9 января, прибыл в Сараево, а 15-го — в Бусовачу, где

поступил в оперативное распоряжение к-ра 5 полка и занял район Баре — Ковачичи (Очерк «За горкой»). За время наступления на Травник, б-н занимал позиции Ковачичи — Г. Ровно, Махала — Каймановичи, 21-го января б-н получил участок обороны: Крияча-Одмека-Купреш.

При отступлении от Травника, б-н своим правым флангом примыкал к позиции 5-го полка и вместе с ним участвовал в обороне Бусовачи.

2-я рота, окруженная у Одмека, 23 февраля, расстреляв все патроны, штыками пробилась к тяжелому взводу на выс. 529.

24 февраля пр-к обошел крупными силами опорные пункты Западного б-на Одмека-Крияча и б-н отошел на зап. окраину Раван и занял для обороны высоты 527-529, установив связь с 5 полком. В этот день пострадал его обоз — несколько повозок уведено партизанами.

От 7-го до 9-го марта б-н находился в Бусоваче.

10 марта б-н перешел в Зеницу и 12-го занял участок обороны с задачей охранять жел. дорогу, а в особенности мосты у Зеницы и у с. Д. Грачаница. С 13-го марта по 7 апреля штаб б-на — в Тетово. Ввиду начавшегося движения 5 полка на север, Западный б-н, 11 апреля, снят с охраняемого им участка, погружен в ж. д. состав и двинут на Жепче; 13 апреля, к северу от Завидовичи подвергся бомбардировке авиацией — 4 ранено. 14 апреля прибыл в Маглай и стал в резерв 5 полка; 16-го прибыл в Руданка, где бомбами авиации пр-ка было ранено 2; 17-го — Мулабегови-Жеровац. Много оставших и подбившихся людей.

18 апреля б-н прибыл в Сибинь, где представлялся к-ру Корпуса; 19-го Н. Градница; 20-го — Новска. Для обеспечения участка ж. д. и шоссе на Загреб, к вечеру 20 апреля, прибыл в Поповац, откуда в течение нескольких дней высылал разведку на выс. 257. 25 апреля движение продолжалось и 28-го прошел Загреб. 29 апреля у Стеневац ген. Штейфон смотрел и благодарил батальон.

2 мая б-н в составе 15 оф., 50 унт. оф. и 158 стрелков, всего 223 чел., с 27 легк. пулеметами, вошел в 1-й полк, как III-й б-н. Штаб б-на и 2 рота составили 9-ю, 1-я — 10-ю и 3-я — 11 сотню.

4 мая б-н прибыл в Леес и повел наступление на с. Вигаун. В этом бою был убит ефр. Малашихин Федор — последняя потеря Русского Корпуса — и ранено 6, в том числе хауптм. Гетц. 8 мая б-н вел огневой бой с пр-ком, пытавшимся переправиться через р. Саву.

9 мая б-н прибыл в с. Табор. 10-го — Тржич. 11-го, пройдя туннель под хребтом Лойбль-Пасс, вошел в пределы Австрии.

12 мая, вместе со всеми частями Корпуса, перешел Драву и сдал оружие англичанам.

4-й полк

По случаю смерти к-ра 4 полка оберста Гескета, был отдан следующий приказ Русскому Корпусу за № 281:

«23 октября 1944 г., в бою с красными, погиб доблестный командир

4-го полка оберст Гескет. В течение более 3-х лет своей службы в Русском Корпусе, оберст Гескет все свои силы и свою выдающуюся энергию отдавал делу борьбы с большевиками. Господь не привел его увидеть освобожденную Родину, которую он так пламенно любил и которой так верно служил. С большой скорбью преклоняюсь перед светлой памятью моего верного и храброго помощника. Да упокоит Господь его благородную душу: Ген.-лейт. Штейфон.»

Нач-к 104-ой Егерской дивизии наградил 25 января майора Эйхгольца Железным Крестом 2-ой степени.

Ведя в течение января бои и разведки, части полка, вместе с 5 полком, приняли участие в 3-й Травниковской операции, наступая, главным образом, к северу от дороги Лашва-Травник. 4 января был ранен лтн. Шеффер Владимир, а 10-го — лтн. Донченко.

По окончании боев, к 30 января, расположение частей полка было следующим: штаб полка — хутор у Травника. I б-н — Букве, II-й б-н — Мозор, Гучья Гора и др., III-й б-н — район с. Бандол, кроме 10 роты, которая вошла в состав гарнизона Травника.

19 февраля — начало отхода от Травника и боев за монастырь «Гучья Гора» (Очерк — «Не на жизнь, а на смерть»).

20 февраля I б-н вел бой у с. Букве и отошел на Толовичи, где сосредоточилась большая часть полка. 22-го части полка отшли в Пачулице, а 23-го — в Зеницу. За этот период полк понес следующие потери в командном составе: 17 февраля убит лтн. Измайлов Александр, 20-го ранен майор Попов-Коккоулин, 21-го ранены: лтн. Головки, лтн. гр. Коновницын, об. лтн. Низовцев, лтн. Пьянов и хауптм. Роговской.

Из-за больших потерь, полк 24 февраля был переформирован в два б-на, для чего был расформирован, с сохранением штаба б-на, III-й б-н, причём 10-я и часть 11-ой роты пошли на пополнение I б-на, а 9-ая и остальная часть 11-ой — на пополнение II б-на. Командный состав: к-р I б-на — майор Шелль; к-р I-ой роты — лтн. Дмитриевский, 2-ой — лтн. де Бодэ, 3-ей — лтн. Драценко; к-р II б-на — майор Попов-Коккоулин; к-р 5-ой роты — об. лтн. Орлин, 6-ой — хауптм. Роговской, 7-ой — хауптм. Левиндонский; к-р III б-на — хауптм. Христофоров; к-р Охранной роты — об. лтн. Гумбин; к-р взвода ПАК — лтн. Георгиевский; к-р Конн. взвода — лтн. Попов; к-р Арт. взвода — об. лтн. Егоров; к-р Сап. взв. — лтн. Головки. Адъютант I б-на — лтн. Гранитов, II-го лтн. Навроцкий Ан., III-го — лтн. Гурчин; вск. врач — Пашкевич, врач I б-на — об. артц. Алферов.

В связи с получением новой задачи — охрана жел. дор. от Зеницы до Желче, части полка 5 марта начали прибывать во Врандук, а 12-го — в Желче. Одновременно производились экспедиции, так, 7 марта II б-н ходил на правый берег р. Босны, 9-го в Ораховице, 21-го — на Нови Шехер, 27-го — на Бегов Хан, 31-го — на Нови Шехер, 7 апреля — операция I б-на и 7 роты в районе Куличи-Быстрица-Старина, 10-го

апреля II-й б-н вел бой по отражению нападения партизан у Желче, причем был ранен лтн. Кох.

Получив приказание перейти в район Добой, полк 15 апреля начал движение на север и прибыл в Чифлие, 16-го — в Иховац, 17-го в Заровац, 18-го — в Сибинь. Здесь к-р Корпуса смотрел проходящие обозы и отдельные роты полка.

19 апреля полк прибыл в Н. Градишку, 20-го — в Новску, где получил боевую задачу прикрыть Новску и шоссе со стороны Липик-Поляна, заняв район Брезовац. В темноте полк достиг окраины с. Субоцкий Град, где и остановился, связавшись с 5 полком в с. Половац.

Здесь полк, 25 апреля, был сменен и продолжал движение на Загреб. 26-го прибыл в Грачаницу, 27-го — в Пркоч-Хребинец, 29-го — в Куштоше, 30-го был погружен в ж. д. составы, двумя эшелонами был переброшен на ст. Рефече, где 1 мая выгрузился и стал по квартирам в с. Цаухен, где полк получил задачу: выдвинувшись в район Цирчина, вести наблюдение на ю.-з. и зап. 3 мая перешел в район Хотауле-Горейновац; 8-го — в Сининь-Пропратно; 9 мая занял позицию в районе Крань, а затем перешел в Табор.

На рассвете 10 мая полк подошел к Тржичу, а к вечеру — к Св. Анна перед перевалом и туннелем. 11 мая прошел туннель и 12-го расположился биваком у р. Дравы, переход через которую начался в 9 час. Сдав оружие англичанам, полк занял свое место в общем корпусном лагере у с. Виктринг

5-й полк

Получив задачу упорно оборонять занятый полком район к северу и западу перекрестка шоссе Бусовача-Лашва-Травник, полк до 20 января вел разведку, укреплял позиции и отбивал нападения партизан.

Приказом полку от 5 января объявлена благодарность к-щего боевой группы унт. оф. Пяткину, Гибалову и четырем стрелкам Конного взвода, с опасностью для жизни освободивших двух немецк. солдат из части села, занятой партизанами

Штабс-аршт Бандурко, 9 января, вступил в исполнение должности полкового врача 5 полка.

Третье наступление по овладению Травником началось 20 января и в этот день полк достиг рубежа: Риска-Гачичи-Махала. Был смертельно ранен лтн. Тарони, умерший 26 января. 21-го занято с. Черкез и Крушица, 22-го — В. Мошунь, Подхумлье, Гладник.

Соседние с полком части, после короткого боя 22 января, вошли в Травник. Полк занял Бучичи и Ранковичи-Лазине, а 24-го перешел к обороне занятого района, ведя разведку.

Ввиду эвакуации по болезни об. лтн. Краснова, полкским адъютантом 5 полка, 3 февраля, назначен об. лтн. Ивановский.

15 февраля пр-к перешел к активным действиям, атаковав Лазине. 16-го и 17-го шел бой в районе Д. Вечериска-Хум-Бучичи-Баличи. Ране-

ны и остались в строю лт-нты: Ситковский и Ветер, 18-го убит лтн. Кудрявец и ранен об. лтн. Лабинский. Травник оставлен.

Будучи в течение нескольких дней в полном окружении, I-й б-н, в ночь на 20 февраля был атакован большими силами и в 4 часа скрытно отошел на шоссе Травник-Вилез; 21-го отошел к г. Витез, а II бн. — на Вечериска и Риска. Смертельно ранен и вскоре скончался к-р 5 роты хауптм. Кондратьев; 22-го ранен лтн. Гребнев, 23-го умер от ран оберст-лти. Зинькевич Михаил (Очерк — «Из прошлого»). 24-го умер от ран об. лтн. Чибринов Тихон.

Действия полка вплоть до 1 марта описаны в отдельном очерке «Бусовача». 1 марта ранен лтн. Гуссаковский.

Ввиду больших потерь, полк, 3 марта, сведен в два батальона.

Командный состав: к-р I б-на — хауптм. Бредов, к-ший 1 ротой — лтн. Кравченко, 2-ой — лтн. Сахаровский, 3-ей — об. лтн. Бондаренко, 4-ой — об. лтн. Марасанов; к-р II б-на — хауптм. Мирошниченко, к-ший 5-ой ротой — лтн. Саринов, 6-ой — лтн. Бодрухин, 7-ой — лтн. Петрашевич, 8-ой — об. лтн. Гордеев-Зарешкий, с взв. к-ром — лтн. Калабушкиным. 10 марта 6-ю роту принял, вернувшийся после ранения об. лтн. Смолд-Смоленко, а 7-ю вместо лтн. Петрашевича, убившего на курсы РОА, — лтн. Бодрухин.

По окончании Бусовачской эпопеи, II б-н, 8 марта, перешел на ст. Лашва для занятия участка обороны ж. д. линии и шоссе Зенница-Лашва-Какань, а остальные части полка, 9-го — в Зенницу. 13 марта Конный взвод отбил нападение партизан в Клопче, причем огонь из одного пулемета вела жена к-ра взвода — Нина Голофаева.

Приказ 5 полку № 44 от 13 марта 1945 г.:

«28 февраля с. г. радио-граммой Командира XXI Горного корпуса я награжден орденом Железного Креста 1-ой степени. Столь высокое боевое отличие я отношу всецело к заслугам полка, храбрости и беззаветному самоотвержению моих доблестных солдат.

... Я горячо благодарю всех чинов полка за проявленные ими храбрость, самоотвержение и доблесть в тяжелый период боев с 16 февраля по 1 марта 1945 г. Рогожин, оберст и к-р полка».

В течение последующих дней б-ны вели разведку в своих районах. 21 марта I б-ном была произведена операция против партизан в районе с. Радичи, а 25-27-го — в районе рудника Какань.

Приказ командира XXI корпуса от 21. 3. 45.:

«Унтер-офицер Константин Сафаревич полка Рогожина Русского Корпуса, после полученного тяжелого ранения в боях под Травником, 24. 2. 45., ампутировал сам себе ногу, перетянул артерию и сам себе наложил повязку. При этом и за тем полностью выполнял свой долг командира тяжелого пулемета. К тому же он заботливо старался об уходе за ранеными. За его выдающуюся и примерную храбрость выражаю ему мою особую признательность, награждаю его Железным Крестом II класса и

произвожу его за храбрость, проявленную в бою, в фельдфебели. Лейзер, генерал от инфантерии.»

28 марта эвакуирован контуженный об. лтн. Смола-Смоленко и 6-ю роту принял лтн. Бодрухин, а 7-ю — лтн. Пивоваров. 29 марта произошло нападение партизан на жел. дор. линию Д. Яковина — Медрине — Долови (Очерк — «Случай или воля Божья»). На помощь II 6-ну был направлен I-й, прибывший на ст. Лашву и затем участвовавший, совместно с герм. частями, в операции в районе рудника Какань. По окончании ее, 5 апреля, 6-н вернулся в Зеницу, а 7-го началось движение на север.

Пройдя Врандук, Голубинье, Жепче, Маглай, Добой, Дервенту и Бос. Брод, части полка форсировали в ночь на 18 апреля мост через Саву и двинулись дальше на Н. Градишку, причем стрелковые части полка имели отдых в с. Сибинь.

Прибыв в Новску, 20 апреля, полк занял участок обороны в районе Поповац и, ведя разведку, 25-го был сменен герм. частями и выступил на Загреб. Приказом к-ра XXI корпуса общее командование на походе 4 и 5 полками поручено на оберста Рогожина, а 27 апреля — маршевой группой всех частей Корпуса.

Пройдя Загреб 29 апреля, полк задержался в этом районе, где его смотрел ген. Штейфон, несколько раз назвав его «железным». Погрузившись в вагоны, полк 30 апреля отбыл на Люблян и 1 мая прибыл на ст. Лаак, где выгрузился и занял позиции в районе Зайрах. 7 мая части полка двинулись на Крань и, пройдя его, 8-го мая прошли Наклас и 10-го — Тржич. 11-го — туннель и прибыл в с. Унтерберген.

12 мая, 5 полк, в составе общей колонны Корпуса, начал движение через Драву и далее к Клагенфурту. Сдав оружие англичанам, полк стал биваком у с. Виктринг.

II-ой БАТАЛЬОН 5-го ПОЛКА

Переформирование в Рашке и Сараевский поход

Простояв в селе Биляновац три дня, где после тяжелого перехода через горные массивы Ястребац и Копаоник, III-й батальон 4 полка отдохнул, накормился и, благодаря заботам командира 5 полка полковника Рогожина, приедлся, получив новое обмундирование и обувь, он был переведен в г. Рашку. 23 октября я был вызван в штаб группы, где под председательством ген. Гонтарева состоялось совещание по поводу приказа Главнокомандующего ген. Леера о снятии с постов частей 3-го и 5-го полков и создании из них, под командой ген. Гонтарева, сильной боевой группы, способной пробить

Практическая стрельба артиллерийского взвода 3-го полка

Артиллерийский взвод 1-го каз. полка на автомобилях

Орудия противотанковых полковых взводов

Бункер, охраняющий мост и туннель

Огонь из бомбометов в бою 1-го полка под Лешницей

Сгоревший бункер № 174

путь на Сараево. В результате этого обсуждения ген. Гонтарев отдал приказ о сведении частей в полк усиленного состава, командиром которого назначался полк. Рогожин. За отсутствием майора Шелля, я был назначен командиром II-го б-на, а мой бывший III б-н 4 полка вошел 3-ей ротой усиленного состава в I-й б-н полка. Галушкина.

Из офицеров 4 полка мне удалось получить только лейт. Назимова на должность офицера-ординарца. Адъютантом приказано было оставить адъютанта прежнего б-на 5 полка, лейт. Навроцкого.

К-ром 5 роты назначен полк. Кондратьев при взводных к-рах, лтн-тах Пивоварове, Трубицыне и Ходове.

К-ром 6 роты — сотник Бондаренко, при взводных к-рах лейт-тах Самсонове, Зелепухине и Ситковском.

К-ром 7 роты — подполк. Мирошниченко, при взводных к-рах, лейт-тах Саринове, Ергине и Пустовалове.

К-ром 8 тяжелой роты — полк. Гордеев-Зарецкий, при взводн. к-рах, лтн-тах Пустовойтенко, Кравченко и Гришкове.

Батальонным врачом — доктор Баев и немецк. офицером для связи — лейт. Крюгер.

В поход на Сараево мой батальон выступил 9 ноября, когда уже была сдана Косовска Митровица, а на ст. Лепосавичи были взорваны станция и все подвижные составы.

Сараевский поход был тяжел тем, что приходилось часто взбираться на крутые подъемы, при весьма сильных морозах, зачастую в гололедицу.

Прибыв в с. Быстрицу, мы узнали, что это село было взято с боя 3-й ротой шт. ротм. Лабинского, причем в этом бою был убит доблестный ротм. Березин.

Примерно в 60 км., не доходя до Сараева, я был остановлен каким-то нем. генералом, который приказал мне стать на позицию правее шоссе против партизан, занимавших высоты. Простояв на этой позиции 6 дней, я был вызван в штаб этого генерала, где он сделал мне распоряжение немедленно снять батальон с позиции и следовать на Сараево.

В 10 км. от Сараева, на перекрестке шоссе, ко мне подошел фельд-жандарм и передал пакет с приказанием итти

по левому шоссе и следовать до станции Пале, где и приступить к погрузке на жел. дорогу. Этот маленький кусок был настолько забит различными нем. частями и обозами, что в ночное время марша нам стоило больших усилий пробиться через них. Через два дня, 9 декабря, был подан куцый состав, в который б-н еле втиснулся.

Прибытие в Бусовачу и 1-ая Травникская операция

Во время переезда эшелона из Сараево, не доезжая станции Какань, я был предупрежден, что эта станция накануне была занята партизанами, которые вновь собираются ее занять, чтобы перерезать железнодорожное сообщение.

Пришлось принять меры предосторожности. По прибытии на эту станцию, эшелон был задержан на ней два часа ввиду отсутствия связи и в 10 час. вечера 9 декабря двинулся в направлении ст. Лашва, куда и прибыл около полуночи. По прибытии б-на 10 декабря, походным порядком к перекретку двух шоссе Зеница — Бусовача и Бусовача — Витез, полк. Рогожин ознакомил меня с обстановкой и дал задачу моему б-ну в предстоящей боевой операции. Б-ну было приказано занять исходное положение в лесу, к северу от с. Каоника, откуда повести наступление на восток по направлению высоты 515 — с. Топола, которая была сильно укреплена бункерами и за ней находилась неприятельская батарея. По овладении этим рубежом, продвигаться далее на запад и по взятии рубежа с. Поднадиоцы — с. Надиоцы, прочесать большое село Дубравица и выйти к Витезу, где ожидать дальнейших распоряжений. Правее меня должен наступать I-й б-н полк. Галушкина, который прибудет из Зеницы и в ночь на 11-ое ночует в с. Елинац. Задачей I б-ну ставилось: Наступая правее моего б-на, взять с. Кратину и далее с. Ахмичи, Пиричи и высоту 592 (севернее села Дубравица).

Левее меня, через реку Лашву, должен был наступать нем, б-н в направлении с. Расно.

Примерно в 3 часа ночи, по телефону было передано приказание б-ну занять исходное положение и, войдя в связь с

полк. Галушкиным, начать наступление ровно в 7 час. утра. Посланные в с. Елинац, доложили, что в Елинце нет ни наших частей, ни партизан.

Войдя в связь с нем. артиллерией, я просил ровно в 7 час. открыть огонь по с. Кратина, а в это же время тяжелой роте полк. Гордеева-Зарецкого, которая стала на укрытую позицию в лесу сев. Каоника, южнее высоты 557, обрушиться своими бомбометами по с. Топола; 5 роте вести наступление на высоту 515; 6-й — на с. Тополу, имея уступом 7-ю роту.

После ураганного артиллерийского и бомбометного огня, роты двинулись и стремительным ударом выбили партизан. При занятии Тополы были ранены лтнты Ергин и Пустовалов.

О батальоне полк. Галушкина ни слуху, ни духу. По взятии первого рубежа, б-н начал вести наступление на второй рубеж Поднадиоцы-Надиоцы, но тут мы начали получать сильный ружейный огонь со стороны правого фланга, откуда должен был подойти 1-й б-н. В бинокль ясно было видно, что со стороны с. Врховине спускаются с гор, стреляющие по нас, довольно крупные силы, причем ясно было видно некоторое количество вьючных животных, чего не было у нас. Я сообразил, что это, конечно, партизаны и, чтобы они не охватили мой правый фланг, фронтом на север в направлении с. Кратина, направил 7 роту, а сам с 5 и 6 ротой продолжал наступление.

Когда роты заняли второй рубеж и с. Ахмичи, которое должен был взять 1 б-н, было получено приказание отойти в исходное положение, удержав за собой высоту 515. Как оказалось, левее атака немецкого б-на захлебнулась и он не был в состоянии продвинуться вперед.

Что же касается 1 б-на, то, продвигаясь из Зеницы двумя дорогами, он напоролся на партизан и, войдя с ними в бой, понес потери, причем был ранен и к-р б-на полк. Галушкин, вследствие чего б-н и не прибыл к исходному положению.

Вторая операция по овладению гор. Травником

27 декабря последовало приказание о наступлении в направлении села Витез.

II б-ну 5 полка было приказано в 9 час. утра выйти из исходного положения и по взятии с. Топола продолжать наступление, как и 11 числа, с добавлением рубежей, предназначенных тогда для I б-на.

Энергичным ударом при поддержке немецкой артиллерии, сильно укрепленная Топола была взята, только на этот раз потери были несколько большими: 11 числа наступление обошлось всего в 6 раненых, теперь же одними убитыми насчитывалось 6.

По занятии б-ном рубежа с.с. Ахмичи-Пиричи, поступило приказание дальше не продвигаться ввиду того, что части левее нас, через реку Лашву не могли продвинуться.

В командование боевой группой вступил очень энергичный полковник Риттер фон Эберлейн, подчинивший мне все части, находившиеся на нашем берегу реки Лашвы, в состав которых входил немецкий батальон и хорватская рота.

Вскоре началась подготовка к овладению г. Травник, вследствие чего произошла перегруппировка частей. Мой б-н был передвинут по другую сторону реки Лашва на место б-на ротм. Шелля 4 полка, сменившего меня. Б-н занял позицию выс. 553 — Неопалье до с. Ковачичи, которую занял б-н ген. Зинькевича, под вр. командованием полк. Бальцара. Правее моего б-на до с. Зап. Шафрадини, позицию занял I б-н ген. Бредова.

В ночь на наше православное Рождество б-н был снят с занимаемой позиции и сосредоточен в с. Зап. Шафрадини, из которого должен был перейти в атаку на высоту 517, по охвате которой, двигаться далее на сев.-запад и занять западную часть с. Риека. I б-ну было приказано наступать левее моего б-на в направлении с. Биланье. Примерно, после полудня указанные пункты были заняты.

Расположившись на ночлег в с. Риека и выставив надлежащее охранение, мы с наступлением утра должны были атаковать высоту 495, лежащую на север от большого села Крушчица.

В с. Крушчица мы простояли два дня, затем б-ну было приказано сняться и через большое село Витез перейти в

с. Д. Вечериска и расположиться в западной части такового против высоты 744 — Хум, которая, как важный ключевой пункт, была занята партизанами.

В с. Д. Вечериска 31-го января состоялся смотр б-ну Начальником боевой группы полковником Риттер фон Эберлейном, который прибыл передать пожалованные железные кресты мне, лейтн. Назимову и четырем солдатам б-на. После смотра состоялся банкет в присутствии к-ра полка и нач-ка боевой группы.

Вскоре б-ну было приказано занять исходное положение у сев.-зап. окраины села для предстоящей атаки выс. «Хум». По занятии высоты, б-ну приказано было в обхват справа атаковать большое село Велик. Мошунь. Слева от высоты был двинут I б-н ген. Бредова, который должен был, минуя Хум, ворваться в село В. Мошунь с юга. 22 января к 3 часам б-н через Подхумлье ворвался в село В. Мошунь. Немедленно мы по радио связались с к-ром полка, который приказал моему б-ну оставаться в селе В. Мошунь, а по прибытии б-на ген. Бредова, таковой направить дальше в направлении с. Бучичи, которое и занять.

Через два дня б-н был сменен б-ном 4 полка под командой полк. Христофорова, а моему б-ну было приказано двинуться через Кальварию. Мал. Мошунь и Ивляк в Д. Вечериску, в которой и расположиться.

Правый участок было приказано занять б-ну ген. Бредова и удерживать район «Бучичи—Баличи», средний участок занять моему б-ну и оборонять выс. Хум с Подхумлье, село Подхумлье, в стыке с I б-ном и 6-я — выс. 566 — Баскаради и удерживать район села Лупнице.

Роты б-на, расположенные: 5-я на самом Хуме. 7-я — в Подхумлье, в стыке с I б-ном и 6-я — выс. 566 — Баскаради, стойко удерживали от наседавших с каждым днем партизан.

Каждый день по ночам партизаны начали бешено атаковать Хум, который стойко держался, но, в конце концов, наши слабые силы начали сдавать и часто по ночам откатывались с Хума вниз, но каждый раз с рассветом положение восстанавливалось контратаками, при мощной поддержке не-

мецкой батарее, стоявшей на позиции у с. Дивьяк, а также батарее полк. Мурзина, стоявшей у с. Витез. К сожалению, большая часть снарядов этой батареи не разрывалась и давала клевки.

Во время ночных «кадрилей», как-то раз, 21 февраля, ко мне спустился с Хума полк. Кондратьев и доложил, что у него предчувствие, что он ночью будет ранен в живот; два раза он был ранен в живот во времена Добровольческой Армии в рядах Корниловского полка, которым он командовал в свое время, но теперь он чувствует, что это предстоящее третье ранение будет уже роковым и просил некоторое время остаться у меня. Успокоенному мной, как только было можно, полк. Кондратьеву всё же пришлось вскоре, благодаря сложившейся обстановке, подняться на Хум к своей роте, где он, действительно, был ранен в живот и вскоре скончался.

Остатки 5 роты не вытерпели сильнейшего нажима и начали отход; начали отходить и другие части в направлении к Бусоваче. Чрезмерная усталость в ежедневных, непрерывных боях без сна, сделала свое дело и люди выбились из сил для дальнейшего сопротивления. Конечно, в нормальной боевой обстановке такие части давным давно были бы отведены на отдых, но сменить-то их было некем. В конце концов, этот отход был остановлен 24 февраля около Бусовачи, в которой сосредоточилось всё, тут оказались штабы, обозы, артиллерия и пр.

Надо было во что бы то ни стало организовать оборону Бусовачи, которая оказалась зажатой в тесное кольцо неприятелем, без всякого подвоза продовольствия и огнестрельных припасов.

Л. Трескин

ЧЕРЕПОВСКИЙ ПОХОД

1. Сиеница

После двух лет службы на бункерах по охране жел. дор. линии Кральево-Митровица, я выступил из Рашки 3-го ноября

1944 года с Тяжелым взводом Запасного б-на ген. Черепова в поход на Сараево.

Впереди предстоял коварный противник, тяжелый, заснеженный путь по серпантинам Боснийских гор и другие тяжести похода для нашего возраста (средний 58 л.); позади остались насиженные места, бункера с легкой службой и удобствами, «мирное время», исключая последние месяцы перед походом, когда начались встречи с противником, а после них, свежие могилы соратников.

Вечером 6-го ноября б-н пришел в Сиеницу. Здесь нам объявили, что завтра будет дневка.

Управление б-на и наш Тяжелый взвод поместили под навесом у мечети. Роты б-на — на хуторе возле Сиеницы.

Когда я получил свое место под навесом, меня отправили к батальонному артельщику, пор. Коровину получить из интендантства продукты на б-н, численностью в тот вечер в 450 чинов. Через 6 месяцев, в селе Тигринг — Австрия, я опять получал продукты на батальон, но численностью в 153 чина. Где же наши соратники остались?.. О них будет речь впереди...

На утро лучи восходящего солнца ярко осветили и приветствовали Сиеницу и нас. Свежий осенний ветер бодрил стрелков во дворе мечети, собравшихся у крана. Каждому хотелось, после четырех дней похода, побриться и освежиться водой. Недалеко от крана, на камнях, возвышался взводный котел, заменяющий нам походную кухню; в нем повар Аполлонин готовил барана, купленного у серба нашим способным артельщиком пор. Линевым.

Неожиданно на Сиеницу налетели неприятельские истребители. Мы открыли по ним ружейный и пулеметный огонь. Где-то разорвались несколько малых бомб и опять наступила тишина. Мы начали собираться у котла, ожидая раздачи обеда, но не дождались: на Сиеницу летела группа вражеских бомбовозов.

Вокруг нас из развалин извлекали тела убитых солдат и местных жителей. Сиеница была разбита, но мечеть с минаретом уцелела. На второй день налет повторился. На этот раз, как говорили, Сиеницу сравнивали с землей.

Через 2-3 часа после налета наш взвод, по тревоге, был вызван на позицию за разрушенный хутор с нашими ротами.

Мы крестились и читали надписи, проходя мимо свежих могил дорогих соратников — первых жертв нашего последнего Череповского Похода. Говорили, что здесь сложил свою голову известный Белый Воин — проф. Даватц.

Вечером нас сняли с позиции. Батальон сомкнул свой поредевший строй и выступил из Сиеницы, оставляя позади дорогие могилы соратников.

2. На реке Лим

На третий день после выступления Запасного б-на из Сиеницы, мы пришли на хутор Быстрица у реки Лим. Здесь, при дороге стоял крест на свежей могиле лейтенанта Березина, подтверждающий слухи, что роты 5-го полка, на смену которых мы прибыли, вели упорные и непрерывные бои с партизанами.

Обоз б-на остался на хуторе, а мы переправились через реку и заняли позиции по высотам, прилежавшим к шоссе, по которому беспрерывно тянулись отступавшие немецкие части.

Наш Тяжелый взвод распределили по ротам б-на. Несколько пулеметчиков, в том числе и я, назначены в роту полк. Гетца.

Установив пулеметы в готовые гнезда на позиции, мы заняли недалеко от них небольшой, ветхий сарай, насквозь продуваемый холодным осенним ветром. Теснота и соломенная крыша не позволяли развести в нем костер.

После пристрелок пулеметов по намеченным целям впереди позиций, настало полное затишье. Мы ежеминутно ожидали нападения партизан, а они, как в воду канули. Наши глубокие разведки по населенным местам доносили, что противника нет нигде. Местное население уверяло нас, что партизаны, с появлением нас на этих позициях, покинули этот район, и мы можем спать спокойно; они были правы: мы простояли без выстрела по врагу на этих позициях 49 дней. В это время на противоположной стороне реки Лим, где позиции занимали итальянцы, оставшиеся верными Муссолини и не-

мецкие артиллеристы, велись непрерывные бои. Часто на хуторе Быстрица мы видели много раненых и убитых с той стороны реки Лим. Наш б-н и здесь потерял из своего состава — несколько чинов было отправлено на лечение в тыл.

Когда б-н был снят с позиций на реке Лим, мы узнали, что партизаны не оставляли этого района, и на второй день после смены нас немецкими частями, возобновили упорные бои, неся и нанося большие потери. Часто в походе, сидя у костров, мы разбирали основательно вопрос о миролюбивом отношении к нам коварного врага и нашли совершенно верный ответ: партизаны боялись старого Череповского батальона.

Население передавало партизанам состояние нашего духа и тела, и среди их бригад разнеслась дурная слава о нашем батальоне, что мы до того стары, что едва влачим ноги, поэтому принудить нас к отступлению они считали весьма безнадежным делом; они также хорошо знали, что мы владеем оружием на много лучше молодых и имеем большой военный опыт, добытый во многих войнах. Боясь больших потерь в своих бригадах, без всякого успеха, они не нападали на нас. Подобное нам говорили и местные жители, когда мы спрашивали их о причине ухода партизан с нашего района.

Жутко вспоминать сейчас ту свирепую зиму... Нередко, вырытые в снегу ямы спасали нас от жестокого ветра, а ведь одеты мы были далеко не по-зимнему!

Когда мы выступили из хутора Быстрица, нас встретил в пути самый грозный враг для нашего возраста — мороз.

3. Мороз

Днем 29-го декабря 1944 г. немецкая часть сменила б-н ген. Черепова на позициях у р. Лим. Поздно вечером б-н выступил из хутора Быстрица. Стрелки шутили, смеялись и бодро зашагали вперед, радуясь скорой встрече с частями Русского Корпуса после двухмесячной оторванности от них. За эти два месяца наш отец-командир, ген. Черепов неоднократно требовал в немецком штабе переброски нас к частям Русского Корпуса, но его требования оставались «гласом вопиющего в пустыне». Надежда на встречу со своими у нас с каж-

дым днем угасала. Совершенно неожиданно, где-то в немецком штабе вспомнили о нашем батальоне, и мы идем к своим соратникам, а с ними... «и смерть красна». Война приближалась к определенному концу: к поражению немецкой армии.

С выступлением батальона из хутора, начался обильный снегопад. За ним пришел наш сильнейший враг в горах Боснии — мороз. Многим чинам б-на приходилось проводить дни и ночи в снегу при жестоких морозах в годы гражданской войны и первой мировой, но тогда наши молодые годы успешно боролись вместе с нами с морозом; теперь они помогали ему повалить и уничтожить нас.

Мы поддерживали себя надеждой на Сараево, где будет продолжительный отдых в теплых казармах, горячая пища и замена истоптанной обуви и рваной одежды новой. Каждый пройденный километр пути, холод, голод и недосыпание отнимали у нас последние силы. Среди стрелков появились галлюцинации и умопомешательства.

Далско позади нас остались разрушенные местечки Приеполье и Прибой, не давшие нам ни теплых помещений, ни отдыха. Теперь мы надеялись на г. Вышеград, к которому б-н подошел в полдень и остановился, пропуская немецкую артиллерию, с трудом сползающую по крутому, названному нами, чортову спуску.

Среди ночи мы вошли в разрушенный г. Вышеград. Спали в разбитом сарае 2-3 часа, и с рассветом снова в путь...

Через несколько дней, в ясное морозное утро б-н вошел в с. Рогатицу. Здесь объявили, что будут готовить горячую пищу.

Рождество Христово встречали в лесу недалеко от г. Сараево. Мы чувствовали близость города с теплыми казармами и силы вливались в нас.

Незаметно прошел наш 3-х-дневный отдых в Сараево и опять перед б-ном предстала знакомая картина: глубокий снег, извилистый путь, мороз и ветер.

В ночь под Новый Год (старый стиль), в селе Киселяк один стрелок не выдержал непосильную тяжесть похода и, выйдя в морозную ночь на дневальство в ветхой одежде, за-

стрелился.

Вот и Бусовача... Слышится стрельба по окружающим ее горам; это части Русского Корпуса отстаивают от врага дороги, по которым отступает немецкая армия. Б-н ночью вошел в город, а утром занял отведенные ему позиции. Теперь к морозу прибавился коварный враг...

На этом я прерываю рассказ о походе старого б-на ген. Черепова потому, что я, как пулеметчик, не мог знать боевой обстановки у г. Бусовачи. Я видел впереди себя только участок позиции, отведенный мне для обстрела, при появлении на нем противника, или я корчился от боли в разбитом доме на кирпичном заводе между Бусовачей и Зеницей, но я знаю иное: мы, Белые Воины, творили Ледяные, Дроздовские, Бредовские и другие походы, но тогда мы боролись на родной земле, все начальники, от отделенного до главнокомандующего, были наши русские, мы имели базы, а, главное, мы были моложе на 30 лет и среди нас тогда не было воинов в возрасте 58 лет (средний возраст нашего батальона). И вот, нам, старикам, выпало счастье «спеть» заключительную арию из БГЛОИ ОПЕРЫ у сербского г. Бусовачи, которая станет рядом, в русской военной истории, с местами славы Русской Армии, когда Богу угодно будет восстановить национальную Россию.

Несколько слов о жертвах бат-на: Наш Тяжелый взвод, численностью в 35-40 воинов, пополнил синодик б-на двумя убитыми стрелками у Бусовачи: В. Безлепкин и В. Хуторов, и несколько раненых и больных, эвакуированных в госпитали. Б-н же потерял около 300 чинов убитыми, ранеными и больными. Последняя жертва б-на: подпоручик Ф. Малашихин убит 5-го мая у с. Леес. возле Бледа.

Лев Булгаков

ЗАПОРОЖЦЫ

Кадр Запорожского полка, входя в состав Кубанской казачьей дивизии, в течение 20 лет просуществовал в Югославии в виде певческого хора, очень хорошо певшего под руко-

водством последнего к-ра полка — полковника В. И. Рудько.

После занятия немцами Ниша, 9 апреля 1941 г. скоропостижно скончался полк. Рудько и Запорожцы оказались обезглавленными. В это тяжелое время нас взяли под свое покровительство ген. Крейтер и И. В. Татаркин и узаконили наше существование перед немецким комендантом.

Связь с начальником дивизии, ген. Зборовским была нарушена, но до нас доходили слухи о формировании в Белграде русских военных частей. Вернувшаяся из разведки, София Николаевна Кошель, подтвердила эти сведения.

16 октября 1941 г. группа Запорожцев, в составе полного взвода, во главе с есаулом С. А. бар. Энгельгардтом, прибыла в Топчидерские казармы и сдала ген. Зборовскому 15 штандартов и знамен частей Кубанского казачьего войска, находившиеся у нас на хранении.

Спустя несколько дней, мы отдельным взводом стали выходить на строевые занятия, для руководства которыми был назначен есаул Л. П. Вертепов. Все мы его немного знали, но теперь узнали ближе, искренно полюбили, он отвечал нам тем же и мы с энтузиазмом занимались. Впоследствии он написал стихотворение, посвященное нашему полку, я написал мелодию и получилась хорошая Запорожская историческая песня.

По прибытии Гвардейского Дивизиона, есаул Вертепов был отозван в свою Гвардейскую сотню, нашим командиром взвода был назначен есаул бар. Энгельгардт и мы попали во 2-й полк в сотню нашего старого к-ра 2-го Запорожского полка, ген. Скворцова, но вскоре были отозваны в 1-й полк. Здесь мы были зачислены 2-м взводом в 8 сотню полк. Склярова.

В начале ноября наша сотня, вместе с Гвардейской, была командирована в Панчево для получения лошадей. Получив их, мы выбирали себе получше, но неожиданно, получив приказание сдать лошадей, мы на баржах были отправлены в Белград.

22 ноября наша сотня была погружена в вагоны. Мы все радовались, думая, что едем в Россию. Перед отправлени-

ем нашего состава, наш взвод спел «Отче наш», а когда начал трогаться состав, кто-то из певчих затянул: «Ты не плачь и не горюй, моя дорогая, коль убьют, не тужи, и скорее полюби другого». Это так подействовало на провожающих нас родных и знакомых, что многие из них просто зарыдали.

Надежды наши на Россию не оправдались — мы выгрузились в г. Шабце, откуда были отправлены в Лозницу. Переночевав, мы в боевом порядке двинулись по горам и к вечеру подошли к руднику Заяче, где партизаны встретили нас огнем, но были сбиты. Наш взвод преследовал партизан в гору, но без привычки это было очень тяжело и партизаны благополучно рассыпались и рассосались. На ночь вокруг Заяче были выставлены посты. Все мы от усталости валялись с ног и жутко мерзли. Позже были выстроены бункера, в которых можно было спать в тепле.

11 декабря сводная сотня: полусотня Гвардейской и полусотня 8-ой сотни, куда входил наш взвод, под общей командой полк. Галушкина, была направлена на усиление гарнизона в г. Крупань, откуда через несколько дней вернулась в Заяче.

Однажды, через некоторое время, мы опять были в Крупне, когда туда приехал военный оркестр Вермахта. В большом помещении больницы, которая теперь служила нам казармой, этот оркестр устроил концерт — много играли и очень хорошо пели хором. Меня вызвал командир б-на, полк. Рогожин, и приказал спеть чтонибудь и Запорожцам. Когда мы спели первую вещь, то немцы открыли рты и искренно жалели, что они выступали со своим пением. Они никогда не ожидали такой спетости и такого исполнения с отделанным звуком. С музыкантами этого оркестра мы расстались друзьями.

В мае 1942 г. на праздник дивизии, в которой, в оперативном отношении, числился наш полк, были приглашены представители от полка. Ген. Зборовский послал наш хор. Обули всех нас в сапоги, выдали лучшее обмундирование и после усиленных занятий отправили нас в Тополу. Дабы слетать сюрприз начальнику дивизии, нам было приказано не выхо-

дить из казармы. Когда начался праздник и мы неожиданно выступили со своим пением, генерал был поражен, стоял смиренно до конца пения, а затем всем нам пожал руки. После этого пели в большом парке, где встретились, как старые друзья, с оркестром, приехавшим в Крупань.

После переформирования 1-го полка в казачий, Запорожцы составили Саперный взвод под командой войс. старш. Н. А. Петровского, а я был назначен фельдфебелем. Кроме своей службы, хор пел все богослужения и на торжествах.

В июле 1943 г., при нападении красных на Зворник, саперы, выполнив свою саперную задачу, стали на позицию, при этом особенно отличились Запорожцы: хор. С. С. Мазур и А. М. Фоменко — несколько часов подряд, на самом опасном месте, отбивали атаки партизан.

В мае 1944 г. на праздник корпуса ген. фон Паннвица, представителями от полка был выслан в г. Петринье наш хор. Двадцать пять лет мы не встречались с казаками «оттуда» и когда выходили петь на сцену, наши сердца трепетали от предстоящей встречи с родными казаками с Дона, Кубани и Терека. Открылся занавес — публика вся военная, кое где виднеются казачьи папахи, да ген. Шкуро в черкеске. Начали петь. Как-то особенно лилась песня и звучал хор. Потом... плакали они, плакали мы от радости первой встречи. На второй день бы отмечен праздник корпуса. Была литургия, а затем обед в присутствии наших генералов Науменко и Шкуро. Прекрасно пел наш хор. Спали мы на открытом воздухе, под грохот дальнбойных пушек, стоявших недалеко от нас и стрелявших через наши головы почти всю ночь.

Предполагалось проехать хору по всем частям Корпуса, но началось сильное наступление красных и мы тронулись обратно, по дороге дав концерт в Шабце нашим больным и раненым.

При оставлении Лозницы, саперы занимали «Дом Культуры», никто на нас не нападал и мы благополучно прибыли на ж. д. станцию.

В Лешнице саперы занимали позицию между 1-й и 6-й сотней. Затем начали пробивать дорогу дальше, пришлось

лезть по канаве, она и спасла нас от больших потерь. Творился ад, - в нас стреляли из многих домов.

28 сентября 1944 г. в бою под с. Дублье погиб хор. А. М. Цысарский - хороший солист нашего хора.

Весь период Челича саперы были в нем бессменно, иногда сидели в окопах, но чаще были в резерве, т.к. саперами затыкались все «дырки»: оказание помощи, постановка или взрывание мин и т.п.

12 января 1945 г. при оставлении Челича был убит наш запорожец — подхор. Яков Цыба, а в Брчко погибло двое молодых: Н. Смолян и Н. Савчук.

6 мая встретили Пасху в с. Леес. Отсюда командир взвода приказал мне двигаться с саперным имуществом под командой полк. Бугураева, т. к. взвод пойдет сокращенным путем, где тяжелому обозу не пройти. Подойдя к туннелю, пришлось бросить все имущество сапер, вплоть до ранцев, т.к. мы шли днем позже и входили в туннель под обстрелом. Так же, одними сутками позже, с большими затруднениями, мы перешли Драву.

В лагере под Клагенфуртом ген. Морозов приказал мне управлять пением, когда весь полк выстраивался на вечернюю молитву. В лагере с. Тигринга вечерние поверки с пением молитвы производились по сотням, почему я это делал и в Саперном взводе. Вскоре ген. Морозов приказал усилить хор, который дошел до 67 человек. Наши мастера построили церковь; в этом деле очень потрудился хор. С. Тимофеев.

С переездом в Келлерберг, Запорожцы стали ядром лагерного хора, который шесть с половиной лет обслуживал духовные нужды лагерного населения.

Оставшиеся милостью Божией, Запорожцы сомкнули свои поредевшие ряды вокруг своего седого штандарта, с глубокой верой в возрождение нашей дорогой Родины, а вместе с ней и Казачества. Это верно, как завтрашний день, но, как и до завтрашнего дня многие смертные не доживут, так и мы — люди — смертные, но наша вера и любовь к нашей Родине — бессмертны!

П. Кончель

ПО ПУТИ ДОЛГА И ЧЕСТИ

(Из жизни пятого железного полка)

Пятый полк, в нем жизнь под знаком риска:

Враг и мы — кому-то попадет!

Вся клокочет Доня Вечериска:

Бьют винтовки, строчит пулемет.

Чертят в небе огненные пули,

Сеет с ревом мины бомбомет.

Вниз саперы с Хума «драпанули»

Конный взвод на выручку идет.

Там вдали, где Бучичи селенье.

Бьется храбро Бредов генерал.

Всюду бой — атаки, наступленье,

Эй! Держись, кто в пятый полк попал!

Тито Броз, друг Сталина презренный,

Масс твоих не страшна нам волна:

«ПАК» у нас Шатилова отменный.

Пушек ряд лихого Мурзина.

Сынят смертью вражьих автоматы,

Рой ракет и свищет и поет,

Бьют врагов Рогожина солдаты.

Он их в бой за Родину ведет.

А. Навроцкий

ЗА ГОРКОЙ («Греко брда»)

Босния. Январь 1945 года.

По дороге плетется наш, так называемый, Запасный батальон. Это всё, что осталось от 3-го полка, который в шутку, называли «железнодорожным имени царя Бориса Болгарского». «Железнодорожным» потому, что больше двух лет полк охранял мосты и туннели по ж. д. линии Митровица — Краљево. А «царя Бориса Болгарского» потому, что почти целиком был укомплектован из болгарской эмиграции.

Батальон наш, именно, пледся. Люди выбились из сил. Поход исключительно тяжел. Установленных привалов почти не бывает. Вся дорога запружена движущимися частями. Тут и «четники», и «летичевцы», и немцы. То и дело мы встречаемся с каким-то батальоном туркестанцев.

В нашей роте только мой взвод состоит из сравнительно

молодых людей (средний возраст 35 лет). Собственно, это единственный «молодой» взвод во всем б-не. Остальные, все без исключения, по меньшей мере, участники гражданской войны. Не мало участников и 1-ой мировой войны, а есть даже и участники японской. Значит, не моложе 45 лет, а в большинстве — гораздо старше.

Самая трудная часть пути уже пройдена. И Сеница, и Быстрица, и Вышеград — всё уже позади. Мы уже прошли и Сараево. Один Господь знает, чего это нам стоило.

— Далеко ли до Бусовачи? — спрашивает мой фельдфебель встречного крестьянина.

— Близо, — отзывается тот. — «преко брда».

К такому ответу мы давно привыкли. Ответ этот, в сущности, ничего не значит. Это может, действительно, оказаться за поворотом дороги, но может быть и в 20 километрах. Как полагается, перевалили мы этих «горок» штук пять, а содержатель придорожной корчмы так же заманчиво сообщает, что Бусовача — «за горкой».

О том, что нам предстоит бои, никто и не думает. Все так устали, что мечтают только о конце похода. Лишь бы уйти в сторону от этого проклятого шоссе и остановиться... И вот, наконец, часам к 11 вечера мы подходим к Бусоваче. Стали. Все сразу садятся по обочине дороги. Прямо в снег. Некоторые просто падают. Шли мы без привала почти двое суток. Голодно. Холодно. 15-ое января.

Приходит переводчик штаба 5-го полка и заявляет, что «квартиры» нам отведены в двух смежных селах, по ту сторону Бусовачи. Квартирьеров высылать незачем, т.к. там всё уже готово. Мы уже предвкушаем отдых в теплых хатах. Еще одно небольшое усилие!.. Обоз приказано оставить на месте (счастливые обозные), а роты вести по местам расквартирования.

Мой ротный к-р растер себе ногу и итти не может. Последний переход он уже был вынужден ехать на повозке. Роту он приказал вести мне. Идем. Тут и там, во мраке ночи, вырисовываются какие-то развалины. Оказывается, это и есть Бусовача. Ни одного целого дома. Груды развалин и редко

где не совсем разрушенные дома. Это та самая географическая точка, за которую сложили головы столько наших товарищей из 5-го полка.

В штабе мне дают одного стрелка, который должен отвести нас в предназначенное для нас село Язвине.

Старики выбиваются из последних сил. Подъем очень крутой. Падают. Сразу подняться нет сил. Некоторые через минуту — две, все-таки встанут и продолжают плестись, а некоторые там и остаются лежать... Чуть не до утра ходил я взад и вперед по этой проклятой тропинке, подбирая полузамерзших стариков. И вот, этих стариков партизаны боялись больше всех своих противников.

На следующий день приходит приказ выступить на села Донье и Горнье Ровно, где сменить на позициях II б-н 5-го полка, который на рассвете пойдет в наступление на с. Витез. Выступаем. Часам к трем ночи пришли. Принимаем позиции. Сменяем людей 5-го полка.

Как только соседние части 5-го полка заняли Травник, нас отвели для прикрытия фланга, в с. Купреш.

В с. Купреш мы простояли тихо-мирно почти целый месяц. Отдыхали и укрепляли свою оборону. Но вот, к пр-ку подошло сильное подкрепление..

К 23 февраля 5-й полк отошел в исходное положение, на позиции у Бусовачи, а 24-го пришла и наша очередь.

После полудня уже завязался бой на участке соседней (2-ой) роты нашего б-на у с. Одмека. К 15 часам 2-ая рота отошла в долину, где стоял штаб нашего б-на. К 18 часам пр-ку удалось сбить наше боевое охранение, которое находилось на горке перед нашими позициями и он начал поливать нас огнем с этой самой горки. Мы держались крепко, но нас начали обходить с обоих флангов. Около полуночи мы взобрались на другую сторону долины, где и заняли позиции у с. Царица.

На утро я со взводом пошел в разведку в направлении оставленных накануне сел. В долину дали спуститься спокойно. А, когда спустились, — взяли в такой обстрел, что еле ноги унесли. Но Бог миловал. Потерял я только одного пуле-

метчика. Его тяжело ранило в левое плечо --- уже почти на самом верху дороги, поднимавшейся к с. Царица. Но мое 1-ое отделение немного замешкалось в долине (с. Раван) и не рискнуло итти по этой дороге. Они благополучно пробрались по самой долине к Бусоваче. Б-ну было приказано итти в Бусовачу и, когда я выбрался назад в с. Царица, - б-н уже почти весь ушел.

Вышли на главное шоссе, где уже собрался весь б-н и двинулись в Бусовачу, где получили разрешение на ½ часа отдыха. На позициях идет ожесточенный бой. Отдохнув пол часа наш б-н выходит на подмогу и с боем занимает выс. 527. Моему взводу дал отдых еще на час, т.к. мы только что вернулись из разведки. Лучше бы нам не давали этого отдыха! Один Бог знает, что я пережил за этот час!

Как раз в это время произошел кризис. 5-й полк нес страшные потери. В довершение всего, наши позиции, по ошибке, обстреляла немецкая батарея. От этого, конечно, потери еще больше. Дух борьбы заметно падает. По улице движутся непрерывные вереницы раненых, одни идут, других везут на тачках, несут на носилках. Вид их ужасен. Особенно благодаря пятнам крови на белых маскировочных халатах.

На зап. окраине Бусовачи, в бункерах, остается штаб б-на. Наша рота выходит вперед под сильным огнем пр-ка. Я со взводом занимаю позицию вдоль лесного оврага. По ту сторону оврага появляются фигуры. Это отходит 11-я рота 5-го полка 14 человек при одном офицере... Они проходят влево от нас, к группе домов — метрах в 200-х от нас.

Вскоре подходит и 10-я рота — 11 человек при одном унтер-офицере... 10-я «рота» остается на моем месте, а мне приказано перейти к тем же домикам, к которым прошла 11-я рота. Перехожу под сильным огнем. Другие взводы нашей роты отходят на бункера, к штабу б-на. Таким образом, от нашей роты на этом участке остаюсь только я со своим взводом. Это высота 527. Бой понемногу затихает. Пр-к выбился из сил. 11-я рота, оставив мне один «взвод» - 6 чел. — уходит обратно к лесному оврагу. 10-я рота тоже присылает мне «взвод». Приходит еще лтн. Зипуников с одним станковым

пулеметом, но ему тут же приходит приказ принять 10-ю роту.

У меня выдвинутая вперед углом фланговая позиция. Непосредственно справа от меня окопы 10-й и 11-й рот, а слева никем не занятый овраг, правда, находящийся под обстрелом с наших бункеров. За оврагом наша 2-я рота. Ночь проходит сравнительно спокойно. День тоже. К нашему счастью, утром, к нам пробивается, пришедшая из Сараево батарея зенитных пушек («Флак»). Но к вечеру пр-к начинает сильный нажим на восточные позиции Бусовачи (я — на западных). «Флак» помогает нашим очень толково. Я с интересом наблюдаю за этой стрельбой, как вдруг, у меня за спиной, совсем близко, треск пулемета. Вот и наш черед! Мы огрызаемся. У меня, слава Богу, почти целая рота. Да и станковый пулемет. Есть из чего ответить!

Нигде не дрогнула линия нашей обороны в эту страшную ночь, хоть и было у пр-ка сил гораздо больше, чем у нас. В течение дня пр-к еще держит нас под обстрелом. Зажигательными пулями им удастся поджечь сарай с соломой на моем участке. Мы все выбегаем тушить огонь. Партизаны открывают бешеный огонь, но потерь у нас нет, т. к. огонь их с большой дистанции. Пожар потушен. Ночью пр-к опять подходит очень близко, но атаковать и на этот раз не решается.

На следующий день обстрел совсем слабеет и пр-к уходит «преко брда». Мы его провожаем огнем из станкового пулемета. На 1-ое марта частям дивизии «Принц Евгений» приказано очистить участок шоссе между Бусовачей и станцией Ланва, еще занятой пр-ком. Нам приказано итти в наступление в своем районе, чтобы отвлечь на себя часть сил пр-ка. Ко мне на позицию подходит вся наша рота и мы начинаем наступление. С первых же шагов выясняется, что пр-к далеко не весь ушел «преко брда». Мы всё-таки успешно тесним его и выходим почти до гребня гор. Задание мы выполнили и к вечеру возвращаемся на исходные позиции.

На той же позиции мы простояли еще несколько дней, а затем нас сменили немцы. И вот, в один прекрасный день, вернее вечер, мы оставили Бусовачу. Эту славную страницу нашей истории, которая стоила нам столько жертв и которая

дала нам столько героев.

Двинулись мы на Зеницу. Около полуночи — большой привал. Участок охраняется батальоном туркестанцев. Тем самым батальоном, который мы столько раз обгоняли во время нашего похода по Боснии. Подхожу к одному из них и спрашиваю, далеко ли до Зеницы. Думаю получить ответ в километрах, а вместо этого слышу всё то же:

«Преко брда!»

В. Диаковский

ИЗ ПРОШЛОГО

Под натиском превосходных сил хорошо обученных и вооруженных, вновь прибывших из Италии, Титовских частей, 5-й полк 20 февраля 1945 г. начал отход из под Травника.

21. 2. 45 III-й б-н доблестного генерала Зинькевича, около 16 час. получил приказ начать отход из села Крушчица на Нова Махла и занять высоту 511. Нашей 11-й роте, бывшей в резерве, еще в 14 час. было приказано выдвинуться на боевую линию б-на и прикрыть его левый фланг со стороны с. Черкез, угрожаемый обходом партизан.

В 20 час. приказано отходить на Г. и Д. Ровно. В полночь занимаем Г. Ровно и выставляем охранение на с. Крушчица. Штаб б-на и остальные роты расположились в Д. Ровно. Остаток ночи прошел спокойно.

22. 2. 45. С 14.30 наблюдаем, как пр-к по лесу и по склону горы накапливается к Ковачице и лесистому оврагу за Ровно. Их намерение ясно: хотят отрезать нас от Ковачицы. По-сылаем доверенные к-ру б-а. В 15.30 час. приказ -- отходить через Ковачицу на Баре и занять высоту 520. Маневрируем без дороги, по пояс в снегу. Подходим к Ковачице и нас встречают из домов огнем. Партизаны успели проникнуть в нее раньше нас. Появились убитые и раненые, несем их с собой. Мороз 20 градусов. Скатываемся в овраг. Переходим по пояс в воде горную речку. Поздно вечером добираемся до Баре, которая только обозначена на карте, а от домов и следа нет. Партизаны преследуют нас. Падает раненым лтн. В.

Гребнев, за ним унт. оф. (подполковн.) Феоктистов. К 22 час. занимаем выс. 520. Пулеметным огнем осаживаем партизан.

23. 2. 45. С утра пр-к обстреливает нас комбинированным огнем. За ночь они подтянули ПАК и бомбометы. Около 8 час. к-р роты обл.тн. (подполк.) Чибирнов позвал меня обойти вместе с ним участок роты. Надо было дать указания, что где укрепить, чем было под рукой. Чувствовалось, что и сегодня партизаны не оставят нас в покое. Отойдя от штаба роты, который располагался в разрушенной избе, шагов 200 по дороге на г. Бусовачу, мы были остановлены догнавшим нас связным и доложившим к-ру роты о приказании прибыть ему в штаб б-на.

Обойдя роту и просмотрев работу, я направился к штабу роты. Не успев дойти до избы, я услышал разрыв снаряда и увидел возле помещения штаба б-на клубы рассеивающегося дыма. Я не обратил на это внимания, мало ли было разрывов, тем более, что наши «штабы» всегда находились под обстрелом. Но не прошло и 5 мин., как ко мне подбегает наш связной и докладывает:

— Г-н фельдфебель, вам приказано принять роту, к-р роты и к-р б-на ранены. Чувствуя недоброе, я бегом бросился к штабу б-на. Первое, что я увидел, это лежащего на снегу подполк. Чибирнова.

Подполк. Чибирнов попросил меня, чтобы ему были сделаны крепкие носилки и чтобы назначены здоровые люди, которые не упустят носилок. Я успокоил его, говоря, что всё будет сделано, как он хочет и просил его об этом не думать. Я пробыл с ним около часу, пока ген. Зинькевичу и подполк. Чибирнову готовились носилки. Трудно было с назначением носильщиков. Ежеминутно мы несли потери от огня пр-ка, рота таяла на глазах, да к тому же с минуты на минуту ожидалась атака красных с целью овладеть г. Бусовача.

Настроение у людей было подавлено предыдущими боями, огромными потерями,

Тем временем, пока делали носилки, подполк. Чибирнов рассказал мне, прерывая временами речь от приступов боли, всю картину ранения его и ген. Зинькевича. Когда он, Чибир-

нов, пришел к штабу б-на, то вскоре за ним прибыл туда же, обходивший позиции участка б-на, ген. Зинькевич. Увидев его, генерал пригласил Тихона Михайловича выйти с ним из штаба и обсудить, откуда вероятнее всего надо ожидать наступления красных. Расположение штаба б-на непрерывно обстреливалось ружейным, пулеметным и бомбометным огнем, а также орудиями ПАК-а, которые красные успели за эту ночь подтянуть к своим позициям. Когда они стоя разговаривали и обсуждали вероятные возможности, между ними разорвалась граната ПАК-а. Генералу перебило голени обеих ног и нанесло тяжкие ранения, также как и у Чибирнова, в нижнюю полость живота.

Когда носилки были готовы, оба были положены на них и печальное шествие двинулось к г. Бусовача. Я обогнал их и побежал к роте, которая уже собралась у дороги Баре — Бусовача, чтобы проводить любимых командиров. Первым несли генерала. Он лежал на носилках, заложив руки под голову. Из под прикрывавшего его одеяла виднелись изуродованные ноги, ступнями внутрь. Поровнявшись с нами и увидев меня, генерал приказал носильщикам остановиться и, обернувшись ко мне, спросил:

— Сергей Григорьевич, это 11 рота?

— Так точно, Ваше Превосходительство.

Тогда, обращаясь к солдатам, он сказал:

— До свиданья, славная 11-я, поправлюсь, опять приеду, а пока желаю боевого счастья!

Я дал знак носильщикам продолжать путь, т. к. видно было, что генерал очень сильно страдает от ран. Вслед за генералом поднесли носилки и с к-ром роты. Я подошел вплотную. Тихон Михайлович обнял меня, пожелал мне боевого счастья и взволнованным голосом сказал:

Эх, старик, один ты остался в тяжелую минуту!

24-го февраля, около 10 ч. утра роте приказано оставить Баре и занять выс. 513, недалеко от кирпичного завода. Маневрируя и продолжая нести потери, мы заняли указанную высоту. Осмотревшись на новой позиции и подсчитав людей, я увидел, что потери наши равны 70% и тяжесть этих по-

терь, главным образом, легла на командный состав. Унтер-офицеров уже почти не оставалось. На взводах и отделениях стояли ефрейтора и даже рядовые стрелки.

Красные не замедлили с преследованием и снова по линии заговорили пулеметы и бомбометы. Несколько раз подходил ко мне унт. оф. Буцько Сергей и говорил, что нам надо отойти, т. к. мы несем непосильные потери.

Я, насколько мог, успокоил унт. оф. Буцько, этого хорошего юношу, сына нашего же старого добровольца и ныне нашего же однополчанина.

Сережа медленно поднялся и пошел, но не прошло и пары минут, как мне кричат из расположения его взвода:

— Г-н капитан, унт. оф. Буцько убит пулей в лоб!

Смерть Сережи произвела на меня сильное впечатление. Единственный сын у родителей. Он добровольцем пошел в Корпус вместе с отцом. Он хотел служить своей Родине, которую, родившись на чужбине, он и не знал и которую ему не суждено было увидеть.

17 часов. Короткие зимние сумерки. Роте приказано отходить на окраину г. Бусовачи. Это был трудный маневр. Впереди шел лтн. Пивоваров, наш новый ротный к-р, затем я. Для бодрости духа подсчитываю шаг, чтобы успокоить порывистых бойцов. На окраине города мы встретили к-ра полка полк. Рогожина и офицера связи герм. службы хауптмана Шедлера.

К-р полка приказал лтн. Пивоварову идти с ним на рекогносцировку новой позиции, а мне с ротой оставаться на дороге и подбирать всех отставших и заблудившихся в темноте людей. Собрав около 100 ч. и 10 пулем., я не успел как следует занять указанную позицию, как красные были уже от нас на короткий выстрел и положение спасло только то, что у нас было много пулеметов. Мы отбили пять атак. Около 2 час. ночи на наш участок прибыл I-й б-н ген. Бредова, который и сменил нас. Мы отошли в резерв и там узнали о смерти ген. Зинькевича, который умер около 11 час. нчи 23. 2. 1945, а подполк. Чибирнов — утром 24 февраля.

С. Гапон

НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

(Из боевой деятельности 4-го полка Р. К.)

Почетное место среди многих славных боевых действий Корпуса занимает защита монастыря Гучья Гора, проведенная частью 4-го полка и последовавший за ней прорыв защитников через коммунистическое окружение.

В период начала конца боев под Травником два взвода 6-ой роты 4-го полка, под командой полк. Роговского, усиленные двумя бомбометами и артиллерийским взводом увеличенного состава (3 орудия), получили задание по обеспечению правого фланга полка, для чего ими было занято кладбище, находящееся в 200 метрах от монастыря Гучья Гора.

Восточнее кладбища шел овраг, за которым из-за недостатка людей отряд мог установить только наблюдение. Вся операция многочисленного противника, который к этому времени держал инициативу в своих руках, была рассчитана на внезапность.

Однако, его первое наступление 19 февраля в 15 час. 30 мин. на участок маленького отряда, наткнувшись на убийственный огонь 6 пулеметов, 2 бомбометов и 3 орудий, закончилось полным растрейством его рядов, бегством и понесением огромных потерь. Тем не менее, в 17 час. противник повторил атаку со стремлением к обхвату, но вновь был отброшен, в 18 час. атака вновь повторилась, причем, понесший большие потери, 2-ой взвод, частично сдал свои позиции, вследствие чего третье орудие пришлось откатить. одновременно с этим, густые цепи коммунистов повели наступление и с высоты 1002, но были остановлены объединенным огнем.

Стемнело! Принимая во внимание многочисленность коммунистов, всё время грозящих отряду окружением, командир отряда решает организовать оборону в самом монастыре. Под прикрытием огня третье орудие вкатили во двор монастыря. Немного позже туда же прибыл саперный взвод 4-го полка, под командой лейт. Головки, чинивший неподалёку мост. Взвод сейчас же занял верхний этаж здания

монастыря; в 1 час ночи в стенах монастыря был сосредоточен весь отряд, орудия поставлены против дверей, артиллерийский взвод занял первый этаж, 1 и 2 взводы -- 2-ой. Осада началась.

Атаки противника следовали одна за другой. Для их отражения в ход было пущено всё имеющееся на лицо оружие, вся сила энергии и инициатива. В 3 часа утра 20-го отбивается еще одна отчаянная попытка коммунистов взять штурмом монастырь.

Утро! Коммунисты со всех сторон ведут по монастырю автоматный и пулеметный огонь невероятной силы, который свидетельствует о полном окружении. Прильнув к подоконникам и простенкам, защитники отвечают огнем. Потери в отряде дают себя чувствовать.

В 7 часов появляется женщина с белым флагом, которая передает отряду первый ультиматум, начинающийся словами: «Предатели Матери России сдавайтесь!» Женщина просит ответа, ее гонят прочь. Атаки возобновляются.

21-го коммунисты передают второй ультиматум, на который отряд также не отвечает. За ультиматумом следует страшный обстрел монастыря, в котором особенно убийствен огонь тяжелых бомбометов. Их снаряды во множестве падают во двор здания, сотрясают его стены разрывами, косят конский состав артиллерийского взвода, поражают осколками стрелков.

22-го. Третий ультиматум, на который также следует презрительное молчание. Весь день проходит в ожесточенных схватках, во время которых со стороны врага несутся проклятия и угрозы. Однако, каждая новая волна нападения неудержимо катится назад, устилая свой путь убитыми и ранеными. Новые проклятия, новые угрозы, новое нападение, которое под градом пуль и снарядов защитников монастыря вновь превращается в кровавое бегство.

23-го, в 7 часов начался обстрел монастыря орудиями тяжелого ПАК-а. Каменные стены в 1 метр толщиной пробиваются насквозь. В 9 часов загорается церковь, а в 12 час. над защитниками море огня, т. к. горят крыша здания и 3-й

этаж. В 16 час. пламя охватывает 2-й этаж. Огонь противника в это время достигает наивысшего напряжения. Весь отряд спускается в 1-й этаж, где буквально задыхается от дыма и жара. Особенно страдают раненые, из которых многие просят их добить.

Командир роты ранен. Команду принимает командир артиллерийского взвода шт. кап. Егоров. Он собирает военный совет, на котором решено попытаться пробиться из окружения, предварительно уничтожив всё оставшееся оружие и пристрелив бросаемых раненых, ради спасения их от зверских мучений и издевательств. Устанавливается порядок движения: 1) обл.тн. Егоров во главе своего арт. взвода со связанными от всех частей отряда и 2-мя пулеметами 6 роты; 2) номера бомбомета; 3) Саперный взвод; 4) 6-я рота и 5) раненые на конях, ведомые коноводами.

В 19 час. отряд, развиг максимальный огонь и действуя ручными гранатами, набросился на коммунистов в ю. ю. в. направлении. Со стороны противника чудовишный, но малодействительный огонь в темноту. Отряд в построении змейка быстро движется вперед. Переходит лежащую на пути реку, ледяная вода которой доходит до пояса. Глубокий снег страшно замедляет и затрудняет движение.

На полпути до Зеницы, где должны находиться части Р. К., отряд вновь попадает под сильный огонь коммунистов. В 5 час. 24-го февраля отряд прибывает в Зеницу.

Подсчет людей. Оказалось, что потери составили ровно $\frac{1}{3}$ первоначального числа отряда.

За эту эпопею обл. тн. Егоров, лтн. Головки и унт. оф. 6-ой роты Соловьев Павел были награждены Железными крестами 2 ст.

А. Навроцкий

ПЕСНЯ РУССКОГО КОРПУСА

По Балканским дорогам	На Босанском предместьи
Шел в борьбе и тревоге	Тлеют белые кости
Сорок пятый решительный год.	И над ними шумят ветерки.
От Моравской долины	Помнят все партизаны.
До Дуная и Дрины	Усташи. домобраны
Все полки поднимались в поход.	Про удалые наши полки.
Среди зноя и пыли	Скоро в край наш привольный
Батальоны ходили	Хлынут новые волны.
На врага, на большие дела.	Русский Корпус в Отчизну придет.
По отрогам горбатым.	По родным просторам.
По речным перекатам	По станциям и селам
Наша громкая слава прошла.	Снова мирная жизнь зацветет.

Три лейтенанта

«БУСОВАЧА»

Под таким наименованием в Боснии, примерно на полпути Сараево — Брод, есть небольшой городок с почти сплошь мусульманским населением, достаточно бедный и неблагоустроенный. Силою обстоятельств минувшей войны, как раз этому, типично восточному и невзрачному местечку судьба отвела роль войти в историю Русского Корпуса и вряд ли найдется хотя бы один из чинов Корпуса, для кого слово «Бусовача» не было памятным. С этим названием связан один из ярких эпизодов боевых действий Русского Корпуса, где полностью выявились выдающиеся качества белого русского воина: храбрость, мужество, выносливость, твердость и упорство в выполнении боевых задач.

Бои, которые разыгались перед Бусовачей и на позициях перед городом, происходили в обстановке чрезвычайно тяжелой: очень снежная зима, лютые морозы, сильно потрепанное обмундирование, слабо защищавшее солдат и офицеров от холода, почти катастрофическое положение с обувью, после длинного, в несколько сот километров, походного марша с боями с юга Югославии: Рашка — Сараево — Бусовача — Травник. Чрезвычайные затруднения с довольствием и, под конец, прекращение его снабжением в виду полного окружения красными Бусовачи.

Но всё-таки перечисленные трудности не имели бы такого значения, если бы к началу бусовачских боев 5-й полк Русского Корпуса не был так измотан очень тяжелыми боями при постепенном отходе из под г. Травника, недавно взятого после трех жестоких боевых операций, в которых, наряду с немецкими и хорватскими войсками, принимали участие и понесли весьма ощутительные потери 4-й и 5-й полки нашего Корпуса. Моральное состояние духа войск, естественно, всегда бывает понижено при отступлении после неудачной боевой операции, каковой надо считать и травникскую. Операцию эту немецкое командование проводило в течение трех месяцев и, в заключение, каждый боец несомненно чувствовал, что цель немцев найти выход на сев.-запад, в направлении на Банья Лука, не достигнута, в связи с этим, затраченные усилия войск и потери были напрасны. Причина крушения травникской операции — безусловно, слабая боеспособность хорватских войск. В то время, как немецкие части и русские полки стойко удерживали свои позиции, красные прорвали фронт хорват и тем разрезали наш фронт на две группы, из которых о южной, в составе 5-го полка Р. К., ниже и идет повествование в хронологическом порядке.

К 21 февраля 1945 г. обстановка на всем фронте боевой группы войск, действовавшей на травникском направлении, вверх по течению реки Лашвы, складывалась очень тревожно — фронт к северу от этой реки фактически не существовал. Находившиеся там части 4-го полка Р. К. и немцы оторвались от противника и отходили на г. Зеницу. Непосредственно же по шоссе Травник — жел. дор. станция Лашва отступали: части горцев Северо-Кавказской бригады силою, примерно, батальон (сомнительной боеспособности), хорватские «усташи» (совершенно небоеспособные), разложившиеся после разгрома их красными на подступах к Травнику, три немецких танка и бронепоезд, на котором находился Командующий Боевой группой оберст Эберлейн (доблестный офицер, с большой симпатией относившийся к русским полкам и ценивший нашу преданность идее борьбы против коммунизма). 5-й полк занимал участок обороны к югу от реки

Лашвы в с.с. Вечериска — Витез.

К вечеру этого дня батальоны 5-го полка, ввиду общей обстановки на фронте, получили приказание к-ра полка отойти от противника и отойти на старые позиции, послужившие в свое время исходным положением для наступления на Травник: с. Шафрадини — Гор. и Дол. Ровно. Командный пункт к-ра полка Расно.

К-р 5-го полка оберст Рогожин радиограммой донес Командиру Корпуса: «Шесть дней полк находится в тяжелых оборонительных боях, едва сдерживая ожесточенный напор во много раз превосходящего противника. Чины полка изнурены до последней возможности».

Еще утром, ввиду обозначившейся неустойчивости к северу от позиции 5-го полка, все полковые обозы, артиллерийская рота и рота противотанковых орудий ПАК, т.е. всё, что было на колесах, было направлено через Хан-Кумпанию по шоссе по левому берегу р. Лашвы к жел. дор. станции Бусовача. ибо движение по правому берегу реки из-за глубокого снега было невозможно.

К утру 22-го февраля разведка установила, что Сев.-Кавказский б-н отступил еще дальше на восток в район с. Каоник и правый фланг позиций 5-го полка был совершенно открыт. Поэтому с темнотой было приказано б-нам отойти и занять позиции: Граница — выс. 513 — Язвине. Ком. пункт: циглана на шоссе из Бусовачи.

С раннего утра 23. II. противник открыл огонь артиллерии и бомбометов по нашей позиции. Стало известно, что Сев.-Кавказский б-н исчез неизвестно куда и фланг нашего I-го б-на опять совершенно открыт. К-р полка, учитывая опасное положение в этом районе, отправился на этот оголенный фланг и неожиданно обнаружил наступление красных в тыл нашей позиции. К-р полка бросился через лес, что был позади б-на к стоящему в резерве «Лергангу» (полковая учебная команда) и приказал ему немедленно атаковать обходящего пр-ка во фланг. Стремительным ударом в штыки молодецкая Учебная команда, в составе 70 солдат, под командой лтн-та Назимова сбросила красных в долину

реки Лашвы. Огневой бой на всем протяжении позиций полка продолжался почти до полуночи. Красные засыпают наши позиции особенно огнем бомбометов, но не переходят в наступление, повидимому, подтягивая резервы. Потери полка значительны. Убит доблестный начальник Учебной команды лтн. Назимов.

В ночь на 24 февраля, ввиду создавшегося положения на фронте, все обозы были направлены в сел. Полье (2½ км. южнее Бусовачи).

С рассветом пр-к открыл ураганный огонь, сосредоточив его, г.л. образом, на участке 1-ой роты. Около полдня рота эта была вынуждена отойти назад; вслед за нею отошла Учебная команда, а затем и остальные роты I-го б-на, занявшие позицию перпендикулярно шоссе на Бусовачу, т.к. пр-к обходил все глубже наш правый фланг. III-й б-н, по которому теперь красные сосредоточили сильнейший артиллерийский и минометный огонь, продолжал оставаться на месте, хотя позиции его теперь простреливались пулеметами с трех сторон. В 16 часов наша артиллерия ошибочно открыла огонь по позиции III-го б-на т.е. теперь он получил огонь и с тыла. Б-н стал отходить на Бусовачу и тем создалось критическое положение для I-го и II-го б-на. Началось общее отступление под сильнейшим огнем пр-ка. Стоя на перекрестке дорог, к-р полка со своим полевым штабом, лично руководил отходом, направляя перепутавшиеся роты на новые, заранее подготовленные, позиции в непосредственной близости Бусовачи. Момент был чрезвычайно опасный. — пр-к мог на плечах отступающих ворваться в город, а наши, истомленные непрерывными тяжелыми боями, молодые солдаты растерялись и были настолько морально подавлены, что, если бы не энергичные действия к-ра полка и остального командного состава, могла бы случиться катастрофа. Надо признать, что в данном случае много помогла и наша полковая артиллерия (4 орудия) — своим беглым огнем она сдерживала красных и не давала им осуществить мечту «поужинать» в Бусоваче, как об этом позже рассказывали пленные партизаны.

Из их же рассказов стало известно, что, во время кризиса у нас, немецкие танки были взорваны своими командами, а бронепоезд, приняв их к себе, двинулся на Зеницу, но был перехвачен красными, взорвавшими мосты. Красные засыпали бомбами бронепоезд, находившиеся в нем понесли большие потери, а оставшиеся в живых во главе с оберстом Эберлейн были взяты в плен и расстреляны. Таким образом, штаб Боевой группы перестал существовать.

Еще в 12 час. дня к-ром полка была отправлена радиogramма в штаб Корпуса следующего содержания: «Отошедший, согласно приказа, на линию Граница — выс. 513 — Язвине, полк двое суток ведет непрерывный тяжелый бой с во много раз сильнеешим пр-ком. Потери огромны, люди изнурены десятидневными боями до крайности. За последние два дня выбыли из строя офицеры: лейт. Назимов — убит; умерли от ран: оберст-лейтн. (генерал) Зинкевич, лтнт Ветер, тяжело ранен об. лтнт Чибирнов, ранены лтн-ты Гребнев, Трубицын, Петршевич, Белозубов. Точных сведений об остальных потерях дать не могу. Общее положение тяжелое».

Поздно вечером, когда отступившие б-ны были приведены в порядок и заняли позиции на северной и западной окраинах Бусовачи, а командный пункт разместился в полуразрушенном доме при въезде в город с севера, к-р полка, в сопровождении двух офицеров пробрался под сильнеешим огнем красных, через груды разрушенных домов, к коменданту города. У него как раз был военный совет всех командиров немецких колонн, проходивших из Греции на север и застрявших в этом городе. На этом военном совете спешно разработали все детали по обороне города и, т.к. не было надобности все тяжелые «Флаки» ставить на позицию за неимением достаточно места, приказано было спешно установить только 12 тяжелых «Флаков» на позиции. Кроме того, на позицию должны стать две немецких гаубичных батареи, 10 нем. «ПАК-ов», плюс наша полковая артиллерия — 4 орудия. Из артиллеристов 20 тяжелых «Флаков», остающихся разобранными, было приказано составить две стрелковых роты и подчинить их к-ру 5-го полка Р. К., который являлся

в то время единственной пехотной частью в гарнизоне.

Ночью были установлены потери полка за день: убитых 15, без вести пропавших 5, раненых 53. Взорвано одно орудие «ПАК».

В ночь на 25. 2. красные совершили нападение на полковой обоз, расположенный в районе села Полье, но были отбиты.

Ночь прошла в непрерывном огне с обеих сторон. По приказанию к-ра полка при попытках наступления роты усиливали до предела огонь и кричали «ура». На счастье, окопы в рост, заранее подготовленные немецкими саперами, частично с проволочными заграждениями и ходами сообщения, были хорошим укрытием от огня пулеметов и осколков снарядов артиллерии и бомбометов. Это сильно сокращало потери от огня, который буквально бушевал всю ночь на 25 февраля. Но он еще более усилился с утра этого дня. По приблизительному подсчету немецких артиллеристов. пр-ком за день было выпущено около 2000 снарядов. Наша артиллерия и бомбометы дали за день в половину меньше, но разрывы снарядов тяжелых «Флаков», стрелявших прямой наводкой, производили на красных ошеломляющее впечатление (показание позже пленных красных партизан).

26 февраля. Всю ночь длился огневой бой. С рассветом красные сосредоточили почти весь свой огонь по позиции 5-го полка. Положение усугубилось тем, что хорватские «усташи», занимавшие участок обороны в районе села Кула (1 км. с.-в. Бусовачи), не выдержав огня красных, бросили позицию и, таким образом, кольцо окружения вокруг Бусовачи замкнулось. В результате, позиция полка стала простреливаться и с тыла. Однако наши солдаты уже освоились с обстановкой и сильнейшим огнем настолько, что особого впечатления это не произвело. К-р полка известил все подразделения, что отступать нам некуда и лишь наше мужество и стойкость помогут нам дожидаться выручки, которая уже движется из Сараева. Днем партизаны вновь произвели нападение на обоз полка в с. Полье. Нападение было отбито при неожиданном содействии моторизованной немецкой ко-

лонны, прорвавшейся к нам с юга из Сараева.

От к-ра полка получено во всех подразделениях приказ: «Ожидаемая и необходимая помощь орудиями, огнеприпасами и продуктами уже здесь. Через несколько минут начнется пристрелка бризантными снарядами рубежей перед оборонительным районом. Раненые с этими же машинами будут отправлены в Сараево. На пути к нам находятся танки и пехота. В том, что нам станет легче, сомнений нет, но партизаны попытаются до подхода нам помощи сбить нас. Необходима наша выдержка, --- трудное уже позади».

В 14 ч. 30 м. было отправлено по радио донесение к-ра полка в штаб Корпуса: «24. 2. противник прорвал наш фронт на участке 1-го б-на и полк вынужден был отойти на Бусовачу, где занял оборонительный участок и вместе с моторизованными частями дивизии «Тейфель» в течение 2-х суток удерживает развалины города. Все атаки пр-ка до этого часа нами отбиты. Сегодня утром к нам прорвалась колонна с юга. Это, конечно, усилит оборону, но, вследствие отсутствия свежей пехоты, вся тяжесть обороны лежит на остатках рот моего полка. Эта же колонна подвезла нам боеприпасы и продовольствие, что даст возможность накормить четыре дня голодавших солдат. Обстановка, в которой находится полк, чрезвычайно тяжела. Малочисленные защитники позиций находятся под непрерывным сильнейшим артиллерийским, бомбометным и пулеметным огнем буквально со всех сторон. Я опасаясь морального кризиса, если помощь не подойдет в течение суток. Противник должен рассматриваться по численности в несколько раз сильнее нас. Обильно снабженный артиллерийским и тяжелым оружием, с колоссальным запасом боеприпасов, он подавляет нас своим тяжелым огнем, особенно бомбометами.

Потери: умерли от ран: об. лтн. Чибирнов, лтн. Трубицын; хауптм. (ген.) Бредов, лтн. Ситковский, об. лтн. Ткачев ранены. Точные сведения о потерях смогу дать лишь по выходе полка из боя».

Вечером с моторизованной колонной были отправлены из Бусовачи 93 раненых чина 5-го полка. По дороге в Сара-

ево эта колонна подверглась нападению. Среди наших раненых были убитые и вновь раненые.

27. 2. С утра противник ведет вялый огонь артиллерии и бомбометами. В полдень было сильное огневое нападение пулеметным огнем на III-й б-н. За два дня потери: 6 убито, 27 ранено, 1 пропал без вести. На запрос по радио Ком. Корпуса о б-не оберст-лейтн. (ген.) Черепова, командир полка ответил: «Б-н оберст-лтн. Черепова уже три дня примыкает своим правым флангом к позиции полка и вместе с ним участвует в обороне Бусовачи. В б-не есть небольшие потери. Однако, его обоз пострадал, несколько повозок уведено красными».

От ком. К-са была получена радиограмма: «Оберсту Рогожину. Горячо благодарю ваш полк и вас. Держитесь, помощь близка, принял меры. Штейфон. 27. 2. 45. 17. 30 м.»

Ночь и день 28 февраля прошли в редкой перестрелке всеми видами оружия. Наша боевая разведка вела бой в районе Кула. Потери: 1 убит. Настроение солдат бодрее, верят в обещанную помощь. В ротах на позиции 30-40 человек.

1-го марта. Командир полка в приказе своем указывает: «Неприятельский нажим уменьшился. 7-ая горная дивизия «Принц Евгений» наступает своим 13 полком из района Зеница в направлении Каоник — Лашва. Гарнизону Бусовача приказано поддержать наступление 13 полка ударом на Каоник. 5-му полку Р. К. приказано наступать к западу от шоссе до выс. 375 (юж. Каоник) и обеспечить с запада же шоссе на Каоник.

1 марта утром б-ны перешли в наступление и к 15 часам с боем заняли указанные им рубежи. Ожидаемые части дивизии «Принц Евгений» не подошли. Пр-к повел интенсивный огонь по новым позициям полка.

В 16 часов красные, отошедшие под нажимом наших частей, перешли в контрнаступление, направляя свой главный удар на Бусовачу. К-р полка, учитывая: 1) что операция сорвана благодаря запозданию частей дивизии «Принц Евгений» для нанесения удара красным с севера и 2) оставшаяся артиллерия в Бусоваче находится под угрозой из-за от-

сутствия в Бусоваче пехоты, по сношению с комендантом города, приказал б-нам начать отход и 20 час. ими были заняты старые позиции. Потери полка: убитых 5, раненых 37, в том числе майор Трескин и лтн. Гусаковский. Комендант и все командиры нем. артиллерийских частей выразили к-ру полка восхищение за неутраченную, после тяжелых оборонительных боев, способность полка к наступлению в трудной обстановке горной войны.

Радиограммой Командира 21 Арм. Корпуса, к-р полка оберст Рогожин, за выдающееся командование, примерное мужество и личную храбрость, проявленную в бусовачских боях, награжден орденом Железного креста 1-й степени.

Способность полка, столь измученного и обескровленного в течение 2-х недель, к наступательным действиям не только привело в восхищение немцев, но и сами офицеры и солдаты почувствовали в себе прилив новых физических сил, душевной бодрости и, главное, веры в самих себя, для продолжения активной борьбы.

В течение 2-го и 3-го марта разведка Конного взвода и Учебной команды установила, что ближайшие позиции красных ими очищены, хотя редкий артиллерийский и бомбометный огонь их продолжался по нашим позициям у Бусовачи. К-р полка послал по радио донесение К-ру Корпуса: «С утра (3-го) выслана разведка на запад: Расно — Баре — Ковачица — эти села очищены пр-ком. В направлении Хан — Кумпания слышна артиллерийская стрельба — очевидно там ведет бой подошедшая с севера дивизия «Принц Евгений». Роты бесконечно устали. Если эти остатки полка понадобятся, как кадры будущих формирований, необходимо добиться отвода полка в спокойное место для отдыха и приведения его в порядок. В противном, случайные тактические начальники бросят его в бой и будут уничтожены последние кадры стрелковых рот. За время операций с 16. 2. полк потерял 3 орудия ПАК-а — их пришлось взорвать из-за невозможности вывести их с огневых позиций.

4 марта наша разведка донесла, что Риека занята частями дивизии «Принц Евгений», которыми взят также и гор-

Витез. Красные отступили в горы, по свидетельству местных жителей, за время бусовачских боев, против полка действовали 6, 7 и 8 бригады красных, примерная численность 2500 человек с большим количеством бомбометов, 5-ю орудиями и 2-мя орудиями ПАК и с многочисленными тяжелыми пулеметами. С боевого участка против 5-го полка, через с. Риека, было отправлено в тыл свыше 700 раненых красных.

За целый день в Бусоваче не раздалось ни одного выстрела. Необычная тишина, после грохота непрерывной день и ночь пальбы в течение двух недель, действовала умиряюще на нервы, кругом сонное царство измученных чинов полка и вообще всего гарнизона. Страдные дни окончились. Долг свой солдатский полк выполнил безупречно и в историю свою вписал страницу воинской доблести, что вероятно и послужило позже основанием для Командира Корпуса назвать 5-й полк «Железным». Слава павшим и живым героям «Бусовачи»!

В. Маркевич

СЛУЧАИ ИЛИ ВОЛЯ БОЖИЯ

(Памяти унт. оф. Георгия Ланио)

Ланио служил в одной части со мной с самого основания Корпуса. Образ этого милого русского юноши никогда не изгладится из моей памяти вследствие трагичности его участи. Выше среднего роста, застенчивый и часто краснеющий, симпатичный и хорошо воспитанный, он был любим всеми его знавшими. Памяти его и погибших с ним его товарищей и посвящаются эти строки.

После обильно политой нашей кровью Бусовачи и ее окрестностей, наш, сильно поредевший, 5-й полк, был переформирован в два батальона, и 8 марта 1945 года наш II-й б-н был отправлен на ст. Лашву, а на следующий день все остальные части полка прибыли в Зеницу. Наш б-н занял участок Какань — Лашва, на котором жел. дорога проходила по самому берегу р. Босны. На протяжении нескольких километров у самой жел. дороги, в укреплениях, приближи-

тельно по одному на километр и реже, и был расположен весь наш б-н. Крайний укрепленный пункт в сторону Сараева был под комадой унт. оф. Ланио, еще 12. 9. 1942 произведенного в подпоручики (по русской линии). Недалеко от «Долови» (так называлось укрепление Ланио), но уже вне нашего участка, был мост через р. Босну, с другой стороны которого, в с. Какань, стояли гарнизоном немцы в количестве около 2-х рот с ПАК-ом.

Команда связи б-на, в которой я находился, помещалась с другого края нашего участка, ближнего к Зенице, в одном из каменных бункеров, при впадении р. Лашвы в р. Босну. Команда связи находилась при к-ре б-на подполк. Мирошниченко (заменившего убитого в Бусоваче ген. Зинькевича) и при его полевом адъютанте, лтн. Навроцком, которые жили в одном бункере с нами.

Первоначально на новом месте мы, что называется, «отдыхали» после тяжелой Бусовачи. Партизан и в помине не было. Лишь иногда ходили на разведки в окрестные деревни. Но уже под четвергом 29 марта 1945 г. в моей записной книжке-дневнике стоит лаконическая запись: «Погибли в Долови 30 человек 7-й роты вместе с Ланио».

В этот день, рано утром, по приказанию лтн. Навроцкого, я с несколькими чинами команды связи отправился на разведку, из которой вернулся к 2 ч. дня с донесением, что по словам местных жителей, в районе, сравнительно недалеко от нашего участка, замечается накопление большого количества партизан. Лтн. Новроцкий сейчас же сообщил об этом в штаб полка по телефону.

Тем не менее, сейчас же после разговора с лтн. Шейнбертом, лтн. Навроцкий и я стали предупреждать укрепления нашего участка по телефону, чтобы были на чеку и тут выяснилось, что связи с Ланио нет. Тогда лтн. Навроцкий приказал мне наладить связь с Ланио и я, взяв запасный телефон, инструменты и, заткнув за пояс несколько гранат, отправился в Долови пешком по шпалам жел. дороги, т.к. регулярного сообщения поездами не было. Отдыхая по дороге в наших укрепленных пунктах, часам к 5 я, усталый,

добрался, наконец, до Ланио. Ввиду того, что добраться за-светло до своего бункера я уже не мог, Ланио предложил мне переночевать у него, на что я с радостью согласился, т.к. путь в темноте был не только очень тяжел, но и опасен, ибо свои же могли подстрелить по ошибке. Но, лишь я успел по телефону получить согласие лтн. Навроцкого на ночевку в Долови (телефонную связь я наладил сразу же), как послышался поезд, идущий из Сараево на Зеницу и я, быстро простившись с Ланио, вскочил на поезд и вскоре оказался в своем бункере.

В этот же вечер, памятного 29 марта, между 9 и 10 часами, Ланио сообщил по телефону, что слышит сильную стрельбу со стороны моста, а несколькими минутами позже, что и его обстреливают. Минут 15 мы были в связи с ним. Говорил, что нападающих очень много. Последние его слова были: «Отстреливаюсь», и телефонная связь прервалась.

Что было после этого в Долови, никто не знает. У нас из-за гористой местности даже и стрельбы слышно не было... На следующий день выяснилось, что около 2 тысяч партизан перешли мост недалеко от Долови и буквально уничтожили немецкую часть, расположенную с другой стороны моста. Эта лавина своим краем уничтожила и защитников Долови. Тела их были найдены вне укрепления, большей частью на берегу Босны, а часть была выловлена из р. Босны внизу по течению, даже у нас в Лашве и в Зенице. Некоторые тела были изуродованы, очевидно, их добивали прикладами. Некоторых перед этим еще и мучили. Тело Ланио обезображено не было — вероятно он был убит сразу.

Тот факт, что ни одного тела в самом укреплении найдено не было, послужило поводом к догадкам, что, предвидя неминуемую гибель из-за многочисленности нападавших, Ланио решил использовать единственный шанс: пользуясь темнотой, перебежать небольшое расстояние, отделявшее укрепление от реки и спастись от нападавших вплавь. Но, вероятно, они были замечены, освещены ракетами и перестреляны у реки и в реке.

Во всяком случае, я был, вероятно, последний из остав-

шихся в живых, бывший в Долови и видевший и разговаривавший с Ланио и его солдатами перед их смертью; и мне кажется, что сохранение жизни мне, относительно старому, и трагическая гибель их, по сравнению со мной, почти мальчиков, не просто случай, а воля Божия! Пути Господни неисповедимы! Да помянет Господь доловские жертвы во Царствии Своем и мы да сохраним о них вечную память!

Д. Симонов

ПЕСНЬ 5-го ПОЛКА РУССКОГО КОРПУСА

Брани крепла стихия	Полк снежили метели
Призывала Россия	А шинели не грели,
Тех, в ком голос любви не умолк.	Обожженные жаром костров.
По Балканской дороге	Мучил голод злоеший
К битв растущей тревоге	И смыкались клещи
На призыв шел Рогожина полк.	Вокруг тающих наших рядов.
Вырвать честь и свободу	Травник. Хум, Бусовачу,
Обещал он народу	Где позорную сдачу
Из коварных коммуны когтей, —	Ждал от нас многочисленный тать,
В этом сердца стремленье,	Нашей кровью поили,
В этом долга веленье	Но врага научили
И клялись в этом жизнью своей.	«Белой Армии» дух уважать.
Без душевных сомнений	По Балканской дороге
Под раскаты сражений	После бранной тревоги
Полк вступил в боевые дела	Шел Рогожина доблестный полк.
И с тех пор по вершинам,	Шел с спокойной душою.
По ущельям, доличам	Шел волной за волною,
Его гордая слава пошла.	С яркой верой в исполненный долг.

А. Навроцкий

ПОСТ НА МОСТУ

Вдоль самой реки, в глубоком ущелье, тянется извилистой лентой шоссе. Это единственный путь, по которому идет отступление, другой дороги нет, кругом дикие горы. Горные ручьи, впадая в реку, часто пересекают шоссе так, что оно покрыто целым рядом небольших пропусков и мостов, разрушение которых и было главной задачей местных партизан, старавшихся всеми способами задержать отходящую из Гре-

ции немецкую армию. На охрану одного из таких мостов между Врандуком и Бегов-Ханом был поставлен наш взвод. Мы занимали две землянки, довольно глубоко врытых в землю. Правую из них превратили в бункер, а левее землянок выкопали новое хорошее пулеметное гнездо с толстой крышей. Посредине нашей позиции ровным полкругом рисовался окоп для маленького итальянского бомбомета.

Нас было 25. Надо было во что бы то ни стало, отстаивать мост через довольно большой ручей, впадавший в реку Босну, на берегу которой и было построено наше укрепление. По той стороне реки проходила железная дорога и днем постоянно появлялись там бронепоезда, сопровождавшие эшелоны. Земля была покрыта талым снегом и кругом торчали голые деревья с прибитыми досками, на которых стояла надпись: «Опасно. Мины». Так что казалось, что только по шоссе можно подойти к нашим позициям и мосту.

Прошла первая ночь, всё тихо. Дневной часовой стоит у минного поля. Проходит мимо нас по шоссе автоколонна. Вдруг, как коршуны с неба, три «Тифа» (истребителя). Врассыпную бегут немцы и прямо на минное поле. Напрасно кричит часовой, не слышат его. Рвутся мины, щедро трещат пулеметы, загораясь красным огнем из под крыльев аэроплана. Прошла волна. Взорвалось четыре и ранено шесть человек.

Настала вторая ночь. В землянке тускло горит плашка, все притихли, было ровно 9, когда взорвалась первая мина.

Четыре легких пулемета стоят постоянно на позиции. Телефонная связь с тяжелым оружием и отделением из присланного пополнения, которые командир взвода поставил с той стороны реки, за полотном железной дороги, поддерживается постоянно.

Прошел еще час, томительный и жуткий час. Резко блеснул огонь за окном землянки и раздался один за другим несколько взрывов. Напали! Тревога на всем участке. Из Врандука нам вышел бронепоезд на поддержку. Наш тяжелый пулемет поливает удивленных партизан с той стороны реки. Не знали они, что за это время палучили мы подкреп-

ление. Несколько раз пытались партизаны, то затихая, то опять с бешеной силой открывая огонь, прорваться к мосту, но все их попытки были отбиты.

Прошли две длинные ночи. Медленно движется стрелка к часу ночи, времени смены часовых. Сменились, попустив пояса, старые часовые медленно вползают на нары; вслушивается новый в ночную тишину. Вот! Вот, они, два силуэта, прижавшись к стене; часовой бросил гранату, сам едва в бункер вскочил. Резанули по нем с автоматов. Но четко, в ответ, застучал наш пулемет, сразу скосивши обоих. Уже все пулеметы переброшены на левый фланг. Захлебывается тяжелый с той стороны реки. Гранаты за гранатой бросает бомбомет и разрывы его сплошным эхом гудят по ущелью. Но крепкий противник, решил он пробиться, все насаждает. Связной сообщает, что бронепоезд нам вышлют на поддержку. Сообщают из батальона, что вышла со станции Немила рота с «Флаком» нам на помощь. Нам обещают в помощь роту с Бегов-Хана; удержаться бы, пока подойдет подкрепление. Третий раз раздаются крики «ура». Собравши последние силы, расчищает себе дорогу наш смертельный противник. Всё сразу стихло. Тишина немая. Ни звука, всё молчит... Прошло минут 15. Всё кончено, — ушли, вероятно... Уже четвертый час.

Рядом с нами, в двух километрах, на станции Немила, стояла немецкая рота и командир ее, довольно симпатичный и веселый баварец, заезжая к нам на пост и не умея выговорить фамилии командира, называл его в шутку «лейтенант фон дер Брюке» (лейтенант у моста), там же стояло несколько фельд-жандармов, на обязанности которых было предупреждать пост о движении колонн, так как ночью всякое движение, ввиду активности партизан, было запрещено.

Отходящей немецкой армии приходилось из-за постоянных воздушных налетов двигаться ночью. Идет колонна «флака» по глубокому босанскому ущелью, впереди идет рота. Уже несколько раз в течение длинных походов, нападали на них партизаны, но дружным ударом пробивают себе немцы дорогу, еще крепки и сильны их части. Но на этот раз не могут пробиться. Крепко засели «партизаны». Бой впе-

реди ведет рота, переходит три раза в атаку. Узко ущелье, не могут развернуться «флаки», уже подбито одно орудие и в речку сброшена патронная двуколка, понесла большие потери рота. Повернули назад. Бессильно болтается рука убитого командира роты, свисая с лафета. Печально вернулись немцы обратно в Немилу.

— Да, где-ж это было? — Спросил их командир баварец.

— Там на мосту.

— Так там же стоит лейтенант фон дер Брюке. -- Как гром, поразила нас весть, что в последнюю ночь мы дрались против немцев. Позже эта колонна вернулась опять, чтобы увезти свои жертвы, а на утро мы собрали еще 18 трупов. Снова на пост к нам приехал начальник участка, грузно он вылез из машины. Был слышен рапорт:

— На посту Русского Корпуса 4 полка 1 роты... — Распросивши немного, уезжая назад, он, прощаясь сказал:

— Вина фельдмаршалов, оборона же организована правильно, — и, повернувшись к командиру полка, он добавил:

— Я пришлю сюда новые мины. ваши солдаты могут сражаться.

Крепко спит командир после обеда, набирая сил к следующей ночи; вдруг будят его, говоря, что майор немецкий какой-то приехал.

— Вы начальник поста фон дер Брюке? Ночью пройдет мой батальон, будьте любезны его пропустить.

Еще несколько дней после того мы держали дорогу и мост. Проходили последние части. Получили приказ и мы уходить. Заложили саперы заряды и, когда уходя взобрались на гору, посмотрели назад — послышался взрыв. Как-то сгорбился мост, повис в воздухе, а затем рухнул, разбившись на мелкие части. Прощай мост, прощай Босна.

А. Рышков

«БРЧКО — ЧЕЛИЧ»

Брчко и Челич — это два городка в Боснии, два важных узла дорог, лежащие в глубоких долинах и окруженные высокими горами, с которыми пришлось хорошо познакомиться-

ся 1-му Казачьему ген. Зборовского полку Русского Корпуса, удерживая их, отбивая яростные атаки красных партизан, которые уже в это время представляли собой вполне бое-способные воинские части, прекрасно вооруженные союзниками, организованные и руководимые советскими инструкторами.

26 ноября к-р полка приказал мне немедленно явиться в Челич и принять II-й Донской б-н. На следующий день к-р полка вызвал меня и предупредил, что мы должны удерживать Челич во что бы то ни стало до тех пор, пока через него не пройдут последние германские части, покидающие Грецию потому, что через Челич проходили на Брчко дороги из Зворника, Тузлы и Белины, по которым эти части следовали.

Красные вокруг района Челича продолжали усиливать-ся и к ночи 21 декабря крупными силами повели наступление на Челич со стороны с. Корая, заняли господствующую высоту 371 и начали обстреливать село. Около 20 час. обнаружилось наступление красных с юга, востока и севера. 11-я рота 2-го полка была ими вытеснена из с. Пукиша и отошла к Челичу. Около 22 час., как это было заранее условлено, наши части отошли с позиций широкой обороны на высотах, окружающих Челич, на узкую — центральную, в самом селе. В это же время, неожиданно для нас, подошла германская рота, которая влилась в нашу оборону и очень нам помогла, особенно огнем своих пулеметов при отбитии настойчивых атак красных, которые продолжались до утра с небольшими перерывами, но каждый раз отбивались с большими для них потерями. Особенную опасность для нас представляли тройки красных партизан с пулеметами или автоматами, которые, благодаря пересеченной, лесистой местности и нашей малочисленности, могли проникать незамеченными до самого села. Одна такая тройка проникла чуть ли не до самого штаба б-на и стала с близкого расстояния обстреливать наш околоток и позиции в селе, но лтн. Бугураев, удачным ору-дийным выстрелом потушил огонь этого пулемета.

С рассветом красные прекратили бой и отошли на окру-

жающие высоты, а к 14 часам 22 декабря в Челич пришли 2 германских танка, прорвавшись через расположение красных у Пукиша. В 16 час. 11 рота 2-го полка, при поддержке этих танков, заняла Пукиш, после чего танки и германская рота ушли в Брчко, а рота 2-го полка вернулась в Челич.

Вечером красные снова атаковали Челич, введя в бой свежие силы и повторяя атаки всю ночь до рассвета, когда, подобрав своих раненых, опять отошли на высоты, откуда начали обстреливать Челич. Снова начался огневой бой и так продолжалось, с небольшими перерывами. — днем перестрелки и огневой бой, а с наступлением сумерек, почти еженощные атаки красных, которые все были отбиты с большими для них потерями.

Впоследствии выяснилось, что в это время против Челича действовали две коммунистических бригады, общей численностью до 1500 бойцов, прекрасно вооруженных и дравшихся очень упорно, причем ясно были слышны команды на русском языке. Им было приказано, во что бы то ни стало овладеть Челичем и наши радисты перехватывали донесения красных о том, что Челич уже ими взят.

30 декабря, вернувшаяся к 6-му 6-я сотня заняла Пукиш, а 11-я рота 2-го полка ушла в Брчко. Высота 532 в шести км. юго-вост. Челича занята красными, у которых появились 4 орудия ПАК.

Наконец, 31 декабря через Челич прошли последние германские части, отходящие из Грецин, и мы вздохнули свободно, но 1 января 1945 г. к красным вновь подошла свежая 17 ударная дивизия пролетарского корпуса и ночью 2 января красные снова пять раз, со всех сторон, атаковали Челич, но опять понесли потери и были отбиты. 3, 4 и 5 января прошли в перестрелках и поисках разведчиков.

6 января в Челич прибыл, назначенный командующим Боевой группой, оберст Дейтш с германским батальоном дивизии «Принца Евгения» и двумя танками. Тотчас 7-я сотня и 2 германских роты были направлены и с боем очистили от красных высоту 371, но, по приказанию оберста Дейтша, к вечеру отошли в исходное положение.

7 января целый день перестрелка на позициях Челича.

8, 9 и 10-го сотни б-на, при поддержке германских рот и танков, произвели ряд экспедиций в стороны Гаева, Корая, Брусницы и др., каждый раз возвращаясь в Челич.

11 января в Челич пришел I-й б-н, который двумя сотнями занял высоту с бункером и сменил II-й б-н, который, выполнив свою задачу удерживать Челич до прохода последних германских частей, отходящих из Греции, с легким сердцем покинул Челич и ушел в с. Шаторовичи. При расставании оберст Дейтш благодарил всех чинов II-го б-на и дал ему самую лестную оценку, особенно подчеркнув, что, несмотря на возраст чинов б-на, в боевом отношении его можно сравнить с лучшими частями германской армии.

От себя считаю долгом сказать, что все чины сотен и отдельных взводов показали себя достойными своих славных предков донских и кубанских казаков, проявив во всех боях за Челич стойкость, доблесть и взаимную выручку, но, по отзывам самих чинов сотен, особенно помог обороне артиллерийский взвод огнем не только своих орудий, но и пулеметов.

II-й б-н занимал Челич больше 40 дней, из которых больше 20 дней — в боях. За это время мы, обороняясь понесли потери убитыми 5 и ранеными 35, тогда как красные потеряли несравненно больше. Бывали дни, когда мы были совершенно отрезаны, не получая никакого снабжения и питались только тем, что совершенно добровольно приносили нам местные жители. Вообще селяки босанцы относились к нам на редкость хорошо, выражали нам свое сочувствие и всегда старались помочь, чем только возможно, а при расставании высказывали нам свои симпатии, сожаления о нашем уходе и свои опасения о том, что их ждет после нашего ухода.

12 января оберст Дейтш с германским б-ном и танками ушел из Челича в Брчко, а в 13 час. II-й б-н с конным взводом выступил из Шаторовичи на Брчко и дальше за Саву. В тот же день в 16 час. I-й б-н со всеми взводами выступил из Челича, который к вечеру был занят партизанами.

Оставив Челич, I-й б-н занял позицию южнее Брчко на линии Бодариште — Трешница, а III-й б-н 2-го полка — южнее Брки. Красные неоднократно пытались овладеть этими позициями, но всегда и повсюду были отбиты, понеся большие потери, они прекратили бесплодные атаки и, постепенно, на этом участке установилось что-то вроде позиционной войны. Лишь изредка линия этих позиций несколько изменялась в ту или другую сторону, но в общем до апреля месяца до атаки Брчко красные не допускались.

II-й б-н с конным взводом занимал за р. Савой села: Дреновци, Врбанье, Строшинци и др. глядя по обстановке. Каждые 2-3 недели б-ны 1-го полка сменялись. Стоянка за Савой считалась отдыхом в тылу, а позиции перед Брчко — фронтом. В начале так и было, но постепенно за р. Савой красные усиливались и уже через месяц пришлось и там вести с ними настоящие бои, как и перед Брчко, где почти ежедневно бывали перестрелки; с наступлением сумерек красные переходили в наступление, а ночью по несколько раз атаковывали нашу позицию.

22 марта II-й б-н сменил на позициях перед Брчко I-й б-н, который ушел за Саву.

29 марта наши части перешли в наступление для расширения тетдепона у Брчко: II-й б-н атаковал и взял Бодариште и затем Дубравицу, а немцы заняли Челич. III-й б-н 2-го полка занял православную Дубраву; продолжая наступление, II-й б-н занял Вражичи, куда прибыл и III-й бат. 2-го полка и оба б-на вместе с арт. взводом, отбили все контратаки красных и задержались у Вражичей до 4 апреля, ведя перестрелки и бои с красными.

4 апреля, по приказанию командующего Боевой группой, II-й б-н отошел на линию Хан — Трешница — Паланка.

На северном участке 2-я сотня, под давлением красных, отошла из Ямена к Рачиновци. В то же время регулярные болгарские части силой до 1000 чел. повели наступление на 3-ю сотню в Страшинци. Сотня дважды переходила в атаку и выбивала красных из села, но, понеся значительные потери, начала отходить на запад. Будучи окружена, она вновь

дважды переходила в контратаки и пробивалась из окружения, а к вечеру отошла к Рачиновци.

На следующий день красные продолжали наступление на 2-ю сотню, вошли в Рачиновци и бой продолжался на улицах села, после чего I-й б-н остановился на позиции сев.-западнее села. На этом рубеже сотни вели до наступления темноты огневой бой с партизанами. В этот же день, 5 апреля, согласно приказания, II-й б-н отошел на старые позиции у Диздеруша — Поточари, а ночью красные напали на обоз 2-го разряда в с. Думовци, причем в обозе было убито 11 и ранено около 40 чинов 1-го полка.

В течение этой ночи на 6 апреля пр-к три раза атаковал расположение I б-на восточнее Джуричи. Пр-к вел наступление и на участке II-го б-на. Огневой бой на всех фронтах длился целый день. Потери: 7 убитых и 21 раненых.

7 апреля, согласно приказания, II-й б-н 1-го полка и III-й б-н 2-го полка отошли за проволочные заграждения у самого Брчко (в сущности, обозначенные — одна проволока в 1 ряд кольев) и весь день длился огневой бой с красными, подошедшими почти вплотную. Авиация красных бомбардировала и обстреливала мост и город, а их артиллерия билась по, так называемой, позиции.

В 20 час. был получен приказ и все наши части начали оставлять город, переходя по мосту в Гунью. После 21 часа мост был взорван нашими саперами.

Всего в Брчко мы за 5 месяцев нашего пребывания в этом районе, оставили 65 могил. Ранено и эвакуировано за это время было 179 чинов батальона.

М. Скворцов

КОМАНДА СВЯЗИ ШТАБА КОРПУСА

Приказом Корпусу за № 23 от 31 октября 1941 г. начальником связи штаба Корпуса был назначен ген. шт. подполк. М. В. Голубев, который приказал поручику Сементовскому организовать самостоятельную службу связи для обслуживания Штаба Корпуса. 7-го февраля 1942 г. была уста-

новлена своя штабная центр. телеф. станция, сначала только на 3 телефонные линии. Новосозданная команда связи штаба Корпуса, начав с 2-х чинов, скоро доведена была до 36 специалистов всех родов связи, была подобрана образцово и быстро и успешно справлялась со своей задачей.

Центр. телефонная станция вскоре имела свыше 70 номеров телеф. линий. На центр. телеф. станции шт. Корпуса круглые сутки несли службу дежурные телефонисты, переводчик и механик. Связь, несмотря на малочисленность персонала, работала безупречно, — ее ядро составляли переводчики: полковник Леван Думбадзе, подполков. Чернолусский и унт. оф. А. М. Миллер; кап. Кузнецов — тел. мех., шт. кап. А. А. Цыпин — хороший связист и курьер, пор. Н. К. Черкасов — прекрасный связист и лучший линейный механик, пор. Н. В. Миловидов — лучший радиоспециалист, пор. П. А. Князев — радиосвязист, пор. В. Г. Александрович — связист и адм. переводчик, пор. Притуманов — связист, унт. оф. Авдиенко — главный механик и целый ряд других, образцово несших службу связи в Команде.

После больших хлопот удалось получить от герм. командования радиостанции, которые были приданы, как полкам, так и Штабу Корпуса. Полученные радиостанции могли работать не больше, как радиусом передачи в 30 км. (!?), тогда, как расстояние (по воздушной линии) до ближайшего полка было 80 км., а до удаленного — больше, чем 300 км. Надо было как-то выйти из этого положения и мы реконструировали радиостанцию при Шт. Корпуса с помощью направляющей антенны и других технических комбинаций так, что не только с 1-м и 2-м полками, но и с удаленным 3-м полком (Косовска Митровица) радиопередача была установлена, — правда, только в одну сторону, т.е. из штабной радиостанции, а от полковых радиостанций к штабу радиопередатч не было.

Вскоре к Команде связи перешла и германская военная почта и был создан кадр военно-почтовых курьеров на велосипедах, а затем был получен даже один мотоциклет.

Участившиеся вскоре воздушные налеты противника на

Белград обязывали, как и другие части, команду связи часто участвовать с спасательных экипах после бомбардировок — быть на местах больших повреждений города вскоре после разрыва бомб, на положении санитаров и даже не раз «хирургов», механиков и просто спасателей пострадавших и засыпанных в развалинах людей. могущих еще быть спасенными, не говоря уже о тушении пожаров, закупоривании развороченных водопровода и канализации.

Приказом Корпусу за № 153/1944 было объявлено распоряжение Главного Командования от 15. 6. 1944 о сформировании роты связи, командиром которой назначался об. лтн. Васильев, а к-рами взводов л-ты: Сементовский и Пестриченко. Рота связи, после отхода из Белграда, при отсутствии при Штабе Корпуса обслуживающего его «батальона Белград» из 4 рот, принуждена была принять на себя, кроме обязанностей связи, так же — караульную, транспортную, снабжения и другие службы, а также и боевые задачи Корпуса. Вскоре по нашем приходе в Сремски Лази. было получено секретное задание наладить телефонную связь из Нови Янковци, через район партизан, с 1-м полком, стоявшим тогда в г. Шид. Небольшой отряд нас, кадровых связистов, при пулеметах, прошел через партизанский район и наладил нужную связь. Это было одним из самых рискованных и успешных дел ядра роты; благодаря хорошей разведке, знанию местного быта и типа партизан, наш отряд смог наладить телефонную линию, используя государственную телеграфную сеть вдоль железнодорожного полотна в этом партизанском месте. В ноябре было получено распоряжение о переходе Штаба Корпуса, и с ним роте связи в гор. Брчко (Босна).

Обстановка временами в Брчко была так напряжена, что весь обоз роты приводился в боевую готовность и подводы стояли в упряжи, а утром на день распрягались. Однажды снаряд партизан влетел в спальню ген. Штейфона и разорвался. Слава Богу, генерала там не было, — он работал в штабе.

Часто происходили налеты истребителей, которые, снивody стояли в упряжи, а утром на весь день распрягались.

Как-то, наблюдая за ними, я почувствовал, что они строчат по моему окну. И, действительно, после, снаружи этого здания, было видно, что истребитель дал две очереди по окну. Эти картинки показывают, как партизаны были хорошо осведомлены и какие у них были наводчики и пулеметчики.

Боевая деятельность роты выражалась в стычках с партизанами, в придаче боевых групп немцам — в Гунье и др. Однажды наш небольшой отряд связистов, приданный германской танковой части, вошел первым в с. Белина, перейдя реку по осевшей в воду взорванной железной конструкции моста и силами местного населения наладил временную переправу через взорванный мост, и так немецкие танки смогли войти в село. Этим маневром разрядили пробку, которую тут создали партизаны, задерживая отступавшие из Греции немецкие части.

В ноябре полк. Васильев заболел и я вступил во вр. командование ротой, но уже 18 декабря к-ром роты был назначен об. лтн. Кузьменко, которого, по случаю болезни, 4-го февраля 1945 года заменил об. лтн. Франк.

В декабре рота была переведена в с. Сибинь. Далее, по намеченному плану начали отступать на запад в направлении на Загреб — Самобор.

Пройдя Любляну, остановились в Лааке. Здесь новый командир Корпуса, полк. Рогожин, Начальник Штаба полк. Голубев со Штабом из 6 человек и с ядром связи из 10 чел. при офицере, с телеф. малой центр. станцией и с радиостанцией остался, чтобы подождать отходящие через горы 4 и 5 полки. Еще ранее с лейт. Пестриченко была отправлена в Виллах в Коринтию (Австрия) одна радиостанция для установки связи с находящимися там частями ген. Власова. Эта станция должна была всё время держать радиосвязь с нами, оставшимися в Лааке, для чего наша радиостанция всё время работала и давала свои позывные сигналы, но до самого конца нашего пребывания там эта радиосвязь не удалась.

После капитуляции, рота связи, 16 мая, была расформирована и вновь была создана команда связи.

Чудом сохранив от сдачи по разоружению свое телефонное имущество, она сумела создать и в районе нового расквартирования, сложившего оружие, Корпуса, свою службу связи во всех 5 селах, в которых были размещены части Русского Корпуса. Центральная телефонная станция находилась при Штабе Корпуса в с. Клайн Сант Вайт.

Так же продолжила свою деятельность Команда связи и в лагере Келлерберг, где, создав центральную станцию и телефонную сеть, содействовала работе по устройению лагеря Келлерберг, прославившегося своей дисциплиной и строгостью системы.

Б. Сементовский

НАШ «ПЛЕН»

Поселок Михельсдорф, предназначенный 5-му полку, состоял всего лишь из нескольких домов хотя и больших и с многочисленными хозяйственными постройками, но, конечно, совершенно недостаточными для размещения нескольких сот людей. К тому же, жилые помещения можно было занимать лишь с согласия хозяев. Никаких принудительных стеснений, не говоря уже о реквизициях, применять было нельзя. Мы были бесправные военнопленные и возможные жалобы на нас английскому командованию могли бы осложнить наше незавидное положение. Это было нашими людьми осознано и жалоб на нас за все время нашей стоянки было очень мало и никаких неприятных последствий они не имели.

При спешном нашем уходе из лагеря при с. Виктринг, все переданные в наше распоряжение немецкие склады с продовольствием были использованы лишь в незначительной степени. Большую часть продуктов пришлось оставить. Не было ни времени, ни средств для их погрузки и перевозки. Взяли лишь, что смогли и что поместилось на загруженных подводах обоза. Так как совершенно не было известно, — когда и в каком количестве мы будем снабжаться продовольствием, — ежедневный наш рацион был очень скуден. Особенно тяжело ощущалось полное отсутствие хлеба. И

позже, когда наше питание было налажено. хлеб в рационах отсутствовал и заменялся небольшим количеством легких английских галет. Печеный хлеб мы увидели лишь с переходом на беженское положение в лагере Келлерберге и то лишь, первое время, в размере 100 грамм в день на человека.

Дней через десять было получено распоряжение об устройстве лагеря. Место нашему 5-му полку было отведено на обширном плато, возвышавшемся вблизи села. К плато непосредственно прилегал лес, тянувшийся на многие километры в направлении Фельдкирхена. Как и полагается, прежде всего была провешена передняя линейка, а затем разбиты места расположения рот. Между ротами промежутки — улицы. Впереди рот, на некотором расстоянии от передней линейки, места для офицерских барачков. Тут же, еще немного впереди, выбрал место для походной полковой церкви наш всеми глубоко уважаемый пастырь, протоиерей о. Борис Молчанов. Артиллерийскому взводу полк. Мурзина было отведено место отдельно, в небольшой сосновой роще вблизи шоссе. В направлении 1-го полка, приблизительно на полпути и тоже в сосновой роще, разбил себе лагерь конный взвод об. лтн. Голофаева, разумеется, без коней.

По мере готовности жилищ, люди вселялись и к десятому, приблизительно июня внизу в поселке остались лишь к-р полка, часть офицеров и полковой околосок.

Постепенно наладилось и стало регулярным снабжение нас продовольствием, правда, в количестве, совершенно недостаточном. С целью использовать отпускаемую конину полностью, она закладывалась в котел, предварительно пропущенной через мясорубку и, таким образом, съедалась вместе с супом. На руки выдавалось немного белых галет, чайная ложка сахара, две чайных ложки мармелада и иногда кусок, грамм в 50, конской колбасы. Суп варился один раз в день, а утром и вечером — ячменный кофе. Но добрая мать-природа пожалела своих голодных детей и пришла на помощь своими дарами в виде грибов, щавеля, черники и малины. Лето 1945 г. было на грибы урожайное, и прилегающие к лагерю леса изобиловали ими. Грибы собирались в частном

порядке, т. е. каждый для себя, а для сбора шавеля наряжались команды и он шел на общую кухню. Малина и черника пополняли недостававшие в пайке витамины.

Дивная альпийская природа, заботы об устройстве лагеря, деревенские развлечения в виде походов за грибами и купанья в озере — смягчали душевную подавленность и, отвлекая от суровой действительности, рассеивали охватывавшие подчас мрачные мысли. Помогало этому и наше полное доверие корпусному командованию. Все знали, что в лице полковника Рогожина имеют твердого и честного защитника и опекуна.

Одновременно, с переходом в лагерь, от англичан были получены винтовки из расчета 20 шт. на роту. По получении винтовок весь лагерь опоясался полевыми караулами и одна из рот назначалась дежурной. Несение службы караулами проверялось дежурным по полку офицером. Дежурный же по полку офицер производил ежедневную вечернюю поверку с пением молитвы выстроенному на передней линейке полку. После переключки, приняв рапорты от дежурных по ротам, дежурный офицер являлся с рапортом к-ру полка.

Второе офицерское дежурство назначалось по пастбищу. В центре корпусного лагерного расположения находился большой, в несколько квадратных километров, луг, поросший травой. На этот луг были выпущены все корпусные лошади, пасшиеся под надзором конюхов. Для наблюдения за службой конюхов и назначался офицер.

Корпусной госпиталь был устроен в верхнем этаже большого помещицкого дома имения «Тигринг», вблизи расположения 1-го полка. В случае необходимости, больные отправлялись в Клагенфурт, в австрийскую больницу. При госпитале имелся зубоврачебный кабинет, обслуживавший, разумеется, всех чинов Корпуса бесплатно.

Занятые устройством нашей лагерной жизни, почти изолированные от внешнего мира, мы, рядовые офицеры и добровольцы не представляли себе грозившей нам опасности, не знали ни о выдаче Казачьего Корпуса фон Паннвица Советам, ни сербских четников и добровольцев — Тито. Обо

всем этом, как и о потрясающей своей беспримерной подлостью и коварством, кровавой выдаче в Лиенце, мы узнали подробно лишь позже. Доходившим до нас неясным слухам мы не доверяли, считая их провокационными, или, во всяком случае, безмерно преувеличенными. Знал и отдавал себе отчет о всем этом лишь наш Командир Корпуса и очень ограниченное число его помощников. Лишь позже, когда страшная опасность выдачи была, в значительной степени отклонена, мы поняли, какую тяжесть на своих плечах нес полк. Рогожин и узнали о принимавшихся им мерах для нашего спасения. В результате этих мер и усилий, полк. Рогожину удалось убедить англичан, что люди Корпуса не немецкие наемиты, не изменники родины, но русские патриоты, взявшие оружие для борьбы исключительно против коммунистов — поработителей России.

Заботы корпусного командования **отвлечь людей от тяжелых и мрачных мыслей и хоть немного внести радости в неприглядную действительность, проявились в поощрении** всякого рода культурной и художественной самодеятельности. Это всегда находило отклик у многих наших соратников, обладавших талантами и способностями в какой либо отрасли искусства. Первым, как всегда у русских, был образован хор. Доведенный своим талантливым организатором и регентом, лейтенантом Акировым, до высокого художественного уровня, хор был неизменным украшением программы эстрадных концертов в устроенном лагерном театре.

Сейчас же за образованием хора, возникла корпусная лагерная труппа. Главными ее руководителями были братья Александр и Николай Мартьяновы. Кроме них, в спектаклях принимали участие: Л. П. Мартьянова, Т. С. Вендерович, М. А. Кубаркина, В. М. Диакровский, А. А. Навроцкий, Г. М. Гусак и др. Художественно-декоративную часть взял на себя Д. В. Домрачев. Нужно было проявить большую изобретательность, чтобы из имевшегося материала, т.е. буквально из ничего, делать костюмы и необходимый реквизит. Материалом служили старые мешки, жестянные бидоны, консервные банки и прочие, обыкновенно выбрасываемые на свалку,

вещи. Всё это резалось, кроилось, раскрашивалось водяными красками и превращалось в «костюмы», декорации и бутафорию, вызывавшит удивление у зрителей.

Ставились легкие вещи и водевили, как старые: так и написанные Г. И. Шевяковым, — «Китайский Рай», «Любовь по чинам», «Праздник в деревне», «Цыганские романсы в лицах» и др. В «Китайском Рае» вызывал бурю аплодисментов Г. М. Гусак, спускавшийся с песней, в матросской форме, по амфитеатру к сцене.

В восторг приводило зрителей выступление группы отличных гимнастов во главе с В. С. Фишером. Гимнасты, несмотря на систематическое недоедание, лихо проделывали сложные партерные упражнения и часто работали на ими же смастеренных гимнастических снарядах.

Кроме, сохранившего свои инструменты, хора трубачей 1-го полка, организовался струнный балалаечный оркестр под управлением А. Г. Шкляра, большинство инструментов которого было сделано самими музыкантами. Благодаря всему этому, программы спектаклей-конcertов были всегда очень разнообразны и интересны. Спектакли давались под открытым небом — вблизи с. Нассвег, где расположился 4-й полк — на склоне горы были открыты амфитеатром земляные скамьи. Внизу амфитеатра сооружена сцена. Представления давались по воскресным дням, после обеда.

Задолго до назначенного времени, со всех мест расположения частей, начинали стекаться желающие занять лучшие и ближние к сцене места, и к трем часам весь склон горы заполнялся тысячной толпой сидящих и стоящих зрителей. Кроме наших чинов, спектакли посещали в большом количестве австрийские крестьяне из околных сел, местные помещики и еще не демобилизованные немецкие офицеры. Иногда присутствовало и английское начальство.

При появлении к началу спектакля полк. Рогожина, старшим из присутствовавших офицеров подавалась команда — «Смирно, г. г. офицеры!», трубачи играли встречу и командир Корпуса здоровался с присутствовавшими чинами, получая бодрый тысячеголосый ответ. Особенно запомнилось,

как на первом спектакле, после приветствия командира Корпуса, уставной дружный ответ перешел в долго не прекращавшееся «ура». В этом стихийном «ура» выразилась вся привязанность, любовь и доверие к нашему боевому командиру. Прибывшие вместе с полк. Рогожиным и уже занявшие свои места, английские офицеры, встали и отдали ему честь.

Мне кажется, что я не ошибусь, утверждая, что в июле и августе 1945 года, из всей многомиллионной массы военнопленных, лишь мы имели возможность приветствовать встречным маршем трубачей своего командира.

Иногда спектакли ставились в расположении 1-го полка, в с. Тигринг, где тоже была оборудована под открытым небом сцена.

После принятого решения о нашей демобилизации, было объявлено о переводе нас в лагерь Келлерберг, в 17 клм. от Филлаха, на ж.-д. линии Филлах — Шпиталь.

А. Полянский

РУССКИЙ КОРПУС

О! Русский Корпус! Сколько смысла	В его рядах отцы и дети,
В простом созвучьи этих слов,	Забыв любимую семью, ,
Когда над миром всем нависла	На склоне лет и в сил расцвете
Проблема рабства и оков:	Шли умирать за Русь в бою.
Любовь к Отчизне, долгу	В горах далеких дикой Босны
верность.	Они теперь спокойно спят,
Презренье к смерти и нужде,	Их стерегут чужие сосны,
Души славянской мощь и цель-	Над ними плачут и скорбят.
ность	Так спите-ж, Русские Орлы,
И помощь братская в беде.	Одни от Родины далекой,
Забвенье будничных стремлений	Вы честь России сберегли,
Утрата близких и семьи,	Отдавши жизнь в борьбе жестокой.
Готовность к жертве и лишениям	Бессмертный Корпус не умрет
Во имя чести и любви.	И жить останется навеки,
	Он светоч истины несет
Наш славный Корпус, символ ве-	Трусам, сменившим свои вехи.
ры,	На страже Корпуса стоит
Звезда, горящая во тьме.	Достойный Рыцарь без упрека,
Предел возможного и меры	Он Корпус Русский сохранит
Служенья правде на земле.	По воле Божьей, в силу Рока!

Б. Патковский

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КОРПУСА

1. Отход на север

В апреле 1945 года близился конец войны. Это ясно чувствовалось не только по сводкам Главного Командования и слухам, но и по обстановке на Балканском театре военных действий, а главное, по настроению тех старших войсковых начальников, с которыми мне приходилось иметь служебное общение.

Надо отдать должное частям Германской Армии на нашем участке фронта: ведя тяжелые арьергардные бои, армия отступала в полном порядке, лишь отчасти утративши свою былую стойкость и боевую упругость, что можно объяснить тяжелыми потерями в личном составе и материальной части особенно из-за полного отсутствия своей авиации. Ни паники, ни намека на развал, ни даже ослабления воинской дисциплины почти не наблюдалось, хотя, конечно, дух был подорван сознанием не только проигранной войны, но и тем, что в руках врагов уже было пол Германии, чего, вероятно, никак уж не предполагал ни один солдат Вермахта, пять лет тому назад с таким блеском начатой войны. Встречавшиеся воинские части были еще полностью в руках своих командиров, аппарат командования по-прежнему действовал с поразительной четкостью, интендантство умудрялось довольно регулярно снабжать войска и лишь сильно ухудшилось снабжение огнестрельными припасами и часто мы не получали требуемого количества. Однако внешний вид солдат заметно изменился, хмурые лица и уже не было того опрятного, подтянутого и щеголеватого вида, какими они были еще недавно, даже в тяжелых условиях горной войны зимой в дебрях и трюцобах Боснии.

К началу 1945 года полки Русского Корпуса составляли две обособленные друг от друга боевые группы. Из них: 1-й Казачий полк и 2-й полк (Штаб полка и один батальон), под командой ген. Морозова, вели бои в районе г. Брчко на реке Саве; 4-й, 5-й полки с Запасным б-ном (собственно, сводный б-н 3-го полка), под моим командованием, входили в состав

большой группы войск, оперировавших в треугольнике Буговача - Травник — Зеница. Все части Корпуса выдержали очень трудное боевое испытание и понесли чрезвычайно большие потери, ввиду чего пришлось 1-й, 4-й и 5-й полки свести в двухбатальонные составы. Проявленные стойкость и доблесть всех полков заслужили лестную оценку армейского командования и нашим частям поручались ответственные боевые задания часто с придачей под команду русских командиров крупных подразделений Вермахта. Несмотря на сильные потери, части Корпуса в огневом отношении стали даже сильнее благодаря камоснабжению и перевооружению собственной инициативой за счет некоторых, потерявших свою стойкость, частей более новейшими системами огнестрельного оружия.

27 апреля все полки Корпуса, смененные на разных участках фронта в Хорватии немецкими частями, наконец, соединились впервые за всё время своего существования и под моим командованием продолжили свое походное движение на Загреб. В ночь на 29 апреля полки прошли Загреб и были расквартированы на окраинах города и в близлежащих населенных пунктах. Увы, отдых получился очень кратким; уже в полдень я получил приказание из Штаба Главнокомандующего начать спешную погрузку всех полков в жел. дор. эшелоны (по одному полку в сутки) и по прибытии в г. Любляны поступить в распоряжение командующего там генерала с выдвижением на фронт к юго-западу в направлении Триеста.

Это новое боевое задание мне было сильно не по душе — Корпус снова удалялся от нужного нам направления. Кроме того, в случае капитуляции мы рискуем попасть в ловушку. Но и еще одно обстоятельство вызывало сильное беспокойство: согласно условий, заключенных основателем Русского Корпуса ген. Скородумовым с немецким командованием, Корпус формировался для борьбы с коммунистами и не мог быть употреблен для действий против Западных Союзников. В Триесте же уже по слухам были англичане и возможность выдвижения их на фронт в Люблянском направлении не исключалась, хотя пока, по сведениям Штаба Главно-

командующего, было обнаружено присутствие только титовских частей.

Обо всем этом я доложил прибывшему ко мне в штаб к-ру Корпуса ген. Штейфону, который пообещал на другой же день просить Главнокомандующего о направлении нас на фронт не к югу, а к северу от Люблян. Затем к-р Корпуса выразил желание сделать смотр 5-му полку. На мой доклад, что подразделения полка уже получили приказание двигаться для погрузки в жел. дор. эшелоны, генерал решил смотреть части на тех местах, где их застанем.

Начав объезд вместе с к-ром Корпуса места стоянок полка, мы заставляли некоторые части, построенными для движения, другие генерал смотрел на походе. Все части полка к-р Корпуса благодарил за доблестную боевую службу, в своем слове всякий раз употребляя выражение «мой железный пятый полк», с большим подъемом перечисляя подвиги полка и, обнимая меня, каждый раз подчеркивал, что в моем лице он обнимает всех доблестных чинов полка.

Лишь совсем в сумерках смотр всех подразделений полка был закончен и к-р Корпуса, в самом хорошем настроении простился со мной и отбыл в город. По распоряжению Штаба Главнокомандующего, я не должен был следовать тогда с эшелонами своего полка, мне надлежало задержаться в Загребе до погрузки всех строевых частей Корпуса и затем на автомобиле переброситься в Люблян, где все полки в оперативном отношении должны быть снова объединены моим командованием. Поэтому, расставаясь с ген. Штейфоном, я просил о разрешении на другой день быть у него вместе с к-ром 4-го полка, полковником Эйхгольцем, с которым мы уже раньше договорились снова поднять вопрос о направлении дальнейшего движения Корпуса. Вопрос этот нас очень тревожил — конец войны неумолимо быстро приближался и теперь пора было принимать меры для спасения тех, кто еще уцелел в наших рядах, после тяжелой боевой эпопеи, выпавшей на долю Корпуса.

На другой день в 10 часов утра я приехал в гостиницу «Эспланада», где помещался ген. Штейфон со своим Поле-

вым Штабом. Там я встретился с полк. Эйхгольцем, от которого узнал, что генерал ночью имел сильный припадок (болезнь печени) и что беспокоить его не стоило, т. к. бывший у него до этого полк. Попов-Кокорулин не смог вести беседу — генерал все время засыпал. Офицеры Штаба посоветовали нам приехать часов около 5 вечера.

В указанное время мы снова были в гостинице. Подходя к помещению, занятому командиром Корпуса, мы увидели доктора, вышедшего оттуда, который ошеломил нас известием о внезапной кончине генерала Штейфона. Несчастье случилось за несколько минут до нашего прихода. Потрясенные этим сообщением, мы вместе с доктором быстро вошли в комнату командира и увидели его, лежащим на кровати. Казалось, он спал, но, подойдя ближе, я увидел, что он, конечно, мертв. Однако, доктор, продолжал принимать все нужные меры: искусственное дыхание, повторные инъекции. Ждали посланного в аптеку за какими-то лекарствами. По телефону срочно был вызван врач из Комендантского Управления. Увы, смерть была несомненной. что и подтвердил прибывший немецкий оберст-арцт.

Генерал Штейфон умер от паралича сердца, оно не выдержало того огромного напряжения, которое вынужден был нести покойный в течение последних лет, стоя во главе Русского Корпуса.

Покойного генерала я знал мало; до поступления в Корпус я даже его не видел, но, конечно, слышал о нем, как о выдающемся боевом начальнике и как о сподвижнике генерала Кутепова. Сначала наши взаимоотношения в Корпусе были сугубо официальными. Известную теплоту его отношения к себе я почувствовал лишь при встрече с генералом в начале марта 1945 г. Тогда только что прошли тяжелые Бусовачские бои и мне было приказано выехать к нему для встречи на станцию Зеница. На этот раз он откровенно поделился со мной сведениями о всевозможных интригах, плетущихся против него некоторыми генералами (не из состава Корпуса), а также известной частью чинов Вермахта. Дальше генерал говорил, что к его большому удовлетворению

Главкомандующий генерал-oberст Леер по-прежнему относится к нему с полным доверием. Тут он привел слова Главкомандующего, который сказал, что если бы генерал Штейфон вынужден был уйти, то командовать Корпусом будет уже немецкий генерал.

Еще более сердечной была моя встреча с покойным накануне дня его смерти. Настроен он тогда был бодро, хотя и учитывал полностью чрезвычайно тяжелую обстановку, с радостью упоминал, что скоро мы должны получить две тысячи солдат пополнения и верил, что найдется какой-то выход из того тупика, куда мы попали в результате проигранной немцами войны. Генерал, как и многие из нас, допускал возможность благожелательного отношения к нам западных союзников, которые могут учесть идейность нашей борьбы, продолжающейся еще со времен Белого Движения. Ведь в прошлом они сами нам оказывали поддержку.

Взволнованные и подавленные неожиданной смертью командира Корпуса, офицеры Штаба, полк. Эйхгольц и я вышли в соседнюю комнату, куда вскоре явились и немецкие офицеры связи. Майор Эммер обратился ко мне со словами соучастия по случаю смерти генерала Штейфона. Дальше он сказал, что я должен принять в командование Корпус. Смерть генерала меня так поразила тогда своей неожиданностью, что я не отдавал себе еще отчета в том, что это может отразиться и на моем служебном положении, хотя, действительно, — к этому моменту я был старшим русским командиром в чине oberста — четверо старших меня командиров полков на лицо не были: двое были убиты, другие два находились в командировках в Германии. Но я сейчас же вспомнил вышеприведенный разговор на ст. Зеница с ген. Штейфоном о проекте назначения немецкого генерала. Поэтому я ответил майору Эммеру, что не приму этой должности, пока не последует приказ Главкомандующего.

Удивленный моим ответом, майор Эммер немедленно поехал в Штаб Войсковой Группы «Е» для получения инструкций. Вернулся он скоро вместе с майором Курт, начальником Отделения восточных формирований, который выра-

зил соболезнование от имени Главнокомандующего и тут же передал его приказание о моем вступлении в должность Командира Русского Корпуса.

В это время уже были закончены приготовления к первой панихиде и она состоялась в присутствии представителя Главнокомандующего, офицеров Штаба Корпуса и немецких офицеров для связи.

Оглядываясь теперь назад и, воскрешая в памяти всё пережитое нами и, останавливаясь подробно на отрезке времени со дня смерти Командира Корпуса и до конца нашего сидения в лагере Келлерберг, должен сказать, что «неисповедимы пути Господни»...

В то время смерть генерала казалась преждевременной и непонятной своей неожиданностью. События, последующие после погребения, все испытания, выпавшие на долю чинов Русского Корпуса в период капитуляции и в первое время после — теперь ясно указывают, что Господь милостиво избавил покойного от многих таких тяжких испытаний и мучений. Быть может, участь генерала Власова, Краснова и других генералов РОА и Казачьего Корпуса — не миновала бы и нашего достойного Командира. На многочисленных допросах, которым я подвергался со стороны англичан, междусоюзной комиссии и представителей советской армии, я всегда чувствовал что им не хватает того, кто нес ответственность за создание Корпуса, кто вел принципиальные разговоры с немецким командованием в процессе формирования и службы наших частей. Находясь в полку, я, как строевой офицер, был далек от дел Штаба Корпуса и действительно часто не был в курсе всего, что касалось его командира. Это знали западные союзники, знали это и советчики и, если последние всё-таки требовали моей выдачи, как военного преступника, то это нужно отнести просто к присущей им кровожадности. Генералу Штейфону, оставаясь он жив, было бы много тяжелее и, прежде всего, его сразу бы изъяли от нас и поместили бы в особый строгий лагерь где сидели генералы и были изолированы, по мнению победителей, «тяжкие преступники». По тем ужасным временам была

вполне возможна и выдача генерала Штейфона Москве, где погиб бы он, конечно, лютой смертью.

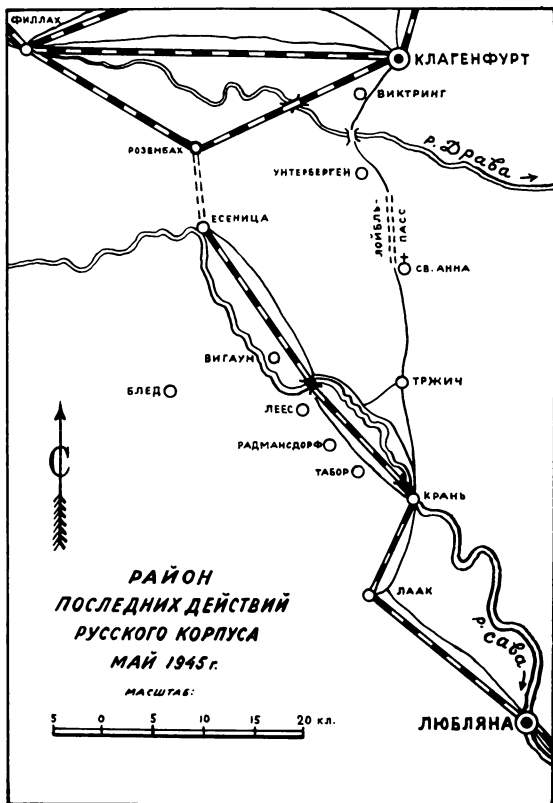
На другой день, по совету Главнокомандующего, было принято решение перевезти покойного в Любляну, где и предать земле.

Небольшому штабу, который был со мной в Загребе, утром 1-го мая было приказано подготовиться к движению автомобилями. Эшелоны 5-го и 4-го полков в это время уже были на пути в Любляну. В Самоборе начали погрузку Штаб Корпуса и штабные роты. Около 5 часов вечера колонна автомобилей полевого штаба вместе с автомобилем, в котором находился гроб покойного Командира Корпуса и конвой, вышла для следования в Любляну. Шли всю ночь в боевой готовности, т. к. в этом районе было много партизанских отрядов. У местечка Ран мы обогнали колонну 1-го и 2-го полков, шедших к ж. д. станции на погрузку. Командиры их — генералы Морозов и Иванов доложили мне, что напряженность момента пока не отразилась на настроении людей — оно по-прежнему твердое и спокойное. Это было чрезвычайно важно — мы неминуемо приближались к катастрофе и, чем крепче у всех нас будут нервы, тем будет больше шансов найти достойный выход из создавшегося положения.

Перед рассветом наша автомобильная колонна прибыла в Любляну, где в штабе ген. Райслера мне сообщили обстановку и новое задание: Корпусу надлежало занять участок фронта к сев.-западу от Люблян, имея командный пункт в гор. Лаак. Приказание это сняло с души гнет и окрылило надеждой на наше спасение. Провидение пощадило нас — невыгодное и опасное направление отпало: мы приближались к выходу из Югославии.

В семь часов утра я со своим полевым штабом прибыл в Лаак и сразу же было приступлено к созданию командного пункта. Штаб Корпуса, до этого никогда не управлявший своими частями в оперативном отношении, — с трудом приспособлялся к этой, для него новой, работе. Чины роты связи тогда особенно проявили свою энергию и инициативу.

Я узнал, что эшелоны с нашими полками благополучно

Лагерь Фиктринг. Вдали сербский и словенский таборы.

Массы чинов Корпуса перед театром

продвигались по железной дороге к месту своего назначения. На счастье все предыдущие три дня стояла пасмурная погода, которая не давала возможности авиации нападать с воздуха. Выгрузившийся накануне, 5-й полк, успел занять позицию в районе Гореновац (в 15 км. юго-зап. Лаака).

Радио сообщило о смерти Хитлера и воззвании адмирала Деница о продолжении борьбы только с коммунистами.

3 мая прибыл и разгрузился 4-й полк и сейчас же был направлен на позицию к сев.-зап. от 5-го полка.

Предположение похоронить тело ген. Штейфона в Любляне не осуществилось — лучшее военное кладбище оказалось в Крайнбурге и было решено перевезти его туда. Около полудня, в присутствии всех чинов штаба Корпуса и представителей Германского Командования, состоялось погребение, с отданием воинских почестей. Заупокойную службу совершил о. Борис Молчанов; взвод роты связи произвел установленный салют, играл немецкий военный оркестр, были возложены венки от каждого полка, штаба Корпуса и Вермахта, а затем надгробное слово сказал священник и я. Все мы были удовлетворены, что, несмотря на необычайно напряженную обстановку, удалось похоронить пок. генерала Штейфона с возможной торжественностью.

Сразу, после похорон, я вместе с майором Эммером, выехал в Любляну. В штабе командующего генерала я познакомился с начальником штаба и офицерами оперативного отделения. Самого ген. Райслера не было. Узнал подробную обстановку: на фронте к юго-зап. от Любляны находятся немецкие моторизованные части, крупные подразделения словенских домобранцев под командой генерала Рупника (словенец) и три сербских добровольческих полка, с которыми нашему левому флангу надлежало связаться в районе с. Жири. Штаб Гавнокомандующего перешел в Целье, но общее положение на фронтах войны офицерам штаба было, как они говорили, неизвестно.

В городе нашел базу русского полка «Варяг» (до того времени мы ничего не знали об этом формировании).

Боевые части полка, под командой командира его. полк.

Семснова, находились на позиции в районе Любляны. Майор Гринев, помощник к-ра полка, весьма обстоятельно нарисовал мне картину взаимоотношений между разными национальными группировками в Словении, особенно подчеркивая их решение продолжать борьбу против коммунистов до прихода англо-американцев, в скорое появление которых все верили и ждали их с нетерпением.

Вечером разгрузился, прибывший на ст. Лаак, 1-й полк и был расквартирован в ближайших населенных пунктах. Узнал с огорчением, что благодаря прояснившейся погоде, эшелон в пути подвергся нападению с воздуха. В результате 1 убитый и 11 раненых.

На другой день, с утра, город разукрасился словенскими национальными флагами — Словения объявила себя самостоятельным государством. Были вывешены афиши, в которых ген. Рупник призывал народ бороться с коммунистами. Распространился слух, что словенцы обратились к западным союзникам с просьбой о помощи и о спасении их от коммунистического порабощения.

На нашем фронте было в общем спокойно. 5-й полк доносил, что перед его расположением появились танки противника. Ввиду гористой и сильно пересеченной местности, усилить противотанковую оборону тогда было вполне возможно, о чем и было приказано нашим и немецким саперам.

Как я уже упоминал выше, наши полки были не в комплексе, они имели в своем составе максимум по два батальона. Нам же надо было иметь сильные боевые единицы, способные выполнять любые тактические задания. Возможно, нам предстояло пробиваться, чтобы силою оружия осуществить план выхода с территории Югославии. Поэтому я решил — лучше иметь три „сильных кулака”, чем много „слабых пальцев” и, отбрасывая все сентиментальные начала, приказал: Запасному батальону войти в состав 1-го полка, все роты Штаба Корпуса свести в батальон, передав его 4-му полку, батальону 2-го полка войти в состав 5-го полка. Таким образом, все строевые части Корпуса сводились в три полка трехбатальонного состава с соответствующими под-

разделенными полковой артиллерии и тяжелого оружия. Я знал, что приказ этот вызовет известное недовольство в тех частях, которые теряли, как бы, свою самостоятельность, но обстановка действительно диктовала эти исключительные и непопулярные меры. Полученное от ген. Райслера распоряжение о выдвижении 1-го полка в район Леес - - Радмансдорф, - - застало его уже в составе трех батальонов. Переброшенные автомобильным транспортом, части этого полка, немедленно вступили в бой и с успехом выполнили задание.

К вечеру 4-го мая прибыл последний эшелон из района Загреба — Штаб Корпуса со всеми его подразделениями и штабными ротами. Таким образом, все части Корпуса были вместе, отсутствовал лишь Корпусной лазарет, о месте нахождения которого у нас пока не было сведений.

В ночь на 5 мая, донесения от полков были более тревожными: 5-й полк сообщал о наличии танков в Идрия, перед фронтом 4-го полка также появились танки и летала разведывательная авиация противника. Пришлось принимать меры по противотанковой обороне и в самом Лааке.

В связи с общей катастрофой и обстановкой, на нашем участке фронта (признаки активности противника — появление его моторизованных частей), настроение становилось очень тревожным. Все понимали наше опасное положение и с нетерпением ждали моих решительных мер по выводу Корпуса на германскую территорию. Я понимал и разделял эти настроения, я также знал, что ответственность за 4½ тысячи жизней и спасение их было моей священной обязанностью, но бросить фронт и, спасая самих себя, обречь на гибель Люблянскую группу войск, Русский Корпус не мог. Мысли о том - - „как поступить?“, были очень мучительны.

Близкое окончание войны, с полным поражением Германии, создавало для нас тогда исключительно трудное и неясное положение - - было очевидно, что скоро наступит момент, когда мы вместе с немецким Вермахтом попадем на милость, или немилость победителей. Прежде всего надо было узнать, какова обстановка у ген. Власова, а затем в Казачьем Корпусе ген. Панница. Все наши попытки получить

эти сведения в немецких штабах успеха не имели. Да, они и действительно вряд ли могли тогда знать об этом.

Оставалось одно — отправить свою разведку. Для этой цели я послал одного офицера с моим письмом к ген. Власову, а другого — с письмом к ген. Паннвицу и ген. Краснову. Они так больше к нам и не вернулись и надо полагать, что в пути их застал хаос, наступивший после капитуляции и они вряд ли смогли выполнить мои поручения. Третья разведка была послана на легковом автомобиле с радиостанцией, от которой были получены радиограммы о том, что дорога на Австрию в районе Есеницы прервана партизанами. Выполняя задание, эта разведка проникла в Австрию через Лойбль-Пасс и, действуя очень энергично, дала нам весьма ценные сведения.

Наступила Страстная Суббота. В Лааке, несмотря на тревожное положение и общее гнетущее настроение, о. Викторин оборудовал в пустом бараке походную церковь. Там, при большом числе молящихся чинов Корпуса, в 12 часов ночи началась Пасхальная Заутреня. К сожалению, мне не удалось попасть в церковь, т. к. приехал полк. Эйхгольц и мы совещались с ним почти всю ночь. У него создалось опасное положение: 4-й полк стоял сильно выдвинутым вперед, что, при наличии моторизованных сил противника, было очень рискованно. Той же ночью были отданы распоряжения об отводе полка на новую позицию и операция эта прошла вполне благополучно.

На другой день, после полудня, я вместе с полк. Эйхгольцем выехал в Любляну.

Со стороны Штаба Командующего была сделана тогда же попытка подчинить непосредственно себе наш 1-й полк (ввиду выполнения им особой задачи), однако, я это категорически отклонил — грядущее нам необходимо было встретить объединенными своим единым командованием.

Здесь же в Штабе, я, наконец, имел возможность представиться командующему войсками Люблянского района, ген. Райслеру. В разговоре с ним, я вновь поднял вопрос о быстро приближающейся общей капитуляции и невозмож-

ности для нас белых русских сдачи в плен коммунистам. На это генерал ответил: „Ни о какой капитуляции не может быть и речи, мы остаемся здесь. Борьба продолжается“. От него же я узнал еще, что Штаб Главнокомандующего по прежнему в Целье и Загреб находится еще в руках Германской Армии. Больше ген. Райслера я уже не видел. На другой день его уже не было в Любляне, а впоследствии я узнал об его трагическом конце: он был опознан в Австрии, выдан Тито и как „военный преступник“, был казнен коммунистами.

По возвращении в свой штаб в г. Лааке, застал там Начальника Корпусного лазарета, д-ра Бабенко. Оказалось, что лазарет от нас недалеко в с. Медводе. Доктор был очень озабочен, боялся, что при отступлении его забудут и он не сможет вывезти своих раненых и больных. От своего санитарного начальства никаких распоряжений он не имел. Ввиду общей обстановки и несомненного скорого нашего движения на север, я приказал доктору свернуть лазарет и двигаться на север в Клагенфурт. Доктор уехал очень довольный а у меня потом было бурное объяснение с майором Эммером, считавшим, что я совершил тяжкий грех, вмешавшись в дела санитарного управления армии. Разговор с ним закончил указанием, что всю ответственность принимаю на себя и свое распоряжение не отменю.

К вечеру на фронте 5-го полка началась сильная ружейная стрельба. Ген. Морозов доносил, что ввиду угрозы нападения красных на Блэд, он выдвинул один батальон 1-го полка. Кроме того, он подтверждал сообщение нашей разведки, что противник занял Есеницу и тем самым перерезал дорогу на Филлах.

Утром 8-го мая полк. Бальцар ездил в Любляну, был в нем. штабе и не привез никаких тревожных сведений. Когда же, после полудня, я сам поехал туда, — при въезде в город меня поразило отсутствие пропускных постов, где раньше так тщательно проверяли всех въезжавших. Подъехав к Штабу Командующего, я увидел много грузовых автомобилей, на которые спешно грузилось штабное имущество. В

оперативном отделении тоже торопливая укладка вещей и приготовления к отъезду. Встретившие меня оберст-лейтенант и майор, оба Ген. штаба, сразу же сказали мне, что капитуляция уже объявлена на всех фронтах и вступает в силу на следующий день в 4 часа дня. Люблянская группа войск будет двигаться на север до вступления в силу капитуляции. Ввиду отъезда ген. Райслера, в командование вступил оберст фон Зеллер, которого еще не было в Штабе. Тут же я получил следующее задание:

Части словенских домобранцев под командой ген. Рупника, три полка сербских добровольцев, во главе которых стоял подполковник Топалович и русский полк „Варяг” (общее количество всех перечисленных частей свыше 12 тысяч чел.) передаются в подчинение мне. Занимаемый нами фронт, должен будет удерживаться до 5 час. следующего дня. Наши 4-й и 5-й полки должны затем перейти в район г. Крайнбурга и занять к югу от этого города позиции, принимая на себя все отходящие от Люблян войска.

Эта боевая группа, вновь образуемая из иностранных военных формирований, должна была под моим командованием на другой день начать движение на территорию Австрии, с целью выхода в район города Филлаха. Занятие красными станции Есеницы, создавало на этом пути препятствие, которое мы должны были преодолеть, открыв себе с боем дорогу на северо-запад. Какие силы красных нам преграждали путь, точно не было известным и поэтому было решено, теперь же, пытаться овладеть ст. Есенице и туннелем около нее. Эта задача была возложена на полк „Варяг”, для чего он получил приказание немедленно начать погрузку в железнодорожный эшелон, для переброски в том направлении.

Согласно диспозиции Люблянского штаба, все немецкие части должны были двигаться на север, в сторону Австрии, перевалив хребет Караванки через Лойбль-Пасс и выйти, таким образом, в район Клагенfurта.

Приказ об отходе был встречен решительно всеми со вздохом облегчения — мучительные опасения, что мы за-

стрянем в Югославии и попадем в лапы коммунистов, потеряли свою остроту. Лично для меня отход в Австрию снимал огромную ответственность за судьбу вверенного мне Корпуса — моральная пытка, терзавшая меня в течении недели, закончилась. Мы честно выполнили поставленную нам боевую задачу и, оставаясь на фронте, обеспечили отход Люблянской группы войск. Нам никогда не придется краснеть за свое поведение в эти сумбурные и страшные своей неизвестностью дни.

Еще в Любляне начальник штаба просил меня передать подполк. Топаловичу, командующему тремя полками Сербского Добровольческого Корпуса, приказание, в котором говорилось о подчинении сербских частей мне. Оказалось, что Топалович тоже находился в Лааке, но был болен, поэтому я решил лично отправиться к нему и переговорить обо всех вопросах, связанных с нашими совместными действиями в ближайшие дни.

Подполк. Топалович встретил меня с майором Эммером не особенно приветливо, а когда я ему передал приказание Люблянского штаба, он сильно разволновался и сказал, что было бы гораздо целесообразнее не ему подчиняться мне, а наоборот, т. к. нам предстоит встреча с англо-американцами, которые, отнесутся к нему, при виде сербской королевской формы, конечно, совершенно иначе, нежели ко мне — носящему немецкий мундир. В глубине души мне показалось тогда, что пожалуй он и прав, но ему я сказал, что приказание отдано свыше и нам оставалось только провести его в жизнь. Он согласился со мной, что времени для перемены приказа уже нет и мы стали обсуждать, выработанный мной, план движения нашей боевой группы на Филлах.

Я проэктировал это движение двумя колоннами по двум параллельным дорогам. Главная колонна двигалась бы по шоссе на Филлах, а другая — южнее, по правому берегу р. Савы, проселочными дорогами по хребту, командующему над этой долиной. Не обеспечив себя занятием этого хребта, движение по шоссе было бы вообще невозможным. На вопрос Топаловича, кто будет составлять эту левую колонну,

я ответил, что хочу предложить эту дорогу ему. Он сказал, что это отвечает его желанию и пояснил, что движение по шоссе для его частей, неимеющих опыта ведения боя с моторизованным противником, будет им не под силу. Я был тоже доволен таким решением, т. к. сербам, как местным жителям, будет легче справиться с маршем и боем в гористой местности. Обещав Топаловичу взять сербские обозы в главную колонну, я условился снова встретиться с ним на другой день в 11 часов в Крайнбурге, где он должен будет получить от меня приказ о марше. Он очень просил не подвести добровольцев и удерживать позицию у Лаака до 5 часов утра 9 мая. Сказав ему, что:

— Не в наших правилах кого бы то ни было подводить, — я простился с ним. Прощание наше было много сердечнее и теплее, чем встреча.

Вернувшись в свой штаб, я принял оберста фон Гельднера, назначенного новым командиром Немецкого Штаба Связи при Русском Корпусе. Фон Гельднер обещал сделать все, чтобы наша совместная работа принесла бы как можно больше пользы. В общем, он произвел на меня очень хорошее впечатление.

Вечернее донесение ген. Морозова гласило, что 1-й полк с утра и до вечера вел успешный огневой бой у моста через р. Саву сев.-зап. О. Леес'а. Кроме того, он доносил, что партизанами взорваны два больших моста по шоссе на Есеницу и что движение артиллерии и обозов по этой дороге теперь невозможно. Сейчас же радио-граммой я приказал тщательно проверить эти сведения потому, что это могло бы сильно осложнить предполагаемый марш на Филлах.

Утром 9-го мая через Лаак прошли 4-й и 5-й полки. Прикрывающие их части появились в городе около 8 часов утра. Конному взводу 5-го полка я приказал последним уйти из города. В 9 часов утра я с полевым штабом выехал из Лаака.

По дороге на Крайнбург я нашел 4-й и 5-й полки, занимавшие, указанные им, новые позиции. Я вышел из автомобиля и обошел часть оборонительного района. Бодрые и

толковые ответы солдат, спокойная уверенность командиров — ни у кого ни тени уныния, все это чрезвычайно ценно в обстановке того сложного момента. Мне было особенно приятно всех их видеть после десятидневного перерыва, когда я был вне строя и не имел общения с солдатской массой.

Проехав еще несколько километров, я нашел квартиреров Штаба Корпуса. Мы разместились в домах перед мостом через Саву, но пробыли там не долго, т. к. нужно было к 11 часам дня быть на совещании у Командующего Люблянской группой войск в Крайнбурге.

На это совещание меня сопровождали оберст фон Гельднер, майор Эммер и переводчик.

«РУССКИЙ КОРПУС»

Русский Корпус — горсть изгоев,
Верных долгу до конца,
Поднялся тропой героев
От Комкора до бойца.

Князя Невского Заветы,
Удержавшись семь веков,
Озарили ярким светом,
Номера его полков.

Корпус доблести и чести
Славой шитых гренадер,
Сколько пало вас без вестей
Всем соратникам в пример!

Знает Дрина, помнит Сава,
Сколько мертвых тел бойцов
Застывающею лавой.
Опочило без крестов.

Будут долго партизаны
Помнить русские войска
Будут ветры на Балканах
Песни петь о них века.

От Белграда и до Дравы
Через горы и мосты.
Метят путь тернистой славы
Безымянные кресты.

Не забудут поражений
И советские войска,
Как Петровский, русский гений,
Бил всегда наверхьяка,
И на водах, и на суше,
И в ущельях, и в горах
Пробивались сквозь „Катюши“.
Разнося преграды в прах.

Вдохновляло всех сознание
Правоты своих идей.
Всех вело вперед дерзание
И призвание вождей.

Все дороги кровью смывы,
Все развеялось, как дым,
Память вечная убитым,
Слава вечная живым!

Новый путь уже проложен,
Горсть героев спасена,
Вновь блеснет Комкор Рогожин,
Если грянет, вдруг, война.
Как и встарь, под Белым стягом,
Все сомкнут свои ряды
И пойдут бесстрашным шагом
Против варварской Орды.

Юрий Псковитинин

2. „Борьба” за Клагенфуртское направление.

В Штабе Командующего нас встретил адъютант и про-вел в большую комнату, где, сидел оберст фон Зеллер и око-ло 10 немецких штаб-офицеров, — командиров боевых групп и отдельных частей. Я познакомился с фон Зеллером, моло-дым 43-летним оберстом. Встретил он меня сухо, строго официально. Началось совещание.

Фон Зеллер обрисовал обстановку данного момента: Любляна благополучно оставлена, части оторвались ночью от пр-ка незаметно для него.

Позиция, намеченная вчерашним оперативным приказом, занимается спокойно, пр-к пока активности не проявляет. Затем, фон Зеллер стал намечать дальнейший план нашего отхода, движение на германскую территорию предполагалось двумя направлениями: на Клагенфурт и на Филлах.

На Клагенфурт, через Лойбль-Пасс, должны были дви-гаться немецкие части Вермахта, СС, полицейские части, какие то подразделения добровольцев с Востока и сербские добровольцы Гопаловича вместе со словенскими домобран-цами ген. Рупника. Филлахское же направление фон Зеллер предоставил **исключительно** Русскому Корпусу. Это новое распределение войск для марша было для меня полной не-ожиданностью и страшно возмутило. Еще вчера в Любляне на совещании в штабе было решено, что сербы и словенцы будут идти с Корпусом, а сегодня? — почему такая переме-на, почему только нам предоставляется эта, безусловно, рискованная дорога? Мне сразу пришла мысль, что югосла-вяне, как местные жители, гораздо лучше информированные о происходящем на Филлахском направлении, считали, что оно стало сейчас опасным и успели уже воздействовать на Командующего, упросив его взять их с собой на Клаген-фурт. Вчерашняя радио-грамма ген. Морозова о взорванных мостах ясно указывала, что обстановка в долине реки Дравы и дороги в направлении на Филлах сильно осложнилась.

Я спросил фон Зеллера:

— Значит, Русский Корпус ОДИН должен двигаться

по Филлахскому направлению? И, когда он подтвердил это, я резко заявил ему:

— Русский Корпус не заслужил подобного к себе отношения. Сидевшие по обе стороны от меня, оберст Гельднер и майор Эммер, стали оживленно и горячо доказывать Командующему, что это действительно большая несправедливость по отношению Корпуса. На все это фон Зеллер воскликнул:

— Не понимаю, чем возмущен оберст. Вчера на совещании в Любляне ему уже было об этом объявлено.

Возражая на это, я сказал ему, что вчера мне было объявлено, что со мной двигаются 3 полка сербских добровольцев и словенские домобранцы и что это вместе с Корпусом составило бы боевую группу численностью свыше 16 тысяч. Кроме того, обстановка в том районе за сутки изменилась: мосты взорваны, что сделает невозможным движение артиллерии и обоза Корпуса, в котором свыше 500 конских повозок и большая авто-колонна. Прорить себе дорогу без артиллерии, при наличии у пр-ка танков, мы не сможем; починка мостов потребовала бы много времени и само движение по узкой долине с необеспеченными хребтами одним частям Корпуса было бы чрезвычайно трудно и стоило бы многих ненужных жертв. В заключение, я спросил фон Зеллера:

— Остается ли в силе приказание о движении Корпуса на Филлах? — На это последовал ответ, что сербов и словенцев, по их просьбе, он берет с собой на Клагенфурт. Корпус же должен двигаться на Филлах.

Терпению моему наступил конец! Вне себя от негодования, я заявил фон Зеллеру:

— Этого приказания я выполнить не могу! Взволнованный и потрясенный всем происшедшим, я встал со своего места, все присутствующие также поднялись. Фон Зеллер, повидимому, сильно пораженный моим заявлением, сказал:

— Прошу вас вызвать командира 1-го полка, я хочу подробно узнать обстановку в его районе. Я молча поклонился и вышел. У автомобиля меня нагнали оберст фон Гельднер

и майор Эммер. К моему удивлению, оба наперерыв стали мне говорить, что Зеллер возмутительно себя ведет в отношении Корпуса, что это вопиющая несправедливость.

Вернувшись в свой штаб, я послал радио-грамму ген. Морозову, прося его немедленно прибыть ко мне. Я переживал большую душевную депрессию — драматический финал совещания камнем давил меня. Обстановка, в которой мы находились была сама по себе мучительна. Сроки развязки подошли вплотную и я отдавал себе отчет, что каждая ошибка кого либо из начальствующих лиц, могла бы быть роковой для тысяч людей. Упорство фон Зеллера, требовавшего движения только Корпуса по дороге, уже занятой прком и непроходимой для артиллерии и обозов, отнюдь не вызывалось требованием обстановки и в тактическом отношении было совершенно бессмысленно. Было ясно, что Корпусу, в лучшем случае, удалось бы пробиться ценою очень больших кровавых жертв и потерей всего, что у него было на колесах. В то же время, никакой зависимости и влияния на облегчение походного движения остальных войск на Клагенфурт, Корпус своим маршем долиной р. Дравы оказать не мог — обе дороги расходились почти под прямым углом и районы предполагавшихся столкновений с противником были отделены на десятки километров. Ни я, ни сопровождавшие меня немецкие офицеры связи, не могли объяснить причины столь чудовищно-несправедливого отношения к Корпусу, о существовании которого фон Зеллер до вчерашнего дня вообще, вероятно, ничего не знал. Логика и здравый смысл указывали мне, что я поступил правильно и во имя спасения остатков Корпуса от безусловного разгрома не мог слепо подчиниться нелепому приказанию, но, как офицеру Русской Армии, воспитанному в лучших ее традициях, мне было тяжело от сознания, что я отказался выполнить приказ начальника и тем нарушил основное правило воинской дисциплины. Это случилось первый раз в моей жизни и эта душевная раздвоенность создавала чрезвычайно нервное настроение. Правда, у меня мелькала все же мысль, что сам Командующий ищет выхода для ликвидации случившегося

драматического положения — просьба о вызове командира 1-го полка, как будто, указывала на это — может быть, личный доклад его будет предлогом пересмотреть решение о направлении движения Корпуса.

Эти тяжелые размышления были прерваны приходом оберста фон Гельднера и майора Эммера. Все еще сильно взволнованные, они заявили мне, что решили снова ехать к Командующему и настаивать на отмене приказа. Эта инициатива двух достойных немецких штаб-офицеров меня очень тронула, появился какой то шанс сломить упорство фон Зеллера. Я просил передать ему, что для спасения своих людей я буду вынужден искать самостоятельно место на Клагенфуртском шоссе, если несмотря на все доводы, он будет настаивать на своем решении.

Оба они, примерно, через час вернулись и с радостью сообщили, что миссия их, повидимому, удалась и Командующий почти склонен изменить свой приказ, но предварительно все же хочет услышать от командира 1-го полка доклад об обстановке в районе этой злополучной дороги на Филлах.

Около 2-х часов дня прибыл ген. Морозов и мы вместе с ним сейчас же отправились к Командующему. Фон Зеллер нас немедленно принял. Ген. Морозов сделал подробный доклад о положении в его районе. Он подтвердил о взорванных мостах, о туннеле, находящемся прочно в руках пр-ка и о появлении танков красных на Филлахском шоссе. Также доложил, что многие объекты охранения уже брошены немецкими вспомогательными частями и среди них наблюдается полный упадок духа. Ген. Морозов ничего не мог сказать о полке „Варяг” и связи с ним не имел. Фон Зеллер на это заметил, что и он не имеет никаких донесений от „Варяга”, но предполагает, что этот полк находится где то севернее Крайнбурга, куда для розыска его отправит моторизованный патруль. Что же касается района, где находился 1-й полк, то по словам ген. Морозова, после небольших боевых столкновений в течении последних дней, красные держатся не так активно и, очевидно, выжидают нашего оттуда ухода.

Прослушав все это, фон Зеллер сказал, что теперь ему ясна обстановка и он меняет свой приказ: Русскому Корпусу надлежит двигаться на Клагенфурт. При нас же, вместе со своим начальником штаба, он стал разрабатывать план завтрашнего марша. Тут оказалось, что Корпус должен быть в арьергарде всей походной колонны. Снова мне пришлось на это реагировать и сказать, что в продолжении месяца мы все время прикрывали отступающую армию и было бы справедливо на этот раз более спокойно совершать походное движение. Командующий сейчас же согласился и приказал поставить Корпус вторым после моторизованных немецких частей. А для того, чтобы успеть во время подойти на свое место, приказал сменить наши части на позиции у Крайнбурга и окольными дорогами, а не главным шоссе, которое было забито обозами словенских частей и беженцами, подвести в течении ночи Корпус через Наклас, Фрайтхоф, Табор, Свичах, Каем к Неймаркту с тем, чтобы с утра начать марш на Клагенфурт по шоссе через Лойбль-Пасс. Я поднял вопрос о смене 1-го полка и, после небольшого колебания, Командующий разрешил и его подтянуть в район с. Табор.

Итак, кризис разрешился. И на этот раз судьба милостиво избавила нас от тяжелых испытаний и, в то же время, конфликт с Командующим был безболезненно ликвидирован. Оберст фон Зеллер, как честный солдат, нашел в себе мужество признать свою ошибку и в дальнейшем всем своим отношением старался подчеркнуть свое, особо сердечное, расположение и внимание к Русскому Корпусу.

В 5 часов вечера я со Штабом Корпуса выехал в с. Сверчах. По дороге мы обогнали 4-й и 5-й полки, уже смененные на позициях и, согласно нового приказания, двигавшиеся на север. На марше они соединились со своими обозами и в полном составе прибыли в указанные места ночлегов. Незаметно оторвавшись от противника, поздно ночью прибыл в с. Табор и 1-й полк.

Настроение у всех было бодрое, верилось, что этот последний поход благополучно выведет Корпус к чему то новому, быть может и тяжелому, но во всяком случае, избавит

нас от горькой участи - сдачи в плен нашим смертельным врагам - коммунистам.

На другой день утром (10 мая), боковыми и проселочными дорогами колонна автомобилей Штаба Корпуса подошла к Неймаркту, обходя наши полки, стоявшие без движения по дороге к городу. С большим трудом, на автомобиле, я пробился к перекрестку дорог и увидел, что шоссе на Клагенфурт забито войсками и подводами беженцев. Движение шло рывками и беспорядочно. Узнав, где находится Штаб Командующего, я отправился туда и просил фон Зеллера принять меры и дать возможность колонне Корпуса выйти на Клагенфуртское шоссе. Вместе со мной он пошел на окраину города и, как только прошли немецкие части, задержал сербов и словенцев и дал, таким образом, возможность колонне Корпуса начать движение.

Мы долго стояли, пропуская мимо себя наши доблестные полки. Фон Зеллер и офицеры его штаба восхищались видом наших частей и полным порядком их походного движения. Обратили они внимание и на отличное состояние нашего конского состава после долгого и тяжелого марша, который предал Корпус в течении последних семи месяцев. К вечеру части Корпуса достигли района Св. Анны, где предполагался ночлег. Но неожиданно обстановка изменилась: от фон Зеллера было получено приказание о спешном выдвигании вперед двух наших полков. Он сообщал, что выход с перевала на север оказался занятым пр-ком и там в течении всего дня шел бой. Красные стремясь отрезать нам путь, сосредоточили значительные силы до танковых частей включительно и не дают возможности пробиться к переправе через р. Драву. Фон Зеллер был уже впереди, лично руководил операцией и ему спешно нужна наша пехота.

Приказав 5-му полку и двум батальонам 4-го оставить свои обозы и форсированным маршем двинуться к месту боя, я с полевым штабом направился туда же. Остальные части были объединены командованием ген. Морозова.

Пройдя туннель, мы уже были в пределах Австрии. Доехав до Унтербергена, я нашел там фон Зеллера, от которого

узнал, что надобность в наших полках, вызванных вперед, миновала. Оказалось, что жестокий бой с красными был еще к ночи выигран немцами. Помогли, быстро выдвинутые, немецкие моторизованные части, которые уничтожили танки красных и дошли до моста через Драву. (Противник не успел еще его взорвать). Кроме того, фон Зеллер сказал, что на другом берегу уже находятся английские войска. К ним для переговоров был послан офицер из штаба Командующего.

Сообщение об этом разрешало мучительное опасение, все время нас беспокоившее, что при нашем движении в Австрию мы рисковали выйти в район действий Советской армии. Сейчас эта опасность миновала, но далеко еще не было известно: примут ли англичане, с которыми мы фактически не воевали, нашу капитуляцию и не предложат ли они сдать оружие красным, т. е. тем, кто был нашим противником в течение всей войны на Балканах.

Спустя некоторое время, я увидел солдат, подошедших немного позже наших полков, которые усиленно перевооружались, отбирая себе из груд брошенного оружия более лучшие винтовки и пулеметы. Это было очень характерно: война окончена, бороться как будто не с кем, но воля к борьбе еще была, воинский дух не угас, моральная усталость не овладела массой и не сделала солдата безразличными обывателями, которые теряют всякий интерес к оружию.

Около 11 часов дня в наше расположение пришли два английских танка и, наконец, мы увидели первых англичан. Их офицер отправился к фон Зеллеру и, переговорив с ним, подошел к группе стоявших со мной, офицеров. Блестяще владевший английским языком, мой адъютант, оберлейт. Раевский вступил с ним в разговор. Англичанин был приветлив и охотно отвечал на наши вопросы. Он очень удивился, узнав о существовании Русского Корпуса, также он ничего не слышал о ген. Власове и его Армии.

В это время меня вызвал фон Зеллер и сообщил условия капитуляции, присланные английским командованием: предлагалось сдать все оружие и обозы, оставив только легкое вооружение — револьверы. Спустя некоторое время, англи-

чане прислали новые условия: все без исключения оружие сдать, но оставить обозы. Капитуляция назначалась на следующий день с утра (12 мая). Пока же нам надлежало оставаться на месте и быть в боевой готовности на случай нападения красных.

Я собрал командиров полков и все им сообщил. Не помню, кто из них предложил послать наших собственных парламентариев к англичанам, чтобы выяснить, не удалось ли уже ген. Власову войти в какое либо соглашение с англо-американским командованием, которое, быть может, даст возможность Корпусу капитулировать на особых основаниях. Я согласился, но считал, что это неудобно делать без разрешения Командующего и послал к нему адъютанта с докладом по этому вопросу. Фон Зеллер никаких возражений не имел.

Для разговоров с англичанами я назначил полк. Эйхгольца, майора Шелля и облейт. Раевского. На автомобиле, с водруженным на нем белым флагом, сделанным из простыни, они выехали в Клагенфурт. Через три часа наши парламентарии вернулись и доложили, что были в английском штабе приняты полковником. Выслушав их, он сухо заявил, что о ген. Власове представления не имеет и капитулировать предложил на общих основаниях. На просьбу оставить командному составу револьверы, ответил категорическим отказом.

Вечером было приказано подтянуть полки ближе к переправе. Все, что было на колесах, стало на шоссе; люди расположились по обочинам дороги.

В 6 часов утра 12 мая 4-й и 5-й полки двинулись к переправе. Дорога была сильно забита и полки медленно продвигались вперед. Я оставался на месте, поджидая 1-й полк и только тогда авто-колонна Штаба Корпуса двинулась к мосту. На правом берегу несли охрану немецкие моторизованные части, но перейдя мост, мы уже увидели английские танки и, стоящую шпалерами по шоссе, английскую пехоту. Это были гвардейские гренадеры. Место сдачи нам видно не было, т. к. шоссе все время поднималось в гору и не было

возвращающихся, которые смогли бы рассказать, как происходит самая тяжелая для воина процедура — сдача оружия.

Теплый, солнечный, весенний день так не гармонировал с нашим настроением: на душе было тяжело — все надежды и мечты рухнули... Боевая эпопея Русского Корпуса была кончена.

Мой автомобиль обогнал колонну 1-го полка и быстро вынесся на плато. Тут мы увидели справа и слева от дороги огромное количество всевозможного оружия, бросаемого при сдаче проходившими частями. Винтовки просто грудями валялись на земле, стояли орудия, флаки, танки, бесконечные ряды пулеметов. Увидев английского майора, лейт. Раевский обратился к нему и доложил обо мне. Майор подошел, отдал честь и сказал:

— Может быть вам будет легче, если вы сдадите оружие в руки английского офицера. Я, молча, снял кобуру с револьвером и передал ему. После этого он снова отдал честь и сказал, что мы должны ехать дальше по шоссе и нам потом укажут место остановки. Это был момент полный трагизма, нервное напряжение достигло своего предела. Как то сразу охватило чувство полной беспомощности. Мы — пленные, мы не имеем уже никаких прав и в полной зависимости от тех, кто с невозмутимым спокойствием сейчас взирает на наше несчастье...

Мы поехали дальше и, немного спустя, увидели группу вооруженных красных партизан, сидящих у шоссе. Дальше нам встретился автомобиль с югославским флагом, на котором была большая красная звезда, а потом увидели и советский танк. Встречи эти, для нас уже обезоруженных, усилили и без того тяжелое душевное состояние -- получалось впечатление, что мы попали в обстановку, где все союзники перемешаны и красные чувствуют себя хозяевами положения.

Наконец, увидели снова англичан у поворота дороги на с. Фиктринг. Они указали нам новое направление и вскоре мы попали на огромное поле в несколько квадратных километров, на котором находились десятки тысяч сдавшихся войск. Узнали, что 4-й и 5-й полки уже здесь и стоят при-

близительно в километре на возвышенности в лесу. Мы переехали туда же и расположились под деревьями. Подоспешший позже, 1-й полк, остановился вблизи Штаба Корпуса. Штаб фон Зеллера находился в бараках организации „Толт“, связь с ним наладили мотоциклистами.

Нам хорошо было видно поле, куда непрерывно прибывали сдавшиеся части — их было очень много. Бросалось в глаза расположение словенских домобранцев и сербских добровольческих полков — над ними развевались во множестве национальные флаги.

Наши полки спешно устраивались на новом биваке. Работа кипела и уже к вечеру стройные ряды палаток обозначали место расположения Корпуса.

Отношение англичан было пока корректным. Над лагерем часто проносились и кружили аэропланы. Других мер охранения видно не было.

Я отдавал себе отчет, насколько важно было сразу взять людей в руки, занять их каким либо делом и не давать времени оставаться со своими тяжелыми мыслями. Штаб Корпуса немедленно развернул свою работу и тут же на земле заработали пишущие машинки. Радио-станция быстро наладила прием вестей на всех знакомых языках, переводчики сейчас же переводили это на русский язык и с тех пор мы имели всегда информации о том, что происходило в мире. Это, собственно, и есть начало существования „Наших Вестей“, которые и до сих пор служат средством связи для чинов нашего Корпуса.

Вечером, в первый день нашего плена, я отдал приказ № 61, в котором говорилось:

§ 1. С сего числа в 11.30 час. все подразделения Корпуса перешли линию Англо-Американского влияния и положили оружие. Промыслу Бюхьеу угодно было возложить на нас еще одно новое испытание. Только при поддержке полного порядка и дисциплины во всех подразделениях Корпуса возможно сохранение доброго русского имени и облегчение нашего положения.

§ 2. С переходом всех частей Корпуса в лагерь, Германский Штаб Связи и Цалмейстерская часть отозваны из Корпуса. С сего числа Корпус, в отношении питания, предоставлен собственной судьбе на протя-

жении первого времени. Приказываю сегодня же всем командирам назначить хозяйственных чинов на прежние германские места. Все запасы питания и фураж необходимо взять на самый строгий учет и в дальнейшем чрезвычайно строго использовать, исходя из расчета, что первые 10 дней мы будем предоставлены своей судьбе.

§ 3. Приказываю обратить внимание на поддержание гигиены. Необходимо поддерживать чистоту, вырыть отхожие места помойные ямы.

Все части Корпуса обязаны с завтрашнего дня с 6.30 до 7 часов утра выходить на гимнастику, причем люди должны быть обнажены до пояса”.

Солнце быстро клонилось к западу — первый день нашего плена кончался. В 8 часов вечера все полки построились на зорю и тысячи голосов пели молитву Тому, в чьих руках была наша судьба...

У немцев наблюдалась полная растерянность — они были слишком ошеломлены своим несчастьем и подавленные сидели на солнцепеке, не принимая мер к организации своего лагеря. Мы наоборот — оценили обстановку, вспомнили Галлиполи и Лемнос, и принялись устраивать свою жизнь. Лагерь приобретал все более организованный вид. Штаб Корпуса разослал инструкцию о введении в расписание дня спорта и развлечений и уже после полудня 1-й полк устроил импровизированный спектакль-концерт.

От фон Зеллера был получен приказ, привожу выписку из него: „Солдаты всех частей вооруженных сил, союзные товарищи Русского Корпуса особого полка „Варяг”, сербских и словенских национальных соединений! Большое походное движение из района Любляны через перевал Лойбль на север в котловину Клагенfurта окончено. Для всех участников это представляет подвиг и почетный конец войны, а также, что самое главное для всех нас, спасение от большевизма. Даже враг должен проявить нам свое уважение, что мы продолжали сражаться, пока нам не удалось сдать оружие англичанам, как честным солдатам. Таким образом, мы правда разоружены, но любовь к народу и Отечеству, непоколебимая вера в будущее и свободу наших народов, будут духовным оружием, с которым мы, с солдатской дисциплиной и порядком, будем исполнять и дальше наш долг. Я в особенности благодарю командира Русского Корпуса оберста Рогожина, который при поддержке старших начальников, с лучшей походной дисциплиной, провел свой Корпус через перевал... П. п. фон Зеллер, Нач. Группы. 13. V. 1945 г.”

Объявляя это в своем приказе № 63, я добавил:

„Я со своей стороны обращаюсь к вам, мои соратники! Мы со спокойной совестью и гордо можем сказать, что полностью исполнили свой

долг честного русского солдата. Английские командиры с уважением отнеслись к чинам нашего Корпуса. т. к. мы не сдали нашего оружия тем, против кого мы его подняли — нашему врагу — большевикам. С верою в лучшее будущее, будем ждать того момента, когда Господь поможет нам довести борьбу за освобождение нашей Родины до победы.”

Писать приказ и предлагать своим соратникам верить в лучшее будущее, конечно, нужно было, но действительность, наоборот, подчеркивала, что во всем мире победили силы зла в лице коммунистов. Что западные союзники, увлеченные своей победой, крепко спаяны с большевиками и для англичан, как мы видели, не интересна и не понятна наша борьба против красных. Мы просто побежденный противник и карающая рука возмездия не минует нас. С другой стороны, кто же мы, какая участь нас ждет? Немцы после плена пойдут по своим домам и найдут покровительство своего правительства. Для нас же возвращение на Родину равносильно смерти. Вернуться в государства, где жили чины Корпуса до II-й Мир. войны, тоже невозможно — они все теперь под властью коммунистов. Кроме того, англичане, не разобравшись, могут выдать нас тем, против кого мы воевали — титовской Югославии.

Мысли об этом угнетали всех и надо было пытаться что то предпринять. Но, будучи военнопленными, мы имели круг действий очень ограниченный и можно было только пытаться разъяснить англичанам наше положение путем меморандума. Он быстро был составлен. В нем напоминалась история вооруженной борьбы на юге России против большевиков; подчеркивалось, что чины Корпуса являются по большей частью чинами армии ген. Врангеля; указывались идеологические и побудительные причины возникновения Русского Корпуса в Сербии и заканчивался меморандум указанием, что для нас, политических эмигрантов, совершенно невозможно возвращение в страны с коммунистическими правительствами. Меморандум этот был вручен английскому командованию и в будущем сыграл большую роль в нашей участи.

К сожалению, у нас шло не все гладко. К утру третьего дня была обнаружена пропаганда между молодыми солдатами, уроженцами Буковины и Бессарабии. Кто то злонаме-

ренно пустил слух о том, что они могут быть немедленно возвращены на Родину. Сначала небольшими группами, а на четвертый день пребывания в лагере — большой массой (около 700 человек) они покинули свои полки и ушли куда то в „румынский лагерь”. Часть из них, узнав об обстановке в этом лагере, вернулась назад. На ряду с этим, более идейные чины Корпуса, главным образом, из старой эмиграции, подтянулись и подчеркивали свою дисциплинированность и исполнительность.

Нервировало постоянное шныряние вооруженных красных партизан около нашего лагеря. Англичане на это внимания не обращали и красные все больше нагтели, появляясь у самых палаток наших полков.

15 мая на живописной поляне в районе расположения Корпуса было совершено соборне всем духовенством Корпуса богослужение. Полки построились покоем — картина красивая и грустная. После богослужения я обошел полки и благодарил за стойкость, мужество и выполнение своего патриотического долга. Увы, никакими приятными вестями я своих соратников порадовать не мог.

После полудня я получил приказание явиться в немецкий штаб для представления английскому генералу. Там я застал нескольких немецких штаб-офицеров, прибывших для этой же цели. Вскоре появились два английских генерала, для встречи которых мы построились в саду около штаба, при чем фон Зеллер просил меня стать на правый фланг. Генералы сразу к нам не подошли, а остановились около большой группы английских офицеров и в это время мы увидели несколько человек сербских четников, как всегда, увешанных оружием и патронами. Судя по внешнему облику, это были четнические воеводы, во всяком случае не рядовые четники. Они вели какие то оживленные разговоры с английскими офицерами, затем один из этих офицеров подошел с докладом к генералу, тот кивнул головой и тотчас из за дома выскочили английские автоматчики, окружили четников и направили на них свои автоматы. Повидимому, не

ожидавшие такого отношения англичан, четники, после недолгого колебания, стали снимать свое оружие и затем, уже обезоруженные, были под конвоем англичан куда то отведены. Этот эпизод лишний раз подчеркнул наивность сербов, веривших в благожелательность к ним англичан — так с союзниками не поступают.

Затем один из английских генералов подошел к нам. Фон Зеллер каждого из нас представлял, генерал молча поднимал руку к головному убору и потом обратился ко всем с несколькими словами, суть которых сводилась к тому, что генерал требует поддержания полного порядка и дисциплины в наших частях и надеется, что мы, понимая, как это важно, примем нужные меры.

Говоря о событиях, предшествовавших окончанию войны, я упоминал, что особый русский полк „Варяг“, находившийся на фронте в районе Люблян, согласно распоряжению германского командования, должен был войти в состав Русского Корпуса. Получив задание двигаться в Австрию дорогой на Филлах, полк это приказание выполнил и, погрузившись в железнодорожный эшелон, выступил в указанном направлении. С тех пор, ни во время похода в Австрию, ни после сдачи в плен, никаких сведений мы об этом полку не имели и очень сомневались в том, что ему удастся прорваться через красных в район английской армии. Но я должен упомянуть, что база полка „Варяг“ в составе около 500 офицеров и солдат совершила походное движение по тому же пути, по которому шли мы и, после сдачи оружия, присоединилась к нам, заняв расположение на левом фланге лагеря Корпуса в сел. Фикtring.

В этом же лагере, распоряжением английского командования, к Корпусу был также присоединен конный эскадрон вспомогательной военной полиции, целиком состоявший из русских. Обе эти воинские части в дальнейшем вместе с нами прошли эпопею плена и полностью разделили судьбу чинов Русского Корпуса.

3. Мы идем с немцами.

Вечером (15. V.) меня вызвали к английскому коменданту. До этого я у него был уже два раза вместе с фон Зеллером и надо откровенно сказать, что комендант этот оставлял весьма неприятное впечатление своим чрезвычайным высокомерием. На этот раз я от него неожиданно услышал следующее приказание: ввиду ухода из нашего лагеря на следующий день всех немцев, в том числе и фон Зеллера с его штабом, английское командование назначило меня возглавлять все остающиеся воинские части: русские, сербские и словенские. Т. к. немцы будут перевозиться на автомобилях и каждый солдат должен иметь все свое имущество только в ранце, все немецкие обозы и лошади должны быть переданы Русскому Корпусу. Кроме того, в мое ведение передавались и все интендантские склады.

Эта новость меня сильно озадачила — куда уведут немцев, какова их дальнейшая участь и почему нас не только оставляют здесь, но меня выдвигают на первую роль и, главное, дают интендантские склады. Радоваться нам, или горевать?...

Переговорив с фон Зеллером и условившись о проведении в жизнь нового приказа, я выехал к себе отдавать нужные распоряжения. Также поставил в известность сербов и словенцев. В скором времени в наш лагерь стали прибывать немецкие обозы, при чем многие подводы были нагружены продовольствием. Всю ночь новый Корпусной Интендант, полковник Мамонтов, со своими чинами принимал этот поток повозок, лошадей и грузов.

Приходили прощаться немецкие офицеры для связи в главе с оберстом фон Гельднером и майором Эммером. Как и все немецкие воинские чины, они должны были завтра двигаться в неизвестном направлении. Простились мы с ними очень сердечно и я искренно благодарил их за совместную работу и боевое товарищество.

Надо сказать, что, несмотря на случавшиеся иногда шероховатости в отношениях между нашими некоторыми ко-

мандирами и одиночными офицерами для связи в полках и батальонах, в общем Немецкий Штаб Связи был учрежденным нужным и полезным в той исключительной обстановке, в которой находился Русский Корпус. Входя в состав немецкого Вермахта и нося его форму, Корпус жил своей жизнью, бережно храня традиции Русской Армии. Для пользы дела с этим нужно было считаться немецким офицерам для связи и большинство из них, понимая это, успешно выполняли свою задачу. Являясь, когда нужно, советниками русских командиров, инструкторами, а иногда, при сношениях с немецкими учреждениями — буферами, смягчавшими возникавшие недоразумения, — многие немецкие офицеры для связи приносили большую пользу частям, при которых они состояли. Но самую ценную пользу они принесли, как инструктора в обучении ратному делу всего личного состава Корпуса. Если наши полки в 44-45 г.г., выдерживая огромное боевое напряжение, воевали в современном бою **грамотно**, то не малая заслуга в этом была тех, кто дал нам возможность быстро освоить все, что дала нового военная наука между I-й и II-й Великими войнами.

Вспомнивая добрым словом немецких офицеров, с нами вместе деливших все превратности судьбы в частях Корпуса, надо прежде всего отдать должное оберсту Шредеру, стоявшему во главе Штаба Связи. Это был безусловно выдающийся строевой офицер, обладавший исключительным опытом в деле подготовки войск. Система обучения молодых солдат, с таким умением примененная оберстом Шредером, давала в кратчайшее время поразительные результаты. Организованные им курсы для подготовки офицеров, унтер-офицеров, артиллерии, тяжелого оружия, сапер, службы связи и т. п., работали интенсивно и выпускали толково подготовленных чинов командного состава и специалистов по всем отраслям военного дела. Не забыты были и чины старшего командного состава — на специальных курсах они освежали и пополняли свои знания под руководством помощника оберста Шредера оберст-лейтенанта графа де Мулена. Своим исключительным шармом граф оставил по себе луч-

шие воспоминания у всех, кто имел с ним общение по службе, в бою, или в частной жизни. Совершенно исключительна была роль майора Эммера. Являясь начальником отделения IA, т. е. фактически начальником штаба Корпуса, он в высшей степени добросовестно выполнял свои обязанности, осложнявшиеся тем особым положением, которое занимал Корпус в немецкой армии. Тактичный и эластичный в своих взаимоотношениях с русскими командирами, майор Эммер принимал близко к сердцу все, что касалось чинов Корпуса и производил впечатление искреннего доброжелателя в деле создания кадров будущей российской вооруженной силы.

Но уже на другой день после ухода немцев, меня стало беспокоить наше новое положение. Казалось, надо было быть довольным тем, что от нас увезли главных „виновников войны” и мы „виноватые” меньше можем рассчитывать на лучшее к себе отношение, но вопреки этим доводам, во мне крепло убеждение, что мы не должны пока отрываться от немцев и нам нужно уйти отсюда на присоединение к ним. Меня просто, как будто, что то толкало пытаться это осуществить и под таким настроением я на другой день отправился вместе со своим адъютантом к английскому коменданту и заявил, что прошу Русский Корпус отправить туда, куда были посланы немцы. Откровенно говорю, что, когда я это говорил, а об. лейт. Раевский переводил, я с ужасом чувствовал, что беру на себя страшную ответственность за судьбу своих соратников; что идти на присоединение к немцам огромный риск уж по одному тому, что мы не знаем, в какие условия они попали. Повидимому, и невозмутимому англичанину показалось это совсем несуразным и он задал вопрос: а почему нам так хочется присоединиться к немцам? На это я ответил, что мы были с ними вместе во время войны и теперь хотим разделить их судьбу. Немного помолчав, комендант, как мне показалось, с иронией, сказал, что раз нам хочется быть с немцами, он препятствовать не будет и донесет об этом своему начальству.

Мы вышли от коменданта в большом душевном смятении

— что, если сделана роковая ошибка и тысячи людей пострадают от этого?...

Результат посещения коменданта не замедлил сказаться — 17 мая, после полдня, он вызвал меня и передал приказание о движении Корпуса на другой день в район Мосбурга на присоединение к корпусной группе фон Зеллера.

В английском приказе, полученном позже, были даны точные указания о программе марша следующего дня, который должен был быть совершен походным порядком со всеми нашими обозами и авто-транспортом.

На рассвете 18 мая, все части Корпуса построились на указанных местах и в 7 часов утра колонна начала свое походное движение. Я с полевым штабом на трех автомобилях выехал в голову колонны и, следуя за автомобилем с английским офицером (проселочными дорогами в объезд г. Клагенфурта), быстро доехал до г. Мосбурга. В то же время колонна Корпуса медленно продвигалась по тому же пути, следуя за грузовиком с английскими солдатами. Никаких других сопровождающих и охраняющих колонну англичан видно не было. Это обстоятельство создавало бодрое настроение и наши полки в отменном порядке и с песнями двигались в неизвестном для них направлении.

От Мосбурга мы повернули на с. Тигринг, где английский офицер остановился, показал нам на карте район для размещения Корпуса, пожелал нам хорошо устроиться, отдал честь и умчался на своем автомобиле. Оставшись одни, мы осмотрелись и увидели, что попали в очень живописную и холмистую местность. Объезжая потом отведенный нам район, мы увидели в замке „Тигринг“ английскую противотанковую батарею, чины которой не обратили на нас никакого внимания. Побывав во всех крохотных селах нашего района, где текла совершенно мирная жизнь, мы больше не заметили никаких английских воинских чинов, нигде не было проволоки, которая хотя бы символически напоминала нам о нашем состоянии в плену. На душе сделалось легче. Было также очень хорошо, что мы находились в стороне от больших дорог, где английские машины в то время шли

непрерывным потоком.

Я наметил квартиро-биваки для частей Корпуса: 1-го полка и полка „Варяг” — с. Тигринг, 4-го — с. Насвер, 5-го — с. Михельсдорф, Штаб Корпуса — с. Клайн Ст. Файт, лазарет — замок „Тигринг”. К вечеру прибыла колонна Корпуса и все части были разведены в назначенные места. Надо сказать, что население сел нашего района встретило нас совсем не любезно — квартиры даже для штабов отводились с большим трудом. Австрийцы, за редким исключением, разгрызали из себя пострадавших от немцев, о которых говорили с явным презрением и недоброжелательством.

Корпусной лазарет был отправлен мною еще из Югославии на север. Тогда мы переживали последние трагические дни перед капитуляцией. Прибыв в Австрию, мы с ним не встретились, о судьбе его и где он находился — узнать не могли. Было необходимо срочно организовывать новый лазарет, благо кое какое госпитальное имущество было вывезено д-ром Дмитриевым. Корпусной врач, д-р Плешаков, этому содействовал и, с помощью Английского Красного Креста, вскоре был оборудован небольшой Корпусной лазарет. Персоналу последнего пришлось не мало потрудиться, обслуживая сперва только больных, а потом и раненых, перевезенных нами из немецких госпиталей — в этом скромном лечебном заведении делались даже сложные операции.

Я не могу вспомнить без душевного волнения, как бойцы Русского Корпуса стремились создать свои походные храмы в тех необыкновенно трудных условиях. Стремление это было стихийным. Все полки, по своему почину, создали свои церкви. На выбранном красивом месте в своем районе воздвигался алтарь, самого храма не создавали — молились под открытым небом. Материалом для постройки служили, главным образом, ветви, но все было создано с таким вкусом и так много любви вкладывалось в это дело, что получалось красиво и оригинально. Часть церковного имущества полки привезли с собой в обозах, недостающую утварь быстро изготовили на месте в полках искусные мастера из консервных банок, дерева и т. п. Писались прекрасные иконы талант-

ливыми иконописцами, используя для этого мешки, получаемые от интендантства. Таким образом, в расположении Корпуса было построено всего пять церквей, где регулярно совершались богослужения, умилавшие наши души и успокаивавшие наши смятенные сердца, наполняя их надеждой и верой в лучшее будущее.

Устраивавшиеся инициативой старшего корпусного священника, о. протоиерея Бориса Молчанова, общие богослужения, на которые собирались все полки Корпуса — оставили неизгладимые впечатления. Одно было в праздник „Отдания Св. Пасхи”, а другое — на первый день Св. Троицы. Недалеко от Штаба Корпуса, в сосновом лесу, устраивался временный алтарь, где „соборне” служили все священники Литургию. Первый раз шел почти непрерывный дождь, который сильно омрачил это торжественное богослужение. Но на Св. Троицу погода была дивная, в лесу царил особая тишина, блики яркого солнца пробивались через гущу ветвей и необыкновенно красочно падали и переливались на ризах девяти священников. По обеим сторонам импровизированного алтаря расположились хоры 1-го и 5-го полков; их проникновенному пению, как бы вторило пение птиц. Дым от ладана медленно струился прямо к небу. Торжественная Литургия закончилась коленопреклоненной молитвой тысячи белых воинов, уцелевших в огне сражений и теперь томящихся в плену. Пути Господни неисповедимы, но мы чувствовали тогда Его ближе во время этого чудного и незабвенного богослужения на 1-й день Св. Троицы.

Почти с первых дней перехода Корпуса в Клайн Ст. Файт, в лагерь начали прибывать семьи корпусников, из числа тех, кто, будучи вывезенными из Югославии, находились в южных пределах Австрии. Узнавая каким то чудом, о месте расположения Корпуса, — семьи естественно стремились поскорее соединиться со своими близкими, доставляя последним огромную радость. Мы их зачисляли на довольствие и в каждом полку, за линией расположения строевых частей, появились аккуратно распланированные маленькие поселки, где и жили семьи. Для них строились обычно сна-

чала шалаши из ветвей, а впоследствии полуземлянки, или даже миниатюрные домики. Несмотря на абсолютную бедность, полное отсутствие вещей и каких бы то ни было средств, наши дамы умудрялись превращать эти „вигвамы” в очень уютные семейные очаги, не падая духом от самых примитивных условий жизни.

Но раз появились женщины и дети, то появились и новые заботы для Штаба Корпуса. Необходимо было создать какую-то организацию, которая бы ведала делами семей корпусников. Были учреждены Дамские Комитеты в каждом полку и их высшая инстанция — Корпусной Дамский Комитет, во главе с энергичной и деятельной председательницей Н. А. Шейнерт. Комитеты очень плодотворно работали, оказывая посильную помощь семьям и, тем самым, на много разгрузили работу Штаба в этом отношении.

Описывая в кратких чертах обстановку и условия нашего пребывания в плену, я, естественно, забежал вперед и дал картину нашего существования, не считаясь с хронологическим порядком событий, которые должны быть отмечены. А вместе с тем, с первых же дней нашего пребывания в районе Клайн Ст. Файта, появились проблемы для нашей жизни очень важные и первая из них — наша беззащитность от титовских партизан, которыми кишела тогда южная провинция Австрии — Коринтия. Несмотря на то, что с переходом на новые места мы удалились от границы почти на 40 километров, вооруженные партии коммунистических партизан шныряли вблизи нашего расположения. Мы были безоружны, а англичане, упоенные победой и окончанием войны, совершенно не обращали внимания, в какие условия мы попали. Необходимо было им снова напомнить: кто мы и почему появление коммунистических партизан вызывает у нас тревожное настроение. Был составлен новый меморандум на английском языке, в котором была не только краткая „биография” Русского Корпуса, но и просьба о выдаче нам оружия для самозащиты и несения караульной службы внутри нашего района расположения.

Меморандум этот, составленный Штабом Корпуса, кото-

рым деятельно и тактично руководил новый начальник штаба, подполковник Голубев, был вручен командиру английской батареи, стоявшей в то время еще в замке „Тигринг”. Как это не покажется странным, мы, попав в новые места, представления не имели о порядке своего подчинения ни по английской линии, ни по немецкой и первые дни жили, можно сказать, совершенно самостоятельно.

В результате подачи меморандума, ко мне приехал лейтенант-колонель Фергусон со своим адъютантом. Это был ближайший (г. Мосбург) строевой английский начальник, командир 72-го артиллерийского противотанкового полка. В течении часовой беседы он очень внимательно слушал и делал заметки в блок-нот о Русском Корпусе. Прощаясь, он сказал, что наш меморандум препроводит по команде высшему начальству. Выяснился и наш порядок подчинения: по немецкой линии мы подчинялись нашему старому знакомому оберсту фон Зеллеру и через него ген. Нольдехену, являвшемуся командующим всеми бывшими частями Вермахта в английской зоне оккупации. Все вопросы организационного и хозяйственного характера шли по немецкой линии. Все же вопросы, выходящие за эти пределы, относились к линии подчинения по английской линии, т. е. через лейтенант-колониеля Фергусона.

От него очень быстро был получен ответ на наш меморандум: офицерам разрешалось иметь револьверы, строевым частям одобрена, согласно списочному составу выдача 10% винтовок и по 10 патронов на винтовку. Вскоре полученные на Корпус 400 винтовок и 50 револьверов упорядочили несение караульной службы и теперь мы также были застрахованы от возможных бесчинств коммунистических партизан, — это, конечно, сильно подняло наше настроение.

20 мая прибыло свыше 700 „румын” (буковинцев), ушедших от нас еще прежде в лагере под с. Фиктринг. Их привели англичане с приказанием принять в состав нашего лагеря. Это была уже банда с выборными начальниками, многие уже потеряли облик солдата и выглядели хулиганами. Пришлось принять резкие меры. По инерции и со страха

перед англичанами, они вновь стали выполнять приказания. В полки возвращать их было не желательно, пришлось образовывать новую часть — Особый батальон, командиром которого назначил полковника Гетца, офицеров и унтер-офицеров приказал выделить из всех полков. Батальон этот был отправлен в с. Фанинг и, таким образом, он был почти изолирован от других частей Корпуса.

В течении всего лета батальон этот непрестанно пополнялся, искавшими у нас спасения от выдачи Советам, офицерами и солдатами других русских формирований Вермахта, чинами РОА и казаками, уцелевшими после трагедии в Лиенце. Численный состав батальона скоро далеко перевалил за 1000 человек и на долю командного состава его выпала тяжелая участь держать в руках эту разношерстную массу людей. Особенно много беспокойств доставляли пресловутые „румыны”, был даже случай, когда для поддержания среди них порядка и дисциплины пришлось применить оружие.

БЕЛОМУ ВОИНУ

Посвящается Командиру Русского Корпуса Анатолию Ивановичу Рогожину

По пути на высокую гору —
Много трудных, опасных шагов,
И подчас представляется взору
Неприступность и скал и лесов.

Но вперед! На горе, на вершине
Только может найти тот покой.
Кто бесстрашно стремился поньше
К цели чистой, прямой и святой.

На пути на высокую гору,
Где престол нашей Белой Мечты,
Смелый воин получит опору,
И над пропастью лягут мосты.

Так вперед же! Небесная сила
Отмечает того, кто не горд.
И чья честь в этом жизни горниле,

Как кристалл, и кто волею тверд.

При подъеме в высокую гору
Надо верить в конечный восход,
Даже в самую темную пору, —
И удастся любой переход.

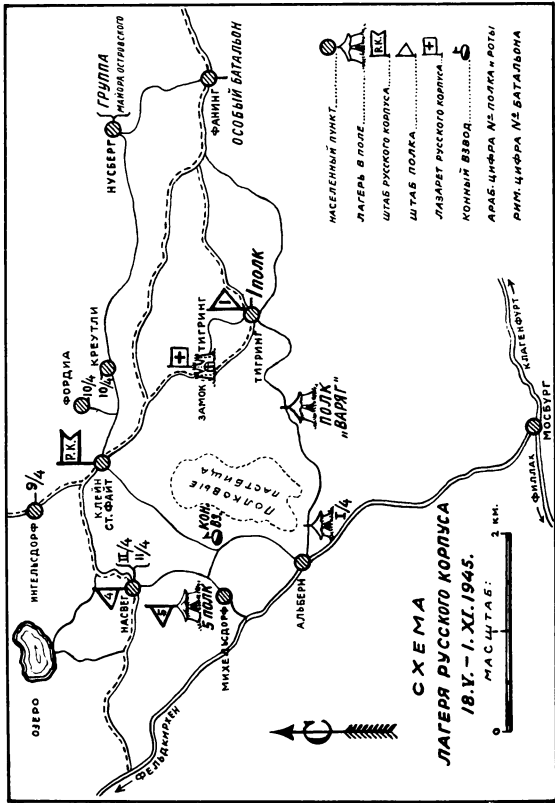
И того, кто вперед все шагает,
И за подступом подступ бегая,
Крестным знаменем путь осеяет,
Освятит золотая заря.

Восходящему в трудную гору
Сам Господь направляет пути.
Обезвредив змеиные норы,
И укажет, как бездну пройти.

С божьим страхом — вперед, бегая,
Белый воин,

Чашу полную веры храня,
Бог поможет тому, кто достоин.
На вершину взойти, победя.

Е. Берестовская

Лагерь Келлерберг

„Вспом Русского Корпуса и чинам Союза Р. К., на поле брани
в 1941-45 гг. павшим и в мире скончавшимся.”

Эта часовня-памятник сооружена в 1962 г. на кладбище монастыря
Ново-Дивеево в США.

4. Где Власов?

Как я уже писал в начале этого моего очерка, еще из Югославии мною были посланы в секретном порядке курьеры для розыска и связи с ген. Власовым и Красновым. У нас тогда еще тлела надежда, что союзники учтут, каким важным козырем они обладали, имея сотни тысяч русских антикоммунистов, горящих желанием продолжить борьбу против большевиков. Мы вполне допускали, что быть может ген. Власов уже заключил политический и военный договор с союзниками.

Из всех посланных перед капитуляцией курьеров и разведчиков, наконец, 21-го мая появился унт.-офицер Дроздовский (инженер), обладавший недюжинными способностями разведчика. Благодаря своей исключительной энергии и находчивости, он не только нашел нас, уже сидящих в плену, но привез ценные сведения о местонахождении казачьих формирований.

Дав ему сутки отдыха, я снова поручил ему задачу проникнуть в Ленин и передать письма генералам П. Н. Краснову и С. Н. Краснову (мой однокашник по Ник. Кав. Учил.) В этих письмах я сообщал нашу обстановку и указывал на необходимость координировать наши действия до связи с ген. Власовым, от которого, надо полагать, мы получим дальнейшие указания. Дроздовский в сопровождении трех чинов Корпуса должен был выехать на автомобиле и ему предстояла чрезвычайно трудная задача без пропуска проникнуть в указанный район, хотя кругом по дорогам стояли заставы, очень строго контролировавшие движение.

27-го мая ко мне приехал майор Островский, вновь назначенный командиром 5-го Донского полка Корпуса ген. Паннвица. От него определенно узнали, что ген. Паннвиц и Штаб 15-го Каз. Корпуса находится в Альтхофене, части же расположились квартиро-биваками от Фельдкирхена до Сант Файта и дальше до Брука. Майор Островский был настроен мрачно и сказал, что у него ощущение близкой посадки их за проволоку.

Вечером того же дня было получено от английского командования приказание немедленно представить списки офицеров и унтер-офицеров — казаков, находящихся в составе Корпуса. В Штабе у нас строились всевозможные догадки и, наконец, по наивности решили, что это вероятно ген. Паннвиц, нуждаясь в командном составе для своих казачьих полков, просил англичан получить таковой из Русского Корпуса. Списки, в которых под номером первым стояла моя фамилия, были на другой день отосланы англичанам.

Полковник Бальцар ездил в Английский Красный Крест с поручением от меня просить содействия к розыску семейств корпусников. Наша просьба разрешить послать на розыски по Австрии и Германии несколько офицеров сочувствия не встретила. Из Клагенfurта полк. Бальцар проехал в с. Фиктринг — наш первый лагерь после сдачи оружия. Там он видел полк. Рупника (словенец, сын генерала) и от него узнал, что четников и три полка сербских добровольцев англичане, по их словам, вывезли в Италию. Словенцы пока спокойно стояли на месте.

Выслав на запад разведчиков для связи с группой ген. Доманова и ген. Власова, я решил попытаться лично увидеться с ген. фон Паннвицем, некоторые части которого стояли недалеко от нашего места расположения. Меня очень интересовала обстановка, в которой находился 15-й Казачий Корпус, а также я считал крайне необходимым координировать действия всех нас, возглавителей русских формирований. К тому же мне неоднократно передавали, что фон Паннвиц очень хочет встретиться со мной, но ему это не удастся из за контроля англичан.

В поездку я взял с собой трех офицеров, включая в это число и своего адъютанта, об. лтн. Раевского. Начиная от Фельдкирхена, мы внимательно искали признаков присутствия казаков. Их нигде не было видно, хотя два дня тому назад они безусловно здесь находились. Распрашивая местных жителей, мы узнали, что казаки, их последние части, еще накануне здесь проходили в направлении Сант Файт — Альтхофен. На заставе перед этим городом английские сол-

даты посоветовали нам обратиться за справками в комендатуру. Там мы узнали, что штаб ген. фон Паннвица сейчас в движении в направлении г. Брук. Мы уже отъехали от своего лагеря километров 50, день клонился к вечеру и через два часа по дорогам уже нельзя будет передвигаться (с заходом солнца и до утра всякое движение по всем дорогам оккупированной Австрии прекращалось). Ясно, что мы не смогли бы успеть догнать казаков и вернуться своевременно к себе и поэтому я решил „погоню” за Паннвицем прекратить и возвращаться в свой лагерь. И, как потом выяснилось, это было благоразумно — Паннвица в то время уже арестовали и все части 15-го Казачьего Корпуса обманным образом вели для выдачи Советам. Не поверни мы от Альтхофена назад... очень возможно и нас за компанию англичане отправили бы к красным людоедам, благо мы сами, как бы стремились связать свою судьбу с фон Паннвицем.

На другой день лейтенант Ламзаки, командир авто-транспорта Штаба Корпуса, был по делам в Сант Файте и, вернувшись, доложил, что видел, как колонна до 150 английских грузовиков проходила в восточном направлении. На этих грузовиках находились, повидимому, казаки в большом количестве и по два английских солдата, стоявших спиной к шоферской будке с направленными на казаков автоматами. Через каждые 3-4 грузовика шел или танк, или броневик. В одном из легковых автомобилей лейт. Ламзаки видел ген. Шкуро, лицо которого было очень бледным и растроенным. Также он обратил внимание, что все казаки были без погон и без всяких отличий, лица очень хмурые и озабоченные.

Все признаки: направление движения — на восток, эскорт — танки, броневики и автоматчики, лица — невеселые, — говорили за то, что казаков везут для выдачи Советам. Значит, союзники стали на чудовищную точку зрения возможности принудительной выдачи. Теперь мне стало понятным, для чего англичане требовали списки казаков, находящихся в составе Русского Корпуса. Конечно, после казаков большевики потребуют и остальных русских, борющихся против них с оружием в руках. Ужасное трагическое поло-

жизни и полная беспомощность предотвратить это несчастье! Мысль лихорадочно работала — надо что то предпринять, найти какие то пути к тем, от кого зависит наша судьба.

Я помчался на автомобиле к фон Зеллеру. Он по немецкой линии был нашим прямым начальником и он должен знать, что нам грозит. Мой доклад его очень встревожил и он немедленно радио-граммой снесся с ген. Нольдехеном, прося разрешения прибыть нам к нему для спешного доклада. В замке около Клагенфурта, где находился генерал, я повторил свой доклад и свои опасения за судьбу Корпуса. Генерал Нольдехен это сообщение принял близко к сердцу, разволновался и сейчас же приказал запросить по радио английский штаб подп. Фергусона в Мосбурге: сможет ли последний на другой день принять генерала и нас с фон Зеллером. Прием был назначен на 10 часов утра.

По дороге к себе, я сначала заехал к ген. Морозову, командиру 1-го полка. Так странно было наблюдать совершенно мирную жизнь и спокойствие на биваке полка — люди не подозревали, что творится в местах расположения таких же, как и мы, антикоммунистов; еще ничего не было известно, какая страшная опасность нависла и над нами. Ген. Морозову я сообщил новости того дня, он был особенно поражен, т. к. настроен был оптимистически, не допускал ничего плохого со стороны англичан и высказывал мнение, что с ними нужно разговаривать более резко и не просить, а требовать. Мы вместе обдумали меры на случай признаков приближающейся насильственной выдачи, они сводились к распылению всего лагеря по лесам и горам, как только я дам условленный сигнал. Ничего другого придумать было невозможно — не вступать же в бой с голыми руками против танков англичан, но было бы также глупо сидеть и ждать, когда нас, как скот будут грузить для отправки красным мясникам. При распылении все же какой то процент будет иметь шанс на спасение.

Для того, чтобы нас не застали врасплох, я приказал установить наблюдение за всеми дорогами, ведущими в лагерь. Особенно ответственен был участок 4-го полка, как

прилегающий к шоссе, откуда возможно всего было ожидать появления танков и броневых машин англичан. Связь у нас действовала превосходно — все подразделения были связаны телефоном и поэтому можно было считать, что сигнал об опасности будет принят своевременно. Однако, дабы не будоражить людей, я приказал до поры до времени не оповещать всех о творящемся кругом нас — излишняя нервность и угнетенное состояние делу не помогли бы. Поэтому пока всю правду знали только командиры полков и батальонов.

В 10 часов утра 30 мая у подп. Фергусона в Мосбурге состоялось заказанное накануне свидание. Ген. Нольдехен сделал короткий доклад и привел сведения, которые у нас имелись по вопросу выдачи казаков. Фергусон ответил полным незнанием этого случая. Тогда я дополнил доклад генерала сведениями о казаках, находящихся в Корпусе и еще раз подчеркнул, что мы, идейные борцы против коммунизма, не являемся советскими подданными и выдача для нас будет равносильна смерти. Фергусон на это ответил, что им отправлен наш меморандум по линии его командования и приказал своему адъютанту принести папку с бумагами, где нашел и показал нам копию своей сопроводительной бумаги. Ож. лтн. Раевский успел прочитать эту бумагу; в ней Фергусон очень лестно отзывался о Корпусе и просил свое начальство пойти нам навстречу. Но Фергусон не ограничился этим, а, понимая, что мы вплотную подошли к трагической развязке и нас по «ошибке» тоже могут выдать, предложил мне составить новый меморандум, подчеркнув в нем, какие казаки служат в Корпусе и, главное, что они не имеют никакого отношения к казачьим формированиям ген. Доманова и ген. фон Паннвица. То, что Фергусон принял близко к сердцу наш вопрос — было, конечно, счастьем для нас. Появился какой-то проблеск и надежда на спасение. Я горячо поблагодарил ген. Нольдехена и оберста фон Зеллера за их искреннее участие и помощь, оказанную своим русским соратникам — их быстрый отклик и энергичное воздействие на англичан имел большое значение. В тот же день доклад был изготовлен и переслан Фергусону, а он на другой день

прислал адъютанта сообщить, что доклад срочно послан в высшие английские штабы.

Часов около пяти дня перед Штабом Корпуса неожиданно появились несколько английских грузовиков, в которых было около 70 офицеров и казаков 15-го Казачьего Корпуса, 4 священника и несколько сестер милосердия. Эта группа упорно сопротивлялась выдаче и, несмотря на все устрашающие меры, остались непоколебимы, доказывая, что они русские эмигранты из Югославии и, как таковые, выдаче Советам не подлежат. Они много пережили, случайно уцелели от расстрела и, наконец, были освобождены приказом высшего английского начальства. Группа эта во главе с майором Островским, была направлена в состав лагеря Русского Корпуса и через несколько дней они получили свое место пребывания в сел. Нусберг, недалеко от Особого б-на.

Облегчение я почувствовал, когда вновь прибыл адъютант подп. Фергусона и передал от его имени сообщение, что наш последний меморандум был принят в Штабе 8-й Английской Армии «благосклонно». Давало ли это гарантию нам, что выдачи нас не коснутся, мы не знали, но всё же почувствовали, что к нашей судьбе, где-то наверху, отнесутся с большим вниманием. Кризис как будто проходил.

2-го июня, наконец, вернулся Н. Б. Дроздовский из Лиенца и привез мне письма от генералов П. Н. Краснова, С. Н. Краснова и Соломахина. Всё это было ими написано и вручено Д. накануне их роковой поездки на «конференцию», с которой, увы, они больше уже не вернулись. В письмах отсутствовало какое либо беспокойство по поводу отношения англичан, наоборот, оба ген. Краснова советовали мне идти с Корпусом к ним на соединение, а ген. Соломахин, на случай, если бы англичанам нужно было бы предъявить какое либо письменное основание, прислал «предписание» за подписью ген. Доманова, в котором мне приказывалось выступить немедленно на соединение с его группой войск в Лиенце. Дроздовский сам был свидетелем увоза офицеров, был англичанами арестован и лишь благодаря своей находчивости и присутствию духа, избежал тоже выдачи. Лишившись автомо-

били, он со своими спутниками, едва добрался к нам, пережив в дороге не мало неприятностей.

Начиная с середины июня, к нам стали прибывать беглецы из Лиенца. Сначала одиночками, а потом группами, они каждый день с утра ожидали меня перед Штабом Корпуса и, поведав про ужасы, пережитые в Лиенце, просили какнибудь спасти их и зачислить в лагерь. Я никому не считал возможным отказать и, не спрашивая англичан, принимал всех, зачисляя их в Особый батальон, или в полки, если командиры просили об этом. Всех беглецов я предупреждал, что мы сами висим на волоске, нас тоже могут выдать и я не могу гарантировать им безопасность. На это они обычно отвечали: «Что вам, то и нам». Они, после трагедии в Лиенце, так много намучились, скитаясь, как затравленные звери, по лесам и горам Южной Австрии, с таким трудом, наконец, добрались до Корпуса, что их уже нельзя было смутить никакими предупреждениями о возможности и у нас такого же погрома, как было в Лиенце. Сейчас я не в состоянии сказать, сколько таких спасшихся из Лиенца, мы приютили, но их было, безусловно, несколько сот мужчин, женщин и детей.

Мало было дать им приют, надо было обеспечить их довольствием и мы зачисляли всех прибывающих на наш скудный паек. Англичане могли бы обратить внимание на постепенное увеличение числа состоящих на довольствии по нашим ежедневным сведениям, но помогло то обстоятельство, что прилив в лагерь, примерно, соответствовал отливу за счет тех чинов Корпуса, кто на свой риск и страх, в поисках своих семей, покидали наши ряды. На многочисленные просьбы отпустить их, я, понятно, отвечал отказом, — не имел же я права отпускать пленного на свободу. Однако, я отдавал себе отчет, что в ближайшем будущем продолжения борьбы не предвиделось и понимал их тревогу за своих близких, неизвестно где и в каких условиях находившихся.

Самым тяжелым воспоминанием того времени остался случай выдачи наших раненых большевикам. Дело в том, что во время боевой эпопеи Русского Корпуса, раненые его

чины, по большей части отправлялись в один из двух корпусных лазаретов, где они находились до своего выздоровления. В дальнейшем, после оставления Белграда, раненых начали отправлять в немецкие лазареты и затем автоматически эвакуировали в Германию, вместе со всеми ранеными Вермахт'а. Когда наступила катастрофа и уже не было никакой регулярной связи, мы, конечно, ничего не знали, где находились наши раненые, но мы были спокойны, зная, что судьба их в руках немцев и потому никому в голову не приходила мысль, что им могла грозить особая опасность.

Как мы узнали позднее, одновременно с выдачей большевикам казаков группы генерала Доманова и чинов Корпуса генерала фон Паннвица, — англичане стали разыскивать по всем германским лазаретам русских чинов антикоммунистических формирований. Всех этих, ничего не подозревающих и физически совершенно беспомощных раненых и больных начали свозить в специально созданные сборные пункты, где их и передавали советскому санитарному персоналу. Ужас, который пережили наши несчастные раненые, подло выданные своим смертным врагам, знают только они...

Страшную правду этого трагического апофеоза мы узнали со слов тех немногих, которым удалось каким-то чудом спастись от гибели. Не теряя времени, мы сейчас же начали производить розыски, но спасти удалось лишь единицы и то из ближайших к расположению Корпуса лазаретов.

Вторая половина июня прошла для нас значительно спокойнее, чем первые его дни. Казалось уже, что кошмар, о котором нам рассказывали беглецы из Лиенца и Казачьего Корпуса ген. Паннвица, миновал нас. Зато конец месяца ознаменовался не очень приятным, особенно для меня, случаем. 30-го июня, часов около пяти вечера, ко мне неожиданно прибыла советская комиссия в составе трех офицеров и в сопровождении двух англичан. Подъехав на автомобиле к Штабу Корпуса и узнав, что я нахожусь у себя на квартире, вся эта группа пешком поднялась на гору, к дому католического священника, в котором помещался я со своим адъютантом. Войдя в комнату, один из советчиков, повидимому, старший.

в чине полковника (погоны с малиновыми просветами), сказал, обращаясь ко мне:

— Ну, и высоко вы забрались, — и добавил еще: — мы едва нашли вас, больше семидесяти километров пришлось нам проехать. Я привожу это дословно, чтобы подчеркнуть, насколько удачным оказалось место нашего расположения и как хорошо мы были скрыты от глаз всех своих врагов. Даже советчики целых 1½ месяца о нас ничего не знали. Как выяснилось позднее, нашу стоянку открыл один из бежавших солдат полка «Варяг» — он, чтобы заслужить прощение, был первым, кто дал о нас подробные сведения. Незваные гости, пробыли у меня около часу; разговор поддерживал, главным образом, всё тот же советский полковник, который упорно старался доказать и убеждал, что у нас в Корпусе, по крайней мере, половина людей советских граждан, которые подлежат возвращению на родину. Кроме того, он предложил и мне с Корпусом тоже вернуться „домой“. Несколько раз я повторил свое заявление, что у нас находятся люди, которые не считают себя советскими гражданами; к таким же относятся уроженцы Буковины и Бессарабии, которые называют себя румынскими гражданами. Последнее вызвало горячий протест советчиков и начался спор их с англичанами о границах Румынии, о «Линии Керзона» и о подданстве этих наших солдат. Вопрос этот так и остался нерешенным. А на приглашение вернуться домой, я ответил, что мы эмигранты с 20 года и возвращаться не намерены, т. к. не имеем ничего общего с тем строем, который существует сейчас в России.

Приезд советчиков, конечно, был сенсацией для всего лагеря. На меня же эта первая встреча с представителями сатанинской власти оставила очень тяжелое впечатление не только от сознания, что для нас это будет чревато новыми осложнениями в будущем, но и от какой-то гадливости после общения с этими типами НКВД в офицерских погонах.

5. Демобилизация

Всё же судьба была к нам удивительно милостива и, не успело еще изгладиться впечатление от посещения советчиков, как, спустя несколько дней, ко мне приехал английский офицер, который отрекомендовался майором Тревор, состоявшим на службе в Английском Красном Кресте. Он заявил, что прислан в Корпус для связи и для оказания нам всевозможной помощи во всех наших нуждах. В прошлом, гусарский офицер, он во время гражданской войны в России был командирован в армию ген. Деникина и хорошо знал историю борьбы белых на юге России. Вспоминая добрым словом многих наших генералов и офицеров той эпохи, майор Тревор определенно подчеркнул свое отвращение к коммунизму.

Поселился он в замке «Тигринг», виделись мы каждый день и скоро этот обаятельный человек стал истинным нашим другом. Быть может, он был прислан к нам и не только, чтобы помогать: возможно, главной целью его приезда было наблюдение за нами. Но, пожалуй, как раз эти наблюдения за нашей жизнью — за нашими трудностями, бедностью, творческой работой, бодрым духом и достоинством, с каким русские люди переносили, выпавшие на их долю, испытания — и сделали его нашим искренним доброжелателем. Мы должны быть благодарны судьбе, что в тяжелую минуту она послала нам этого достойного человека.

Заговорив об отношении к нам майора Тревора, я думаю будет необходимо вкратце осветить вопрос об отношении к нам англичан вообще.

Наша капитуляция была безусловной, — мы сдались, что называется, на милость и немилость победителя. Таким образом, они были полновластными нашими хозяевами и от них всецело зависел режим и условия содержания нашего в плену. Если бы они захотели, то не только не сохранили бы нашу корпусную организацию, но посадили бы нас за проволоку и, сковав нас строгим режимом, еще больше влили бы горечи в наши измученные сердца. Но, к чести их, надо сказать, что ничего подобного не было — мы, собственно,

были обезоружены и интернированы целой своей военной формацией с сохранением возможности полностью поддерживать свою организацию. Они не вмешивались в наш быт и, если с нами и были строги и надменны в своих сношениях, то давали возможность проявлять инициативу для улучшения нашего быта и смотрели сквозь пальцы на движение нашего личного состава. Последнее дало возможность приютить беглецов из Лиенца. Всё это, как будто, говорит за то, что у них было желание облегчить нашу участь, считая нас пострадавшими в результате нашей непримиримости к коммунизму и верности идеалам Правды и Добра. Нижеприводимые случаи будут, как мне кажется, иллюстрировать до некоторой степени отношение к нам англичан в то время.

Я уже упоминал о подп. Фергусоне. Нам казалось, что человек относился к нам с особой симпатией. Как-то, во время своего посещения, в моей комнате, подп. Фергусон попросил вызвать начальника одной из вспомогательных служб в Корпусе. Когда этот офицер вошел в комнату, я встал, подал ему руку и поздоровался, затем обернулся и назвал фамилию вошедшего Фергусону, который тотчас же встал. В этот момент русский офицер совершил оплошность и первый протянул руку и... она повисла в воздухе — Фергусон же не только не подал ему своей руки, но как-то весь дернулся и изобразил на своем лице неприкрытое презрение.

На нашу просьбу помочь нам в розыске семей, в одном из военных учреждений в г. Клагенфурте, английский полковник (кстати, хорошо говоривший по русски) ответил, что помогать англичане не будут:

— Вы поставили карту на немцев, она бита. Теперь вы должны «платить» и нашей помощи вы не дождетесь. — И это сказал полковник, которому только что было объяснено всё, что касается истории возникновения Русского Корпуса, побудительные причины, нами руководившие, при поступлении в него и наша боевая эпопея, в которой мы никаких столкновений с западными союзниками не имели.

Но приходилось нам встречать и иное к себе отношение. Как-то вместе с облтн. Раевским мы приехали по делу в ин-

женерный отдел английского Военного Правительства в Кларифурте. На дверях кабинета видим надпись:

— На все просьбы, заранее — нет.

За дверью были слышны раскаты громкого голоса, кого-то распекающего. Мы долго ждем. Наконец, открывается дверь кабинета и оттуда вылетает огненно-рыжий английский капитан. Бросив на нас злой взгляд, он спросил у секретаря:

— Что этим типам надо? (хотя мы были аккуратно одеты в немецкую форму и держали себя совсем прилично).

Секретарь что-то ему доложил и он снова скрылся в кабинете. Наконец, нас позвали в кабинет. Капитан сидел, не поднимая головы, и самым нелюбезным голосом предложил нам изложить свою просьбу. Как всегда, изысканным английским языком об. лтн. Раевский стал докладывать о цели нашего обращения в это английское военно-инженерное управление. Говоря о Русском Корпусе, Раевский упомянул, что он образован из чинов Белой Армии ген. Врангеля. Капитан сразу поднял голову и предложил нам сесть, затем предложил папирос, а через 10 минут улыбался и дружески с нами беседовал. Оказалось, что капитан этот добровольцем воевал против коммунистов в войсках ген. Франко в Испании и был тяжело ранен. Большевиков он люто ненавидел и предсказывал нам, что через 2-3 года мы будем вместе с англичанами воевать против коммунистов. Нужно ли говорить, что капитан немедленно сделал всё от него зависящее, чтобы вопрос, нами поднятый, был решен благоприятно.

Вынужденное бездействие очень тяготило всех наших чинов. Действительно, было томительно ждать решения нашей участи, а приезд советской комиссии всколыхнул предположения о возможных их попытках заполучить нас в свои кровавые лапы. Стали искать выход из положения и после двух совещаний, на которые я пригласил, кроме чинов штаба, командиров полков и батальонов, был составлен новый меморандум с просьбой к английскому командованию заняться решением нашего вопроса. Мы указывали на наше исключительное положение среди сдавшихся войск, — мы политические эмигранты, потерявшие свою родину, и нас нельзя рав-

нять с немцами и австрийцами, которые после демобилизации пойдут по своим домам. У нас нет государства, нет своих очагов, куда бы мы могли стремиться и поэтому нам рисовались тогда два возможных выхода: 1) Перевод нас на гражданское положение с предоставлением возможности переезда в Австралию, Канаду, или колонии Великобритании и 2) Если перевод этот на гражданское положение невозможен, то отправление нас организованной частью в одну из колоний для несения военно-полицейской службы, предварительно соединив нас с семьями. Слабые стороны этого меморандума были нам отлично видны тогда, но, в конце концов, главная цель его заключалась в том, чтобы напомнить английским штабам о нашем существовании и, если возможно, толкнуть их заняться нашей участью.

Меморандум был 9 июля подан английскому командованию уже по новой линии нашего подчинения — через управление по делам демобилизации. Самый факт перевода нас в ведение этого учреждения давал уже некоторую надежду, что мы приближаемся к моменту, когда наш вопрос начнет как-то разрешаться.

Ввиду начавшейся переброски всех немецких военнопленных в Германию, мы были изъяты из ведения немецких штабов и переданы в подчинение так называемой Австрийской бригаде под командой ген. Альдриана. В бригаду эту (численностью свыше 70 тысяч человек) были сведены все чины бывших германских вооруженных сил австрийского происхождения. Как и раньше, с немецкими военными начальниками, так и теперь, с австрийским штабом и самим ген. Альдрианом, у нас установились отличные взаимоотношения. Сильное впечатление на него произвело всё виденное в нашем лагере. Он сказал мне тогда, что лагерь Русского Корпуса бесспорно самый лучший и он изумлен, как русские, после всего пережитого, бодро настроены и сумели организовать свою жизнь. Также с большой похвалой о нашем лагере отзывались английские начальствующие лица, посещавшие нас. Особенно остался доволен английский генерал, назначивший выводку лошадей Корпуса. Выводку мы организовали по всем пра-

вилам нашего устава и прошла она, действительно, в большом порядке.

В конце июля мы получили приказание начать подготовку к формированию рабочих рот, имеющих быть отправленными по указаниям английского командования. Делу этому необходимо было придать особую стройность и поэтому при Штабе Корпуса было образовано Особое Отделение, с военным инженером полк. Дудышкиным во главе, которое и занялось этим вопросом. Рабочие роты формировались из всех частей Корпуса исключительно по признаку рабочей и технической специальности: лесорубы, каменщики, плотники, рабочие по металлу, сельскохозяйственные рабочие и т. п.

В течение августа и сентября было отправлено из состава нашего лагеря всего 26 рабочих рот под командой опытных офицеров, общей численностью около трех тысяч человек. Это была разумная мера английского командования, уж хотя бы потому, что люди попадали на несравненно лучшее питание и были заняты созидательным трудом, что благоприятно отражалось на их психике и создавало более бодрое настроение. Хозяева предприятий, где работали наши роты, обычно очень ценили этих добросовестных и дисциплинированных рабочих-солдат и старались улучшить им условия жизни. Конечно, бывали всё же недоразумения и неприятности, когда наши соратники попадали к бессовестным эксплуататорам, которые слишком много требовали и ничего не давали. В таких случаях приходилось мне, или полк. Дудышкину ехать и улаживать конфликты и, если нужно было, надавливать через англичан. Роты были разбросаны по всей Каринтии и Штайермарку, наиболее отдаленные были от нашего лагеря в двухстах километрах и связь с ними была довольно затруднительная, хотя все они всё же оставались в моем подчинении. С полным удовлетворением я должен отметить, что чины Корпуса и в своем новом положении — пленных, командированных на работу в австрийскую экономику, — с большим достоинством несли эту повинность и мне приходилось много раз получать лестные отзывы об их поведении, как от англичан, так и от австрийцев.

Ввиду приближения зимы, майор Тревор усиленно хлопотал, чтобы вопрос нашей демобилизации был бы решен как можно скорее так, чтобы мы могли не пленными, а уже гражданскими лицами занять один из, строившихся для беженцев англичанами, лагерей.

В конце сентября, после нескольких вызовов меня в английские учреждения, ведавшие демобилизацией, где тщательно выясняли историю формирования и боевую службу Русского Корпуса в составе Германской Армии, — вопрос об отпуске нас из плена был решен окончательно и 1-го ноября мы должны были быть демобилизованы с получением прав гражданских лиц. Таким образом, из всей массы военнопленных, находившихся в Австрии в руках англичан, чины Русского Корпуса первыми обретали свободу, конечно, по тем временам, довольно относительную, ибо ограничения не только для беженцев, но и для самого австрийского населения существовали тогда еще очень строгие. Сам факт освобождения из плена имел для нас огромное моральное значение, т. к. совершенно отпадал вопрос о нашей ответственности за пребывание в армии противника.

Сразу же, после решения о нашей демобилизации, необходимо было предпринять шаги по подысканию лагеря, где бы можно было разместить всех тех, кто еще оставался на стоянке Корпуса в районе Клайн Сант Файт. Англичане настойчиво мне предлагали лагери в Штайрмарке и особенно лаг. Капфенберг, уже полностью оборудованный, но он находился близко к советской зоне оккупации и я всячески этому сопротивлялся. Наконец, после долгих колебаний, англичане предложили занять лагерь Келлерберг в Каринтии, на что я и согласился. Не смутило меня даже то обстоятельство, что лагерь был распланирован на бывшем торфяном болоте и что в ту пору он находился еще в стадии постройки — главное, по тем временам, нужно было быть подальше от советчиков. К моменту переезда лагерь так и не был полностью готов и мы сами уже его достраивали.

В конце октября начался последний марш остатков Русского Корпуса в Келлерберг. Людей и имущество ежедневно

перевозили десятки грузовых английских машин. Последним был переброшен Штаб Корпуса. Всё, выданное нам оружие для несения караульной службы, еще за месяц до переезда, было нами сдано в английский склад.

1-го ноября 1945 г. все прибывшие в Келлерберг получили от английского командования „Энтласунгшайны" (документы о демобилизации) и тем самым для них окончилась военная служба и состояние в плену. Чины, находившиеся в рабочих ротах, не получили тогда же таких документов, они временно были оставлены на тех же работах и для непосредственного руководства ими был назначен командир 4-го п-ка, полковник Эйхгольц с небольшим штабом. 1-го февраля 1946 г. все чины рабочих рот также были демобилизованы.

Последняя страница истории Корпуса была перевернута — Русский Корпус перестал существовать.

По этому поводу я обратился тогда к своим соратникам со следующим приказом:

ПРИКАЗ
РУССКОМУ КОРПУСУ

1-го ноября 1945 г. № 129 Лагерь Келлерберг (Австрия)
§ 1.

Офицеры, солдаты и казаки!

Когда четыре года тому назад, в день Св. и Благоверного Вел. Кн. Александра Невского, был основан Русский Корпус в Сербии, вы, не ставя никаких условий, вступили в его ряды.

Образ многострадальной Родины нашей, как и четверть века тому назад, властно требовал от вашей совести продолжения наново освободительной борьбы.

Всеми нами овладело тогда одно стремление и у всех вас была одна цель — уничтожить мировое зло — коммунизм.

Четверть века Родиной нашей владел и управлял режим, перед которым, безусловно, бледнеют все тирании всех времен.

Эта система, овладевшая величайшим государством в мире, сумела поработить душу русского народа и обратила его в рабов и инструмент для уничтожения национальных государств и политическо-экономической свободы во всем мире.

Вами руководили тогда самые чистые и идеальные побуждения и это было главной причиной, что мы не оказались одинокими в нашей борьбе. В наши ряды белых воинов, потянулись со всех сторон Советского Союза наши обездоленные братья — бывшие подсоветские гражд-

дане. Испытав на себе весь ужас тиранической системы и узнавшие, что в мире существует действительно свободная жизнь, они превратились в столь же непримиримых врагов коммунизма, как и мы.

Долгий и тернистый путь прошел Русский Корпус.

В нашей памяти навсегда останутся бои у Заяча, Крупань, Зворника, Лешиницы, у Белого Камня, Вальево, Кладово, у Алексинца, Крушевца, у Чачка, бои у Шабца, бои по обеспечению долины реки Ибра: наш исторический поход через горы Санджака и Боснии, бои у Травника, Бусовача и Брчко.

На этом пути нами принесены святые жертвы крови и долга на борьбу с мировым злом — коммунизмом и мы взошли на этом пути на Голгофу из-за нашей беспредельной любви к своей Родине и своему народу.

Да будет вечная память всем нашим боевым товарищам, жизнь свою отдавших за мечту утвердить свободную жизнь на нашей Родине.

Мы же, оставшиеся в живых, должны сберечь в своих душах священный пламень, нас вдохновляющий к патриотической борьбе и всегда быть достойными носить гордое имя — „Белый Воин”.

Наша патриотическая борьба, в вынужденной для нас военно-политической обстановке, чистота и возвышенность наших побуждений понята и соответственно оценены Английским Военным Командованием и им сделано все возможное, в данной обстановке, для облегчения нашего тяжелого морального и материального положения.

Сегодня распоряжением Английского Командования, все чины Русского Корпуса, находящиеся в Келлерберге, переводятся на гражданское положение и образуют Русский Белый Лагерь, мною возглавляемый.

Чины рабочих рот до перехода их на гражданское положение временно остаются на прежнем положении под моим руководством и контролем.

Русский Корпус, таким образом, прекращает свое существование.

Да поможет всем нам Господь претерпеть до конца и увидеть нашу Родину — Россию, освобожденной от красного ига и снова защитницей свободы и мира во всем мире.

§ 2.

Объявляю утвержденное мною Временное Положение о Союзе бывших чинов Русского Корпуса. — Приложение I.

Полковник Рогожин

СПИСОК

убитых и умерших чинов командного состава Русского Корпуса
с 12. IX. 1941 по 12. V. 1945.

Цифры в скобках — № страницы, где указана дата и место смерти.

1. К-р Корпуса ген. шт. ген. лейт. ШТЕРИФОН Борис Александрович (349)
2. „ 1 каз. полка оберст (ген.м.) ЗБОРОВСКИЙ Викт. Эраст. (150)
3. „ 4 полка оберст (полк.) ГЕСКЕТ Борис Сергеевич (158)
4. „ III б. 5 п. оберст-лtn. (ген.) ЗИНКЕВИЧ Михаил Михайлв. (287)
5. „ I б. 2 п. майор (полк.) СЕВРИИ Иван Петрович (153)
6. „ 12 сот. 2 п. хауптм. (полк.) БУЗУН Петр Григорьевич (117)
7. „ 6 р. 3 п. хауптм. (полк.) КРИВСКИЙ Алексей (82)
8. „ 9 р. 3 п. хауптм. (ротм.) ДУМБАДЗЕ Григорий Иванович (256)
9. „ 1 р. 4 п. хауптм. (пполк.) ПАШЕНКО Георгий Иванович (143)
10. „ 10 р. 4 п. хауптм. (полк.) ГОЛЕЕВСКИЙ Николай Михайл. (183)
11. „ 5 р. 5 п. хауптм. (полк.) КОНДРАТЬЕВ Иван Михайл. (294)
12. „ 6 р. 3 п. об. лtn. (полк.) КОЖЕНКОВ Владим. Владим. (237)
13. „ 5 р. 5 п. об. лtn. (есаул) ПРОТОПОПОВ Никол. Никол. (158)
14. „ 11 р. 5 п. об. лtn. (пполк.) ЧИБИРНОВ Тихон Михайлович (287)
15. Адъют. I б. 2 п. об. лtn. (полк.) ВИЛЬКОВУГИСКИЙ Михаил Францевич 18. X. 1944 взят в плен партизанами и расстрелян.
16. „ 1 б. 3 п. об. лtn. (полк.) ДУМСКИЙ Федор Анатольевич (157)
17. К-р Т. взв. III/4 п. об. лtn. (пор.) ДУБРОВА Алексей Николаев. (158)
18. „ взв. 9 с. 1 п. об. лtn. (полк.) МАРКИН Василий Акимович (148)
19. К-ший 3 с. 1 п. лейтн. (п'ес) ДОНСКОВ Леонид Ефимович (149)
20. „ 3 с. 1 п. лейтн. (есаул) ТКАЧЕНКО Иосиф Александр. (281)
21. „ 6 с. 1 п. лейтн. (полк.) СВЕКОЛКИН Иосиф Дмитриевич (281)
22. „ 2 р. 5 п. (хор.) ВЕТЕР Андрей Иванович (320)
23. К-р Кон. взв. 3 п. лейтн. (ротм.) ЛЕОНТЬЕВ Владимир Самойл. (237)
24. „ Т. взв. II/4 лейтн. (ппор.) ЧЕСЛАВСКИЙ Игорь Васильевич (160)
25. Н-к уч. ком. 5 п. лейтн. (ппор.) НАЗИМОВ Николай Владимиров. (320)
26. К-р взв. 3 с. 1 п. лейтн. (хор.) ЛИТВИНСКИЙ Димитр. Павлович (281)
27. „ „ 6 с. 1 п. лейтн. (в. ст.) КОЛЬШКИН Димитрий Михайл. (281)
23. „ „ 3 р. 2 п. „ (ппор.) ГАМБУРЦЕВ Николай Анатол. (153)
29. „ „ 7 р. 3 п. „ (пполк. ШЕВЧЕНКО Аким Феодосиевич (156)
30. „ „ I р. 3 п. „ ЖОЛНЕРЕНКО Александр Федорович скончался от разрыва сердца 11. VII 1944.
31. „ „ 2 р. 4 п. „ (ппор.) ИЗМАЙЛОВ Александр Никол. (285)
32. „ „ 1 р. 4 п. „ (пор.) АЛЕКСЕЕВ Петр Иосифович (211)
33. „ „ 7 р. 4 п. „ (корн.) ТИМЧЕНКО Николай Александр. (159)
34. „ „ 3 р. 5 п. „ (ппор.) КУДРЯВЦЕВ Леонид Димитриев. (287)
35. „ „ 10 р. 5 п. „ (ппор.) ТРУБИШЫН Георгий Михайлов. (320)
36. „ „ 3 р. 5 п. „ (ротм.) БЕРЕЗИН Владимир Иванович (166)
37. „ „ 10 р. 5 п. ТАРГОНИ Георгий Константинович (286)

38. Врач 2 п. шт.-арцт ШИЛЛЕРОВ Михаил (81)
 39. „ II 6-на 2 п. шт. арцт ПЛИЩЕНКО Павел умер 2. I. 1944.
 40. „ I 6-на 1 п. об.-арцт ВАГНЕР Ор. Юльевич (281)
 41. Всп. врач 3 п. КАЛУГИН Михаил скоропостижно скончался 16. I. 1944

ТАБЛИЦА БОЕВЫХ ПОТЕРЬ
Русского Корпуса за все время его существования:
с 12 сентября 1941 по 12 мая 1945

	Убито и умерло	Ранено	Без вести пропало	Самовольно убыло	Эвакуиров. по болезни и уволено	Всего
1 полк:						
Офицеров	9	27	2	—	5	43
У.-офиц.	37	99	7	5	117	265
Рядовых	203	545	95	98	574	1.515
ВСЕГО:	249	671	104	103	696	1.823
2 полк:						
Офицеров	5	7	13	—	17	42
У.-офиц.	37	90	106	1	74	308
Рядовых	139	398	771	188	586	2.082
ВСЕГО:	181	495	890	189	677	2.432
3 полк:						
Офицеров	8	9	6	—	7	30
У.-офиц.	31	32	79	1	97	240
Рядовых	123	357	652	227	600	1.959
ВСЕГО:	162	398	737	228	704	2.229
4 полк:						
Офицеров	9	19	3	—	14	45
У.-офиц.	29	84	21	—	60	194
Рядовых	205	664	269	268	315	1.721
ВСЕГО:	243	767	293	268	389	1.960
5 полк:						
Офицеров	9	29	—	—	9	47
У.-офиц.	51	93	7	11	59	221
Рядовых	197	754	200	258	364	1.773
ВСЕГО:	257	876	207	269	432	2.041
Штаб Корпуса:						
Офицеров	1	—	—	—	19	20
У.-офиц.	7	7	2	—	83	99
Рядовых	32	66	64	—	740	902
ВСЕГО:	40	73	66	—	842	1.021

	Убито и умерло	Ранено	Без вести пропало	Само- вольпо убыло	Эвакуиров. по болезни и уволено	Всего
ВСЕГО:						
Офицеров	41	91	24	—	71	227
У.-офиц.	192	405	222	18	490	1.327
Рядовых	899	2.784	2.051	1.039	3.179	9.952
ВСЕГО:	1.132	3.280	2.297	1.057	3.740	11.506
Всего по полкам:						
1 полк	249	671	104	103	696	1.823
2 полк	181	495	890	189	677	2.432
3 полк	162	398	737	228	704	2.229
4 полк	243	767	293	268	389	1.960
5 полк	257	876	207	269	432	2.041
Штаб Кор.	40	73	66	--	842	1.021
ВСЕГО:	1.132	3.280	2.297	1.057	3.740	11.506
Всего по периодам:						
12.9.41 - 12.9.44.	282	494	183	468	1.870	3.297
12.9.44 - 12.3.45.	734	2.478	2.002	480	1.587	7.281
12.3.45 - 12.5.45.	116	308	112	109	283	928
ВСЕГО:	1.132	3.280	2.297	1.057	3.740	11.506
12 мая 1945 г. перешло границу Австрии						4.500
В командировках и лазаретах						1.084
Всего прошло через ряды Русского Корпуса						17.090

Примечание 1-ое. Под Штабом Корпуса следует понимать: Штаб Корпуса, Батальон „Белград“ (роты: Карульная, Запасная, Снабжения и Транспорт), Ветеринарная рота, Рота связи и 2 лазарета.

Примечание 2-ое. Число уволенных по болезни и старости было несомненно выше, чем указано в таблице, т. к. сведения об уволенных в первые месяцы существования Корпуса в 1941 году пропали во время отхода Корпуса в Австрию вместе с частью корпусного архива. Поэтому следует считать, что общее число чинов, прошедших через ряды Корпуса больше на несколько сот человек.

СВЕДЕНИЯ О НАЛИЧНОМ СОСТАВЕ

На 12. IX. 1944, т.е. перед началом спальных боев в Кордузе состояло:

11.197 человек.

По возрастам		По странам	
От 17 до 30 лет	5.436	Прибыв. из Румынии	5.057
„ 31 „ 40 „	381	„ „ Сербии	3198
„ 41 „ 50 „	3.042	„ „ Болгарии	1.961
„ 51 „ 60 „	2.284	„ „ Сов. России	314
„ 61 „ 73 „	54	„ „ Венгрии	288
Всего:	11.197	„ „ Хорватии	272
По должностям		„ „ Греции	58
Офицеров, чиновн., врачей, ветерин. и священников	362	„ „ Польши	19
Унтер-офицеров	1.295	„ „ Латвии	8
Рядовых	9.540	„ „ Германии	7
Всего:	11.197	„ „ Италии	3
		„ „ Франции	2
		Всего:	11.197

СУЩЕСТВЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано:	Следует читать:
22	16-я ст.	три отделения	четыре отделения
28	7-я ст.	3.500	4 500
152	15-я ст.	Волконский	Волконский
157	4-я ст.	20 сентября	2 октября
211	19-я ст.	лтн.	фельдфебель
366	17-я ст.	Неймаэрт	Тржич
367	5-я ст.	Неймаэрт	Тржич

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авдиенко Д. М. 337**
 Адлер, герм. генерал 175
 Акаловский Б. Е. 168, 177, 179
 Аквилонов А. М. 111, 143, 155
 Акиров Э. И. 343
 Александр I, Король Ю.осл. 11
 Альдриан, австр. генерал 377
 Александрович В. Г. 337
 Алексеев П. И. 209, 211
Аленов Г. С. 104
 Аленов Е. С. 104
 Алферов В. И. 285
 Анастасий, Митрополит, 39, 115
 Ангеген, герм. хаупт мэн 116, 161
 Ангилеев В. И. 82, 83, 120, 121, 155
 Антонов И. К. 117
 Антонов К. Н. 43, 49, 155, 157, 159
 Апеллония М. П. 295
 Апухтин ген. 66, 84
 Артамонов ген. шт. ген.-м. 85
 Архангельский ген. 11
 Архипов, вет. врач 237
 Бабенко В. X. 142, 337
 Бадер, герм. ген. 41, 76, 114
 Баев В. В. 289
 Бакалов, пор. 236
 Балабин, юнк. 104
 Бальцар В. В. 153, 166, 279, 357, 386
 Бандурко Ф. И. 144, 286
 Баранников о. Грч.эрри 142
 Барбович ген. 12
 Батурский ген.-м. 76
 Баумгартен, герм. штабс-инт. 114
 Бачинский В. Я. 237
 Бачтан С. П. 165
 Безлекин В. Н. 291
 Бекман К. А. 113, 122
 Белозубов Л. А. 167, 168, 320
 Бельый Ю. Н. 77, 273, 276
 Березин В. И. 153, 179, 239, 296
 Бертельс А. А. 76
 Беседко Ф. Ф. 133
 Бейшенбергер, герм. оберст 59, 60
Боде К. В. 285
 Бодрухин А. А. 287, 288
 Бойко А. Г. 151
 Боков Г. В. 276
 Болдырев С. В. 115, 139, 213
 Болтенков И. Д. 156, 236
 Бондаревский Ф. И. 258
 Бондаренко М. Е. 143, 166, 287, 289
 Борис, царь Болгарский 304
Бочевский А. Ф. 115, 151, 251, 252
 Браунш, герм. генерал 90, 91
 Бредов Ф. Э. 79, 114, 115, 120, 166, 167, 287, 292, 293, 304, 312, 322
 Бреннеке Н. П. 42, 76, 78, 114, 120
 Бублик В. В. 167
 Бугураев М. К. 117, 139, 303, 332
 Буланков П. Г. 276
 Бузун П. Г. 76, 116, 117
 Буцько С. Б. 312
 Буш фон-дер, герм. об. лтн 104, 107
 Бьёрс, капитан 89, 170
 Бильковский Н. П. 17, 252
 Билков П. А. 114
 Биллер О. Ю. 281
 Варченко В. И. 92, 122
 Васильев Р. М. 76, 142, 143, 144, 264, 265, 266, 338, 339
 Васильев С. Л. 157
 Васкович, четн. воевода 244, 245
 Вендерович Т. С. 343
 Вербицкий Ф. Ф. 114, 143
 Вертегов Д. П. 131, 133, 134, 135, 166, 186, 360
 Ветер А. И. 287, 320
 Ветер В. И. 104
 Вильковуйский М. Ф. 402
 Виннат, герм. майор 281
 Винокуров А. П. 78, 115, 155, 259
 Вишневецкий В. А. 153
 Вишневский В. С. 212
 Власов А. А. ген. 18, 21, 26, 339, 351, 355, 356, 368, 369, 385, 386
 Волковский Д. И. 152

- Володин В. Ф. 120
 Воскресенский унт. оф. 233
 Врангель П. Н. ген. 9, 10, 11, 373, 396
 Вундерлих, герм. оберст 239, 241
 Вучкович В. К. 276
 Гавликовский К. Ф. 279
 Гайзе фон, герм. оберст-лейтн. 86
 Галаев К. А. 76
 Галле, герм. майор 135, 138
 Галушкин Н. В. 40, 56, 58, 116, 142, 161, 166, 167, 186, 245, 289, 290, 301
 Гамбурцев Н. А. 152, 153, 260, 261
 Гандурин о. Иоанн 39
 Гарденин А. М. 157
 Гаттенбергер П. Г. 152
 Гаузен Д. П. 213
 Гельднер фон, герм. оберст 360, 361, 363, 365, 376
 Генрици В. А. 167, 212
 Генц, герм. об.-лтн. 179, 184, 185
 Георгиевич М. М. 78, 142, 279
 Георгиевский В. И. 285
 Гескет Б. С. 39, 68, 77, 83, 115, 143, 158, 159, 168, 176, 177, 184, 211, 272, 284, 285
 Гетц В. И. 115, 120, 121, 155, 166, 284, 296, 384
 Гибадов А. П. 286
 Гиерга, герм. оберст-лтн. 155
 Глаголев ген.-м. 39, 40, 76
 Гоженко Н. Н. 168
 Голеевский Н. М. 40, 76, 78, 116, 169
 Голицын кн. М. Л. 281
 Головко Е. С. 285, 313, 315
 Головко Ф. Е. 39, 80, 116, 118, 130, 149, 281
 Голофаева Нина 287
 Голофаев П. К. 143, 157, 162, 279, 341
 Голубев М. В. 40, 78, 114, 115, 144, 158, 169, 208, 209, 210, 211, 213, 239, 243, 264, 279, 336, 339, 383
 Голубев Н. А. 41
 Голубчиков Л. М. 143
 Гонтарев Б. В. 39,, 40, 78, 108, 114, 120, 144, 155, 163, 165, 168, 203, 254, 288, 289
 Гонтарев А. Б. 104, 108
 Гордеев-Зарецкий М. Т. 38, 39, 52, 65, 73, 142, 166, 287, 289, 291
 Горен-Сосунцов А. Е. 143
 Гранитов В. В. 38, 80, 158, 285
 Гранитов В. И. 38, 39, 77
 Граф герм. оберст-лтн. 163
 Гребенщиков Н. А. 255, 258
 Гребнев В. Л. 168, 287, 310, 320
 Гринев, майор, 354
 Гришков М. А. 289
 Грозданов, болгарск. ген. 89
 Гулыга Г. И. 107, 281
 Гумбин Ф. В. 86, 88, 115, 365
 Гурский В. В. 275, 276
 Гурчин В. Н. 285
 Гусак Г. М. 345, 344
 Гуссаковский Д. А. 111, 112, 123, 166, 168, 187, 192, 281, 324
 Гюнтер Н. С. 92, 100, 122, 187, 192
 Даватц В. Х. 296
 Данилов В. Г. 216, 218, 219
 Дворжицкий полк. 84
 Дейтш, герм. оберст 333, 334
 Деникин А. И. ген. 9, 394
 Денниц, герм. адмирал 353
 Дервянко М. Д. 264
 Джурич Радослав, серб. майор 146
 Днаковский В. М. 343
 Дизнер, герм. оберст 171, 174, 176
 Дмитриевский И. П. 242, 285
 Дмитриев д-р 380
 Добровольский, подполк. 43
 Толгополов 211
 Доля М. Л. 210
 Доманов ген. 386, 389, 390, 392
 Домрачев П. С. 343
 Донсков Л. Е. 149
 Донченко С. С. 285
 Дончук А. И. 136

- Дорман В. М. 142
 Драценко Д. Г. ген. 77
 Драценко Ю. Д. 159, 285
 Гриневич С. Д. 4^о
 Дроздовский Н. Б. 385, 390
 Дружинин И. Д. 197
 Дубина К. П. 118, 149, 281, 282
 Дуброва А. Н. 157, 158, 159, 211
 Дудышкин А. Я. 39, 40, 119, 397, 398
 Думбадзе Г. И. 121, 155, 157, 254, 256
 Думбадзе И. Г. 233
 Думбадзе Л. С. 357
 Думский Ф. А. 89, 157, 206
 Дьяконов К. Д. 97
 Егоров ген. м. 39, 40, 76, 79, 114
 Егоров В. В. 285, 315
 Ендржеевский А. А. 39, 43, 76, 78, 83, 87, 89, 155, 158
 Ергин О. В. 289, 291
 Ермаков В. М. 167
 Ермаков М. М. 114, 142, 143
 Ермолаев Н. В. 143
 Ершков А. М. 208
 Жданов Г. В. 92
 Жолнеренко А. Ф. 402
 Жубер. герм. лтн. 216
 Жуков С. А. 38, 40, 48, 77, 79, 101, 114, 279
 Жуковский Б. В. 143
 Журавский А. Я. 156, 197, 236
 Заботкин С. А. 281
 Завалский, юнкер 54
 Загоскин Н. В. 222
 Залесский Б. А. 142
 Залеткин Г. П. 220, 212
 Заупе. герм. оберст-лтн. 233, 241
 Зборовский В. Э. 12, 38, 39, 40, 41, 44, 46, 47, 63, 101, 103, 107, 114, 125, 127, 139, 141, 149, 150, 274, 275, 277, 300, 301
 Звездин И. Г. 150, 151
 Зелепухин В. Н. 289
 Зедлер фон. герм. оберст 280, 358, 362, 363, 364, 365, 371, 375, 388, 389
 Зельтман Н. Р. 77, 142, 250
 Зерщиков К. Ф. 77, 143, 281
 Зинкевич М. М. 77, 80, 92, 115, 120, 166, 287, 292, 309, 310, 311, 320, 326
 Зипунников Ю. Ф. 168, 357
 Зозулин М. В. 76, 84
 Зуземель В. Ф. 166
 Зыбин ген. м. 172
 Иванов Е. В. 40, 41, 77, 96, 97, 99, 114, 115, 120, 153, 154, 263, 275, 280, 352
 Ивановский Е. Л. 29, 40, 78, 286
 Игнатъев В. И. 38, 39, 42, 77
 Игнатъев И. И. 200, 202
 Измайлов А. Н. 243, 285
 Иконников, есаул 45
 Иодчин А. М. 83
 Иордан Б. М. 77, 114, 115, 142, 279
 Истомин В. В. 39, 114
 Кабанов А. А. 281
 Калабич, воев. четн. 117
 Калабушкин В. П. 287
 Калинин В. Н. 115, 120, 153, 257, 261
 Калугин М. д-р 402
 Карапанджич, серб. поруч. 223
 Карпинский В. И. 254, 256, 259
 Карпов Н. В. 142
 Кевинш. герм. оберст 40, 41, 67, 78
 Кжижановский, полк. 40, 41
 Киреев Л. Н. 277, 281
 Киряченко И. К. 38, 40, 41, 78, 102, 114
 Кирсанов С. Д. 97, 188, 192
 Кисель В. И. 264
 Климов М., юнкер 93
 Климчук Е. 242
 Клич С. Е. 141
 Ключарев Д. Е. 114, 143
 Князев П. А. 337
 Ковалевский Д. П. 77, 97, 111, 279
 Коженков В. В. 155, 236, 237
 Козинец полк. 76, 84, 87
 Коломнец Я. В. 133
 Колосов М. Д. 211, 221

- Коляшкин Д. Мь 117, 149, 281
 Кондратьев И. М. 68, 92, 101, 115, 119, 121, 142, 160, 166, 202, 287, 289, 294
 Коновницын гр. Н. А. 213, 285
 Кононов полк. 42, 76
 Константинов П. К. 257
 Корнилов ген. 9
 Корнилов подполк. 97
 Коровин Г. В. 295
 Короваев Б. А. 197, 199
 Королев полк. 77
 Костенко С. А. 193
 Котляр Г. К. 65, 79, 115, 120, 151, 167
 Кох В. Э. 187, 192, 194, 215, 220, 285
 Кох унт. оф. 98
 Коцовский М. И. 139
 Кошель С. Н. 300
 Кравченко И. М. 149
 Кравченко О. Г. 287, 289
 Крамаров 275, 276
 Крапивников полк. 43
 Краснов Н. Н. 107, 114, 161, 166, 286, 289
 Краснов П. Н. ген. 351, 356, 385, 390
 Краснов С. Н. 385, 390
 Крейтер ген. 300
 Кривский А. полк. 77, 82
 Кривцов П. А. 133
 Кригер, герм. ген. 166
 Кригер, герм. лтн. 184, 185, 289
 Кубаркин А. В. 120, 142, 152
 Кубаркина М. А. 343
 Кубаркин М. А. 343
 Кудашев кн. Н. В. 92, 122, 135, 187, 194
 Кудиннов А. И. 264, 268
 Кудинов С. И. 157
 Кудрявцев Л. Д. 287
 Кузьменко М. П. 144, 264, 339
 Кузнецов кап. 337
 Купфершлегер, герм. оберст 172, 175
 Курт, герм. майор 350
 Кутелов ген. 10, 11, 29, 349
 Кутелов Г. М. 237
 Кутузов В. И. 94, 97, 98
 Куш П. А. 134
 Лабинский И. В. 166, 171, 172, 173, 174, 183, 287, 289
 Лабинский Н. В. 185, 233
 Лавришин кап. 196, 197
 Ламзаки С. И. 264, 387
 Ланно Г. М. 325, 326, 327, 328
 Лашков С. С. 111
 Левандовский А. М. 187
 Левандовский М. А. 115, 116, 119, 136, 159, 160, 187, 188, 192, 223, 285
 Левашев К. А. 208
 Леер, герм. ген. 288, 350
 Лейзер, герм. ген. 288
 Лекторский А. М. 115, 142, 165, 167
 Леонов В. А. 281
 Леонтьев В. С. 157, 236, 237, 259
 Лепехин подпор. 104
 Лепешинский Д. А. 281
 Линев А. В. 295
 Литвинский Д. П. 281
 Лихтенеккер, герм. майор 77., 114-5
 Лобан кап. 40, 78
 Лобачев Г. Я. 275, 276
 Луговой Н. П. 257
 Луговский П. В. 118, 149, 154, 281
 Лукин Е. Д. 40, 43
 Лучанинов С. Г. 81, 101, 116, 120, 159
 Лябах о. Викторин 144, 356
 Мазараки рядовой 89
 Мазур С. С. 302
 Мазур, рядовой 89
 Максудов кн. И. И. 77
 Малахов И. А. 150
 Малашинкин Ф. В. 284, 299
 Малюк, герм. фельдф. 189, 190, 193
 Мамонтов Н. В. 78, 120, 144, 153, 154, 250, 251, 266, 267, 268, 280, 376
 Манжула хор. 276
 Марасанов М. С. 163, 166, 287
 Мариюшкин Ю. А. 93, 167, 199
 Маркин В. А. 148

- Маркович. серб. капитан 164
 Маркович Райко. восв. четн. 41, 48
 Мартинович красн. к-р 48, 50, 51
 Мартынов А. Д. 343
 Мартынова Л. П. 343
 Мартынов Н. Д. 343
 Маслаковец Н. Н. 156, 236
 Медведев о. Антоний 39
 Медведев В. Ф. 197
 Мейендорф бар. 40, 76
 Мержанов Б. А. 40, 76, 114, 144, 268
 Месснер Е. Э. 42
 Милетич. красн. к-р 89
 Миллер ген. 11
 Миллер А. М. 337
 Миловидов полк. 77
 Миловидов Н. В. 337
 Миончинский полк. 109
 Мирошвиченко А. А. 142, 166, 287, 289, 326
 Михайлов А. Д. 93
 Михайлович Дража, сербск. ген. 14, 25, 117, 118
 Михайловский А. А. 197
 Михеел Л. М. 77, 114
 Мищенко Кирь 157
 Многолитный И. Н. 165
 Могилев о. Владимир 143
 Мокшевский-Зубск Л. С. 281
 Мюкин Н. д-р 39, 76, 114, 142
 Молчанов о. Борис 77, 280, 341, 381
 Морозов В. И. 78, 81, 88, 101, 116, 117, 119, 139, 141, 143, 146, 147, 148, 149, 278, 281, 282, 303, 346, 352, 357, 360, 362, 364, 365, 367, 388
 Мошин С. А. 97, 136, 160
 Муле-де гр., терм. оберст-лтн. 170, 215, 216, 377
 Мурзин Н. Н. 77, 157, 166, 294, 304, 341
 Муромцев П. С. 258
 Муссолини 296
 Мушицкий, серб. ген. 20
 Мюллер, герм. ген. 159, 271
 Мышлаевский В. А. 43, 76, 83, 88, 155, 160, 273
 Навроцкий Ал. А. 289, 326, 327, 343
 Навроцкий Ав. А. 160, 285
 Нагаев о. Никодим 142
 Нагоров А. И. 49, 76, 79, 114, 115, 116, 169, 171, 211, 212, 213
 Наденн С. И. 200
 Назаренко П. в. ст. 210, 211
 Назимов Н. В. 182, 289, 293, 319, 320
 Науменко В. Г., ген. 81, 116, 302
 Невзоров А. Г. 159
 Невзоров М. Л. 224
 Недич, серб. ген. 19
 Нейхаузен, герм. ген. 16, 41
 Некрасов А. С. 132
 Немерюк Е. М. 276
 Нестеренко А. М. 39, 41, 120, 152, 153, 154, 283
 Нефедьев К. П. 115, 116, 213
 Низовцев А. М. 285
 Николаев К. Н. 281
 Николай Николаевич, Вел. Кн. 10
 Новицкий, шт. кан. 68
 Нольдехен, герм. ген. 383, 388, 389
 Олферов. полк. 97
 Орлин В. А. 159, 160, 285
 Осипов М. П. 104
 Островский, майор 385, 390
 Палагнюк Георгий 157
 Панаспенко Н. Ф. 242
 Паньниц фон, герм. ген. 302, 342, 355, 356, 385, 386, 387, 389, 392
 Патаридзе И. П. 116, 121, 169, 176
 Патронов А. Ф. 168
 Пашкевич Н. Н. 285
 Пашенко Г. И. 39, 42, 115, 116, 130, 142, 143, 208
 Персиянов Д. А. 118
 Пестриченко Н. 338, 339
 Петрашевич А. Ф. 168, 287, 320
 Петрович, серб. поруч. 239
 Петровский Н. А. ген. 39, 43, 77, 78, 87, 116, 120, 155, 253, 254, 255,

- 256, 257, 361
 Петровский Н. А. в. ст. 115, 139, 302
 Пивоваров А. А. 288, 289, 312
 Пиноци, юнкер 104
 Пино-Ульский А. Г. 151, 252, 267
 Плешаков В. Е. 76, 114, 143, 144, 380
 Плищенко д-р 114
 Плонский М. Н. 77, 122, 155, 187, 192
 Плотников Е. Б. 82, 83
 Подольский С. И. 78, 92, 192
 Подрезов А. И. 161
 Покровский ген. 11
 Политанский А. С. 164
 Поляков С. К. 40, 42, 119
 Попов В. М. 117
 Попов, инж. в. подполк. 43
 Попов Н. В. ген. 77
 Попов С. И. д-р 40, 78, 114
 Попов С. П. 285
 Попов-Кокоулин Н. Н. 40, 115, 120, 158, 159, 169, 221, 223, 280, 285, 349
 Притуманов П. А. 337
 Прокопенко И. В. 197
 Протопопов А. М. 76, 78, 114, 116, 119, 143
 Протопопов Н. Н. 143, 158
 Пулевич В. М. ген. 76, 78, 79, 101, 114, 115, 270, 272
 Пустовалов Г. В. 109, 289, 291
 Пустовсйтенко А. А. 289
 Пяткин А. П. 286
 Пьянов Д. А. 285
 Раевский А. А. 368, 369, 370, 378, 386, 389, 395, 396
 Райслер, герм. ген. 352, 353, 356, 358
 Ран, герм. лтн. 79
 Рачич, серб. майор 144
 Редькин А. А. 206
 Ремисевич В. И. 143
 Решиков, 104
 Рклицкий о. Никон 77, 279
 Роговской И. В. 77, 83, 116, 159, 169, 285, 313
 Рогожин А. И. полк. 12, 19, 27, 32, 33, 40, 56, 58, 60, 68, 80, 115, 116, 118, 125, 142, 144, 161, 163, 165, 167, 168, 186, 191, 225, 226, 227, 228, 229, 231, 248, 249, 279, 280, 282, 287, 288, 289, 290, 301, 304, 312, 318, 323, 324, 328, 339, 342, 343, 344, 345, 361, 372, 384
 Родзянко Олег, юнкер 104
 Розенберг, 32
 Рогинов Р. Н. 158, 208, 211, 240, 241
 Рубец И. Ф. 78, 87, 155
 Рудько В. И. 300
 Румянцев, кап. 30
 Рупник, слов, ген. 353, 354, 358, 362
 Рупник, слов. полк. 386
 Рябухин Б. В. 156
 Рычков И. В. 155
 Рышков А. П. 213, 239, 240
 Саборский Н. А. 76, 268
 Савич 104
 Савчук Н. К. 303
 Сакварелидзе М. Л. 142, 252
 Сакович С. М. 268
 Самсонов Н. П. 289
 Самылов Д. И. 155, 257
 Саргани А. К. 97
 Саринов Д. А. 287, 289
 Сафаревич К. Б. 287
 Сахаровский В. И. 161, 287
 Свеколкин И. Д. 150, 281
 Севрин И. П. 40, 42, 119, 120, 151, 153, 259, 261
 Секачев Е. Г. 159, 213
 Семенов А. А. 40
 Семенов М. А. 354
 Семенов М. И. 268
 Сементовский Б. К. 142, 266, 336, 338
 Сербия Ю. В. 208, 272
 Сиволобов И. Ф. 101, 116, 119, 146
 Силин В. А. 93
 Симеон, царь Болгарии. 89
 Сигмович Н. Г. 167
 Ситковский В. И. 168, 287, 289, 322

- Скарно А. И. 267
Скворцов М. А. ген. 39, 42, 116, 118, 138, 149, 150, 151, 281, 300
Скляр В. В. 38, 39, 139, 300
Скородумов М. Ф. ген. 12, 13, 14, 15, 16, 31, 32, 38, 52, 66, 67, 73, 347
Смердов А. В. 40
Смола- Смоленко Е. К. 155, 166, 168, 287, 288
Смолян Н. В. 303
Солиенко А. А. 117
Соловьев П. А. 315
Соломахин М. К. ген. 116, 118, 390
Солыник-Красса В. В. 116, 142, 166, 167
Сомов Б. А. 40, 42, 281
Сомов Н. Н. 81, 104, 120, 259
Ставрович В. Н. 40, 78, 114
Сталин. 15, 18, 304
Станкевич Б. К. 195
Старицкий В. И. ген. 117, 150, 281
Стелецкий 200
Студенцов И. Ф. 202
Сукк Н. И. 158, 159, 213, 242
Танасичук Н. В. 164
Тарасов Н. А. 208, 211
Таргони Г. К. 286
Татаркин И. В. 300
Татаркин ген. 145
Тетереватников И. В. 211
Тимофеев С. А. 303
Тимофеев С. С. 133
Тимченко Н. А. 159, 192, 194, 205, 222
Титс 20, 24, 27, 145, 146, 147, 304
Тихомиров Л. Д. 235
Тихонравов М. И. 38, 39, 43, 97, 215
Тихоцкий Е. С. ген. 77, 87
Ткачев Б. И. 322
Ткачев ген. 57
Ткаченко И. А. 281
Топлянович. серб. полковн. 358, 359, 362
Тревор. англ. майор 394, 398
Трескин Л. Н. 76, 83, 84, 88, 116, 165, 166, 188, 324
Третьяков В. И. 119, 139, 141, 150, 281
Тропин Н. Н. 150, 281
Трубицын Г. М. 289, 320, 322
Ульянская. сестра мил. 142, 143
Ульянцев о. Владимир 40
Урннжевский А. С. 78
Фадеев В. Я. 38, 40, 114
Фартухов А. А. 150, 281
Федоров Б. В. 237
Фельбер, герм. ген. 25
Фергусон, англ. лейт. -колонель 383, 388, 389, 390
Фетисов. полк. 77
Филометов В. В. 101, 116
Финне К. Н. д-р 39, 78
Фишер В. С. 344
Фишер, герм. ген. 90, 242, 243, 244,
Флегинский С. Н. 80, 120, 142, 143, 166, 200, 205, 206, 207
Флерин Н. Н. 219
Фоменко А. М. 302
Фортель, юнкер 74
Франк Д. С. 115, 121, 155, 339
Франко, исп. ген. 396
Фуксегер, герм. хауптм. 157
Хитлер 13, 21, 32, 90, 91, 172, 353
Хмельницкий А. 220
Ходов Н. Е. 289
Хохлачев Н. А. 119, 149
Христофоров Е. И. 114, 120, 151, 160, 166, 280, 285, 293
Хуг, герм. оберст 149
Худенко П. П. 257
Хуторов В. Т. 299
Цешке В. К. 77
Цешковский Е. Д. 97
Цыба Я. М. 303
Цымбал Н. А. 238
Цыпин А. А. 337
Цысарский А. М. 303
Чепига А. А. 275, 276

- Черевчин Г. И. 156, 236
 Черепов А. Н. ген. 76, 77, 83, 84, 87, 99, 100, 116, 120, 121, 143, 155, 166, 282, 283, 295, 297, 299, 323
 Черепов В. А. 113, 194
 Черкасгов Н. К. 337
 Черннченко Г. Г. 97, 259, 260
 Чернолуccкий, пполк. 337
 Черняев В. М. 149, 281
 Черныш ген. шт. полк. 111
 Чеславский И. В. 160
 Четыркин П. А. 209, 213
 Чибирнов Т. М. 92, 168, 287, 310, 311, 312, 320, 322
 Чуприна И. Н. 151
 Шалевич Е. В. 97
 Шатилов Б. Н. 166, 304
 Шатилов В. Д. 176
 Шатилов Д. В. 38, 39, 44, 48, 49, 76, 114, 176
 Шауб Сергей, юнкер 74
 Шобалин С. К. 101, 110, 119, 120, 121, 142, 159, 273
 Шелченко А. Ф. 155, 156, 195, 197, 234
 Шеньков Г. И. 344
 Шедлер, герм. хауптм. 312
 Шерлен, герм. ген. 166
 Шьянкерт А. А. 326
 Шейнерт А. А. 326
 Шель Е. А. 77, 83, 88, 116, 121, 142, 158, 159, 165, 168, 285, 289, 292, 369
 Шемберко Д. Г. 164
 Шемчук Н. Ф. 213, 240
 Шеремет М. есаул 134
 Шеремет М. Ф. 197
 Шестаковский, подполк. 97
 Шестоперов В. Н. 157
 Шефер Б. В. 104
 Шефер В. Э. 285
 Шефер Г. В. 104
 Шиллеров Мих. вет. врач 81
 Шкляр А. Г. 344
 Шкуро А. Г. ген. 302, 387
 Шляхтин Э. Э. 114, 281
 Шмелев А. И. 101, 116, 119, 150, 151
 Шмельцер, герм. лтн. 216, 220
 Шорников С. И. 242
 Шредер, герм. оберст 115, 116, 143, 144, 169, 188, 190, 191, 192, 194, 195, 215, 220, 279, 377
 Штейфон Б. А. ген. 16, 18, 19, 27, 29, 31, 32, 33, 38, 39, 44, 55, 56, 57, 59, 78, 85, 89, 103, 115, 128, 129, 138, 143, 144, 202, 215, 264, 279, 280, 284, 285, 288, 323, 338, 348, 349, 350, 351, 352, 353
 Щербаков К. И. 116, 118, 149
 Эберлейн фон, герм. оберст 168, 292, 293, 317, 320
 Эйхгольц А. А. 42, 54, 77, 79, 81, 114, 144, 160, 274, 285, 348, 349, 350, 356, 369, 399
 Эллерт Я. Я. 95
 Эммер, герм. майор 114, 280, 350, 353, 357, 359, 361, 363, 364, 365, 376, 378
 Энгельгардт С. А. 300
 Юшкевич Л. С. 113, 122
 Якимов Андрей, юнкер 63
 Яковлев, ген. шт. полк. 40, 78, 114
 Якубовский Н. М. 251, 252, 267
 Янковский Е. Л. 142
 Ящук, кап. РГА 144

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

	Стр.
Часть 1-я	
Д. Ковалевский — Во имя Родины	8
Организация Корпуса	22
Вооружение Корпуса	22
А. Невзоров — Как нас вооружали немцы	23
С. Гулевич — Артиллерия.	24
В. Гранитов — Краткий очерк действий Корпуса	24
Обучение	28
М. Георгиевич — Военно-учебная часть	29
Е. Янковский — Форма одежды	31
С. Заботкин — Командиры Русского Корпуса	31
Д. Персиянов — Корпусная юстиция	34
Часть 2-я	
1941 — исторический очерк	37
А. Полянский — Наш первый поход	42
Н. Короваева — „Белым витязям”. Стихи	51
С. Заботкин — Молодежь в Русском Корпусе	52
Д. Вертепов — Первый бой Русского Корпуса	56
А. Невзоров — 2-я юнкерская рота	61
В. Черепов — Белое воинство	66
С. Болдырев — „Индейцы”	69
А. Политанский — Первое боевое крещение	73
О. Сидоров — „На Дрине”. Стихи	75
1942 — исторический очерк	76
Л. Трескин — Новосадская Дружина	83
В. Гетц — Болгарское пополнение	91
В. Черепов — В 4-м полку первого формирования	92
В. Силин — Второй эскадрон (2 п.)	94
В. Гетц — 4-й полк (первой формации)	100
В. Гранитов — Формирование взводов „ПАК”	103
В. Гетц — „Юнкерский взвод”	110
К. Груздинский — „Лешница”. Стихи	113
1943 — исторический очерк	114
В. Черепов — 6-я рота 2-го полка	121

С. Болдырев — Переход через „Альпы” (1-й полк)	125
А. Раевский — История одной несостоявшейся дуэли (Шт. Кор.)	128
К. Подушкин — Заполье (II б-н 1 полка)	130
В. Черепов — Школа верховой и упряжной езды	135
К. Николаев — Слава Казачья (1-й полк)	138
1944 — исторический очерк	142
Л. Трескин — Ш-й батальон 4-го полка	168
В. Черепов — 7-я рота 4-го полка	187
Е. Смола-Смоленко — Бой у Иваницы (7-я рота 3 полка)	195
Н. Тропин — „Заяче”. Стихи	198
В. Гец — Советская рота	198
В. Гранитов — С I б-ном 4 полка на Белом Камне	208
А. Навроцкий — „Пятый полк”. Стихи	214
В. Черепов — Военно-Училищные курсы	215
А. Невзоров — Белый Камень (II-й б-н 4 полка)	221
Б. Ткачев — В 5-м полку	225
В. Черепов — Тревожные дни в долине р. Ибра: 3-5 авг. 1944.	229
М. Моравкин — „На бункерах в долине Ибара”. Стихи	278
В. Гранитов — I-й б-н 4 полка. Стоянка в руднике Бор	238
Н. Мурзин — Бой артиллерийского взвода 3-го полка	244
А. Полянский — Из воспоминаний о 2-м полку	249
А. Вильперт — III батальон 3-го полка	253
А. Селихов — „Памяти Алескандрийцев”. Стихи	259
Г. Черниченко — Крестный путь Русского Корпуса (I б-н 2 п.)	259
Р. Васильев — Служба связи в Русском Корпусе	263
А. Полянский — Ночной бой (III б-н 2 п.)	266
А. Дуброва — „23 октября”. Стихи	269
Е. Янковский — Запасная рота	269
М. Бутураев — Артил. взвод 1 каз. ген. Зборовского полка	274
1945 — исторический очерк	279
Л. Трескин — II батальон 5 полка	288
Л. Булгаков — Череповский поход (Запасн. б-н)	294
П. Кошель — Запорожцы (1 полк)	299
А. Навроцкий — „По пути долга и чести”. Стихи	304
В. Диаковский — За горкой (Запасн. б-н)	304
С. Гапон — Из прошлого (III б-н 5 п.)	309
А. Навроцкий — Не на жизнь, а на смерть (Отряд 4 п.)	313
Три лейтенанта — Песня Русского Корпуса	316
В. Маркевич — Бусовача (5 полк)	316
Д. Симонов — Случай или воля Божия (III б-н 5 п.)	325
А. Навроцкий Песнь 5-го полка Русского Корпуса	328
А. Рышков — Пост на мосту (1-я рота 4 полка)	328
М. Скворцов — Брчко-Челич (II б-н 1 полка)	331
Б. Сементовский — Команда связи Штаба Корпуса	336

А. Полянский — Наш плен	340
Б. Патковский — „Русский Корпус”. Стихи	345
Полк. Рогожин — Последние дни Корпуса. I. Отход на север	346
2. „Борьба” за Клагенфуртское направление	362
3. Мы идем с немцами	376
4. Где Власов?	385
5. Демобилизация	394
Ю. Псковитянин — „Русский Корпус”. Стихи	361
Е. Берестовская — „Белому Воину”. Стихи	384
Список убитых и умерших чинов командного состава	402
Таблица боевых потерь	403
Существенные опечатки	404
Наличный состав на 12. IX. 1944 г.	405
Именной указатель	406
Содержание	414

WHITE RUSSIAN CORPS
on Balkans during the World War II.
1941-1945

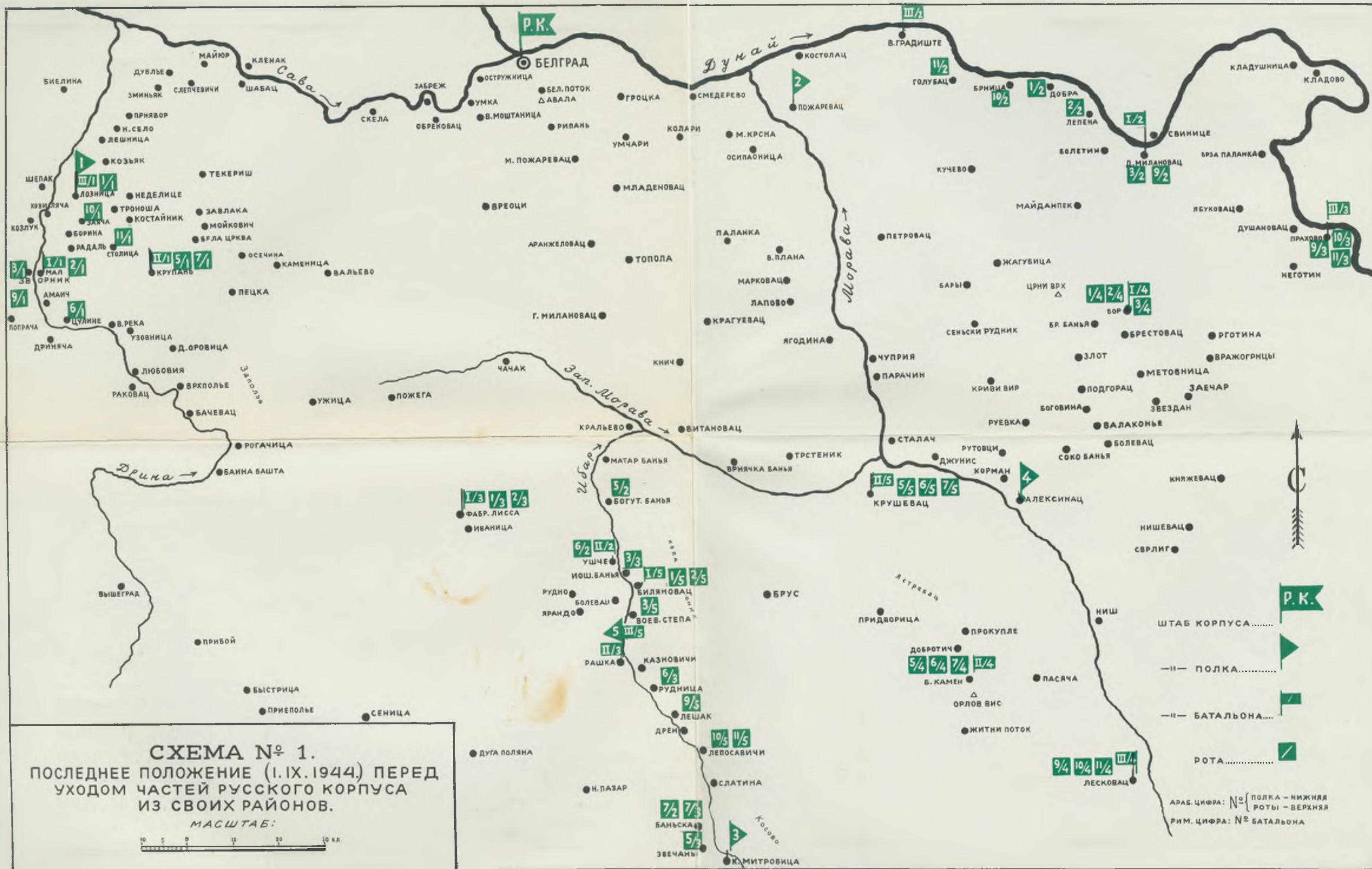
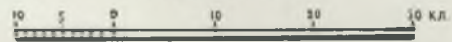

СХЕМА № 1.
 ПОСЛЕДНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ (I.IX.1944) ПЕРЕД
 УХОДОМ ЧАСТЕЙ РУССКОГО КОРПУСА
 ИЗ СВОИХ РАЙОНОВ.

МАСШТАБ:

АРАБ. ЦИФРА: № { ПОЛКА - НИЖНЯЯ
 РОТЫ - ВЕРХНЯЯ
 РИМ. ЦИФРА: № БАТАЛЬОНА

